

Говард Лински

Правда скрывается

ПО ТУ
СТОРОНУ
СМЕРТИ

ТАИНСТВЕННАЯ ЖЕРТВА

Обнаружен труп, чью личность скрыли немисливо шокирующим способом. Детектив Йен Брэдшоу не может поймать убийцу, если никому не удастся определить личность жертвы. Где-то там пропавшая молодая женщина может знать ответы.

СЕКРЕТНАЯ СЕТЬ

Журналист Хелен Нортон готовится раскрыть обширный преступный заговор. Ей лишше нужен последний кусочек пазла. Вскоре она узнает цену правды.

«НЕВИНОВНЫЙ» УБИЙЦА

Автор криминальных романов Том Карни получает письмо от осужденного убийцы, который настаивает, что он невиновен. Его доводы убедительны, но психопаты известны своим обаянием...

ЧТО ЗА ТЕМНАЯ ИСТОРИЯ ОБЪЕДИНЯЕТ ВСЕ ЭТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Говард Лински
По ту сторону смерти
Констебль Йен Брэдшоу #2

Переводчик: Юлия Вахрамеева

Редактор: Анна Артюхова

Вычитка и оформитель: Маргарита Волкова

Письмо № 3

Вероятно, вы думаете, что я чудовище. Это так?

Может быть, поэтому вы не выходите на связь. Вы прочитали ужасные вещи обо мне, Том? Услышали истории, которые возмутили вас? Все это ложь.

Конечно, я совершал плохие вещи, а кто нет? Никто из нас не является святым. Давайте не будем делать вид, что мы такие. Я знаю, что единственная вещь, которую вы понимаете — человеческая слабость, Том. Мне пришлось ответить за свои проступки, и я понес очень суровое наказание за них, но, могу заверить вас, что я никогда никого не убивал.

Вы поверили яду, который капает с пера этих так называемых репортеров? Они не заинтересованы в правде, ни один из них. Они проводят свои жизни, роясь в мусоре других людей в поисках грязи, переворачивают камни, чтобы посмотреть, что оттуда выползет. И эти люди осмелились давать мне прозвища.

Леди-Киллер.

Они не дали мне и шанса.

Пожалуйста, навестите меня. Я бы нанес визит вам, но, очевидно, что мне не разрешат этого. Если бы мы встретились лицом к лицу, я уверен, что я смог бы убедить вас, что я не тот человек, которым они меня считают. Если вы сможете посмотреть мне в глаза и продолжить верить, что я способен на такую жестокость, тогда я обещаю, я не стану винить вас за то, что вы оставили меня здесь.

Думаю, что вы искатель правды, Том, но вовсе не кажетесь заинтересованным в моей правде. Это разочаровывает.

Вы — моя последняя и единственная надежда, Том Карни. Пожалуйста, ПЕРЕСТАНЬТЕ игнорировать меня.

Ваш, в надежде и ожидании,

Ричард Белл.

Глава 1

1995 год

У Тома Карни выдался очень плохой день. Может, дело было в новых дверцах кухонного шкафчика, которые отказывались висеть прямо, или в водонагревателе на последнем издыхании, или, вероятно, в письме от осужденного убийцы.

Нет, дело, определенно, было в водонагревателе.

Он совсем недавно приобрел дом, но казалось, что сломалась практически каждая часть неисправного котла, ее заменили по огромной цене, только чтобы другая его деталь не выдержала нагрузки и перестала функционировать. Ему стоило приобрести новый бойлер, когда он купил эту скрипучую старую халупу, но тогда у него был ограниченный бюджет, а к сегодняшнему дню он практически исчерпал себя, так что он решил ради фальшивой экономии заменять детали по одной, вместо того, чтобы купить их сразу. Как же он сожалел теперь об этом решении, когда стоял и крутил трубы гаечным ключом, в попытке вернуть древнюю штуковину обратно к жизни. Том выдохнул, выругался и с сожалением посмотрел на холодный как камень резервуар для воды. Дело дошло до того, что персонально адресованное письмо от человека, который избил кого-то до смерти молотком, было

наименьшей из его забот.

Он спустился вниз по лестнице и сделал новую попытку дозвониться до водопроводчика, но парень не брал трубку. Если события пойдут их привычным курсом, Том оставит несколько сообщений, прежде чем водопроводчик, в конце концов, ему перезвонит. Затем мастер может неохотно предложить «впихнуть» его в конец своей рабочей недели. Если Тому очень повезет, парень сможет прийти сегодня, но он знал, что этого не произойдет.

Том оставил сообщение, а затем взял письмо со столика в холле. Слова «ЛИЧНО В РУКИ ТОМУ КАРНИ» были нацарапаны маркером на конверте большими печатными буквами над адресом, написанным шариковой ручкой. Было неприятно осознавать, что один из довольно малого числа людей, которые знали, где теперь живет Том, был убийцей.

Ради внимания Тома Карни? Почему не какого-то другого репортера? Того, кто, на самом деле, все еще занимается журналистикой, а не такому сумасшедшему, который повернулся спиной ко всей чертовой профессии, чтобы вбухать все, что осталось от его денег, на ремонт, улетающий в трубу. То было третье письмо, которое он получил от Ричарда Белла. Том прочитал, а затем старательно проигнорировал предыдущие два, надеясь, что один из самых известных убийц северо-востока, в конце концов, устанет писать ему, но, как и его жертва, Том, определенно, недооценил решимость убийцы.

Белл был радикальным мужчиной, но был ли он психопатом? Он перечитал письмо еще раз, исследуя почерк на наличие признаков сумасшествия, но это не была какая-то бессвязная, полубезумная обличительная речь, нацарапанная цветным карандашом и вдохновленная демоническими голосами. В нем чувствовалась злость, невозможно было отрицать определенный уровень недовольства, что Том так и не связался с ним, но на этом все. Обратившись к Тому, Белл, предположительно, чувствовал боль отверженности. Почерк на странице был достаточно аккуратным и ровным. Том задумался, была ли это та же самая рука, которая многократно обрушивала молоток на беззащитный женский череп, пока та не умерла на переднем сидении своей собственной машины? Жюри присяжных именно так и считало, даже судья сказал Беллу, что он чудовище. Том вспомнил подробности дела, которое занимало первые полосы на протяжении многих дней несколько лет назад. Был ли Ричард Белл безумцем, или он на самом деле был невиновным человеком: последним в длинном списке ошибок правосудия в британской юридической системе, дискредитированной одним скандалом за другим?

Том отнес письмо в гостиную, если ее еще можно было так назвать: там был порванный ковер и повсюду разбросаны инструменты. Он сел в кресло и прочитал письмо еще раз. Послание Ричарда Белла во всех трех сообщениях было постоянным и четким. Он не был сумасшедшим и не был плохим человеком. Он не убивал свою любовницу. Кто-то другой сделал это, и он все еще на свободе.

Глава 2

Сержант Йен Брэдшоу смотрел на лицо женщины и задавался вопросом, как она выглядела. Она была хорошенькой? Он не мог сказать по этой фотографии. Никто бы не смог. Кто-то потрудился над ее лицом на славу.

Все зубы женщины были вырваны плоскогубцами, а плоть на ее лице сожжена сильной кислотой, скорее всего, серной, в количестве, достаточном для того, чтобы сжечь губы, нос, веки и плоть со щек, оставляя лишенную цвета кожу, которая выглядела так, будто была частью расплавленного воскового манекена. В финальном зверском акте кончики ее

пальцев были срезаны плоскогубцами, чтобы нельзя было снять отпечатки.

К счастью, эти ужасающие повреждения были нанесены после смерти. Согласно отчету, причиной смерти стало удушение какой-то проволокой. Жертва не знала, что с ней сделали, чтобы стереть ее личность. Это может быть небольшим утешением для ее семьи, но, так как, вероятно, они никогда не смогут идентифицировать тело, нахождение семьи будет маловероятной перспективой. При отсутствии зубов, им пришлось прибегнуть к научному анализу костей, чтобы определить приблизительный возраст трупа, который оценивался в интервал между пятнадцатью и девятнадцатью годами, согласно экспертам. Все это определили по количеству хрящевой ткани, присутствующей в суставах, которая преобразуется в кости по мере роста тела. Труп еще не достиг полной зрелости, так что они пытались определить личность относительно молодой женщины.

Тело нашли три месяца назад, после сообщения о незаконных действиях на свалке, подозревалась связь с некоторыми теневыми «бизнесменами» региона. Выехавшие туда офицеры надеялись найти наркотики или деньги, но полагали, что, скорее всего им придется довольствоваться краденными вещами или, вероятно, обнаружить угнанную машину, ждущую, когда ее раздавит пресс. Они не ожидали обнаружить тело. И уж, определенно, не были готовы найти такое, у которого отсутствовало лицо.

Предсказуемо, что парень, заправлявший свалкой, клялся, что ничего не знал о теле, найденном на задворках его территории. Место было обширной пустошью за городом, заваленное грудями машин, так что куча мертвых тел могла быть спрятана в одном из его самых непролазных закутков так, что никто бы их не заметил. Они все равно тщательно допросили парня.

Он не имел понятия, почему кто-то выкинул тело на его свалке.

Его не просили спрятать его.

Он не догадывался о личности трупа, как и не тусовался с известными преступниками.

Конечно же, никто ему не поверил. Натан Коннор был изворотливым и бездумным неудачником с мелким криминальным прошлым, предположительно, получивший охрану этой свалки по тем же самым причинам. Он делал так, как ему говорили, не задавая вопросов, но был ли он на самом деле убийцей? Это казалось маловероятным, и, кроме того факта, что он присматривал за свалкой, куда выбросили тело, ничто не связывало его с убийством.

Попытки отследить его работодателя оказались тщетными. Им удалось опросить одного мужчину, которого описывали как владельца, но при допросе в полицейском участке, он не мог вспомнить практически ничего об этом месте. Это было незадолго до того, как он перестал быть нужным в качестве номинального главы, чье имя было на дверях и документах, подтверждающих право собственности, но который не принимал реального участия в повседневном управлении предприятием. Это было идеально для отмывания денег и избавления реальными владельцами от неловких предметов, таких как тело. Детективы отказались от попыток добиться чего-то большего от этих мужчин, и они были выпущены под залог. Угроза длительного тюремного заключения была не столь пугающей перспективой, как донесение в полицию на того, кто действительно владел этой свалкой.

Обычно старшие детективы Даремской констебулярии соперничали друг с другом в делах об убийстве. Они были редки в этих краях, и их успешное раскрытие было еще одним пером на шляпе, которое могло, в конечном счете, привести к повышению. Однако неопознанная жертва означала, что обычный энтузиазм по поводу убийства отсутствовал.

Суперинтендант возложил ответственность за это дело на инспектора Кейт Теннант, недавно получившую повышение по службе и переведенную к ним в участок. Она была единственной женщиной детективом в ранге выше, чем констебль. Она была также достаточно умна, чтобы понять, что на нее повесили «глухарь». Ничто за прошедшие месяцы не изменило мнения Теннант, хотя она неуклонно поддерживала внешнюю видимость веры, что ее команда, включающая и сержанта Брэдшоу, в конечном итоге раскроет дело. По ходу следствия они провели для галочки, казалось бы, бесконечное количество проверок за более чем три месяца, не получив ни одной надежной зацепки.

«Как они могли надеяться раскрыть это убийство», — думал Брэдшоу в сотый раз, — «если не было свидетелей, ничего из обычных публичных обращений, ноль сведений из источников в криминальном мире, и они даже не могли определить личность жертвы?»

— Чем ты занимаешься?

Он не заметил приближения констебля Мэлоун, пока она не встала у него за плечом. Он видел, что она была обеспокоена, обнаружив, что он рассматривает изображения *выжженной девушки*, как они ее прозвали.

— Рассматриваю ее фотографии.

Он сознательно употребил слово «ее».

— Зачем ты на них смотришь?

Брэдшоу знал, что констебль Мэлоун подумала, что он просто отвратителен.

— Чтобы напоминать себе, — сказал он, наконец, рассматривая почерневшую кожу на лишившемся формы лице, — что она была человеком.

Письмо № 1

Вы не знаете меня, Том, но я подозреваю, что слышали мое имя. Полагаю, что я обрел дурную славу из-за того, чего не совершал. Как иронично. Я не убивал свою любовницу, и думаю, что вы можете помочь мне доказать это.

Два года назад я был осужден за убийство Ребекки Холт — женщины, с которой я встречался. Мы оба были женаты, поэтому, когда полиция сказала мне, что ее избили до смерти, я запаниковал и сказал, что мы были просто друзьями. С тех пор я глубоко сожалею об этой лжи, потому что ее использовали, чтобы дискредитировать меня. Я солгал, так, значит, соврал обо всем остальном, или так утверждает история.

Однако против меня не было никаких реальных доказательств. Я был арестован офицерами полиции, которые были слишком ленивыми, чтобы искать другого подозреваемого. Меня привлекли к ответственности королевская уголовная прокуратура, которая думала, что мотив — это все, что нужно. Мое имя очернили журналисты, завидующие моему успеху у женщин, и я был осужден присяжными, которые хотели наказать меня за мой образ жизни.

Я прочитал вашу последнюю книгу, «Стук смерти», и был очень впечатлен. Вы раскрыли тайну шестидесятилетней давности, которая озадачила всех остальных, и это дало мне надежду. Последнее время у меня ее не так много.

Навестите меня в тюрьме Дарема. Вы живете за углом. Едва ли, что-то из того, что имело место быть, попало в газету, а что попало — ложь. Я могу дать вам кое-что, чего не было у других писателей: доступа к истине. Все, что я прошу взамен — сохраните беспристрастность.

Искренне Ваш,

Ричард Белл

Глава 3

Радио было включено, оно всегда едва сильно шумело помехами в машине Тома, если только не было настроено на конкретную местную станцию, которая играла только ориентированный на взрослых рок. Пока Том ехал, «Форејнер» (*прим.: американская рок-группа, созданная в 1976 году*) громко умолял объяснить, что такое любовь.

После жизнерадостной музыкальной заставки прозвучал манерный североатлантический голос местного диджея, который звучал наполовину, как у жителя Джорди, наполовину с американским акцентом. Диджей начал зачитывать серию местных событий, которые «ждут тебя в эти выходные». Том вполуха прислушивался к предсказуемому прогнозу погоды на осень: *облачно и пасмурно, прохладно, высокая вероятность дождя*, затем сводка по пробкам объяснила, почему он едва двигался: дорожные работы в городском центре Дарема. Изменение интонации голоса ведущего ток-шоу привлекло его внимание.

— Нашего следующего гостя вы хорошо знаете в нашем шоу, — торжественно объявил он. — Хорошо известный в регионе до того, как ушел в отставку с поста главы городского совета Ньюкасла в этом году, советник Фрэнк Джарвис твердо отодвинул политику на задний план, чтобы принять участие в очень личном поиске, и он здесь сегодня, чтобы рассказать нам об этом.

Ведущий радио умолк.

— Фрэнк, тепло приветствуем от лица всех присутствующих. Спасибо, что пришли.

— Спасибо, что пригласили меня, Джон.

— Расскажите нам, почему вы пришли в студию?

— Я ищу свою дочь.

Советник говорил медленно, будто пытался совладать с эмоциями.

Том, может, больше и не был журналистом, но он все еще испытывал информационный голод и вспомнил, что читал что-то о политике в Ньюкасле, который переживал из-за своей дочери подростка. Том также знал кое-что и о Фрэнке Джарвисе. Мужчина был в каком-то роде смутяном, старомодным оппозиционером, выступающим против крупных бизнесов и за сдерживание городского развития, что выделяло его среди модернистов его партии.

— Ваша дочь, Сандра? — мягко направил разговор ведущий ток-шоу, будто уговаривая своего гостя рассказать о деталях. — Той, что девятнадцать лет?

— Верно.

— И она уже какое-то время назад пропала?

— Восемь месяцев назад, — ровно ответил политик.

Это плохо. Если ее до сих пор не нашли, в лучшем случае, можно предположить, что она не хочет быть найденной. О худшем сценарии лучше не думать. Том не питал особой надежды в отношении Сандры и ее бедного отца.

Ведущий радио сочувственно вздохнул по поводу бедственного положения советника.

— Должно быть, вам и вашей семье невыносимо тяжело сейчас?

— Так и есть, — произнес Джарвис, — это ужасное время для меня и моей жены Элзи. Не знаю, что сказать...

Затем он, казалось, вздрогнул, и на мгновение повисла тишина. Мертвая тишина в эфире затянулась, и Том понял, что внимательно прислушивается, ожидая, когда мужчина заговорит снова.

— Не спешите, Фрэнк, — сказал ведущий бывшему советнику, но на самом деле

подталкивал его произнести следующую фразу.

— Извините.

Сердце Тома сжалось из-за бедного мужчины. Политик, лишившийся дара речи? Это было бы смешно, если бы не произошла такая трагедия.

— Все хорошо, мы все понимаем, через что вы проходите сейчас, — заверил его ведущий.

«Откуда», — подумал Том.

— Может, вы опишете нам ее?

Последовала еще одна пауза, пока Джарвис пытался подобрать слова.

— Сандра ростом сто шестьдесят пять сантиметров, у нее длинные светлые волосы. Когда ее последний раз видели, она была одета в джинсы и голубую рубашку, белые кроссовки и темно-коричневое пальто.

— Так почему бы вам не рассказать нам, своими словами, что произошло в тот день, когда она пропала?

— Моя дочь сказала нам, что собирается погулять с друзьями, — начал он. — Она училась на втором семестре первого курса в университете Дарема и была у нас дома в Ньюкасле во время недели подготовки к экзаменам. Мы подумали, что она осталась у подруги, и ждали, что дочь вернется домой на следующий день, но она так и не появилась.

Когда он сказал это, Том явственно почувствовал сомнение в его голосе, даже по прошествии такого времени.

— Как вы думаете, что произошло с Сандрой?

— Мы не знаем, — признался Джарвис, — мы просто не знаем. Оказалось, что она не оставалась у подруги, и никто из ее знакомых не видел Сандру уже пару дней до того, как она исчезла, но говорят, что ее несколько раз видели в городе в этот период.

— И когда в последний раз кто-либо видел вашу дочь?

— Это было восемнадцатого февраля, когда она покупала билет на поезд на центральной станции Ньюкасла.

— У вас есть предположения, куда она поехала? — спросил ведущий.

— Нет, — признался Джарвис.

— И, как я понимаю, у нее не было особых причин сбежать? У нее были какие-то проблемы?

— Ни одной, — ответил он, и голос Джарвиса снова показался удивленным, — ничего, никаких причин. Сандра всегда была счастливой девушкой, у которой не было причин сбежать из дома. У нее не было никаких бед.

— У нее не будет никаких проблем. Мы просто хотим, чтобы она вернулась домой, — быстро он добавил после.

— Полиция провела расследование и не нашла никаких зацепок? — спросил диджей. — Даже спустя восемь месяцев?

— Мы не можем винить полицию. Они сделали все, что могли: поговорили с дюжинами людей об исчезновении моей дочери и держали нас в курсе дела.

— И все же больше никто не видел Сандру с того дня, как она села на поезд в Ньюкасле?

— Было множество сообщений об этом, — поправил Джарвис ведущего, — по всей стране, но у нас нет возможности узнать, подлинны ли они. Мы просто надеемся и молимся, что она в безопасности и однажды вернется к нам.

— Это сложный вопрос, Фрэнк, но я знаю, что вы хотите предоставить нам как можно больше информации.

Он сделал паузу.

— Мог ли кто-то похитить Сандру, и могут ли они, по всей видимости, удерживать ее против воли?

Том предположил, что вопрос был предварительно оговорен.

— Это возможно, — согласился Джарвис. — Сандра не из тех девушек, которые просто сбегают, так что полиция говорит, что не может ничего исключить. Если кто-то что-то знает, что-либо, пожалуйста, дайте о себе знать и помогите найти мою дочь.

Он прочистил горло еще раз.

— Пока этот день не пришел, я буду продолжать кампанию по поиску Сандры, — и он продолжил, сообщив адрес горячей линии.

— Какой человек Сандра, Фрэнк? — спросил ведущий радио, когда тот закончил называть цифры.

— Сандра добрая и любящая душа, которая может осветить любое помещение. Она очень умная, чем бы она ни занималась, везде добивается успехов, но она заботливая, и у нее много друзей. Она всем помогает, абсолютно всем. Она — наш мир, — заключил он, — и я не знаю, как нам жить без нее.

— И, если, так вышло, что она сейчас слушает...?

— Тогда я скажу: пожалуйста, выйди на связь, Сандра. Ты можешь позвонить домой или на эту станцию или в ближайший полицейский участок, но, пожалуйста, дай нам знать, что ты в безопасности. Мы не злимся, не расстраиваемся. Мы просто хотим, чтобы ты вернулась домой.

— Фрэнк Джарвис, — голос ведущего радио показался в этот раз искренне тронутым, — огромное спасибо, что пришли на наше шоу сегодня и что были достаточно храбры, чтобы говорить о своей дочери. Если есть кто-то, кто знает что-либо об исчезновении Сандры Джарвис, пожалуйста, позвоните нам.

Глава 4

Хелен Нортон ворвалась в ресторан, делая вид, что спешит. Для полной картинki она прижала позаимствованный мобильный телефон к уху. Запаниковавший официант запоздало понял, что привлекательная молодая женщина тогда попыталась провести Хелен к столу, который он выбрал, но она села раньше, чем он смог добраться до нее, будто устала от утреннего заключения важных бизнес-сделок. Хелен разыграла целую сценку из того, что положила свою сумку на стол, открыла ее одной рукой и вытащила ручку и блокнот, все время бормоча «Да... да... ага... хорошо» воображаемому человеку на другом конце линии, записывая выдуманные записи из ее телефонного звонка. Она хотела, чтобы ее было невозможно согнать с места.

Когда официант настиг ее, она сказала в трубку «Минуточку» грубоватым тоном, который, как она надеялась, отпугнет его.

Она отодвинула телефон от уха и уверенно произнесла:

— Греческий салат и большой бокал белого вина, — а затем добавила: — *все, что угодно*, но не Шардоне. Я кое-кого жду, — бросила она, а затем вернулась к своему притворному звонку, в то время как официант скрылся, чтобы принести ее заказ.

Обычно Хелен и во сне бы не приснилось говорить с кем-то в таком повелительном тоне, но сегодня она была кое-кем другим. Хелен Нортон работала под прикрытием и вела

себя по наводке, которая, она молилась, была надежной. Ее стол был тщательно выбран, потому что оттуда был обзор на бар и входную дверь ресторана, но, самое важное, также и на неприметную часть комнаты, так любимую Аланом Кэмфилдом.

Слова внизу анонимного сообщения, присланного в ее газету, были предельно ясными: «Кэмфилд встречается с тем, с кем не должен».

Хелен заказала самое дешевое, что было в меню, но все еще чувствовала, что у нее закружится голова, когда она получит счет от одного из самых неприлично дорогих ресторанов Ньюкасла. Она надеялась, что ее редактор возместит ей расходы, но знала, что ей придется написать отличный материал, чтобы их оправдать. Хелен теперь работала на «ежедневник», а не на «еженедельник», но газета не была богатой.

Ее рука слегка дрожала, когда она сняла шарф и положила его на стол. Девушка потянулась внутрь сумочки и медленно извлекла крошечную камеру: еще один дорогостоящий предмет, позаимствованный по случаю. Она расположила камеру так, чтобы та снимала стол Кэмфилда, но была скрыта ее шарфом. Затем, она сделала вид, что уронила ручку на пол и низко наклонилась, чтобы подобрать ее. Когда она вновь подняла голову, то мельком посмотрела в камеру, приподняла шарф на четверть дюйма, чтобы подправить угол и выровнять кадр. Удовлетворенная, журналистка выпрямилась и снова спрятала камеру под шарфом.

Вино Хелен прибыло в огромном тяжелом хрустальном бокале. Когда Алан Кэмфилд вошел в двери, она делала глоток.

Исполнительный директор, председатель и главный акционер «Кэмфилд Офшор» был редкой историей успеха на северо-востоке, главой бизнеса, который фактически расширялся, в то время как производственная база региона тревожно сокращалась, благодаря конкуренции с дешевыми иностранными импортерами и безразличному правительству, которое всегда отдавало предпочтение свободному рынку.

Кэмфилд противостоял тренду, имея интересы в различных сферах и империю, построенную на взятые в заем деньги под низкие проценты, а также благодаря тому, что иногда называли предпринимательской жилкой. Он был застройщиком с заявленной миссией, которая обещала реализацию максимального потенциала для земель с низким коэффициентом использования, зачастую заброшенных земель на севере, но у его бизнеса было множество подразделений. Также была ветвь «предоставления услуг», которая участвовала в тендерах за государственные контракты в расширяющемся частном секторе. Оказываемые услуги включали уход за больными и пожилыми людьми, плюс организацию общественного питания в госпиталях, тюрьмах и больших рабочих столовых.

У Хелен было свое мнение о деловой хватке Алана Кэмфилда. Казалось, ему удалось сколотить значительное состояние в несколько сотен миллионов фунтов, воспользовавшись несчастьями других людей. Если бы совет, особенно северный совет, получил бы недостаточное для функционирования финансирование от центрального правительства, тогда Кэмфилд любезно бы вмешался и всех спас, забрав сотрудников и активы из балансовой ведомости совета. Затем он бы «упразднил» этот «неэффективный» бизнес, что на практике означало избавление от ряда сотрудников, в то время как оставшиеся, которые отчаянно цеплялись за свою работу, были бы вынуждены подписать новые контракты с меньшим количеством прав и льгот: чтобы обеспечить «гибкие» методы работы. В резко усеченном виде, эта новая дочерняя компания затем предоставит минимальный набор услуг зависящим от совета людям, которые зачастую были самыми уязвимыми членами общества,

так что их жалобы проигнорируют. Каким-то образом, этому новому, экономичному и эффективному бизнесу удастся ворочать крупной прибылью, выплачивая своим сотрудникам минимально возможную заработную плату за «неквалифицированный» труд. Насколько могла судить Хелен, ни те люди, что предоставляют услуги, ни те, кто от них зависит, не получают выгоды от приватизации. Единственный, кто выигрывает от новых методов ведения дел — Алан Кэмфилд.

Хелен листала экземпляр «Татлер» первый и единственный раз в своей жизни, время от времени бросая украдкой взгляды на миллионера, который хмурился, смотря в меню, будто оно ему совсем не нравилось. На данный момент, второй интересующий ее человек, к счастью, вошел в ресторан. Раболепный метрдотель лично проводил Джо Линча, главу городского совета Ньюкасла, к столу Кэмфилда, нашептывая банальности, как приятно того снова видеть.

«Это уж слишком в отношении демократически избранного представителя рабочего класса», — подумала Хелен.

Советник Линч занял место напротив Алана Кэмфилда, и они начали тихо разговаривать друг с другом. Хелен была недостаточно близко, чтобы слышать их, но поступившая ей наводка была верной. Глава совета, который мог направить мнение совета в любом направлении по поводу предстоящего тендера на недвижимость в Риверсайде, сделки по консервативной оценке, которая будет стоить сотни миллионов долларов успешному бизнесу, потчевался дорогим ужином с одним из главных покупателей. Только один этот факт, упомянутый в ее статье, будет достаточным, чтобы вызвать ужас. Читатели, несомненно, станут задаваться вопросом, что еще советник Линч может получать от Алана Кэмфилда в обмен на его влияние.

Хелен убедилась, что официанты заняты, и приподняла кончик шарфа одной рукой и активировала камеру другой. Звук, издаваемый затвором, не мог быть услышан дальше пределов ее стола, но она подождала мгновение, чтобы посмотреть среагирует ли на него один из мужчин. Когда они не показали никаких признаков осведомленности, она повторила маневр еще раз.

— Попался, — тихо прошептала она себе под нос.

В этот момент входная дверь ресторана резко распахнулась, и раздался громкий стук, когда она врезалась в стену. Человек, распахнувший ее, выглядел озадаченным, будто не осознавал своей собственной силы — что было вполне вероятно, судя по его массе. Вместе с большинством обедающих, Хелен посмотрела в сторону шума и была шокирована тем, что увидела. Она никогда не встречала этого мужчину прежде, но она сразу же его узнала. Метрдотель быстро ушел с его дороги, а официант позволил мужчине пройти, не сказав ни слова. Почти все в ресторане узнали новоприбывшего или слышали о его деяниях. Он был самым опасным человеком в городе и направлялся напрямиком к Хелен.

***

Фотографии последней партии пропавших людей покрывали всю поверхность стола Йена Брэдшоу в штабе, расположенные аккуратными рядами слева направо. Более дюжины лиц смотрели на него, а он смотрел на них, не слыша звуков от его коллег, занимающихся своими делами: звона телефонов, стука по клавиатуре при подготовке нового отчета, смеха из-за привычного офисного подшучивания. Йен Брэдшоу абсолютно не замечал ничего из этого.

Он уже изучил все случаи сообщений о каждой женщине, пропавшей на северо-востоке

Англии, даже датируемые несколькими годами ранее того, как нашли труп обожженной девушки, но не обнаружил ничего, что связывало с ней любое из них. Как и Том, он слушал радио в своей машине, когда советник Фрэнк Джарвис умолял поделиться информацией о его пропавшей дочери, и Брэдшоу вспомнил о коротком периоде времени, когда они задавались вопросом, может ли она оказаться обожженной девушкой: теория, которая прожила ровно столько времени, сколько им понадобилось, чтобы сравнить их рост. Сандра Джарвис была почти на четыре дюйма выше обожженной девушки.

Брэдшоу расширил круг поиска и попросил помощи по всей стране, даже хоть он нутром чуял, что эта девушка местная. Эти изображения были отправлены в Северный Йоркшир, и он внимательно прочитал все сообщения, отсеивая их одно за другим. Некоторые пропавшие девушки были слишком невысокими или слишком высокими, некоторых он смог исключить из-за цвета кожи или по другим отличительным признакам, а другие пропали после того, как нашли их жертву. Он начал приходить к неизбежному выводу, что, кем бы она ни была, никто не сообщал об исчезновении обожженной девушки — но, как могла молодая женщина просто так незаметно исчезнуть?

Брэдшоу снова посмотрел на ее фотографию, отмечая про себя каждую отметину и изъян на ее обожженной коже. Он знал, что становится одержимым, но он ничего не мог поделать с собой. Ему было необходимо узнать, кто она. Он прошелся взглядом по границе выжженной плоти на ее лице и шее, где кислота лишила ее личности. Затем он кое-что заметил. Там была крошечное пятно, которое была слегка другого цвета, чем большие пятна на ее лице и шее. Он все еще внимательно вглядывался в него, когда раздавшийся голос инспектора Кейт Теннант вырвал его из частных мыслей.

— Прервитесь на минутку, — громко сказала она, и четыре других члена команды перевели на нее свое внимание.

Отряд Теннант неуклонно сокращался, так как детективов переназначали на более важные дела, ведь теперь прошло уже двенадцать недель с тех пор, как обожженную девушку нашли, и никакого прогресса не наметилось.

— Я знаю, что вы разочарованы, — она казалось, посмотрела на каждого из них по очереди, — это написано у вас на лицах, — никто не возразил при этих словах своего инспектора, — но мы раскроем это дело.

Похоже, настало время для длинной давно назревшей вдохновительной речи.

— Если мы расследуем каждую зацепку, неважно, какой несущественной она может казаться, рано или поздно, подвижки наметятся. Мы получим настоящую, надежную информацию об этой жертве, но только если будем выкладываться по полной программе. Это означает, что мы не должны позволять растущему пессимизму взять верх над нами, — несколько человек промычали что-то в знак согласия, — потому что я не позволю этому делу остаться нераскрытым.

Ее голос звучал слегка отчаянным, по мнению Брэдшоу, и он подозревал, что девушка знала это. Ему всегда хотелось сделать поблажку Кейт Теннант за эту слабость, потому что у этой женщины было мозгов больше, чем у них всех вместе взятых. О женщине инспекторе не было слышно на северо-востоке, пока ее не перевели сюда в ходе перевода, по слухам инициированном высшим руководством, так как они отчаянно хотели заполнить государственную квоту.

— Кто-то сделал невысказанное с бедной девушкой. Почему? Потому что они боятся, — она позволила им переварить услышанное. — Боятся нас и того, что мы можем обнаружить.

Такого не делают с телом, только если оно не часть какой-то большой тайны. Если мы узнаем, кто она, мы будем на полпути к тому, чтобы понять, почему ее убили. Так что не останавливайтесь, — призвала она их.

Она была права, установление личности бедной девушке было ключом к раскрытию всего дела, но они это уже знали. Однако, как они могли это сделать, когда у них не было ничего, чтобы отличить обожженную девушку от других?

Она была пустым холстом.

Почти.

Йен Брэдшоу снова сосредоточился на крошечной области, на фотографии, которая немного отличалась от других, секундой спустя, он поднялся со своего места и натянул куртку. Брэдшоу вышел оттуда прежде, чем кто-либо успел спросить, куда он пошел.

***

Хелен беспомощно наблюдала, как Джимми Маккри шел к ней. Самый печальный известный гангстер в Ньюкасле должно быть был как-то связан с этим. Было бы слишком большим совпадением, что он вошел в ресторан в то же время, как там оказался Алан Кэмфилд и Джо Линч. Неужели он как-то заметил камеру, выглядывающую из-под шарфа Хелен, и собирался отобрать ее, забирая все улики с собой? Она разрывалась между тем, чтобы оставить камеру на столе под шарфом и попытаться сделать вид, что ее там нет, и почти непреодолимым желанием схватить ее и убежать из ресторана, но как она могла сделать это, когда крупный мужчина оказался между ней и входной дверью?

Джимми Маккри должно быть был ростом не менее ста девяноста трех сантиметров, обладал широкой грудью и таким телосложением, которое появляется только от бесконечного подъема железа. Отсутствие волос на его круглой голове, казалось, только подчеркивало две темные брови, насупленные над грозными глазами, которые смотрели прямо на нее. Когда он подошел к ней, Хелен поняла, что затаила дыхание.

А затем он ушел. В тот момент, когда он подошел к ее столу, он прошел мимо него без слов, направляясь прямо к советнику и бизнесмену. В течение краткого момента, она представила, как он вытаскивает пистолет и стреляет в них обоих, будто она внезапно стала частью какого-то американского гангстерского фильма, но вместо этого он кивнул в знак приветствия, а затем выдвинул стул и сел между ними. По какой-то причине, ни один из мужчин не посчитал присутствие известного преступника за своим столом тревожным.

Джимми Маккри прислонился спиной к стене, что выглядело как инстинктивное движение, чтобы не поворачиваться к ней к улице, но это означало также, что он смотрел прямо на камеру Хелен. Только когда они полностью погрузились в разговор, она медленно и неуверенно потянулась рукой и скользнула под шарф. Мизинцем левой руки она слегка приподняла материал, чтобы приоткрыть линзу, а затем указательным пальцем нажала на затвор. Она повторила процесс еще дважды, чтобы убедиться, что у нее был идеальный кадр.

Когда Хелен делала третий снимок, она рискнула бросить косой взгляд на их столик и поняла, что Джимми Маккри уставился прямо на нее. Выражение его лица говорило ей с всем, что ей нужно было знать. Он точно знал, чем она занимается.

Маккри сказал что-то остальным мужчинам, и они повернулись, чтобы посмотреть на Хелен. Она начала подниматься со своего места. Это послужило Маккри сигналом, чтобы тоже встать. Она знала, что он настигнет ее прежде, чем ей удастся сбежать. Он начал обходить стол по кругу, и она лихорадочно собирала свои вещи, чтобы сунуть их в сумку, но это было бесполезно. Он пересечет комнату в считанные секунды.

Тогда Хелен подвернулся счастливый случай. Прежде чем она смогла покинуть свое место, метрдотель начал проходить мимо нее с другим мужчиной, который нес на подносе большое серебряное ведро со льдом, в котором под наклоном лежала бутылка шампанского. Официанты устроили шоу из подношения его мужчинам за столом, но, суетясь и беспокоясь по поводу расположения ведра, и приступив к сложному процессу откупоривания шампанского, они по неосторожности заблокировали путь Маккри. В глазах Маккри отобразилось недовольство и гнев. Хелен не сомневалась, что, если бы они были где-нибудь в другом месте, а не в очень модном ресторане, официанта с вином оттолкнули бы в сторону, чтобы мужчина мог до нее добраться.

Когда Хелен засовывала вещи в сумочку, Алан Кэмфилд спокойно говорил с метрдотелем и показывал на Хелен. В спешке, она уронила позаимствованный телефон, и ей пришлось быстро наклониться, чтобы поднять его.

— Мисс, — позвал метрдотель, когда она поднималась вверх. — Мисс, — позвал он снова, в этот раз громче.

Каким-то образом ему удалось заставить это слово прозвучать зловеще в таком благородном окружении.

Она ударила головой об стол, когда вставала и бросила телефон и камеру в сумочку, одновременно с этим хватая кошелек.

— Мисс, не могли бы вы, пожалуйста...

Он шел к ней, протискиваясь через узкие проходы между столами, алчность ресторана, который заставил место максимальным количеством столов, сыграла ей на руку. Она выхватила банкноты из кошелька, которые более чем покрывали стоимость ее еды, и бросила их на стол, затем направилась к двери, все еще с большим отрывом от метрдотеля.

Ей почти удалось сделать это, когда другой официант шагнул перед ней, мгновенно блокируя ей путь к побегу.

— Простите меня, мисс, — сказал он и поднял руки.

— Все в порядке, — быстро сказала она, — мои деньги на столе, но мне пора идти.

Но официант, должно быть, получил сигнал от метрдотеля и отказался уходить с ее дороги.

— Простите, — уверенно сказала она.

Он протянул руку и прикоснулся к ее руке, поначалу слегка, а затем его хватка начала усиливаться. Хелен оказалась в ловушке.

— Не трогайте меня! — инстинктивно закричала она на официанта, и все головы мгновенно повернулись в их сторону. — Как вы смеете хватать меня!

Официант покраснел, быстро отступая назад, будто она только что ударила его по лицу.

Увидев в этом свою возможность, Хелен промаршировала к двери, бросив напоследок через плечо единственное слово «Отвратительно!».

Она толкнула дверь и выскочила через нее. Как только Хелен вышла из дверей, она побежала. Она быстро пересекла улицу, не оглядываясь назад, а затем повернула за угол и затерялась среди толпы покупателей на главной улице.

Письмо № 2

Вас тревожит моя корреспонденция, Том? Дело в этом? Было время, когда я был бы расстроен, получи я письмо от осужденного убийцы, да такого известного. Наверное, мне следовало бы объяснить, как я вас нашел. Это было несложно. Людей достаточно легко

найти. Возможно, вы захотите быть более осторожным в своей работе.

Обычно я не доверяю журналистам, но думаю, что вы другой. Мне нравится ваша работа, я полагаю, что вам удалось выбраться из канавы, и я уважаю это. Вы раскаявшийся грешник, о котором нам постоянно рассказывает наш тюремный священник, Том? Вы могли бы быть.

Моя апелляция приговора была отклонена, потому что нет новых доказательств, чтобы отменить обвинительный приговор, и они не позволят мне обжаловать срок моего приговора. Мой адвокат постоянно говорит мне, что убийство — это убийство, а приговор — это вся жизнь, так что я вынужден признать факты. Они, вероятно, действительно верят, что поймали правильного человека, но они ошибаются. Он все еще где-то там, собирается сделать это снова, и если это не та мысль, которая не дает вам спать по ночам, Том, тогда ей стоит стать ей.

Ваш,

Ричард Белл.

Глава 5

— Что, черт возьми, здесь произошло? — спросил Том.

— Новые владельцы, — произнес бармен в качестве объяснения.

Том рассматривал свой любимый паб, который только что вышел из двухнедельного закрытия на «ремонт». Стены теперь были выкрашены в ярко-оранжевый цвет и покрыты рамочными изображениями автомобилей «кадиллак» и «чевис» шестидесятых годов, которые выглядели совершенно неуместно в Даремской городской пивнушке. Опытный бармен был одет в сомбреро, которое, казалось, двигалось отдельно от него, пока он наливал напитки и раздавал тарелки с закусками.

Том покачал головой.

— Когда я был здесь в последний раз, это было похоже на паб, а не бордель в Аламо.

— Это новая мексиканская тема, идущая с меню. Они установили несколько огромных моделей на улице для того, чтобы держать детей счастливыми. Тиранозавр и стегозавр.

Лицо Бармена подсказало Тому, что он разделяет отвращение молодого человека.

— Но что ты можешь сделать?

Том, который сделал одним из правил в своей жизни никогда не пить в пабе с пластиковым динозавром в саду, собирался сказать, что он может пойти куда-нибудь еще, но бармен уже наливал пинту его любимого горького и поставил ее на стойку перед ним.

— Лучше наслаждайся этим, пока можешь, — пояснил он. — На следующей неделе они вырвут насосы и заменят их на «сервефас».

— Заменят их на что?

— Сервефас, думаю, это по-испански пиво. Мы станем разливать три его вида. Владельцы сказали мне, что это то, чего хотят покупатели в наши дни.

— Этого и пластиковых динозавров? — с сомнением спросил Том. — Они что, мексиканские динозавры?

— Не знаю.

Бармен воспринял этот вопрос всерьез.

«С каких это пор выпивохи стали покупателями?» — подумал Том.

— Они разорятся через год.

Он заметил небольшой аппарат на барной стойке, который раздавал драже, как будто они были существенным дополнением к пинте пива. Но не это стало последней каплей для

Тома. Последней каплей стали перекрашенные туалетные двери, на которых вместо «Леди» и «Джентльмены» стало написано «Сеньоритас» и «Омбрес».

— Через три месяца, — сказал он кисло, глядя на новое меню еды в баре, в котором числились сосиски с соусом чили и фасолевый паштет, а также такос и эмпанадас. — Есть ли хоть какой-нибудь маловероятный шанс получить здесь бургер, который не намазан сальсой или гуакамоле?

— Я свяжусь с кухней.

Он оставил Тома, оплакивать потерю его любимого Даремского кабака. Бармен вернулся и сказал:

— Отлично, шеф-повар сказал, что ты можешь получить бургер без всего, — сказал бармен, когда вернулся.

— Тогда мне бургер без всего.

Том передал деньги.

Пока он ждал свой бургер, то сидел в углу, пытаясь игнорировать беспокойство, которое не давало ему покоя последнее время. О чем он, черт побери, думал, когда покупал этот дом? Тот должен был стать инвестицией, а Том должен был проводить вторую часть дня в поисках «идей по улучшению жилищных условий», но это его больше не интересовало. Вместо этого, он вернулся мыслями к Ричарду Беллу.

Безумец или нет, Белл казался довольно стоек, отрицая свою причастность к убийству. Том знал, что большинство преступников продолжают утверждать, что они невиновны, еще долгое время после вынесения приговора. Это позволяет им лелеять в себе чувство несправедливости, пока в тюремных стенах они работают над апелляцией, но было что-то в словах Белла, отчего они казались правдивыми. Однако Том не был уверен, почему: вероятно, из-за утверждения, что реальный убийца все еще на свободе или, может быть, та часть про то, что Том его последняя надежда, заинтриговала его? Том когда-то знал одну отчаявшуюся пожилую женщину и самолично стал свидетелем, как это повлияло на ее жизнь.

Том нырнул в свою сумку и достал плоды своих утренних трудов, большое количество черно-белых фотокопий статей из архива библиотеки университета: каждая из которых относилась к судебному делу, завершившегося тем, что Ричард Белл получил пожизненное заключение. Он разместил их перед собой аккуратной стопкой на столе и принялся читать.

ИЮЛЬ 20, 1993

ЖИЗНЬ ЖЕРТВЫ УБИЙСТВА ИЗУЧЕНА

Расследование убийства бывшей модели, Ребекки Холт, «сосредоточено на ее запутанной личной жизни», поведал источник в полиции.

Тело Ребекки было найдено в ее машине в местечке в сельской местности в графстве Дарем, излюбленной встречающимися парочками. Ее жестоко избили до смерти.

Ребекка, тридцати лет от роду, была замужем за бизнесменом мультимиллионером с севера, который сколотил состояние в сфере строительства. Холт наслаждался круизом, вскоре после развода после двадцати шести лет брака на своей первой жене, Анжеле, когда он встретил Ребекку, которая работала на корабле певицей кабаре. После периода головокружительного ухаживания они поженились. Сосед пары, который пожелал оставаться неизвестным, сказал: *«Фрэдди часто отлучался по делам бизнеса. Должно быть, Ребекке было очень одиноко одной в таком большом доме».*

Полиция прорабатывает версию, согласно которой миссис Холт могла планировать

встретиться с кем-то на Лоунли Лейн в день нападения.

«Мы бы хотели поговорить с кем-то, кто может иметь информацию относительно личной жизни миссис Холт», — сказал главный инспектор Кейн, ведущий расследование. — «Если вы должны были встретиться с миссис Холт или знаете того, кто должен был, пожалуйста, выйдите на связь, чтобы мы могли исключить вас из нашего расследования».

Полиция уже опросила нескольких мужчин, которых знала Ребекка Холт. Получивший вопрос о том, мог ли на миссис Холт напасть незнакомец, старший инспектор Кейн ответил: *«Мы не можем исключить ничего на данном этапе расследования. Расследование обстоятельств дела продолжается».*

28 ИЮЛЯ, 1993

МУЖЧИНА АРЕСТОВАН ЗА УБИЙСТВО НА ЛОУНЛИ ЛЕЙН

Мужчина был арестован по подозрению в убийстве Ребекки Холт. Тридцатидвухлетний мужчина, которого не называют, подозревается в том, что он знал ее близко, согласно источнику в полиции. На данный момент его допрашивают.

30 ИЮЛЯ, 1993

ПОДОЗРЕВАЕМОМУ В УБИЙСТВЕ ВЫНЕСЛИ ОБВИНЕНИЯ

Местный мужчина был обвинен в убийстве Ребекки Холт. Ричард Белл, тридцати двух лет от роду, был знаком с жертвой и является членом того же спортивного клуба. Белл женат и имеет двух маленьких детей. Он был заключен под стражу в ожидании даты судебного разбирательства.

10 ОКТЯБРЯ, 1993

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В УБИЙСТВЕ «ЛЕДИ-КИЛЛЕР» ГОВОРИТ, ЧТО ПРОИЗОШЛА УДИВИТЕЛЬНАЯ БЕСТАКТНОСТЬ МЕЖДУ ЕГО СОБСТВЕННЫМ АДВОКАТОМ И АДВОКАТОМ ЗАЩИТЫ

Долгожданный суд над Ричардом Беллом принял причудливый оборот вчера, когда его собственный адвокат сослался на него как «леди-киллера».

Мартин Никсон сказал жюри, что им, вероятно, не понравится его клиент, но это не означает, что тот виновен в убийстве.

«Ричард Белл привлекательный мужчина, который способен легко очаровывать и, вероятно, использует это преимущество в своем общении с женщинами», — сказал он, а затем добавил, — *«в эпоху ушедшую, мы могли бы посчитать его в некотором смысле «леди-киллером».*

При этих словах публика ахнула, и адвокат защиты тот час же добавил: «хоть очевидно, что и не в буквальном смысле». Ричард Белл бесстрастно наблюдал со скамьи подсудимых за вступительным словом своего адвоката.

Белл обвинялся в убийстве своей любовницы Ребекки Холт, которая была найдена мертвой в собственной машине, припаркованной на печально известной тропе в сельской местности графства Дарем. Полиция сказала, что она была жестоко избита тупым инструментом, вероятно, гвоздодером, в ходе того, что описали, как исступленная атака.

Белл, тридцати двух лет от роду, первоначально солгал полиции об их интрижке, но, при допросе, позже признал, что регулярно встречался с Ребеккой Холт для секса. Он отрицает убийство бывшей певицы и модели купальников из-за того, что она угрожала раскрыть их интрижку. Белл работал в компании своего свекра и, согласно обвинению, потерял бы все, если бы его внебрачная активность была раскрыта женщиной, с которой он имел отношения, что давало ему сильный мотив, который делает его единственным

вероятным подозреваемым в убийстве. Суд продолжается.

12 ОКТЯБРЯ, 1993

УБИЙЦА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

По словам эксперта, Ребекка Холт, должно быть, была убита мужчиной. Профессор Ангус Мэтьюз сказал суду, что женщине «...не хватило бы силы верхней части тела для такой длительной и жестокой атаки на другого человека. Только мужчина мог исполнить удары такой свирепости тупым инструментом, вероятно, молотком, что вызвало сильный перелом черепа, от которого Ребекка и скончалась».

Жена Ричарда Белла сказала суду, что поддерживает своего мужа, несмотря на его прелюбодейские отношения с мертвой женщиной и на обвинения, которые теперь над ним нависли. Энни Белл поведала, что несет долю ответственности за его интрижку.

«Я часто была занята работой и детьми. Сейчас я об этом сожалею. Я хочу восстановить наши отношения, и мы оба решительно настроены, заставить этот брак работать. Ричард абсолютно невиновен».

Ранее, друг и шафер Белла на его свадьбе, Марк Биркетт, подтвердил, что обвиняемый однажды ударил бывшую подружку. Полиция была вызвана, когда Белл ударил Эми Риордан, свою возлюбленную из колледжа, но Белл отделался предупреждением, и ему позволили продолжить учебу.

Суд продолжается.

18 ОКТЯБРЯ, 1993

СУДЬЯ ОСУЖДАЕТ МЕРЗКУЮ ИНТРИЖКУ

Судья, участвующий в рассмотрении дела, осудил подозреваемого в убийстве «за совершение мерзкой интрижки» с жертвой. Ричард Белл спровоцировал «ряд сексуальных контактов с Ребеккой Холт, которые продемонстрировали такой уровень хитрости, который вряд ли можно поставить в заслугу», произнес Мистер Джастис Терли, который испытал особое презрение к манере, в которой двое влюбленных общались друг с другом.

«Использование сложных шпионских тайников», — сказал он, — «это нечто из романа Джона ле Карра».

Судья сказал Беллу, что тот аморальный человек с холодным сердцем, но это дело жюри присяжных решать значит ли это, что он на самом деле повинен в убийстве. Им предстоит глубоко заглянуть в собственные сердца, сказал он им, чтобы решить, что находится в сердце Ричарда Белла. «Когда вы слышали о его двойной жизни, полной двуличия и лжи, можете ли вы сделать вывод, что этот человек способен совершить самый жестокий акт убийства без единого угрызения совести?»

Жюри присяжных удалилось на обсуждение.

21 ОКТЯБРЯ, 1993

МОНСТР, ВИНОВНЫЙ В ЖЕСТОКОМ УБИЙСТВЕ, ПРИГОВОРЕН ПОЖИЗНЕННОМУ СРОКУ ЗА ЗЛОСТНОЕ УМЕРЩВЛЕНИЕ СВОЕЙ БЫВШЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ

Бывший любовник Ребекки Холт сегодня был приговорен к пожизненному заключению за ее жестокое убийство. Судья назвал Ричарда Белла монстром.

У жюри присяжных ушло всего шесть с половиной часов, чтобы вынести решение, что тридцатидвухлетний Белл, повинен в избиении, приведшем к смерти, своей бывшей любовницы. Женатый мужчина и отец двух детей, не выказал никаких эмоций, когда мистер

Джастис Терли сказал ему: *«Одно время у вас были интимные отношения с жертвой этого ужасного преступления, но, когда она стала угрожать рассказать о вашей мерзкой интрижке вашей жене, вы решили избавиться от нее бездушнейшим способом».*

Беллу сказали, что он получит минимум двадцать четыре года. Его жена Энни Белл, которая заявляла о его невиновности и поддерживала его все это время, в открытую зарыдала, когда Белла увели из зала суда.

24 ОКТЯБРЯ, 1993

МОИ ДЕРЗКИЕ ВЫХОДКИ НА ЛОДКЕ ЛЮБВИ С БЕДНОЙ РЕБЕККОЙ

Лучшая подруга жертвы убийства, Ребекки Холт, сегодня приподнимет завесу об их совместных годах, непристойно проведенных на борту круизного лайнера, прозванного «лодкой любви». Николь Эндрюс раскрыла все о своей жизни в море в течение двух свободных от предрассудков, наполненных весельем, лет, когда она профессионально пела для богатых пассажиров, включая будущего мужа Ребекки.

В эксклюзивном интервью, Озорная Николь призналась, что девушки, лет около двадцати пяти, часто выпивают слишком много после их двойных ночных выступлений, а затем спят с членами экипажа или состоятельными пассажирами.

«Каждую неделю прибывали новые пассажиры, так что всегда была куча возможностей», — призналась Николь.

«Мы просто хотели хорошо провести время. Пассажиры были при деньгах, так что мы заставляли их купить нам напитки после шоу», — Николь призналась, что одно вело к другому. — *«Мы регулярно просыпались рядом с незнакомцем, но я ни о чем не жалею».*

Озорная Николь раскрыла следующие подробности:

1) Секс с пассажирами считался привычным делом на круизном корабле, прозванном ее молодой и безбашенной командой «лодкой любви»;

2) Отвязная Ребекка регулярно загорала топлес на верхней палубе на полном обозрении пассажиров и команды, потому что она «ненавидела следы от купальника».

3) Когда Ребекка встретила бизнесмена миллионера Фрэдди Холта, она сказала Николь: *«Он — мой билет отсюда!»*

«Только лишь горсточка гостей присутствовала на свадьбе Ребекки, включая несколько ее друзей с корабля», — объясняла Николь.

Она сказала, что они были потрясены контрастом между невестой и женихом, безжалостно прозвав их «Красавицей и Чудовищем».

«Фрэдди старый, толстый и лысый», — объясняла она, — *«а Ребекка такая красавица. Мы все сказали, что это лишь вопрос времени, прежде чем она начнет заглядываться на других мужчин».*

Две женщины редко виделись друг с другом после свадьбы, потому что они к тому времени «вращались в разных мирах», но Николь всегда будет помнить ее лучшую подругу.

Николь покинула круизный корабль в прошлом году из-за зарплаты. В настоящее время, будучи безработной, она не сожалеет о своей дикой юности, но «рада теперь оказаться вне этого мира». На ее глаза наворачиваются слезы, когда она рассказывает о своей бывшей подруге.

«Я завидовала ее деньгам и новой дизайнерской одежде. Какое-то время я хотела оказаться на ее месте, но тогда убитой могла бы оказаться я. Это лишь доказывает, что следует быть осторожным со своими желаниями».

Глава 6

— Ладно, что у тебя есть для меня? — спросил ее редактор.

Хелен положила большую черно-белую фотографию перед ним на стол.

Мгновение Грэхем Ситем смотрел на нее.

— Ого! Откуда ты ее взяла? — спросил он, смотря на нее с эмоцией, напоминавшей удивление. — И как ты ее добыла?

Хелен не раскрыла, что ее источником была анонимная записка, но она призналась, что позаимствовала маленькую камеру и, ей удалось сделать горстку снимков в ресторане, прежде чем ее заметили.

— А это тот, о ком я думаю?

— Слева направо, — начала перечислять она, — Алан Кэмфилд, глава «Кэмфилд Офшор», советник Джо Линч и Джимми Маккри.

— Который не нуждается в представлении, — сказал он о последнем. — И зачем бы эти трое замечательных парней стали просто вместе сидеть за неспешным ланчем?

— Должно быть, дело в строительстве в Риверсайде.

Ее редактор знал о самой крупной сделке по недвижимости в регионе, включающей в себя акры лучшей, принадлежащей совету, а ранее судостроительной компании, земли на берегах Тайна, которая в настоящее время доступна для приобретения посредством тендера.

— У советника нет дел, кроме как обедать с одним из покупателей, и это даже не считая необъяснимого присутствия Джимми Маккри. Мужчина — гангстер и при том известный. Как, черт побери, они думают, это сойдет им с рук? — задумался он.

— Они не ожидали, что там будет журналист, — напомнила она ему. — Не все в ресторане заметили Маккри. Готова поспорить, что едва ли кто-то там узнал Кэмфилда или Линча. Мы живем, как в пузыре.

Хелен имела в виду, что узнаваемость политиков была ошеломительно низкой. Большинство людей даже не могли назвать имени своего местного депутата.

— Джимми, должно быть, предлагал услуги своей охранной фирмы, — сказал Грэхем. — Ему приходится теперь исправляться за былые деньки, но «синие воротнички» не поверят в это.

— Так как мы собираемся обнародовать эту историю?

— Осторожно, — сказал он ей. — Не важно, насколько плоха его репутация, Джимми Маккри никогда не был осужден ни за какое уголовное преступление. Его арестовывали по бесчисленным поводам, даже выдвигали обвинения пару раз, однажды даже за убийство, но каждый раз оправдывали. Все знают, что он контролирует большую часть преступлений в этом городе, и мы не можем рисковать тем, чтобы нам предъявили иск, — он улыбнулся ей. — Я хочу иметь возможность ходить по округе, не опасаясь за свою жизнь.

— Позвонить ли мне главе совета?

— Чтобы спросить во что, черт возьми, он играет? Если не возражаешь, оставь это мне, Хелен. У советника Линча есть право дать ответ, — он бросил взгляд на свои часы, — но только не сейчас. Если мы дадим ему слишком много времени, он станет совершать лихорадочные звонки владельцам этой газеты, а я получу головомойку. Прямо сейчас он, вероятно, не знает, на кого ты работаешь. От твоей статьи ничего не останется, если наши владельцы попадут под слишком сильное давление заинтересованных лиц в нашем городе, а я не позволю этому случиться.

Грэхем задумчиво выдохнул.

— Но как мы это опубликуем? — спросила его Хелен.

Ее редактор взял фотографию и посмотрел на нее поближе.

— Знаешь что? Я твердый сторонник этой старой поговорки.

— Какой поговорки?

— Что фотография стоит тысячи слов.

***

— Ради всего святого, — прошипел Майкл Квин, — ты научишься пользоваться входной дверью?

Прежде чем Брэдшоу смог ответить, коренастый мужчина повел его в магазин, затем закрыл и запер за ними дверь, и повернул знак «открыто» на «закрыто».

— У тебя не было покупателей, Майкл. Я проверял.

— Ты называешь это проверкой, — сказал Майкл, — а я называю это появлением на пороге, где все тебя могут увидеть.

— Просто скажи им, что я хочу сделать татуировку.

— Ты не выглядишь, как тот, кто их делает.

— Сейчас их делают все, кто не лень: совершенно респектабельные девушки делают маленькие татуировки на лодыжках или на поясице. Я предпочитаю старые добрые времена, когда мы называли татуировки штрихкодами преступников.

— Времена меняются, констебль.

— Сержант, вообще-то.

— Выбился в люди? Кого ты схватил, чтобы получить повышение?

Одного из моих коллег, подумал Брэдшоу, но он не сказал об этом Майклу, как и о том, что мужчина не дожил до тюремного заключения.

— Все в порядке, — заверил его Брэдшоу, — это не то дело, с которым ты мне помогал.

— Пожалуйста, скажи это еще громче.

Квин вздрогнул, хоть даже в магазине больше никого не было.

— Ты поступил правильно, Майкл. Ты мог бы продолжать перекрашивать татуировки преступников и препятствовать правосудию, но вместо этого ты доносил о них, сохраняя свою свободу и право продолжать зарабатывать на жизнь.

— Те, кто мотает срок, имеют друзей на свободе. Одно твое неосторожное слово, и я стану историей.

— Это правда? — безразлично спросил Брэдшоу.

— Да.

— Тогда тебе лучше держаться подальше от темных аллей, — посоветовал Брэдшоу, — и не терять моего расположения.

— Я больше ничего не знаю. Клянусь. Я больше не делал кавер-апов (*прим.: кардинальное исправление или полное перекрытие старой татуировки путем нанесения на нее новой*), с тех пор как ты шантажировал меня.

— Шантаж — очень сильное слово, Майкл. Я просто дал тебе шанс поступить правильно, и не вижу, чтобы у тебя были покупатели, по крайней мере, сегодня. Я пришел за твоей профессиональной экспертизой.

Затем Брэдшоу достал фотографию выжженной девушки, и положил ее лицевой стороной вверх на татуировочное кресло.

— Боже... — произнес Квин, — какого хуя случилось с... этим?

— Это — она, Майкл, и ответ на твой вопрос — концентрированная серная кислота.

— О, мой Бог.

— У нас возникла проблема с идентификацией несчастной жертвы, так что тут ты и пригодишься.

Брэдшоу показал на фотографию.

— Посмотри внимательнее на это, — приказал он мужчине, — и скажи мне, что думаешь.

Неохотно Квин наклонился ниже и прищурился, разглядывая область на фотографии, на которую показал Брэдшоу.

— Может быть, — сказал он через мгновение.

— Я знаю, что может быть, но так ли?

— Большая часть уничтожена. Это просто крошечное пятно, на самом-то деле.

Он развернулся кругом к настольной лампе с увеличительным стеклом. Брэдшоу наблюдал за тем, как Квин включил лампу, посмотрел через стекло и принялся изучать голубую отметину на шее обожженной девушки.

— Оно образует угол.

— Думаю, что это татуировка, — наконец, сказал он, — но это может быть практически что угодно.

Это было не тем ответом, на который надеялся Брэдшоу.

— Как ты думаешь, что это?

Квин посмотрел снова.

— Ну, это может быть число, буква или фигура животного, вероятно, угол какой-то эмблемы.

— Гребаный ад, Майкл, я бы и сам мог это сказать.

— Ну, мне нужно еще время, чтобы изучить его как следует и сравнить.

— Сколько тебе нужно? — спросил он.

— Хотел бы я знать, — беспомощно пожал плечами Квин, — много, вероятно, достаточно много.

Брэдшоу скрестил руки.

— Я не спешу.

— Послушай, я говорю это со всем уважением, но не мог бы ты, хотя бы, съеб*ться на какое-то время и вернуться позже?

— Нет, Майкл, не могу.

— Боже, — со свистом произнес Квин, будто Брэдшоу стоял там в офицерской форме, а не в костюме.

— Так что, если хочешь, чтобы я ушел, тебе лучше пошевеливаться.

— Хорошо, хорошо.

Квин начал заниматься делом. Он принялся вытаскивать на кресло каталоги, содержащие рисунки для татуировок, и открывать их рядом с фотографией обожженной девушки, чтобы сравнить с ними пятно.

— У тебя есть время, Майкл, — сказал Брэдшоу, — но я ожидаю от тебя успехов.

— Не задерживай дыхание, — сказал взволнованный татуировщик, пока пролистывал каталоги.

Брэдшоу убивал время, рассматривая мириады рисунков татуировок на стенах салона, а затем решил, что ни один из них даже отдаленно ему не нравится.

У Майкла Квина ушло какое-то время, прежде чем он почувствовал себя достаточно

уверенным, чтобы поднять взгляд от каталогов и поделиться своими находками с Брэдшоу.

— Если это часть татуировки, тогда это может быть что угодно, но...

— Но что? — надавил Брэдшоу.

Квин показал на область на фотографии на границе с частью кожи, которая была уничтожена кислотой.

— Можно только разглядеть, что осталось от очень тонкой линии.

Брэдшоу взгляделся через увеличительное стекло на область, на которую показывал Квин.

— Можно — согласился он, — только...

— Это может быть линией, которая идет к краю, заканчивается там и соединяется с этой более четкой линией, которая все еще частично различима, — сказал татуировщик и указал на голубую линию на шее обожженной девушки. — Думаю, эта линия, которую ты нашел, может быть изгибом меча или внешней частью кончика крыла птицы.

— Правда?

— Посмотри, — сказал Квин, придвинув по столу изображения, которые нашел, так, чтобы они располагались рядом с фотографией обожженной девушки. — Эти дизайны очень популярны и достаточно маленького размера, чтобы поместиться на шее, лодыжке или внутренней части бедра. Я пару таких делал.

Он улыбнулся при воспоминании.

— Расположение пятна, скорее всего, соответствует татуировке у основания шеи с одной стороны, так что она не бросается в глаза. Ее можно показать или спрятать. Такого рода девушка.

Брэдшоу внимательнее изучил изображение татуировки, а затем снова посмотрел на фотографию обожженной девушки.

— Может быть, — неуверенно произнес он.

— Подожди, — сказал Майкл и извлек прозрачный рисунок из кучи изображений и поместил его рядом с пятном. Брэдшоу теперь было легче сравнивать эту татуировку и отметины на шее обожженной девушки. — Оно другого масштаба, но...

Майкл придвинул изображение голубя к пятну, пока его край не совпал с его углом. Теперь, когда они, практически, совпадали, Брэдшоу мог сказать, что поблекший край татуировки мог с легкостью соответствовать внешней части крыла голубя.

— Гребаный ад, — произнес Брэдшоу, — ты только что смог попасть в точку, Майкл. Как тебе это удалось?

— Я просто выбрал дюжину или около того самых популярных рисунков, а этот был самым ближайшим совпадением.

— Отличная работа.

— Да, ну, я рад, что ты доволен, и есть очень простой способ, которым ты можешь мне отплатить.

— Продолжай, — попросил Брэдшоу, предполагая, что тот хочет деньги за свое время.

— Не рассказывая об этом.

— Ничего не бойся, Майкл, — сказал Брэдшоу, — мой рот на замке.

— Ему бы, черт возьми, лучше быть.

***

Газета, в которой работала Хелен Нортона, напечатала на первой полосе статью о тендере в Риверсайде. В ней подчеркивалась необходимость открытости и прозрачности

процесса проведения торгов и важность заключения максимально выгодной сделки по продаже земли, находящейся в государственной собственности. Рядом с ней они опубликовали фотографию, которую она сделала, с подписью: «Главный советник Джозеф Линч наслаждается ланчем с владельцем «Кэмфилд ПЛС» Аланом Кэмфилдом и хорошо-известным-местным-бизнесменом Джеймсом Маккри в первоклассном ресторане в центре города». Дефисы в титуле Маккри были идеей редактора. Они были не такими явными, как знаки препинания, но подчеркивали ироничную природу описания ими местного гангстера.

Для всех, кто жил за пределами региона, эта фотография показалась бы невинной. Однако если вы были из Ньюкасла, фотография была бы шокирующей. Глава совета сидит за неспешным и дорогим ланчем с мультимиллионером и одним из самых известных преступников в городе.

Советник Линч использовал свое право на ответ, чтобы предоставить раздраженный и злой ответ, который редактор Хелен поместил в нижней части статьи.

— Я совершенно отрицаю, что обедал с мистером Кэмфилдом и мистером Маккри. Я был там, чтобы встретиться с другим человеком. Мистер Кэмфилд уже сидел за своим столом. Я подошел, чтобы поздороваться с известным местным бизнесменом, которого знаю многие годы. Пока я разговаривал с мистером Кэмфилдом, мистер Маккри прибыл в ресторан, чтобы обсудить возможности для своего бизнеса в сфере безопасности, если «Кэмфилд Офшор» добьется успеха в своей заявке на строительство в Риверсайде. В этот момент, я закончил разговор и покинул стол.

— Я должна была подождать, пока не принесут еду, — сказала Хелен. — Я дала ему шанс выкрутиться.

— Ты считаешь, что кто-то в это поверит? — спросил Грэхем. — У людей в Ньюкасле легендарное чутье на чужую собачью. Линча застукали с поличным. Мы нанесли серьезный удар по его авторитету.

— Он был зол? — спросила Хелен.

— Нет, — сказал редактор, — он весь побагровел.

— Так он попытается...?

— Разрушить наши жизни? О, да. Если я что и знаю о советнике Линче, так это то, что он не будет знать покоя, пока я не буду уволен, эта газета закрыта, а здание, в котором мы сейчас стоим, не снесено, но ты знаешь что? Пошел он. Это журналистика. Иногда нужно просто испытать судьбу и напечатать статью, иначе, в чем тогда смысл?

Хелен Нортон могла быть репортером, но тогда она не могла облечь в слова свое восхищение редактором.

— Напечатай и будь проклят, да? — удалось произнести ей.

— Напечатай и будь проклят, — уверенно повторил Грэхем.

Глава 7

— Том Карни?

Тюремный офицер назвал его имя, и Том, прождавший, казалось, целую вечность, внезапно был вырван из своих мыслей. Он встал и пошел за крепким мужчиной в синем мундире с эполетами (*прим.: наплечные знаки различия воинского звания на военной форме*) на плечах.

Он ожидал, что от него отмахнутся, и посчитал, что ему придется пройти, по меньшей мере, через несколько кругов бюрократического ада, прежде чем он сможет попасть в тюрьму. Вместо этого, вышло так, что они, казалось, практически ждали его, и, к его

искреннему удивлению, разрешили пойти на встречу в тот же самый день.

Тома провели в комнату для свиданий. Он предполагал, что окажется среди друзей и семей дюжин заключенных, но вместо переполненной комнаты, полной жен и детей в часы визита, он понял, что попал в комнату, заставленную пустыми стульями и небольшими столами. Том выбрал один и сел. Ему не пришлось долго ждать появления Ричарда Белла.

Тяжелая металлическая дверь на противоположном конце комнаты открылась, и убийца шагнул внутрь. Он широко улыбнулся Тому, в его глазах отражалось смутное волнение. Том был рад присутствию тюремного охранника крепкого телосложения, который занял позицию чуть поодаль стола, который выбрал Том. Больше никто не вышел вместе с Беллом через ту дверь. Казалось, вся комната была в их распоряжении.

Белл пошел к нему. Он все еще был красивым мужчиной, но эта знаменитая внешность поблекла за два года в тюрьме. Последствия плохого питания и проведения большей части дня взаперти были на лицо. Ричард Белл поменял жизнь с дорогими ресторанами и отдыхом за рубежом на жизнь, полную экстремального стресса, плохого питания и постоянного заключения, и это давало о себе знать. Его лицо, изголодавшееся по солнечному свету, было бледным, волосы — всклокоченными и нечесаными, но самым поразительным изменением в его внешности стал яркий шрам на боковой части лица. Он был не совсем новым, но достаточно свежим, чтобы служить резким контрастом с кожей лица. Незванный гость шел практически горизонтальной темно-красной полосой через всю его правую щеку. Этот шрам Беллу придется носить всю оставшуюся жизнь.

Том остался на месте, потому что ощущалось неправильным вставать ради убийцы. Он был весь на нервах. Увидев Белла во плоти, он вспомнил все его преступления. Они больше не казались лишь непримечательными словами в газетной статье. Том посмотрел на руки Белла, чтобы убедиться, что они пустые, но Белл ничего не нес.

Убийца протянул руку, чтобы пожать руку посетителя.

— Спасибо за то, что пришли, Том. Не могу выразить словами, как много это значит для меня.

Том не отреагировал. Улыбка Белла исчезла, и он слегка нахмурился, но это лишь было легким недоумением, а не гневом.

— Не думаю, что мы дошли до этой стадии, — сказал ему Том.

Белл, казалось, задумался об этом на мгновение, а затем убрал руку.

— Достаточно справедливо. Я ценю, что вы нашли время посетить меня.

— Вы были очень настойчивы.

— Три письма? — отозвался Белл. — Я бы написал тридцать три, если бы столько ушло на то, чтобы убедить вас, — заключил он. — Просто вы — человек, который поможет мне.

— Я не сказал, что собираюсь вам помогать, — твердо произнес Том. — Я здесь, чтобы выслушать вас. Я выслушаю, но ничего не обещаю.

— Конечно, вы пока еще не слышали моей версии событий. Я понимаю ваше предостережение. Я был бы разочарован, если бы вы пообещали мне помощь, не выслушав. Это бы значило, что вас больше интересует сделать на мне деньги, чем очистить мое имя. Я не хочу иметь дел с таким репортером, которого интересует только интервью с убийцей.

Белл произнес последние слова с иронией.

— Вы убийца, — напомнил ему Том.

— Я осужденный убийца, — согласился Белл, — но я никого не убивал, Том. Это то, что я пытаюсь сказать вам, и только если вы будете сохранять беспристрастность....

— Что произошло? — прервал его Том.

Когда Белл не понял, что тот имеет в виду, Том провел пальцем по собственной щеке, зеркально отображая шрам на лице Белла.

— Ах, это, — Белл в действительности улыбнулся. — Один из моих сокамерников влюбился в Ребекку во время суда надо мной.

Как и у тех обреченных рок-звезд шестидесятых и семидесятых, смерть не смогла уменьшить популярность Ребекки Холт у противоположного пола.

— К несчастью для меня, так вышло, что он оказался в особенности жестоким лондонским гангстером с небольшой свитой. Он послал одного из мужчин пойти ко мне, вооруженного зубной щеткой, — его улыбка стала мрачной, — с прикрепленным к ней лезвием. Мне на самом-то деле повезло. Он целился по горлу, но я увидел это и в последний момент поднырнул. Второй замах пришелся мне по щеке и рассек ее, — рассказывал он в красках. — Было ужасно много крови, и у меня был второй рот, пока им не удалось зашить меня.

— Тем не менее, я вполне горд собой, — продолжал Белл. — После того, как он полоснул меня, мне удалось ударить парня прямо по лицу. Я не знаю, кто был больше удивлен этим: я или он. Большинство людей сдаются, сами знаете. Они хватаются за рану и молят о пощаде, которую здесь не получают. Но не я. Я просто разозлился и набросился на него. Думаю, сказались все эти месяцы стресса и хранения в себе этого огромного чувства несправедливости. Я просто ждал момента, чтобы выплеснуть это на кого-то. Забавно, я привык проводить время в спортзале, просто чтобы быть в форме, но поднимал тяжести так много лет, что, когда я, наконец, нашел правильное применение всем этим мускулам, я свалил этого парня на раз. По правде говоря, это может быть единственная и самая впечатляющая вещь, которую я делал в жизни. Я имею в виду, если преступник атаковал бы меня на улице с ножом, а я бы так его уложил, тогда бы они напечатали статью во всех газетах, ведь так?

— Полагаю, что да, — уступил Том.

— Но не в этом месте. Они уже напечатали статьи, но такие как: «Леди-киллера полоснул ножом по лицу мстительный заключенный», будто парень на самом деле знал Ребекку. Не было никакого упоминания, что я нокаутировал напавшего на меня. Они за это отправили его в одиночку, но ему плевать. Приговоренные к пожизненному, — добавил он печально, — их просто невозможно контролировать.

— Все же, я ни о чем не сожалею, — добавил Белл.

— Вы не сожалеете, что ударили его или что вас порезали лезвием от бритвы?

— Ни о том, ни о другом, — спокойно сказал Белл. — Он оказал мне услугу, по правде говоря. До того момента я жил в камере с двумя другими мужчинами, — объяснял он. — После того, как они меня подлатали, я провел несколько дней в госпитале под хрустящими белыми простынями. Затем, когда они вернули меня обратно, я получил отдельную камеру подальше от отморозков и гангстеров, потому что здесь все еще есть несколько людей, которые хотят убить меня. У Ребекки почти что фан-клуб. В любом случае, начальник тюрьмы знает, что будет выглядеть очень глупо, если со мной еще что-нибудь произойдет.

Он показал на яркий шрам на своем лице.

— Это сделали местные, а он не любит репортажей в газетах, которые показывают его, как неспособного держать под контролем свою собственную тюрьму. Так что я теперь нахожусь в одиночном заключении для моей собственной безопасности, что я очень ценю.

— Вот почему мы одни сейчас?

Белл кивнул.

— Мой адвокат хотел засудить их задницы, но я убедил его не делать этого. Скажем просто, что начальник тюрьмы оценил мое усмотрение. В результате, я получил определенные негласные привилегии: одна из них — время сегодня с вами здесь наедине, покуда Эндрю будет в комнате вместе с нами, — он показал на тюремного охранника. — Личная камера — еще одна привилегия, они больше никоим образом не могут гарантировать мою безопасность, — он пожал плечами. — Я получил некоторую приватность, чувствую себя в большей безопасности, моя камера не воняет другим мужчиной: нет худа без добра.

— Это довольно экстремально.

— Ну, я в экстремальной ситуации, Том, — Белл специально обвел глазами помещение, — вы не заметили? Они часто вешали здесь людей, как вы знаете. Снаружи во дворе. Представьте себе это. Последний мужчина, которого повесили в Даремской тюрьме был двадцатилетним солдатом по имени Брайан Чэндлер, который убил старушку... молотком, — и он иронично разинул глаза от совпадения. — Я полагаю, они бы повесили меня, если Ребекка была бы убита в пятьдесят восьмом году, но, как и продолжаю говорить всем, я не делал этого.

— Вы продолжаете говорить это, — сказал Том, — но никто, кажется, не верит вам.

— Моя жена верит мне, — сказал он, — и больше никто, несмотря на факт, что против меня очень мало улик.

— Вы изучали английский в колледже? — Том поменял тему.

— Предпринимательство, почему вы спрашиваете?

— Я вспомнил ваши письма, — он процитировал: — «Яд, что капает с пера этих так называемых журналистов»?

— Вы насмехаетесь надо мной, Том?

— Нет, — ответил Том. — Я просто заметил, что вы умеете обходиться со словами, — Том внимательно посмотрел на Ричарда Белла. — Мне просто интересно были ли вы писателем в свое свободное время, вот и все.

Белл покачал головой.

— Не писателем, но я могу оценить хорошо построенную фразу и свободное время, как вы назвали его, — это все, что у меня теперь есть. Я выбирал свои слова тщательно, потому что от них многое зависело. Я много читаю. Это единственное, что здесь есть хорошего. Они не возражают, что у нас есть книги, и я поглощаю их. Здесь абсолютно нечего больше делать. Мы заперты по двадцать три часа в сутки, так что книги — все, что у меня есть. Я прочитал ваши за день. Подумал, что они исключительны, — Том проигнорировал комплимент. — Думаю, что смог бы рассказать довольно неплохую историю, если бы у меня был такой шанс.

Том наклонился вперед.

— Тогда почему бы вам не рассказать мне свою?

Ричард Белл начал свою историю.

— Я в ловушке. Я имею в виду не только здесь. Я в ловушке иного рода. Вы знаете, в чем заключается дилемма невинного человека, Том?

— Думаю, что да.

Но Белл посмотрел на него как на студента, все еще не давшего удовлетворительный ответ, так что Том продолжил.

— Вы были приговорены к пожизненному заключению за убийство, но пожизненное не обязательно означает всю жизнь. Вы можете подать на досрочное освобождение, когда отбудете треть срока наказания. Большинство убийц не отбывают полное наказание. В среднем пятнадцать лет, но, если человек ранее не переступал закон, если при ходатайстве о досрочном освобождении удастся доказать, что человек сорвался по каким-то причинам или его спровоцировали и что высока вероятность того, что он больше никого не убьет снова, то сможет выйти на свободу менее чем через десять лет.

— Такое случается примерно с одним из десяти осужденных убийц, — подтвердил Белл. — Их отпускают обратно в общество продолжать свою жизнь, — сказал он, — будто ничего никогда не происходило, но... и это очень большое но...

Он умолк и позволил Тому завершить за него мысль.

— Убийца должен признать вину.

— Именно.

Белл кивнул, одобряя степень знания журналистом правовой системы.

— Чтобы запросить досрочное освобождение, заключенный сперва должен признаться в своих преступлениях. Он должен проявить достаточное раскаяние за боль и страдания, которые причинил. Он должен выплатить свой долг перед обществом и полностью реабилитироваться.

Он развел руками перед Томом.

— Но что если он этого не делал? Если он невиновен. Что тогда?

— Он может не захотеть сознаваться в преступлении, которого не совершал, так что он никогда не сможет подать на досрочное освобождение, и ему придется отбыть полный срок.

— Пожизненный, — согласился Белл, — что в моем случае равен двадцати четырем годам, согласно постановлению суда. Я отбыл два, так что осталось только двадцать два, — пылко произнес он. — Мне будет пятьдесят шесть, когда я выберусь отсюда, если предположить, что я до этого удобненько не умру, что весьма вероятно.

— Но вы не признаете за собой вины?

Белл покачал головой.

— Так значит, вы застряли здесь.

— Попался в дилемму невинного человека, — и он фыркнул, — со мной бы обращались куда лучше, как с признавшимся убийцей, чем с мужчиной, который продолжает утверждать о своей невинности. Даже мой адвокат посоветовал мне сказать, что я сделал это.

— Вы никогда не задумывались воспользоваться его советом?

— С чего бы? Я не убивал Ребекку.

— Так говорите вы, но ваши адвокаты должны иметь причины побуждать вас признать вину.

— И эти причины не имеют никакого отношения к справедливости.

Когда он понял, что Том не понимает, он пришел в раздражение.

— Им не важно, виновен я или нет. Они просто думают, что у нас больше нет вариантов. Власти не позволят мне подать на апелляцию против обвинительного приговора или длительности срока. Недостаточно улик, чтобы опровергнуть приговор, а обычный срок за убийство — пожизненное, размер которого определяется на усмотрение судьи и через какое-то время пересматривается комиссией по досрочному освобождению.

— Но вы не можете подать на досрочное, — напомнил ему Том, — только если не признаете вину.

— Именно, — ответил Белл, — и вот почему у меня вышла размолвка с моими адвокатами. Я спросил их, каковы мои варианты, а они сказали: «У тебя их нет, так почему бы просто не признать вину и узнать, возможно ли досрочное освобождение».

Затем Белл изобразил спокойный голос своего адвоката

— «Не то, чтобы ты убил кучу людей, Ричард. Это было преступление на почве страсти. Если ты признаешь это, в целом, вероятно, отбудешь всего девять или десять лет. Ты уже отсидел два».

Выражение лица Белла все за него сказало. Его команда юристов была тупицами, которые не понимали, что два уже отбытых года были адом на земле, и, что еще семь лет покажутся вечностью.

— Я не могу понять вашего нежелания этого делать, но, — Том выбрал свои следующие слова тщательно, — девять лет лучше, чем двадцать четыре. Если вы не признаетесь в убийстве, комиссия по досрочному освобождению никогда не порекомендует отпустить вас. Вы будете...

— Официально классифицирован, как отрицающий совершение убийства, — ответил Белл. — Я должен держать голову опущенной, может пройти курсы в открытом университете, проявить внезапный интерес к Богу. Если я буду вести себя как образцовый заключенный, тогда смогу выйти отсюда через семь лет, если приму ответственность за свои поступки и признаюсь в своем ужасном преступлении. Просто скажи слово и отбудешь лишь треть, — сухо добавил он, — но, если я продолжу отстаивать свою невиновность, буду сидеть по полной программе. Так что предположим, что я признаюсь, что убил Ребекку, гипотетически.

— Гипотетически, — согласился Том.

— Что тогда? Что со мной случится?

— Вы отбудете остаток срока, а затем выйдете на свободу.

— Куда я пойду? Что буду делать?

— Вы пойдете домой: если допустить, что жена вас пустит. Что вы будете делать, потом зависит от вас.

— Вот где вы ошибаетесь, Том. Это зависит не от меня. Я знаю, что Энни примет меня обратно, но у меня не будет работы: я не смогу ее найти. Не так много компаний, обладающих репутацией, принимает на работу убийц, и я не думаю, что мой тесть принимал таких обратно, даже, если и хотел.

— Вы были его директором по продажам?

Белл кивнул.

— Что скажут его клиенты?

— Я не говорю, что будет легко...

— Легко? Нереально.

— Но... — Том запнулся, — лучше, чем это?

Было такое ощущение, что Белл не слышал его.

— Чем я буду заниматься всю оставшуюся жизнь? Прогуливаться в парке каждый день, ходить в библиотеку, читать еще больше книг, затем может встречать моих девочек из школы?

И он усмехнулся, но не радостно.

— Вы можете себе представить взгляды на игровой площадке? Давайте посмотрим в лицо фактам: моя жизнь кончена, как только я скажу, что сделал это.

— Я не уверен, что у вас есть альтернативы.

— Вы — моя альтернатива, Том. Я хочу, чтобы вы очистили мое имя. Мне нужно, чтобы вы использовали все свои умения, чтобы привнести свежий и непринужденный взгляд на убийство Ребекки, и, чтобы вы выяснили, что на самом деле случилось. Полиция провела поспешное расследование под большим давлением со стороны медиа. Как только они узнали, что я встречался с Ребеккой и потерял бы все, если бы она сдала меня, они даже не рассматривали всерьез других подозреваемых. Большинство людей оказываются убиты теми, кого знали, так что я подошел. Полиция была убеждена, что я тот, кто им нужен, пресса была по моему слабому месту, а судья, черт возьми, ненавидит меня. Что касается жюри присяжных, там была пара женщин, которые смотрели на меня, как будто хотели дать мне пожизненное, просто за то, что я изменял жене. Там не было никого на моей стороне. Мне нужен кто-то, кто выяснит правду, и этот кто-то — вы. Когда вы раскроете правду, то сможете написать о ней еще одну книгу, с моего благословения. Это будет та еще история, вы так не считаете? Журналист освобождает невинного человека, ошибочно помещенного в тюрьму за убийство? У вас на руках будет еще один бестселлер.

Том не был в настроении разубеждать Белла в цифрах продаж своей книги. Последний раз, когда он видел «Стук смерти», она была в корзине с уцененными товарами, покрытая огромными красными стикерами с надписью «распродажа», по сниженной до 1.99 евро цене. Единственным комментарием его издателя, когда Том спросил о продажах, было удрученное: «Это был тяжелый год для детективов».

Поначалу, издатель был оптимистично настроен.

— Это может положить начало твоей карьере! — разглагольствовал он, как будто первые полосы в национальных газетах были не в счет. Когда, сперва, книжные магазины, а затем читатели не разделили этого оптимизма по поводу расследования убийства Шона Донеллана, произошедшее более чем пятью десятилетиями ранее, они быстро потеряли интерес к Тому и почти что обещанное предложение написать вторую книгу так и не осуществилось.

— Буду предельно честен с вами, Ричард, я не уверен, что могу позволить себе провести недели, занимаясь глухим делом ради шанса найти что-то, что будет достаточным, чтобы возобновить расследование вашего дела.

— Я этого от вас и не ожидал бы, — сказал Белл, — поэтому вам заплатят.

— Каким образом?

— У моей жены есть деньги, достаточно, чтобы предоставить вам недельный гонорар, пока вы этим занимаетесь, с бонусом в конце, если вы обнаружите свежее доказательство, достаточное для того, чтобы возобновить расследование по моему делу — а вы его найдете, потому что я не делал этого. Затем будет еще один щедрый бонус вам, когда мой приговор, наконец, отменят.

И Белл принялся к изложению условий своего предложения. Только одно еженедельное награждение было крайне соблазнительным для мужчины в таком плачевном финансовом состоянии, как у Тома, а дополнительный бонус в конце, если Ричард Белл когда-либо выйдет на свободу, был такого рода денежным вливанием, о котором любой бедный журналист будет только мечтать.

— А ваша жена довольна этим соглашением?

— Она согласилась на это, — подтвердил Белл, однако, Том не мог избавиться от чувства, что согласиться и быть согласной — не одно и то же.

— По вашим словам все легко, но у меня могут уйти месяцы, чтобы найти что-то, и может так выйти, что я ничего не найду.

— Время — все, что у меня есть, Том. Я никуда не собираюсь. Вы можете работать в удобном для себя темпе. Просто держите меня в курсе. Если вы проищете впустую, мы можем пересмотреть соглашение, но я, честно, не думаю, что до такого дойдет. У вас есть явное преимущество над полицией.

— Какое?

— Они посчитали меня виновным. Мы знаем, что я невиновен.

— Но я этого не знаю, — напомнил ему Том, — я могу помогать хладнокровному убийце.

— Можете, — признал Белл, — но, если вы приступите к этому делу непредвзято, тогда вам стоит предоставить мне кредит доверия по этому поводу.

— Особенно, если вы платите мне.

— Если вы хотите добраться до правды, — поправил его Белл.

— Хорошо, но, что, если я не смогу узнать правду?

— Здесь есть единственная вещь, которая помогает мне жить здесь, Том, и это не еда, не посетители или книги.

— Надежда, — инстинктивно сказал Том.

— Вот видите, — с восхищением сказал Белл, — вы — хороший. Я знал, что вы таким окажетесь.

— Обычно я могу представить себя в шкуре другого человека, — тихо сказал Том.

— Полезное качество в вашей профессии, — сказал Белл, — если я могу поверить, что такой человек, как вы: хороший, умный мужчина, пытается выяснить, что на самом деле произошло, тогда я могу продолжить.

Когда Том ничего не сказал в ответ, плечи Белла, казалось, опустились.

— Послушайте, я реалист. Должен быть. Я знаю, что вы занятой человек, и я не ожидаю от вас, что вы будете работать над этим делом двадцать четыре часа в сутки, просто найдите время заняться этим ради меня: по меньшей мере, пару недель, пожалуйста. Просто небольшая оплаченная работа по поиску правды, пока вы не решите, что стоит прекратить. Сделайте это ради Ребекки, если не хотите делать ради меня.

— Откуда мне вообще начинать?

— Я дам вам список имен, всех, кто может иметь к этому отношение. Пойдите и проверьте каждого на предмет связи с этим делом.

— Мне придется копнуть глубже.

— Я полагаю, что понимаю немного о методах вашей работы. Вы принесли ручку?

Том автоматически потянулся в карман куртки и вытащил свою ручку и блокнот.

— Сейчас же, — голос охранника прогремел в огромной комнате для помещений, — уберите это.

— Всего несколько минут, — умолял Белл, — мы пишем список...

— Никаких списков, никакого письма, уберите это сейчас же.

Белл выглядел, как ребенок, проснувшийся рождественским утром и не нашедший под деревом никаких подарков.

— Тогда никаких списков, — уступил он, — но вы вернетесь завтра.

Это было больше утверждением, чем вопросом и, когда Том показался ему не так в этом уверенным, он добавил слово «пожалуйста».

Глава 8

Советник Джарвис не назначил встречу: Фрэнку Джарвису это было не нужно, ведь он просто хотел увидеться со старшим инспектором, потому что знал его еще с тех времен, когда тот был патрульным. Тем не менее, Кейн был немного взволнован, когда политик достал бутылку скотча и поставил ее на стол детектива.

— Гребанный ад, мне же домой потом ехать, — но все же подошел к шкафчику в углу офиса, открыл его и достал два бокала.

— Попроси одного из своих парней подбросить тебя, — сказал ему Джарвис. — Многие захотят оказать эту небольшую услугу своему старшему инспектору, — добавил, вытаскивая пробку из бутылки и наливая напиток. — За мной заедут позже.

Кейн задумался, что за член местной партийной машины удостоился подобной чести.

— Это не чертовы семидесятые, — нерешительно осадил его Кейн, пока наблюдал, как виски льется в бокалы. — Детективы больше не могут напиваться в своих офисах после полудня.

— Один бокал не навредит, да и никто не увидит, — посчитал Джарвис и был прав.

Окна в офис Кейна были постоянно закрыты очень старыми жалюзи.

Когда виски был разлит, они оба подняли свои бокалы, чокнулись и какое-то время молча пили, пока Кейн ждал, когда Джарвис скажет, что собирался.

— Моя жена переживает сложный период, — сказал он полицейскому. — Я имею в виду, что она *всегда* его переживала... — на мгновение он отвернулся, потому что этот сложный период был для него позором, — но это... это... — Джарвис перевел взгляд на окно, — нечто совсем другое.

— Нет хороших новостей от наших друзей с севера? — спросил Кейн.

Они оба знали, что тот говорит о полиции Нортумбрии, которая вела расследование об исчезновении дочери советника, Сандры Джарвис, так как вся ее семья была из Ньюкасла. Это был их участок, но Даремская Констебулярия, в которой работал старший инспектор Кейн, с самого начала помогала в поисках пропавшей девушки. Она училась в университете Дарема, когда пропала, так что были некоторые направления расследования, прорабатываемые двумя полицейскими силами, но не имели положительного результата.

Соперничество между ними было по большей части дружеским, хоть офицеры, базирующиеся в Ньюкасле, склонялись к видению своих Даремских коллег, как слегка неуклюжих деревенщин, которые проводили большую часть своего времени, расследуя легкие преступления, такие как вандализм или грабежи. В это время как их коллеги в Дареме, видели офицеров из Джорди, как бесконтрольных городских жителей, которые вели себя лишь чуть лучше гангстеров и наркодилеров, за которых им платили, чтобы они их сажали. Однако когда дело до этого доходило, они очень плотно сотрудничали «через границу», особенно, если дело касалось убийства или, как в этом случае, исчезновения, которое могло оказаться насильственной смертью.

— Ничего, — ответил Джарвис. — Тот новый парень.

Он покачал головой, не желая и дальше развивать эту тему. Кейн знал, что он имел в виду недавно назначенного главного констебля, который должно быть был достаточно глуп, что отказался сотрудничать, когда советник Джарвис постучался на порог. Кейн был удивлен, что кто-то смог стать главным констеблем, не понимая влияния Джарвиса в регионе. Он мог быть бывшим главой Городского Совета Ньюкасла, но одно слово в верное ухо все еще могло значить оказанную услугу, решенную проблему. Шепоток в другое ухо

могло навлечь серьезную проблему на старшего офицера полиции с амбициями. Простое пассивное препятствование от ключевых здесь политиков было достаточным, чтобы само по себе загубить многообещающую карьеру. Кейн был уверен, что новый парень скоро узнает, кто владеет настоящей властью в его собственном дворе.

— Я не знаю, что сказать тебе, Фрэнк, правда, не знаю. Мы испробовали все. Мы поговорили со всеми, кто даже едва знал твою дочь.

— И ничего не нашли, — резко напомнил ему советник, — что пахивает некомпетентностью.

Молчание Кейна было ему ответом. Джарвис был мужчиной, страдающим от самого худшего горя их всех возможных, в сочетании с неуверенностью. Его дочь была пропавшей уже шесть месяцев, от нее не было ни слова, ни единого подтвержденного факта, что ее видели. Старший инспектор Кейн знал, что к настоящему моменту, шансы найти ее были плохими.

В конце концов, Джарвис вздохнул.

— Мне жаль. Я не имел этого в виду.

— Я знаю.

— Просто...

— Не скажу, что понимаю, Фрэнк, потому что я не понимаю. Никто не может даже представить себе, что ты чувствуешь, но мы знаем, что прямо сейчас ты очень подавлен. Мы делаем все, что можем, уверяю тебя.

— Так значит, вы не оставили ни одного камня не перевернутым? Ты можешь посмотреть мне в глаза и пообещать это?

— Мы делаем все, что в наших силах, чтобы найти твою дочь.

— Что насчет того, что не в ваших силах?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Кейн.

— Я просто говорю, что есть пределы того, что вы можете достичь, учитывая то, что связаны кодексом.

— Мы связаны границами закона, Фрэнк, — заметил Кейн, — вот и все. Я надеюсь, что ты не думаешь сотворить что-либо глупое.

— Я просто говорю, что есть версии расследования, которые полиции сложно проработать. Я не предлагаю ничего аморального.

— Даже не еще одного частного сыщика? — Джарвис покачал головой при этих словах. — Я имею в виду, серьезно, он, на самом деле, предоставил тебе что-либо, чего у тебя уже не было?

— Кроме счета за свои услуги? — признал Джарвис. — Нет.

— Тогда, ладно.

Джарвис, казалось, не хотел спорить на эту тему, Так что в их разговоре моментально наступила пауза, пока он не произнес: — Что насчет того другого парня, о котором ты мне рассказывал?

Кейн напрягся при этих словах, но просто ответил:

— О котором? — в то время как про себя сожалел, что когда-либо упоминал имя Тома Карни, даже мимоходом, так как он понял, что чертов репортер был несомненной причиной визита Джарвиса.

— О том журналисте.

— То было совсем другое дело, Фрэнк.

— Там был пропавший человек.

— Все не так просто.

— Но ты сказал, что он был реально полезен.

Это было до того, как он ударил меня в спину, подумал Кейн, чье мнение о Томе Карни резко ухудшилось, с первых дней после окончания раскрытия дела Мишель Саммерс.

— Не иди по этому пути, Фрэнк, прошу тебя.

— Почему нет? Он хороший детектив, ведь так? Ты сам так сказал.

— Он также эгоцентричный, высокомерный, эгоист, провокатор и боль в заднице.

— Звучит так, будто он именно тот, кто мне нужен.

Джарвис наклонился вперед и налил еще одну щедрую порцию в бокал Кейна.

***

Инспектор Теннант покинула свой офис часом позже и взгляделась в свою команду. Ее взгляд остановился на Йене Брэдшоу, и она прищурила глаза.

— Брэдшоу, — позвала она, — старший инспектор хочет тебя видеть.

— Старший инспектор хочет меня видеть? — повторил он в удивлении.

Подшучивание со стороны старших офицеров было частым явлением за полицейскую карьеру Йена Брэдшоу, но он надеялся, что с этим покончено. Он держал голову опущенной и нос по ветру, как и советовал ему Кейн.

— Да, — коротко сказала она, — он хочет, чтобы ты подвез его до дома.

Это послужило поводом для веселья в команде, включая сержанта Каннингема, который весело процитировал: — Кейн и Брэдшоу сидят на дереве, Ц-Е-Л-У-Я-С-Ь.

— Пошел ты, Каннингем, — что было не самым остроумным ответом, который мог придумать Брэдшоу, но он все равно его произнес.

Теперь у него были проблемы. Дело было не в комментарии Каннингема, который, тем не менее, задел его, или в подшучивании, которое продолжилось, когда он покидал комнату, дело было во взгляде на лице инспектора Теннант, когда она смотрела, как он уходит, как будто он только что пернул за обеденным столом.

***

Старший инспектор Кейн был в довольно сильном подпитии. Не падающим-пьяным-после-ночи-с-пацанами по-мертвецки, но достаточно пьяным для вечера встречи выпускников, и, определенно, не в состоянии вести машину, вот почему он позвонил Кэти Теннант, чтобы откомандировать Брэдшоу. Для него имело очевидный смысл убить двух зайцев одним выстрелом.

Кэти спросила его, почему ему нужно поговорить с одним из ее офицеров, и его первой реакцией стало сказать ей не совать свой нос, черт возьми, куда не следует, но он прикусил язык. Она была одной из нового поколения, предположил он, натренированной использовать свою инициативу, а не слепо следовать приказам, как учили его. Он никогда даже и не подумал бы задавать вопросы старшему офицеру. Это был плохим способом продвинуться по карьере.

Если бы он был полностью трезв, он мог бы сказать: «Я хотел бы перекинуться с ним словечком», но из-за виски, он был немного слишком честен и сказал:

— Мне надо, чтобы он подвез меня домой, — и к тому времени, он понял, что это, вероятно, было не самым впечатляющим, что он мог сказать подчиненному, но уже было слишком поздно.

— Я вижу, — она, определенно, не была впечатлена, — я пришлю его.

Он был рад, что у него при себе были мятные конфетки «Поло». Только бог знает, как давно они лежали в его комод, но его сейчас это не волновало. Он засунул четыре себе в рот и принялся их жевать, ему удалось проглотить все мятные кусочки до того, как Брэдшоу появился на его пороге.

— Ах, Брэдшоу, — сказал он, — хороший мальчик. Моя машина подъехала и, в любом случае, я хотел перекинуться с тобой словечком. Будь молодцом и подвези меня до дома, а затем ты можешь быть свободен, а? — живо произнес он. — После того как мы поговорим.

— Да, сэр, — сказал Брэдшоу.

Он все еще был сбит с толку, почему его вызвали быть личным извозчиком такси у старшего инспектора, хоть, по крайней мере, понял причину, почему Кейн не сядет за руль сам. Он заметил, что его босс осторожно положил пачку «Поло» в карман пиджака, и там было два пустых, недавно помытых бокала, стоящих на ближайшей картотеке. Там было что-то твердое, обернутое в старый пакет и лежащее в мусорной корзине, что могло оказаться пустой бутылкой из-под алкоголя. Брэдшоу предположил, что должен быть благодарен, что там было два бокала.

— Тогда пойдете.

Кейн твердо положил ладонь одной руки на плечо Брэдшоу, и повел сержанта к двери, Брэдшоу ощущал сильный запах мяты, пока они шли из офиса.

***

Кэти Теннант курила. Она обычно проводила политику «незакрытой двери», но не этим полуднем. Сейчас ее дверь была очень плотно закрыта от несправедливостей мира. Боже помоги тому, кто попытается побеспокоить ее до того, как этот день закончится.

Единственный инспектор женщина Даремской Констебулярии должна была предвидеть, что это случится. Она практически ожидала, что тут будет шпион, доносящий старшему инспектору Кейну о ее компетенции и готовности быть лидером, но она не ожидала, что Кейн будет таким чертовски откровенным по этому поводу.

Он не любил, когда она сердилась, а затем спрашивала его зачем ему нужно увидеть одного из ее команды, так что он придумал какую-то дерьмовую историю о том, что его нужно подвезти домой. Было что-то еще, что не давало ей покоя во всей этой истории: Брэдшоу. Она, на самом деле, подумала, что он может быть другим, что он мог, довольно вероятно, быть одним из хороших ребят, а Бог знает, что таких тут было мало. Ну, теперь, по крайней мере, она поменяла свое мнение.

Утром, она бросит вызов Брэдшоу, может даже спросит его прямо, был ли он шпионом Кейна, и посмотрит, как он отреагирует. Если он замнется хоть на секунду, она больше никогда не будет доверять ему снова.

Глава 9

— Снова работаешь допоздна, как погляжу.

Слова были произнесены укором, когда Грэхем Ситон оглядел ряды пустых столов в отделе новостей, но, как обычно, глаза ее редактора улыбались.

— У тебя, что нет дома, куда пойти?

— Как и у тебя, — напомнила ему Хелен, — работаешь допоздна, то есть, я имела в виду: у тебя есть дом, куда вернуться.

Грэхем был женат, и у него были дети, он не возвращался в пустую однокомнатную квартиру, как она.

— Я планирую оказаться там уже скоро, и я не задерживался допоздна, когда был в

твоим возрасте.

Это прозвучало забавно, исходя из уст ее относительно молодого начальника. Грэхему было лишь немногим за тридцать, что делало его очень молодым для редактора ежедневника.

— Спорю, что так и было.

— Х-м-м, ну, может быть, — признался он, — но в те времена я был увлечен этим делом, — он направился обратно в свой офис, — а не циничным, измученным старым ветераном, который никогда больше не выходит из отдела новостей.

— Я бы не сказала, что ты никогда не выходишь из отдела новостей.

— Ой, смотри у меня, Нортон, — он улыбнулся, обернувшись к ней, — или я переведу тебя на страницу некрологов.

— Тогда кто будет приносить тебе все эксклюзивные криминальные новости? — спросила она. — Ты же знаешь, что пропал бы без меня?

Он сделал вид, что задумался об этом.

— Может, и так.

Их взгляды на мгновение встретились.

— Тем не менее, не задерживайся допоздна, — и он исчез в своем офисе.

О, Боже, она что, только что флиртовала со своим боссом? Это был флирт или дружеское поддразнивание? Не было никаких намеков: но, может, дело было не в том, что она сказала, а в том, как это сказала. Ее редактор был симпатичным, но не только. Что, на самом деле, делало его привлекательным, так это то, как чертовски талантлив он был.

Хелен чувствовала, что узнает здесь что-то новое каждый день, и полгода на этой работе пролетели незаметно. Грэхем составлял такой поразительный контраст с ее бывшим редактором в «Вестнике Дарема». Малколм был ленивым, и к тому же озабоченным, что никогда не было выигрышной комбинацией. После такого, любой казался бы лучше, но Грэхем доверял ей с первого дня здесь, несмотря на недостаток у нее опыта, и давал ей лучшие поручения, позволял Хелен руководствоваться собственным мнением. Он давал мудрые советы, чтобы убедиться, что она не заплыла на территорию, которая могла оказаться разрушительно дорогостоящей для газеты, если бы кто-то подал на них в суд, но он всегда вдохновлял ее. Теперь у нее, на самом деле, появился босс, который вел себя так, как она всегда считала, должен вести себя редактор газеты.

Он женат, и у него есть дети, снова напомнила она себе, но даже, если бы и не был, Хелен Нортон состояла в отношениях: давних и верных отношениях. Она однажды почти поставила их под угрозу, слишком сблизившись с коллегой, и она сказала себе, что она больше никогда не собирается позволить этому случиться снова.

В отделе новостей никого больше не было, а свет из открытой двери ее редактора манил. Более чем единожды, она приходила навестить его в конце дня с вопросом по поводу статьи. Он отвечал в своей привычной, неспешной манере, и это зачастую вело к беседе на более отвлеченные темы, пока они оба не понимали, что рабочий день давно закончился. Она снова бросила взгляд на открытую дверь и поняла, что придумывает причину, чтобы постучаться.

Это будет плохой идеей.

Хелен решила воспользоваться советом своего редактора и пойти домой.

***

— Ты знаешь Фрэнка Джарвиса? — спросил Кейн, пока Брэдшоу вел его машину через

траффик.

— Политика? Конечно же, — ответил Брэдшоу, — хоть я никогда не встречал его.

Брэдшоу расследовал зацепки по делу об исчезновении дочери советника, но не сыграл ведущей роли в расследовании. Позже, когда его переназначили на дело обожженной девушки, Сандра Джарвис стала одной из первых вероятностей, но, к счастью, она была намного выше, чем убитая женщина.

— Хочу попросить об услуге, — сказал Кейн, когда Брэдшоу выехал за черту города, дворники работали всю дорогу, дождь не показывал никаких признаков, что скоро закончится, всю вторую половину дня. Должно быть, он увидел что-то по лицу Брэдшоу. — Ничего сомнительного, так что не волнуйся ты так, Брэдшоу. Я едва ли попросил бы тебя, если бы все так было, верно же?

— Да, сэр, — ответил Брэдшоу, даже хоть вопрос был больше риторическим, а сопровождающий комплимент крайне сомнительным.

— Ты как чертова Флоренс Найтингейл.

Старший инспектор понял, что, вероятно, взболтнул слишком много. Он опустил окно машины, чтобы впустить воздуха, несмотря на дождь.

— Тот журналист, твой друг, — начал он.

— Который?

— Ты знаешь, который: Том-гребаный-Карни.

— Я давным-давно его не видел, сэр, — ответил Брэдшоу, — с тех пор как...

Он хотел сказать «с тех пор, как он запятнал свою репутацию у нас», но оставил предложение незаконченным. Последним, чего он хотел, было, чтобы Кейн подумал, что он дорожил своей маленькой удобной дружбой с тем, кто считался персоной нон грата в констебулярии Дарема.

— Ты больше с ним не видишься?

— Боже, нет, — запротестовал Брэдшоу и начал задаваться вопросом, в чем его собираются обвинить. — Мы сотрудничали по делу Мишель Саммерс...

Было ли «сотрудничали» слишком провокационным словом?

— Я учился с ним в одной школе, но мы не были одногодками...

— Даже не выпивали по пинте, — настаивал Кейн, и Брэдшоу задумался, как он об этом узнал, — время от времени?

Брэдшоу попытался найти спасение в подобии правды.

— Мы не сталкивались с ним уже давно. Какое-то время он был полезным источником информации, но после той статьи...

— Да, — Кейн, казалось, тихо вздохнул, — той статьи.

И между его бровей залегла складка при этом воспоминании.

— Так значит, вы не закадычные друзья?

— Нет, сэр, — ответил он быстро, — едва ли теперь при встрече обмениваемся кивками.

Он надеялся, этого было достаточно, чтобы сойти с крючка. Том Карни, очевидно, извлек выгоду из утечки информации откуда-то, но это не имело отношения к Брэдшоу, и он, определенно, не собирался брать на себя за это ответственность.

— Как жалко, — произнес Кейн.

— Что?

— Я надеялся, что вы с ним общаетесь, — пояснил Кейн.

Брэдшоу был сбит с толку. Все, чего он хотел сделать, — дистанцироваться от обвинения, что он братался с одним из самых нелюбимых журналистов Кейна, но теперь старший инспектор, казалось, был разочарован.

— А ты мог бы, как думаешь? — тихо спросил Кейн.

— Сэр?

— Пригласить его на эту пинту и немного поболтать, если я тебя об этом попрошу?

— Ну, я смогу с ним связаться, если вы именно этого от меня хотите?

— Этого.

В разговоре наступила пауза, пока Брэдшоу пытался переварить услышанное, а Кейн не стал проливать свет на это дело.

— Что вы хотите, чтобы я ему сказал? — спросил сержант, наконец.

— У меня есть предложение для нашего Тома Карни.

***

Снаружи, вечерний воздух был свеж, и Хелен застегнула свое пальто на пуговицы, пока шла через автомобильную парковку. Там оставалась всего горстка машин, но Хелен нравилась ее работа, и она часто ловила себя на том, что снова на ней задерживается. Когда она получила звонок, информирующий ее о том, что ее заявление на принятие на работу в газету было принято, она переехала в Ньюкасл так скоро, как только позволяло ее заявление об увольнении, оставив «Вестник Дарема» под звучащие в ушах слова Малколма: «Трава не всегда зеленее, знаешь ли», в то же время он не стал благодарить ее за тяжелую работу в его газете. Хелен знала, что ее никогда не простят за то, что она ушла. Создавалось ощущение, что «амбиция» была там грязным словом, а ее уход некой формой просчитанного оскорбления.

Тем не менее, ей, вероятно, следовало бы провести больше времени, присматривая квартиру. Ее место в Ньюкасле было крошечным и более чем нагоняющим уныние, еще одной причиной, по которой она не спешила домой.

Затем она заметила двух молодых мужчин. Они пересекали парковку с противоположного направления, будто направлялись к офису газеты, но не выглядели уборщиками или охранниками: были слишком молоды и неподходяще для этого одеты. Парни шли вальяжно, преувеличенно в вразвалочку, пытаясь выглядеть как гангстеры. Хелен знала, что было предрассудком с ее стороны сразу же с недоверием отнести к молодым людям, но она не могла не подумать, были ли они здесь, чтобы взламывать машины. Она приглядывала за ними обоими по мере их приближения, но избегала прямо переходить им дорогу. К счастью, они не проявили к ней никакого интереса, смотря прямо перед собой, когда они с важным видом проходили по центральной части парковки.

Хелен была этому рада. Чаще всего, когда она встречала таких юнцов, как эти двое, они испытывали потребность словесно оскорбить ее. Молодые женщины регулярно осыпались выкриками на улицах, с которыми редко встречались мужчины, и также редко относились с пониманием: получали осуждающие комментарии о внешности, фигуре или одежде. Хелен называли шлюхой и проституткой, а затем, тотчас же, фригидной сукой за то, что игнорировала оскорбления, которые получала. Она не была уверена, что может быть и тем, и тем одновременно.

Так почему бы ей не быть благодарной, что эти двое грубо выглядящих молодых мужчин проигнорировали ее?

Потому что что-то тут было не так.

Несмотря на свои подозрения, она не ожидала того, что произойдет следующим. Когда они проходили сбоку от Хелен, тот, что был дальше от нее, внезапно сильно толкнул плечом своего друга, что отправило другого мужчину, спотыкаясь на скорости, по направлению к ней. Это был сознательный поступок, и его друг использовал этот толчок плечом, как оправдание, чтобы врезаться в Хелен, сшибая ее с ног и заставив удариться об асфальт. Хелен сильно ушиблась об бетон, и едва избежала столкновения своей головы с ближайшей машиной. Ее сумочка выскользнула из руки и упала на пол, перевернулась вверх дном, а ее содержимое в процессе рассыпалось.

Прежде чем она успела среагировать, бандит, врезавшийся в Хелен, уже возвышался над ней.

— Какого х*я ты творишь! — заревел он.

— Смотри, куда идешь, ты, проститутка! — закричал второй мужчина.

Она развернулась к ним лицом, повернулась, чтобы посмотреть в два искаженных, наполненных ненавистью лица. Она чувствовала влагу на одном колене, где оцарапалась им об бетон, когда падала, а ее ладони саднили от удара, произошедшего, когда она пыталась защититься от падения, выставив перед собой руки.

— Отвалите от меня! — потребовала Хелен, ее голос дрожал, пока она пыталась вскарабкаться на ноги.

— Ты кем себя возомнила, сука?

И мужчина, сбивший ее на землю, придвинулся ближе, когда она встала на ноги. Она ощущала запах его дыхания, воняющий перегаром от пива и сигарет. Второй мужчина тоже приблизился к ней, и Хелен начала опасаться, что они нападут или даже попытаются изнасиловать ее здесь на парковке. Она огляделась вокруг в поисках кого-то, кто мог бы помочь ей, но там никого не было. Она могла побежать, но не смогла бы уйти далеко от двух мужчин в кроссовках, бегущих за ней. Ей ни за что не удастся добраться до своей машины.

Когда заговорил второй мужчина, она сразу же поняла, почему они здесь.

— Это научит тебя не совать свой нос, куда не следует.

Это не было случайным нападением на первую молодую женщину, которую они нашли. Эти бандиты специально выбрали своей целью ее из-за статей, которые она пишет. Они поджидали ее, пока она выйдет из отдела новостей, и теперь девушка и впрямь была напугана.

— Эй! — мужской голос был низким и злым. — Отойдите от нее!

Это был Грэхем, и она никогда не была счастливее слышать его. Он стоял на пороге офиса в небольшом отдалении. Ее редактор начал быстрым шагом идти к ним, и она молилась, что они подумают, что сделали достаточно и уберутся. Грэхем не засомневался прийти ей на помощь, но сможет ли он, на самом деле, побороть их обоих? Они выглядели, как своего рода молодые мужчины, привыкшие к насилию.

— Тебя предупредили, — сказал ей второй мужчина, — второго раза не будет.

Затем он грубо толкнул Хелен. Она полетела на спину и сильно ударилась о капот ближайшей машины, боль прострелила в спине.

Оба мужчины принялись бежать, когда Грэхем побежал к ней. Она смутно осознавала, как они засмеялись, разразились руганью и повернулись к более старшему мужчине, показывая Грэхему средний палец. Разумно, что он не стал преследовать их, решив вместо этого остановиться с ней рядом. Затем они убежали с парковки, испуская радостные крики, довольные хорошо проделанной работой, после чего исчезли в ночи.

— Со мной все в порядке, — сказала она своему редактору, — я в порядке.

Грэхем бросил один взгляд на нее, и его лицо выразило озабоченность.

— Нет, Хелен, не в порядке.

Затем он наклонился ниже и ловко собрал рассыпанное содержимое ее сумочки, вручил ее ей.

— Ты не в порядке. Пошли, — сказал он.

***

Грэхем отвел ее обратно в отдел новостей, посадил на стол и на мгновение исчез в крошечной кухонной зоне, которая вмещала в себя не больше, чем холодильник с бутербродами и торговый автомат рядом с рядом шкафчиков. Она слышала, как дверца шкафчика открылась, а затем закрылась, следом последовал звук открытого крана. Грэхем вернулся, наклонился, чтобы изучить ее колено, а затем аккуратно прижал к нему влажную ткань.

— Болит? — спросил он.

— Немного, — ответила она, хоть оно чертовски болело. Так же, как и жжение ткани, прикасающейся к поврежденной коже, она чувствовала, что все ее колено начинает деревенеть по мере опухания.

— Кем, черт побери, они были?

Грэхем пытался мягко очистить рану на ее колене, не причиняя ей боли, и хоть ощущалось странным сидеть наедине в полутемном отделе новостей с ее редактором, пока он сидел на полу и ухаживал за ней подобным образом, его забота была трогательной.

— Парочка придурков, — неохотно сказала она.

Хоть и было чертовски соблазнительным рассказать ему правду: что их послали, чтобы предупредить ее, она не могла позволить себе быть отодвинутой в сторону желающим ей блага редактором, пытающимся защитить ее.

— Что они сказали тебе? — он посмотрел на нее вверх, произнося эти слова.

— Ничего, кроме оскорблений, — сказала она ему. — Я, пожалуй, лучше не буду повторять эти слова, если не возражаешь.

— Так ты никогда не видела их раньше?

— Никогда, — честно ответила она.

— И они не знали тебя, — сказал он это почти про себя, и она решила отнестись к вопросу, как будто на него не требовался ответ, — так что, думаю, тебе просто не повезло, — затем он встал. — Все чисто, — сказал он. — Теперь нам стоит позвонить в полицию.

— Ох, нет, правда, давай не будем, — попросила она его. — Какой в этом смысл?

Она уже солгала своему редактору, говоря недомолвками, и не хотела усугублять свой грех, вводя в заблуждение и полицию.

— Было темно, и я едва ли смогу их описать. Последним, что мне сейчас нужно — провести пару бесполезных часов в полицейском участке.

Поначалу все выглядело так, как будто он собирается с ней поспорить.

— Я в порядке, — уверенно сказала она, — правда.

— Хорошо, — неуверенно произнес он, — если ты так уверена.

Затем Хелен встала и сразу же пожалела об этом, вскрикнув от боли. Он подхватил ее, когда ее колено подкосилось, и помог ей снова встать прямо.

— Я в порядке, — сказала она, но он не отпустил ее руку.

Вместо этого, он повел ее к двери, поддерживая, пока они шли.

— Я подвезу тебя домой, — сообщил он. — С твоей машиной здесь все будет в порядке за ночь, и я заберу тебя на работу утром.

— Пойдут сплетни, — сказала она ему.

— Мне все равно, а тебе?

— И мне.

Глава 10

Пока он ехал на машине в тюрьму, Том Карни в глубине души знал, что он обманывает сам себя. Это было одноразовой работкой, убеждал он себя, которая, вероятно, продлится только неделю или две, но она не означала, что парень вернулся в журналистику и, определенно, не стал бы писать еще одну книгу. С финансовой точки зрения, работа была необходима, ведь он отчаянно нуждался в деньгах и точно не бросал попытки отремонтировать дом. Вероятно, теперь он сможет позволить себе нанять кого-то в помощь, чтобы покончить с некоторыми самыми сложными делами.

Он не признавался себе в правде. Том испытывал нечто, что он не испытывал уже давно: прилив предвкушения. Он был заинтригован делом Ребекки Холт. Том верил, что с этим делом связаны тайны, и он хотел стать первым, кто их раскроет.

— Что вы обо мне думаете, Том? — резко спросил Ричард Белл, как только они сели в комнате для посетителей. — Будьте честными.

— Думаю о вас?

— Я уверен, что вы сделали свою домашнюю работу, и мы провели некоторое время вместе. Какое впечатление обо мне у вас сложилось?

— Я пока не уверен.

— Я выгляжу как убийца? — закинул удочку Белл.

— Очень немногие люди выглядят, как убийцы.

— Тогда зачеркните это. Вы верите, что я убийца?

— Я честно не знаю, Ричард.

Вероятно, он надеялся на большее.

— Ну, по крайней мере, мы уже называем друг друга по именам.

— Однако, вы способны на насилие, — напомнил ему Том.

— На меня напали, — запротестовал Белл. — Это была самооборона.

— Я не имею в виду здесь. Я говорю о вашей бывшей девушке.

— То было много лет назад. Боже, мы были детьми.

— Вам было двадцать.

— Вы не помните, каково это было быть в том возрасте?

— Я никогда не бил женщин.

— Это была пощечина, — возразил Белл, — не удар кулаком, и я не горжусь этим.

— Это не пошло вам на пользу в заде суда.

— Послушайте, это было очень давно, эта девушка довела меня. Я сорвался, и с тех пор об этом сожалею. Спросите Марка...

— Вашего шафера? Свидетеля, который дал не те показания, которых вы ожидали?

— Не его вина, — сказал Белл, — адвокат обвинения веревки из него вил, но он расскажет вам правду. То, что случилось с Эми, не делает меня убийцей.

— Не стану лгать вам, — сообщил Том, — я могу заняться ради вас этим делом, но не стану подслащать то, что найду.

— Я не убивал Ребекку Холт. Не бил женщину, которую любил, по голове гвоздодером.

Я знаю, что то, что я произношу это вслух, не заставит вас поверить мне, но я не сдамся, пока не очищу свое имя.

— Кто сказал, что это был гвоздодер? — спросил Том, фиксируя свой взгляд на Белле.

— Ну, — было ли это легкой заминкой в его ответе, — у прокурора был свидетель-эксперт...

— Он сказал, что это был тупой инструмент.

— Который, скорее всего, был молотком, — уверенно поправил его Белл, — судя по размерам отметин от ударов на черепе Ребекки.

— Молоток, да, но он не сказал, что это был гвоздодер.

— У вас есть молоток, Том?

— Конечно.

— Обычно, у них есть плоская поверхность с одного конца, чтобы забивать гвозди, и раздвоенные зубцы с другой стороны, чтобы вытаскивать их снова, — и он посмотрел Тому прямо в глаза, — отсюда и мое использование слова, гвоздодер.

— Хорошо, — сказал Том, не став развивать тему, — так вы говорите... что хотите очистить свое имя.

— Свобода без оправдания для меня бессмысленна. Как я смогу посмотреть моим дочерям в глаза и сказать им, что их папочка — убийца, — спросил Ричард, — или пытаться объяснить, что я не убийца, но мне пришлось признаться в этом, чтобы иметь возможность выйти из тюрьмы?

— Я понимаю.

— Понимаете? Я всерьез сомневаюсь в этом. Не то, чтобы говоря об этом, что-либо изменится. Я все еще буду здесь без надежды на освобождение долгие годы. Что вы планируете сделать в следующие пять лет, Том: повстречать девушку, остепениться, завести детей, получить дом, может быть работу получше с лучшими перспективами? Все люди обычно планируют это. Пытаются улучшить свои жизни. Для меня все это недостижимо, пока этот кошмар не закончится. Никаких женщин, никакой выпивки, дерьмовая еда, нет ничего к чему стремиться. Как вы думаете, что скажет большинство людей, если они узнают, какой была моя жизнь?

— Что вы заслужили это, — предложил Том ответ, — за то, что убили Ребекку.

— Да, — согласился он, — вы правы. Я думаю, это именно то, что скажет большинство людей: но я не убивал Ребекку. Вы должны поверить мне.

— Нет, не должен, — сказал ему Том, — я ничего не должен, — и прежде чем Белл смог возразить ему, он добавил: — но я решил, что займусь вашим делом. Я проведу небольшое расследование и посмотрю, смогу ли я откопать что-либо новое, и, с вашего разрешения, я поговорю с вашими близкими и дорогими людьми, чтобы посмотреть, смогут ли они пролить некоторый свет на события того дня. Но вы не будете в состоянии контролировать мое мнение или выводы, и вам может не понравиться то, что я обнаружу, — предупредил Том. — Если есть что-то, чего вы не знали о Ребекке, или я обнаружу настоящую причину, по которой она оказалась убита...

— Том, заверяю вас, я смогу жить с любым знанием, если альтернатива этому оставаться здесь всю оставшуюся жизнь.

— А что, если все улики, которые я найду, все еще будут указывать на вас?

— Тогда мне не станет хуже, но я искренне верю, что вы найдете настоящего убийцу.

— Как вы хотите, чтобы все было? Я продолжу посещать вас с новостями?

— Начальнику тюрьмы не понравится эта идея.

— Почему?

— Потому что он знает, что рано или поздно, один из охранников продаст историю в газеты.

— Какую историю?

— Журналист возобновляет расследование дела об убийстве Ребекки Холт, — пояснил Белл. — Вы можете держать в курсе мою жену. Энни регулярно приходит с визитами, и так никто не узнает, что вы работаете на нас.

Тому понравилась эта идея. Он не горел желанием добавлять в свое резюме работу на осужденного убийцу.

— У меня все еще есть много вопросов.

— Тогда вам лучше их задать.

***

Она попросила пару выходных, и Грэхем сказал, что она их заслужила. Он сказал Хелен, что в любом случае может быть хорошей идеей залечь на дно после инцидента, при ясном свете дня Хелен могла игнорировать его, в особенности потому, что повреждения ее колена были не так серьезны, чем она первоначально подумала. Кроме болезненной скованности, когда она поднималась и спускалась по лестнице, оно было уже в полном порядке. Ее выходные совпали с выходными ее парня, которому отец дал парочку свободных дней за всю тяжелую работу, которую он в последнее время сделал на пользу семейному бизнесу. Это была небольшая сеть магазинов ковров в Суррее, которой Питер полностью пренебрегал, когда они впервые встретились. Он не собирался работать на старика, с убежденностью заверял ее Питер. Он собирался начать свой собственный бизнес. Она ему поверила.

Через год после окончания учебы наступила реальность, и Питер сказал ей, что все-таки собирается работать в этом бизнесе. Казалось перспектива работы на начальном уровне, пока он копит деньги и планирует свое собственное предприятие, была не очень привлекательной.

— Таким образом, я получаю надлежащий практический опыт, прежде чем открою свое собственное дело, — с энтузиазмом говорил он.

Несколько лет спустя Питер больше не говорил о своих мечтах, только о тонкостях бизнеса по продаже ковров, которые он готовился перенять, Хелен больше о них не спрашивала.

Они шли вдоль берега реки вместе. Бодрящий бриз дул со стороны Тайна.

— Разве это не красивый город? — заметила она о своем приемном доме.

Ее парень фыркнул:

— Что в нем красивого? Половина города — стройплощадка.

— Они отстраивают место. Когда закончат, город будет выглядеть восхитительно. Они собираются построить огромный концертный зал на берегах Тайна, и считают, что смогут получить финансирование от этой новой лотереи. Они собираются превратить «Балтик Флор Милл», — она показала через реку на внушительное старое здание, — в художественную галерею.

Когда Питер на это не поделился своими мыслями, она продолжила:

— Конечно же, это займет годы...

— Если вообще минует стадию планирования.

— Но, когда все построят, это будет фантастикой. В любом случае, я все еще считаю,

это место красивым, здесь у берега реки под мостом.

Она, действительно, так считала. Наряду со знаменитым мостом Тайна, существовал и высокоуровневый мост имени Роберта Стивенсона, инженерное чудо из кованого железа, которое обеспечивало как автомобильное движение, так и проезд поездов в единой, двухуровневой конструкции, охватывающей реку со времен королевы Виктории. Она уже собиралась сказать ему, что это тот мост, который снимали в «Убрать Картера», но он мог спросить ее, как она это узнала, а это ей рассказал Том Карни, когда они спешили по нему по пути назад. После встречи с ключевым выжившим свидетелем по делу Шона Донеллана Питер не любил упоминаний о Томе. Он не ревновал, по его словам, а просто не любил ее «болтовню» о парнях, с которыми она работала. В любом случае, Питер не любовался мостами. Он хмурился на каких-то молодых девушек в коротких юбках, которые хрипло смеялись и попались им на пути в паб.

— Здесь вообще кто-нибудь носит пальто?

Она задумалась, собирается ли он сказать, что они все, вероятно, накликают на себя смерть. Когда она тотчас же ему не ответила, Питер повернулся и посмотрел на нее так, будто она отнеслась к нему с невниманием.

— Просто потому что я не нахожу этот северный выселок на краю вселенной прекрасным, — он говорил в этом преувеличенном я-только-шучу тоне в дополнении с победной улыбочкой, той, что подействовала на нее в ночь, когда они впервые познакомились в баре их студенческого клуба, — не означает, что я не счастлив находиться здесь. Город может и некрасивый, а ты — да.

Он положил руки ей на талию, а затем поцеловал ее в лоб, что было милым, но это заставило ее почувствовать себя маленькой девочкой, которую наставляет мужчина, который считает себя старше и мудрее, даже хоть они и были одного возраста.

— И я, черт возьми, замерзаю, — сказал он ей, а затем мелодраматически задрожал, — так может, мы найдем, пожалуйста, паб или что-то еще?

Он все еще говорил в этой легкомысленной манере, как будто все было просто слишком глупым, чтобы из-за этого расстраиваться.

— Ну, знаешь, такой, что без опилок на полу.

Она хотела сказать, что никогда не была в пабе в Ньюкасле с опилками на полу, но Хелен знала, что он вздохнет и скажет: «Я пошутил», а затем перейдет к одному из своих дурных настроений, так что она согласилась пойти выпить, так как это было легче, чем продолжить спорить, даже хоть их прогулка длилась едва ли сотню ярдов вдоль берега реки.

Направляясь в паб, она поняла, что задумалась, стал бы Том Карни сливаться с такой прохладной осенней прогулки, как эта. Нет, подумала она, не стал бы, но он, вероятно, так же не разделит бы романтического представления Хелен о постиндустриальном городском пейзаже, с его кранами и тяжелыми балками в постоянном движении на южном берегу реки. Том был таким же, как и множество людей, которых она встретила, когда переехала сюда: яростно защищающий северо-восток от приезжих, но так же, вероятно, хающий это место среди своих из-за отсутствия здесь перспектив. Рассеянно, Хелен поняла, что задумалась, чем сейчас занимается Том Карни.

Глава 11

— Когда полиция впервые спросила вас, вы отрицали, что у вас была интрижка с Ребеккой Холт.

— Да, — признал Белл, и Том стал ждать объяснения. — Кто бы не отрицал? Я

запаниковал. В тот момент я подумал, что рискую лишь своим браком, но от того, что я отрицал все с самого начала, я выглядел не лучшим образом позже, когда об этом упоминалось в суде. Теперь я это понимаю. Обвинение выставило меня прожженным лжецом, который даже не расстроился, узнав о смерти Ребекки.

— А это было не так? — спросил Том. — Я имею в виду, вы расстроились?

— Конечно же! — заявил Белл. — Я не мог поверить своим ушам. Я был глубоко привязан к Ребекке, и, когда полиция сказала мне, что ее убили, ну, я был абсолютно шокирован.

— Что они сказали?

— Что тело Ребекки было найдено в ее машине. Что она была припаркована на тропе влюбленных, и что ее убили.

— Они сказали, как ее убили?

— Поначалу, нет, но я спросил их.

— И что они ответили?

— С помощью тупого инструмента.

— Что вы почувствовали, когда услышали это?

— А как вы думаете, я себя почувствовал? — огрызнулся Белл.

— Без понятия, — спокойно ответил Том. — Может быть, вы были шокированы и абсолютно опустошены или, вероятно, вы были обеспокоены, что полиция может подумать, что это сделали вы. Возможно, вы запаниковали, потому что вы не хотели, чтобы ваша жена узнала о вашей секретной любовнице, может быть, вы беспокоились о том, что все потеряете: работу, деньги, дом, семью. Я не знаю, Ричард, потому что я не знаю вас. Вот в чем дело и вот почему я задаю вам все эти вопросы... и, если вы хотите помочь мне, тогда вам и в правду стоит ответить на них.

Ричард Белл поднял руку, чтобы утихомирить Тома.

— Извините, вы правы, вы не знаете меня и ничего обо мне, кроме того, что я рассказывал вам, и того, что вы прочитали в газетах.

Затем он умолк, и казалось, вспоминал тот момент, когда полиция постучалась в его дверь. Наконец, он заговорил.

— У меня было такое ощущение, будто кто-то ударил меня в живот. Я помню, как мне пришлось собрать всю силу воли, просто чтобы устоять и не рухнуть на пол перед ними.

— Они опрашивали вас прямо там на пороге?

— По большей части: они спрашивали меня о моих отношениях с жертвой. Я сказал им, что мы были друзьями, которые встретились в спортивном клубе. Затем они спросили меня, были ли мы просто друзьями, и я заверил их, что да, — и он покачал головой. — Я не знал, что они уже знали. Иначе...

Ричард пожал плечами.

— Вы бы признались в ваших отношениях?

— Да, конечно, но в тот момент я все еще надеялся, что это не всплывет. Я пытался минимизировать ущерб.

— Откуда они узнали?

— Из одной из моих записок, — ответил он. — Ребекка сунула ее в бардачок. Она, должно быть, забыла уничтожить ее. Очевидно, они сразу же ее нашли. Я не думаю, что полиция, с того дня и до сегодняшнего, всерьез рассматривала других подозреваемых.

— Почему нет?

— Я не знаю, — и, когда Том ему не поверил, добавил: — правда, не знаю. Вам стоит спросить их. Я честно не могу понять, почему они предположили, что я убил Ребекку, а не скажем, ее муж, или какой-то случайный псих.

— О, да, теория о психе, — произнес Том.

— Почему вы так говорите?

Том процитировал слова из письма Белла.

— Он все еще где-то там, выжидает, чтобы совершить это снова.

— Это же привлекло ваше внимание, разве не так? — мрачно улыбнулся Белл.

— Это единственная причина, по которой вы написали это в письме? — спросил Том.

— Чтобы выманить меня сюда?

— Были сообщения о мужчине, рыскающем в области рядом с тропой любовников в течение многих лет. Многочисленные инциденты приписывают этому мужчине или, вероятно, нескольким мужчинам. Полиция не знает, тот ли это человек, и это очень обширная территория, вот почему люди встречаются там для...

— Секса?

— Я собирался сказать ради уединения, — возразил Белл, — но да, если вы собираетесь заняться с кем-то в машине сексом, тогда Безымянная Тропа такое же хорошее место для этого, как и другие.

— Еще тогда, когда я был подростком, ее называли «Аллеей Потрахушек».

— И вполне обоснованно, — признал Белл. — Тропа тянется на мили через поля между двумя магистралями, а по обеим сторонам идут густые леса. Это сочетание всегда будет привлекать любовников, плюс всякого рода озабоченных людей. Только, когда мы занялись делом против меня, мы узнали, что есть парни, которые чем только не занимаются там в лесах и полях, окружающих тропу.

— Какого рода вещами?

— Вуайеризм, для начала, — начал перечислять он. — Одного парня арестовали с камерой и увеличительными линзами. Он делал фотографии людей, занимающихся сексом в машинах. Они не знают, шантажист он или просто старомодный извращенец. Большинство людей не имеют понятия, что происходит в лесах. Я, определенно, не знал. Там было больше одного насильника, — сказал ему Белл, — некоторых поймали, а некоторых — нет. Это те, с кем лучше не искать встречи.

— Но Ребекка Холт не была изнасилована, — напомнил Том Беллу.

— Нет, — сказал Белл, — она была избита насмерть безумцем, — и он посмотрел Тому прямо в глаза.

— Хорошо, — сказал Том, — предположим, что это были не вы и не безумец. Кто еще это мог быть?

— Ее муж, — ответил Белл, несколько не сомневаясь. — Я серьезно. У кого была самая большая мотивация? Если он узнал о нас...

— Возможно, — согласился Том, — но почему он вместо этого не убил вас?

— Я не знаю. Потому что я могу дать отпор? Вероятно, ему не понравились его шансы против другого мужчины. Может, он просто не мог вынести мысли, что его собственностью воспользовался кто-то другой, так что он решил уничтожить ее.

— Его собственностью? — повторил Том. — Вещью?

— Так он ее воспринимал, — сказал Белл.

— Она вам это рассказала?

— Недвусмысленно, — и, когда Том не поверил ему, Ричард добавил: — Ей не нужно было говорить мне этого, но кое-что она упоминала.

— Что, например?

— Он был ревнивым собственником, — сказал Ричард.

— Похоже, у него на то была причина.

— Не сразу.

— Так значит, он довел ее до этого?

— Ему не нравилось, когда она гуляла одна. Он не хотел, чтобы у нее вообще были друзья. Жаловался, если она красиво одевалась, шла куда-то без него, или, если надевала что-то слишком открытое, когда он был с ней. Однажды, он сказал ей, что все, чего он хочет, — держать ее в клетке. Мужик думал, что это комплимент.

— Хорошо, — сказал Том, — я проверю это.

— Вы поговорите с ее мужем?

— Да.

— Тогда будьте осторожны. Скажите людям, что собираетесь увидеться с ним, а затем убедитесь, что он знает, что вы сказали им. Я не хочу прочитать о вас, вымытом на берег Тайна.

— Этого не случится.

— Фрэнди Холт — безжалостный человек, который не любит, когда ему переходят дорогу, — сказал Белл. — У него однажды были проблемы с профсоюзом, давным-давно. Он заставил их отступить.

— Как?

— Старомодным способом, используя крупных парней с ручками от топоров.

— Откуда вы это знаете?

— Все это знают. Я удивлен, что вы не слышали слухов.

— Не слышал, — признался Том, — но я их проверю, — и на мгновение он задумался. — Если он такой человек, который посылает мужчин с ручками от топоров к своим врагам, сделал бы он это и против вас, если бы узнал, что вы трахались с его женой?

— Я думал об этом. Если бы он узнал, что я за его спиной занимался сексом с Ребеккой, он мог испытать соблазн переломать мне все кости, — сказал Белл, — но кости срастаются, а такое наказание длится всю жизнь, практически буквально.

— Вы, в самом деле, утверждаете, что он ложно обвинил вас?

— Я утверждаю, что это вероятно. Я не знаю, но это, определенно, в его стиле. Он избавился от неверной жены так, чтобы не пришлось платить ей ни пенни алиментов, и в то же самое время отомстил ее любовнику. Я бы сказал, что это эффективный способ поквитаться, вы так не считаете?

— Если предположить, что он не любил свою жену, — сказал Том.

— Я бы не назвал это любовью, — заверил его Белл.

— Объясните мне послания через тайники, — попросил Том. — Зачем так заморачиваться?

— Это может выглядеть сложно, — сказал Белл, — но я не мог позвонить Ребекке домой, потому что я никогда не знал, когда ее муж там. Не так много раз можно сказать: «Извините, ошибся номером». У нее не было мобильного телефона. Зачем бы он был ей нужен? Ребекка была по большей части домохозяйкой. Она едва ли могла обосновать перед ним необходимость иметь мобильный, когда у нее не было причин его иметь, кроме как,

чтобы завести с кем-то интрижку за его спиной. У него сразу же возникли бы подозрения. Его рабочий график не был фиксированным, как у обычных мужчин. Иногда, он отсутствовал несколько дней подряд или появлялся внезапно и без предупреждения. Мы гадали, делает ли он это специально, чтобы ее проверить. Если она будет дома, когда он вернется, тогда ладно, но, если ее там не окажется, то подвергнется допросу с пристрастием: где была и с кем? Если была одна, в какие магазины ходила, если с друзьями, кто они, если они ходили вместе на ланч, что ели? Это частенько сводило ее с ума, он был чертовски склонен к контролю и никогда не доверял ей.

— Так значит, вы использовали тайник, чтобы договариваться о встречах на Безымянной Тропе.

— Да, но я не планировал встречаться с ней в тот день.

— Тогда зачем она туда поехала?

— Я не знаю.

— Она встречалась с кем-то еще?

— Боже, нет.

— Вы в этом уверены? — Белл кивнул. — И вы, точно, не планировали встречу в день ее убийства?

— Точнее некуда. Я бы не забыл о встрече с ней. Во-первых, они требовали подготовки, и...

— Продолжайте.

— Ну, они были запоминающимися.

— Из-за секса?

— Да, — с вызовом ответил Белл, — но не только. У нас была связь.

— Вы любили ее?

— Ребекку?

Том кивнул.

— Это закономерный вопрос. Я не просто так любопытствую.

— Думаю, что да.

— Думаете?

— Я не уверен, что знаю, что это слово значит. Я не думаю, что когда-либо любил. Были времена, когда я встречался с Ребеккой и был так счастлив, что, в самом деле, чувствовал, как мое сердце бьется в груди: но любовь ли это или просто похоть? Затем впоследствии, я уезжал от нее, чувствуя себя абсолютно довольным, за исключением того, что думал, когда мы увидимся с ней в следующий раз. Это любовь? Вероятно, да.

— А она вас любила?

В этот раз он не колебался с ответом.

— Да.

— Она вам так сказала?

— Она использовала это слово.

— А вы использовали это слово?

— Это имеет отношение к делу?

— Пока не знаю: но я подозреваю, что мне придется задать вам более смущающие вопросы, чем этот, прежде чем мы все выясним, так почему бы вам просто не ответить?

— Нет, да, в некотором роде, — он вздохнул. — Я привык автоматически отвечать «Я тоже» или «Как и я» и иногда может «Люблю тебя тоже».

— Но вы бы произнесли это быстро, как будто несерьезно к этому относитесь?

— Вероятно, — признался он.

— Женщины такое замечают, — сказал ему Том.

— Я знаю, — ответил Белл, — я понимаю женщин, поверьте мне. Я просто всегда ассоциировал слово «любовь» с чем-то постоянным, и я не представлял, как мы можем иметь постоянные отношения.

— Почему не представляли? Если она любила вас, она могла уйти от мужа, а вы могли попросить у жены развода.

— По вашим словам, все очень просто.

— Могло быть.

Белл покачал головой.

— На что бы мы жили? Если бы я попытался развестись с Энни, меня бы вышвырнули с работы вот так, — и он щелкнул пальцами. — Если бы Ребекка бросила своего старика, он бы долгие годы натравливал на нее адвокатов. У него деньги вложены повсюду, некоторые на банковских счетах в Джерси, другие в недвижимости за границей, такого рода вещах.

— Тем не менее, вы все еще могли бы так поступить, — упорствовал Том, — порвать со всем, начать с чистого листа, если бы, действительно, этого захотели.

— Да, ну, вероятно, тогда мы просто были ленивыми, — его голос смягчился. — И у меня были дочери, о которых нужно было думать.

— И что вы чувствуете к ним? — спросил Том. — К вашим дочерям, то есть.

Его ответ был мгновенным.

— Я люблю их больше жизни.

Том решил не трогать эту тему.

— Разве это было не слишком затейливо? — спросил он вместо этого. — Оставлять сообщения друг другу в стене?

— Я едва ли мог писать ей письма или оставлять записки в замороженной фасоли в местном супермаркете.

— Но вы часто виделись с ней в спортивном клубе?

— Так мы познакомились, но я никогда на самом деле не был там с ней наедине. Всегда кто-то был поблизости. Если замужнюю женщину видят в баре или на теннисном корте более чем единожды с тем же самым парнем, все сразу же предполагают, что они занимаются сексом. Тут любят сплетни. У них есть деньги, они не работают, и им скучно. Они обожают ловить кого-то, занимающимся тем, чем ему не положено.

— Как вы до этого додумались?

— Вы можете винить в этом Энни. Она купила мне на рождество роман про шпионов. Главный герой должен был контактировать со своим агентом во вражеской стране, так что они придумали тайник. В общих чертах, нужно написать записку, а затем найти место, где ее оставить, но это место должно быть где-то, где никто случайно на нее не наткнется. В каменных изгородях на полях полно болтающихся камней. Мне просто пришлось один отметить, чтобы Ребекка могла найти его. Я взял баллончик краски и нарисовал на камне белой краской, а затем оставил свою первую записку и поставил камень на место. Это было легко.

— Как Ребекка узнала, когда забрать ее?

— До этого момента, мы старались видеться друг с другом каждые два или три дня в то же самое время в том же самом месте, но в половине случаев этого не происходило. Если ее

муж был дома или, если старик Энни собирал встречу с клиентом, я не мог вырваться, один из нас оставался сидеть там, так что я пообещал, что найду способ получше. Каждое утро по пути на работу, я отвлекался на пару минут, нацарапывал записку Ребекке и оставлял ее за камнем в стене. Иногда, записка гласила, что я смогу увидеться с ней в этот день и в какое время, или, по меньшей мере, я мог сказать ей, что не смогу с ней встретиться.

— Ребекка приходила позже утром, забирала мое сообщение и оставляла одно для меня. Я отлучался с ланча или по пути куда-то, и забирал ее ответ. Иногда, она подтверждала нашу встречу, иногда говорила, что не сможет прийти, что всегда было разочарованием, но, по крайней мере, я оказывался в курсе и не тратил время, ожидая ее там.

— Это все, что вы писали? Просто время встречи?

— Поначалу, но иногда, мы оставляли друг другу письма. Ребекка начала это.

— Что было в письмах?

— Просто, ну знаете, что мы чувствовали друг к другу, как мы хотели быть вместе, а не прикованы к другим людям. Это был наш способ поддерживать искру, когда мы не могли увидеться друг с другом.

— Но вы оба уничтожали эти письма?

— Конечно.

— За исключением того, что Ребекка оставила в бардачке, — напомнил он Беллу. — Должно быть это напрягало, вся эта игра в шпионов.

— Да, но знаете что: также это было и захватывающе. Мы крались по округе, как парочка подростков, чьи родители не одобрили того, что мы вместе. Ну, знаете, как будто мы были одни против всего мира. Это все было частью игры.

— Я понимаю, — сказал ему Том, — так что произошло в тот день, когда ее убили?

— Я не знаю, — сказал ему Белл, — мы не встречались в тот день. Ей не полагалось там быть.

— Это я и пытаюсь понять, — сообщил ему Том. — Если вы утверждаете, что она была убита каким-то проходившим мимо маньяком, что она каким-то образом оказалась в не том месте, в не то время, и, что вы прибыли туда спустя пять минут, в это, откровенно говоря, сложно поверить, но все же это куда убедительнее, чем ваша история.

— Это не история, Том, — сказал Белл, — это правда.

— Тогда что она там делала, если вы не назначали ей встречу? Кто-нибудь еще знал о тайнике?

— Нет.

— Вы в этом уверены?

Белл кивнул.

— Я был очень осторожен. Поблизости никогда никого не было, когда я клал письмо в стену. Никто больше не знал об этом, только если...

— Только если что?

— Ребекка рассказала им о нем.

— Зачем ей это?

— Она бы не стала, — сказал Белл. — Я много об этом думал. Даже, если по какой-то необъяснимой причине, Ребекка хотела рассказать об этом подруге, если она ощущала потребность похвастаться или признаться или спросить совета, не было бы никакой причины открыть точное местоположение наших сообщений, ведь так?

— Не было бы, — согласился Том, — что оставляет вас с проблемой и большим

пробелом в вашей истории. Если это было единственным способом, которым вы общались друг с другом, кроме тех случаев, когда вы физически были вместе, тогда она пошла к вашему привычному месту в тот день, если вы не звали ее?

— Я не знаю, — признался Белл.

— Могла ли она перепутать день или время?

— Может быть. Хотел бы я знать, поверьте мне. Этот вопрос гложет меня больше двух лет.

— Мог ли кто-то проследить за ней и увидеть, как она оставляет там сообщение?

— Такая вероятность есть, но я сказал ей быть очень осторожной, не останавливаться, если она думала, что за ней следят или, если она видела кого-то, кого знала. К тому же стена расположена вдали от главной дороги. Нельзя просто проехать по тому пути незамеченным, так что я не понимаю, как это могло случиться.

— Тогда у вас очень большая дыра в вашей истории, потому что я не представляю, как она могла быть там в тот день, если вы не назначали встречу.

— Я знаю, — сказал Белл, и он поставил локти на стол и в растерянности поднес руки к лицу. — Я схожу с ума, думая об этом.

— Есть еще ваше алиби, — сказал Том, — или же его отсутствие. Вы сказали суду, что ходили навестить бывшую любовницу.

— Я бы не стал ее так называть.

— Но у вас был с ней секс.

— Она была официанткой в спортивном клубе, и это было лишь два раза. Просто немного веселья.

— И, тем не менее, она позвала вас на срочную встречу, и вы бросили все и поехали в ее квартиру.

— Она написала мне в офис и сказала, что думает, будто беременна, — Белл рассердился. — Можете ли вы представить, как я чувствовал себя, когда получил ту записку? Она сказала мне, что ей нужно увидеться со мной. Я беспокоился, что она собирается рассказать всем, что ребенок мой, если я не приеду.

— И когда вы ей позвонили?

— Ее там не оказалось. Она внезапно уехала, и дом был пуст.

— К тому времени, ее не было две недели, — сказал Том, — уехала путешествовать по миру, что, скорее всего, наносит удар по вашему заявлению, что она утверждала, что беременна и отчаянно желает увидеться с вами тем днем.

— Я знаю, — согласился Белл, — полиция не смогла найти ее, хоть я и не думаю, что они очень уж пытались.

— Как вы можете объяснить ее письмо?

— Розыгрыш от одного из ее друзей или жестокий трюк, который она разыграла, чтобы подставить меня, потому что я не был заинтересован в том, чтобы снова с ней увидеться? — Ричард покачал головой. — Я не знаю, каковы были ее мотивы.

— Вы не смогли предоставить письмо, когда о нем спросила полиция.

— Я пустил его в шредер, — сказал Белл. — Едва ли я мог оставить его в своем портфеле. Что, если бы Энни нашла его?

— И время этой встречи совпадает со временем смерти Ребекки.

— Плюс минус час, — и он вздохнул. — Я понимаю, как все выглядит, поверьте мне.

— Да, — произнес Том, — выглядит дерьмово. Все выглядит так, будто вы ее убили.

— Тогда почему вы все еще здесь, — с вызовом спросил Белл, — если вы считаете, что я совершил это?

Он откинулся на своем стуле и уставился на репортера.

— Я жду, что вы убедите меня в обратном, — сказал ему Том. — Вероятно, я хочу поверить вам, может, я чувствую, что в этом деле что-то не так. Вы можете говорить правду, и, когда я смотрю на доказательства против вас, они выглядят очень удобными: несколько небольших деталей, которые в сумме значат не так уж много, но они настроили против вас жюри присяжных.

— Продолжайте.

Том начал перечислять по пальцам, пока Белл слушал его.

— Во-первых, вы им не понравились. Они увидели в вас высокомерного бабника. Во-вторых, вы не могли внятно объяснить, почему Ребекка была там в тот день, когда умерла, если вы не звали ее. В-третьих, судья полностью проигнорировал замечание, что Ребекку мог убить незнакомец. В-четвертых, у вас не было алиби, но у ее мужа и вашей жены оно было. Это исключает двух других людей, которые могли иметь мотив убить ее, в особенности, муж, так как мы знаем, что удары убийцы были так сильны, что их мог нанести только мужчина. Но алиби можно купить или сострять, особенно, богатому бизнесмену.

— Именно, — согласился Белл.

— Только вот как, черт возьми, мы докажем это, я не знаю.

— Эта несправедливость так злит меня, — произнес Белл. — Скажу вам вот что, Том, я даже задумывался о том, чтобы убить здесь человека, только, чтобы просто иметь возможность сказать, что на самом деле заслужил наказание, которое получил. Не то, чтобы здесь не было достаточного количества подходящих кандидатов. Вы не поверите, какие здесь подонки. От них мороз по коже.

Том внимательно посмотрел на Белла. Он не понимал, что слова, которые он только что произнес, показали его как человека, который может быть способен на что угодно.

Глава 12

— Разве это метро не фантастика? — заявила Хелен, когда они вышли, шурясь, на свет морозного, но солнечного полудня, — еще пара остановок и мы вернемся в Джеммонд. Да к тому же, и поезда всегда наполовину пустые.

— Это потому что они все еще в постели, — резонно заметил Питер, — если только это не день-выдачи-соцпособий.

Питер делал так все чаще и чаще в последнее время, верил в каждый местный стереотип и отпускал насчет этого идиотские шутки: ливерпульцы все воры, шотландцы алкоголики, йоркширцы никогда не угощают всех выпивкой, а жители Джорди все безработные. То были взгляды, о которых он никогда бы не стал высказываться в колледже, но казалось, что он отказался от идеи непредубежденности в день их выпуска.

— Мы ходили в университет с людьми из разных частей страны, — напомнила она ему, — включая северо-восток.

— Они не в счет, — сказал он ей с блеском в глазах. — Они уехали оттуда, и я готов поспорить, что ни один из них обратно не вернулся. — А затем добавил: — Никакой работы, к которой стоит возвращаться.

— Знаешь ли, у большинства людей здесь есть работа.

— Как скажешь, — сказал он так, будто потворствовал ей.

— Не всем выпадает шанс работать на своего папочку.

Слова вылетели из ее рта прежде, чем она смогла их остановить. Она почувствовала, как все его тело напряглось. Спустя пару шагов он отпустил ее руку, что знаменовало начало одного из его дурных настроений. Затем ей следовало приносить извинения. То, что он убрал руку, было ясным сигналом, который Хелен выбрала проигнорировать. Он ничего больше не сказал, потом они вернулись в ее квартиру.

Они съели ужин, который она приготовила, затем посмотрели видео, которое он выбрал в ее местном «Блокбастер». Она перестала его смотреть во время второй погони и вместо этого почитала книгу. Книга повествовала об организованной преступности на северо-востоке в шестидесятые и семидесятые года. В ней было полно пользующихся дурной репутацией персонажей, большинство из которых давно были мертвы. Она содержала рассказы об избиениях, протекционном рэжете и войнах за контроль над игровыми автоматами в барах и клубах. Там были продажные копы, коррумпированные политики, нераскрытые убийства и связи с лондонскими гангстерами, такими как близнецы Крей. Хелен чувствовала, как будто погружается в историю криминального мира, тему которого теперь освещала. Даже при фоновом шуме от идиотского боевика, она не могла перестать читать.

— Какое жизнерадостное чтиво, — в какой-то момент сказал ей Питер, между криками. Позже, они пошли в постель.

— Ты не возражаешь, если мы не будем? — спросила она, а он вздохнул, как будто это была самая несправедливая вещь, которую он слышал.

— Нет, — просто ответил он, что, конечно же, значило «да», и она задумалась, собирается ли он сейчас напомнить ей о стоимости билета на поезд.

Он не сильно переживал, потому что уснул и захрапел через несколько минут, оставив Хелен бодрствующей и беспокойной. Полчаса спустя она оставила попытки уснуть, пошла в гостиную и продолжила чтение.

***

Следующим утром Том въехал на машине на частную подземную парковку, проигнорировав предупреждающие знаки, что ему с высокой вероятностью поставят зажим на колесо, если только он не клиент. В здании размещалось порядочное число юридических фирм, и никто не может точно знать, кого он приехал здесь навестить.

Он поднялся по лестнице на второй этаж, который начинался с зоны стойки регистрации с мягкими кожаными креслами перед несколькими офисами со стеклянными стенами. Стол стойки регистрации «Стоуна, Никсона и Стоуна» занимала неулыбчивая стражница, которая взирала на него с подозрением по мере его приближения.

— Я здесь, чтобы увидеть мистера Никсона, — произнес Том с тем, что он надеялся, было аурой непоколебимой уверенности.

Лицо женщины за стойкой регистрации помрачнело.

— У вас назначена встреча?

— Я звонил несколько раз, но никто не перезвонил, так что я подумал, что заскочу.

— Вы — репортер, — сказала она, как будто в этом был смысл, — мистер Карди.

— Карни, — поправил он ее, — Том Карни. Я работаю над материалом, освещающим «Стоун, Никсон и Стоун». Мистер Никсон захочет узнать о нем, прежде чем он поступит в печать.

— Не думаю, — сказала она, — иначе он бы вам перезвонил. Мы не разговариваем с журналистами.

— Даже с теми, которые собираются рассказать о вашей фирме на первой полосе газеты, которую читают четыре миллиона человек?

Он блефовал, но она на миг стала выглядеть немного менее самоуверенной, а затем быстро вновь восстановила самообладание.

— Боюсь, что мне придется попросить вас уйти, — сообщила она ему ледяным тоном.

На столе стойки регистрации была кучка глянцевых брошюр, и Том взял одну.

— Так, почитать, — сказал он ей.

— Если вы сейчас же не уйдете, я позвоню в полицию.

— Ладно, — сказал Том, раздраженный чувством превосходства женщины, — тогда увижу вас на первой полосе, — и он бросил взгляд на ее именной бейдж, — Кэрол.

При этих словах ее лицо покраснело, и она прошипела: — Убирайтесь.

Том одарил ее своей лучшей обезоруживающей улыбкой, а затем ушел.

***

— Я думаю, что тебе стоит знать, — предупредил его старик, — что я вызвал полицию.

Он сделал шаг назад, когда Брэдшоу повернулся к нему лицом, будто, чтобы избежать воображаемого удара от мужчины, стоящего на подъездной дорожке его соседа.

— Я и есть из чертовой полиции, — сказал Брэдшоу жилистому старику, стоящему за изгородью между ними. Он достал свое удостоверение и показал его соседу Тома Карни.

— Ох, — он покраснел, — ну, откуда я мог знать, что вы не грабитель?

— Вы знаете владельца этого дома? — спросил Брэдшоу.

— Да. То есть, нет, не совсем. Я не знаю его, но я видел его мельком, — ответил старик.

— Он — дома, обычно, имею я в виду? — спросил детектив.

— Большую часть времени. Он ремонтирует дом, всегда приходит и уходит с тем или иным: деревянными досками, банками краски.

— Как вы считаете, он скоро вернется?

— Скорее всего, — ответил мужчина. — У него неприятности?

— Вовсе нет, — ответил Брэдшоу, — он просто помогает нам с расследованиями.

Что когда-то было правдой, хоть и не долго.

— Ну, — произнес старик, предчувствуя недоброе, — вы всегда говорите это, как раз перед тем как защелкнуть наручники.

Он зашел обратно в дом, и Брэдшоу услышал, как тот запер дверь на ключ и засов, а затем навесил цепочку.

Брэдшоу пошел по подъездной дорожке обратно к своей машине. Когда он был на полпути, два офицера в форме, которых он смутно узнал, внезапно появились на другом конце и пошли в его направлении. Они остановились, когда узнали его.

— Вы нас опередили, — произнес тот, что моложе.

— Нам поступил звонок, — объяснил его старший коллега, — видели, цитата: «очень подозрительного человека, который, очень вероятно, замышляет что-то недоброе», конец цитаты.

— Должно быть меня, — сказал им Брэдшоу, и он был вынужден похвалить старика за точность описания.

***

День благотворительной игры в гольф почти начался, когда приехала Хелен. Участники, все сплошь процветающие бизнесмены, были там в качестве гостей «Кэмфилд

Офшор». Они приехали на ежегодно проводимое мероприятие к первому удару по мячу и были награждены сэндвичами с беконом, кофе и свежавыжатым апельсиновым соком, которые подавала группа девочек-подростков, одетых в белые блузки и темные юбки, с волосами, убранными в конские хвосты. Хелен заметила, что среди них не было ни одной девушки старше двадцати, и каждая официантка обладала поразительной красотой. Казалось у Кэмфилда были очень специфические требования к тем, кто может прислуживать их полностью мужской клиентуре среднего возраста.

Мужчины вышли из помещения по направлению к первой тройке, но намеченной Хелен жертвы среди них не было. Хорошо-сложенный мужчина в темном костюме приблизился к ней.

— Могу я помочь вам, мисс? — произнес он таким тоном, что стало ясно, что он вовсе не заинтересован помогать ей.

Отсутствие белой блузки и конского хвоста выдало ее с головой, поняла она, и она была уже в пенсионном возрасте, чтобы быть официанткой у Кэмфилда.

— Я ищу Алана Кэмфилда.

— А вы...?

— Хелен Нортон из «Рекорд», — пояснила она, — газеты.

Мужчина взял блокнот и ручку из внутреннего кармана пиджака, записал что-то, предположительно, имя Хелен и работодателя, а затем насмешливо ей улыбнулся.

— Я не работаю под прикрытием, — пояснила она. — Я здесь на законных основаниях, чтобы поговорить с Аланом Кэмфилдом в качестве журналиста.

— Мистер Кэмфилд редко соглашается на интервью, но, если вы хотите написать о нем краткий биографический очерк, тогда можете отправить запрос в наш пресс-офис, — сказал он ей.

— Я не заинтересована в биографической информации.

— Вы предпочитаете побеспокоить его на благотворительном мероприятии.

— Ой, это благотворительное мероприятие, так почему он пригласил гангстера? — спросила она. — Ведь вы не собираетесь сказать мне, что это был не Джимми Маккри, которого я видела на парковке, выходящим из большого черного «БМВ».

— Ладно, хватит, мисс Нортон, — и он схватил ее за руку. — Я попросил вас уйти похорошему, а вы отказались подчиниться, так что я провожу вас из помещения.

Он начал тянуть ее за руку по направлению к выходу.

— Отвалите от меня, — потребовала она, но он продолжил тащить ее. — Вы не просили меня уйти...

— Тогда я прошу вас сейчас.

— Вы не можете так поступать, — сказала она ему, — моей руке больно. Это нападение.

— Разве?

Его голос не мог прозвучать менее заинтересованным.

— Мистер Кэмфилд нанял целый курс на этот день. Это частная собственность, а вы нарушаете правила мероприятия, посещаемого только по приглашению.

Он уже провел ее через главный вход и теперь тащил ее через гравийную дорожку к ряду машин.

— Ваша, как я думаю, — произнес он, кивком головы указав на небольшой «Пежо», припаркованный в конце ряда из «Мерседесов», «БМВ» и «Ягуаров».

Хелен увидела на горизонте группу мужчин слева от нее, идущих по направлению к первой тишке. Она закричала «Отвали от меня!» так громко, как могла, отчего несколько мужчин остановились и повернулись посмотреть, что происходит. Их поприветствовал вид молодой женщины, которую тащил к машине охранник в костюме.

— Скотт.

Слово было произнесено с выверенным количеством спокойной властности, чтобы остановить охранника, который отпустил руку Хелен. Она нахмурилась, глядя на него, и ухватилась за место, за которое он ее держал. Затем она повернулась посмотреть на полдюжины мужчин, смотрящих на нее в ответ. В их центре стоял Алан Кэмфилд, внимательно за ней наблюдающий. Рядом с ним безошибочно угадывалась фигура Джимми Маккри. Ей в голову пришла мысль подойти к Кэмфилду и выразить протест по поводу грубого обращения с ней, в то же время выпалить парочку вопросов о его выборе гостей и, вероятно, даже о его планах на развитие Риверсайда.

— Даже... не... думай... об... этом, — прошипел Скотт, медленно произнося каждое слово сквозь сжатые зубы, и она поняла, что охранник, вероятно, с удовольствием ей отомстит, если она дважды опозорит его перед его боссом. — Уже ухожу.

Гольфисты уже повернулись спиной, и ушли за пределы видимости играть в свой гольф. Она задумалась, что Кэмфилд расскажет им о ней. Была ли она просто репортером, требующим дать интервью в неподходящее время, или, возможно, она была антикапиталистической защитницей окружающей среды, которая считала выгоду грязным словом.

Хелен села в машину и повела ее по подъездной дорожке. Она определенно могла различить неприветливую фигуру Скотта в окне заднего вида, наблюдающую за ней, пока она проезжала через ворота гольф клуба.

***

Том ждал на подземной парковке почти девяносто минут, надеясь, что Никсон в конце концов появится. Он не ожидал, что его допустят во внутреннее святилище, и подготовился к длительному ожиданию. На пассажирском сидении рядом с ним лежала брошюра фирмы, открытая на развороте с заголовком «Партнеры». С него самодовольно смотрело лицо Мартина Никсона в очках.

Том читал и перечитывал обширные записи, которые сделал, время от времени отрывая от них взгляд, когда двери лифта открывались, и оттуда выходил еще один индивид с серьезным видом. Он убивал время, составляя список людей, с которыми надо поговорить, не включив в него адвоката, который избегал его. Во главе списка стояла Энни Белл, верная, многострадальная жена, которая все еще поддерживала Ричарда. Была ли она слишком идеальной, чтобы в это поверить? Том, по крайней мере, хотел узнать, почему она так верила, что ее муж не убивал свою любовницу. Он также хотел бы поговорить с ее отцом: мужчиной, который нанял своего зятя в качестве своего директора по продажам. Тому пришлось лишь догадываться, было ли это назначение основано на личных заслугах. Затем был еще Фрэдди Холт, предположительно безжалостный миллионер, которому наставляла рога жена, и который был унижен, когда газеты опубликовали каждую деталь этого дела. Марк Биркетт был старым другом с колледжа, которого вызвала сторона защиты свидетелем. Все прошло не так хорошо, как они надеялись, когда Биркетту пришлось подтвердить факт жестокого инцидента из прошлого Ричарда с участием его бывшей подружки. Затем была Николь — или «Озорная Николь» — как пресса окрестила предполагаемую лучшую подружку

Ребекки в ее эксклюзивном интервью-признании. Он хотел поговорить также и с бывшей Ричарда Белла. Если кто и знал, на что мужчина способен в моменты зла, то это она. Он просмотрел список.

1. *Мартин Никсон — адвокат*
2. *Энни Белл — верная жена*
3. *Отец Энни — работодатель*
4. *Фрэдди Холт — муж Ребекки*
5. *Марк Биркетт — лучший друг Ричарда*
6. *Николь — подруга Ребекки с круизного лайнера*
7. *Эми Риордан — бывшая Белла*

Для начала этого казалось достаточно.

Наконец, мужчина, который сильно смахивал на Мартина Никсона, появился из лифта. Том снова посмотрел на фотографию в брошюре, а затем обратно на мужчину в дождевике, который энергично шел по направлению к огромному серебристому «Мерседесу», с кейсом в руке.

Это был он.

Том вышел из своей машины до того, как Никсон смог бы ускользнуть от него.

— Мистер Никсон! — позвал он, и фигура остановилась на пути и повернулась лицом к Тому. — Могу я поговорить с вами?

Если Том и надеялся, что поначалу Никсон может не понять, кто он, то вскоре ему пришлось разочароваться.

— Я не говорю с репортерами, — произнес адвокат, которого очевидно хорошо проинформировала девушка со стойки регистрации.

— Вы явно человек сведущий, — сказал Том Никсону, когда тот начал садиться в машину, — так что вы знаете, для кого я пишу.

— Мне неинтересно, для кого вы пишете, мистер... — он явно уже забыл имя Тома. — Я просто не говорю с репортерами, — он произнес последнее слова, будто оно было заразной болезнью, — никогда. Это вам ясно?

В этот момент адвокат сел в свою машину, смотря на него таким взглядом, который явно говорил: «Прочь», но Том не сдвинулся. Вместо этого он произнес:

— Предельно ясно, но я, правда, не советовал бы вам так поступать, — его тон был примирительным, — только если вы не хотите, чтобы великолепная репутация, создаваемая годами, была разрушена за ночь. Я сделаю несколько довольно громких заявлений. Если вы не ответите на них, люди подумают, что вы их не отрицаете.

Никсон убрал ногу из машины.

— Какие еще заявления?

— Моим аргументом станет, что невиновный мужчина может отбывать пожизненное заключение, потому что ему не удалось получить удовлетворительное юридическое представление от вашей фирмы. Моя ответственность как журналиста предоставить вам право ответа, но это на самом деле не имеет значения. Я могу просто написать, что вы отказались от комментариев. Это, определенно, упростит мне жизнь.

И, когда Никсон заколебался, Том сказал:

— Извините, что отнял ваше драгоценное время, — а затем начал уходить.

Он сделал несколько шагов и уже начал думать, что его блеф не удался, когда услышал единственное, выдающее легкую панику, слово от Никсона.

— Подождите, — попросил он.

Том повернулся к Никсону, который выглядел теперь решительно неуверенным.

— О каком деле идет речь? — Том демонстративно обвел глазами подземную парковку.

— Не думаю, что стоит обсуждать это здесь.

Когда двери лифта открылись, девушка с ресепшена была удивлена увидеть своего босса снова так скоро, и поначалу она задумалась о том, что он мог забыть. Когда она поняла, что Том Карни спокойно идет вслед за ним, ее удивление превратилось в шок, когда они оба направились в офис Никсона.

— Кофе, Кэрл, — отрывисто бросил ей Никсон, а затем добавил: — и бисквиты.

Том ей улыбнулся и наслаждался видом возмущения на ее лице, когда ее отрядили обеспечить его прохладительными напитками.

Глава 13

Брэдшоу прождал час, надеясь, что Том отправился ненадолго за банкой краски, но тот не возвращался. Он решил дать репортеру еще десять минут, но понял, что ему грозит сплошной день разочарований, включающий в себя многократные визиты к небольшому дому на две семьи, пока он, наконец, не пересечется с ним.

Пока он ждал, мысли Брэдшоу медленно перешли к его девушке. Он и Карен были неподходящей парой. Она была высокой, светловолосой и красивой с подтянутой спортивной фигурой, что обычно было бы достаточно, чтобы она была не в его лиге, но, когда Карен встретилась с Йеном в первый раз, он был в своей лучшей форме, то есть вообще без сознания. Он никоим образом не мог все испортить, начав диалог не так, как и начать ужасно нервничать. Карен была полицейским констеблем, которую отправили проверить его в больнице обеспокоенный старший инспектор Кейн, когда Брэдшоу почти утонул. Она принесла ему свежую одежду из его дома и вместо того, чтобы испытать отвращение от беспорядка в его квартире, решила, что он похож на одного из многих холостяков: беспомощен без женщины в своей жизни. Позже он узнал, что медсестры проделали половину работы за него и убедили Карен, что он чертов герой. Хоть он и сделал все, что они утверждали, он сделал, но не мог избавиться от чувства, что он — самозванец. Когда он, наконец, пришел в себя и увидел склонившееся и улыбающееся ему лицо ангела, он сразу же стал разубверять ее в своих подвигах, и она, естественно, предположила, что он просто скромничает.

Переживания Брэдшоу не остановили его от того, чтобы пригласить ее выпить, когда она заглянула на минутку к нему в квартиру несколькими днями спустя, чтобы посмотреть «как он поживает». Позже, она в открытую призналась, что надеялась получить от него приглашение на свидание.

Прошедшие восемнадцать месяцев оказались головокружительными для мужчины, у которого долгое время не было девушки. Наряду с многочисленными посещениями пабов, ресторанов и кинотеатров, были, он должен признать, некоторые весьма потрясающие времяпрепровождения в спальне.

Верно, что Карен была не тем типом девушки, с которыми он обычно встречался, и они часто не знали, что сказать друг другу, так как их взгляды на мир отличались. Ее больше интересовали сплетни по телевизору, фривольные ТВ-шоу, и необходимость ходить в спортзал как минимум четыре раза в неделю. Однако он ходил вместе с ней, и Карен подумала, что он так же одержим идеей сжечь калории, как и она. По правде говоря, он упражнялся, потому что после занятий он всегда чувствовал себя лучше, и это помогало

избавиться от плохого настроения, прежде чем оно его охватит. Он не рассказывал Карен об этом, инстинктивно зная, что она никогда не поймет.

Том Карни все еще не появился, и Брэдшоу посчитал, что ему лучше вернуться к остальной команде. Последним, чего он хотел — попасть в немилость к инспектору Теннант. Когда Брэдшоу отъезжал, он заметил, как колыхнулась штора в доме рядом с домом Тома.

***

— На нас надвигается беда, — отметил ее редактор, когда Хелен вошла в отдел новостей.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне позвонило некое влиятельное лондонское пиар агентство. Они представляют интересы Алана Кэмфилда.

— Ох, — произнесла она.

— Мне прочитали длинную лекцию о том, чтобы я не позволял своим репортерам вторгаться на частную собственность, которая была арендована для проведения благотворительного мероприятия, а именно, на очень дорогое поле для гольфа не так далеко отсюда.

— Понятно.

— Да, — продолжил Грэхем, — были упомянуты такие слова, как нарушение, нелегальность, неэтичность и Комиссия по Жалобам на Прессу.

— Верно, — с неуверенностью произнесла она и стала дожидаться выговора, который, естественно, за этим последует.

— Я использовал несколько слов сам: включая свобода прессы, общественный интерес и, наконец, пошли вы на хер и не звоните мне больше, — сказал он ей. — Не тревожься, Хелен, я прикрою тебе спину.

Ее улыбка была теплой.

— Спасибо, Грэхем. Я очень ценю это, и извини меня за проблемы, которые я навлекла на тебя.

— Все в порядке. Если они так засуетились, значит, мы к чему-то приблизились, — сказал он ей, — так что у тебя для меня есть?

— С поля для гольфа? Ничего, — признала она.

— Ничего? Я надеялся, что что-то есть.

— Я не смогла приблизиться к нему, — сказала она, — слишком много охраны, но я видела, как он уходил с группой бизнесменов-воротил и Джимми Маккри.

— Снова Маккри? — и он нахмурился. — Ты знаешь, что меня бесит, Хелен?

— Что?

— Когда имя гангстера становится нарицательным, все вдруг хотят стать им друзьями. Их начинают видеть на вечеринках в обнимку с актерами и футболистами. Теперь богатые бизнесмены и даже глава совета с удобством для себя забыли о жертвах. По крайней мере, когда Фрэнк Джарвис был главой совета, он в открытую критиковал Маккри, теперь никто не хочет против него бороться. Бога ради, Джимми Маккри оставил много вдов и сирот.

Затем он перевел дыхание.

— Я пустословлю, извини.

— Я согласна с каждым словом, — сказала ему Хелен.

— Думаю, это частично наша ошибка. Мы пишем о них.

— Только чтобы привлечь их к ответственности.

— Ты думаешь, им и в самом деле есть до этого дело? — спросил Грэхем.

— Да, я так думаю.

Она хотела сказать: *«Если им нет дела, тогда бы они не посылали своих бандитов сбивать меня с ног на автомобильной парковке»*, но не могла признаться в этом Грэхему: не без риска, что он может сказать ей прекратить расследование в отношении Маккри, Линча и Кэмфилда. Может быть, он даже перепоручит эту задачу кому-то более опытному, вероятно, мужчине, в ошибочной попытке защитить ее. Нападение доказало, что расследование начало тревожить кого-то, и она была решительно настроена не позволить этим бандитам помешать ей рассказывать о правде.

— У меня есть кое-что другое, — быстро сказала она, — посмотри на это. — Она вручила ему папку, содержащую несколько отсканированных документов. — Они из земельного кадастра.

Ее редактор моргнул при виде бумаг, которые она разложила перед ним.

— Что это?

Она показала на адрес на первом документе.

— Это дом, который раньше принадлежал советнику Джо Линчу.

— Верно, — и он принялся глазами искать детали. — Это является частью информации в открытом доступе для потенциальных покупателей этой недвижимости, которая, кстати, снова выставлена на продажу. Ей сейчас владеет мистер Купер, которому она принадлежит уже чуть больше года.

— Так значит недвижимость снова на рынке, — сказал он, — а до этого принадлежала Линчу?

Она кивнула.

— Мистер Купер купил ее у советника Линча. Что ты заметил из информации на первом листе?

— Ну, — произнес он, — советник купил ее за гроши в семьдесят девятом году, и заработал на ней чистую прибыль примерно через четырнадцать лет, так что я полагаю все честно.

И он посмотрел на своего репортера.

— Он не первый, кто заработал несколько фунтов на недвижимости в Ньюкасле. Некоторые окраинные районы очень поднялись в цене. Я знаю, что ему полагается быть социалистом, Хелен, но сомневаюсь, что мы может опубликовать статью, критикующую его за наживу на строительном минибуме на северо-востоке.

— Нет, — сказала она, — не можем, но я провела небольшое расследование. Три других дома похожего размера были проданы на его улице в то же самое время. Все они шли по заниженной стоимости: намного заниженной.

Теперь она видела, что ее редактор заинтересован.

— Так значит, советник знает, как жестко торговаться? — предложил он.

— Должен знать, — сказала она, — потому что при продаже ему удалось получить за свой дом на тридцать тысяч больше рыночной стоимости.

— Тридцать тысяч? — в неверии спросил ее редактор. — Ты уверена?

— Я уверена, — ответила она, — и у меня есть все кадастровые документы, чтобы доказать это.

— Так что мы знаем о переплывающем мужчине?

— О мистере Купере? Очень мало и, до странности достаточно, в приобретении не участвовало ни одного агента по недвижимости. Это была полностью частная транзакция.

— Ну и ну, — сухо сказал он.

— Но мистер Купер передумал, потому что он так и не вселился. Собственность стояла пустой с того дня, как Джо Линч съехал. Я поспрашивала у соседей. Они не видели ни души в том доме больше года. Я заглянула в окна, и там ничего нет. Пусто.

— Интересно, что мистер Купер надеется получить за дом в этот раз.

— А вот это очень любопытно. В этот раз в продаже участвует агент по недвижимости, так что я поехала туда в качестве потенциального покупателя. Я спросила о цене, и они подтвердили, что дом на рынке по текущему рыночному курсу. Это значит, что наш мужчина потеряет тридцать тысяч за год, если будет по-прежнему просить полную цену.

— Для него это осязаемый удар, — ее редактор улыбнулся, — учитывая, что он никогда не жил там и не сдавал кому-либо за прошедший период. Удалось выследить мистера Купера для дачи комментария? — Она покачала головой. — Не знаю, что и придумать.

— Очевидно, что он за границей, если верить агенту по недвижимости. Мистер Купер — бизнесмен, рьяно охраняющий личную жизнь, и они ведут с ним дела только по телефону или через факс, но, конечно же, все по закону.

— Конечно же.

Она рассмеялась.

— Агент по недвижимости на самом деле сказал мне: «Не переживай так, милая, все в шоколаде».

Улыбка редактора стала шире.

— Каков твой вывод, как будто я его еще не знаю?

— Кто-то купил Линча, — сказала она, — и что бы он для них не сделал, это стоило тридцати тысяч, но Джо Линч не хотел связываться ни с чем грязным или инкриминирующим, таким как наличка в коричневом конверте. Так что вместо этого они купили его дом по сильно завышенной цене, и он положил себе в карман разницу. Кем бы на самом деле не оказался покупатель, они прождали год, чтобы избежать подозрений и теперь, они по-тихому избавляются от своих активов.

— Но мне интересно, что же получил покупатель дома Джо Линча в обмен на свою щедрость?

— Что бы это ни было, им повезло с Линчем, потому что он теперь глава совета, а также глава комиссии по застройке, так что у него есть веское слово в отношении развития Риверсайда.

— В этом случае, его ценность существенно возрастет.

И он посмотрел на документы так, будто не мог до конца поверить, что держит в руках.

— А этот покупатель, мистер Купер?

— Он, вероятно, лишь лицо, фигурирующее на бумаге или же прикрытое для кого-то вроде Кэмфилда или Маккри, — сказала Хелен. — Кто еще может позволить себе выбросить тридцать штук, чтобы подкупить советника? Даже, если мы сможем отследить реального покупателя, это не поможет нам существенно продвинуться, потому что он ни за что не станет говорить.

— Так как мы собираемся раскрутить эту историю?

Грэхем казался, адресовал вопрос ей, в то же время, обдумывая его в своей голове.

— Выложить чистые факты. Глава совета заработал довольно кругленькую сумму из

продажи собственности, в то время как другим людям, продававшим недвижимость в том районе, пришлось довольствоваться намного меньшим.

— Этого будет вполне достаточно, чтобы люди сделали свои собственные выводы, — сказал Грэхем. — Его собственная партия захочет сжечь его на костре, когда они прочитают это.

— Толпа Линчевателей, — предложила она в качестве шутливого заголовка.

— Мне нравится, — усмехнулся он.

— Мы должны попросить советника Линча рассказать нам о мистере Купере, — продолжила она. — Если он даст нам дельную информацию, мы сможем использовать ее, чтобы отследить мужчину. Но, если, как я и подозреваю, он нам ничего не скажет, мы можем сказать, что он отказался рассказывать нам о своем таинственном покупателе. Я надеюсь, что он скажет, что никогда не встречался с парнем лично, от чего его слова будут звучать так, как у тех парней, пойманных за хранение краденого. Они обычно говорят, что купили их у мужчины, которого встретили в пабе, но не могут вспомнить его имя.

— Даже лучше, — сказал он. — Ты собираешься позвонить советнику сейчас?

— Пока нет, — сказала она, — мудрый мужчина однажды сказал мне не давать виновной стороне слишком много времени, чтобы придумать оправдания или позвонить адвокатам. Я думаю, что позвоню за час до дедлайна. Тем временем, я напишу остальную часть статьи и оставлю место внизу для возмущенных отрицаний советника.

— Тогда принимайся за написание, а я придержу для тебя первую полосу.

Он улыбнулся ей.

— Снова! Ты понимаешь, что у меня есть закаленные ветераны в этом отделе новостей, которые начинают смотреть на тебя враждебными глазами, потому что они плохо выглядят на твоем фоне, — затем он положил руку на ее плечо и слегка пожал его. — Серьезно, это действительно хороший материал, Хелен. Отличная работа. Правда.

— Спасибо, — сказала она, его поддержка стала много значить для нее.

Когда он отошел, Хелен вдруг поразила мысль, что он больше не спрашивает, откуда она берет свои статьи. Вероятно, он знал, что она не расскажет ему о своем анонимном источнике. Кто-то был очень недоволен тем, как Джо Линч ведет свои дела в качестве главы совета, и они были более чем счастливы рассказать Хелен об этом все. Последняя записка, приземлившаяся к ней на стол, была написана на машинке, как и остальные.

«Когда-нибудь задавались вопросом, почему Джо Линч продал свой семейный дом? — вопрошала та. — Или как ему удалось получить за него настолько больше других?».

***

У Тома ушло много времени, чтобы убедить Никсона вообще обсуждать дело Ричарда Белла. В конце концов, он был вынужден согласиться написать свою статью без упоминания названия юридической фирмы, в обмен на их версию того, что, на самом деле, произошло в зале суда. Это Том сделал неохотно, но чисто из принципа. Никсон этого не знал, но Том на самом деле не писал статью для крупнейшего таблоида в стране, просто расследовал убийство Ребекки Холт по поручению ее предполагаемого киллера.

— Я хочу поговорить с вами о том совете, что вы дали своему клиенту перед судебным слушанием, — начал Том.

— Я дал ему множество советов, — сказал Никсон, разламывая бисквитное печенье на две равные половины с абсолютной точностью, — некоторые из которых он предпочел проигнорировать.

— Я говорю, конкретно, об открытиях, окружающих его личную жизнь.

— Ах, об этом. — И он сделал крошечный укус от своего бисквита. — Вы заставили его признаться в целой серии... вы назвали их назначенными встречами с женщинами, не являющимися его женой, — напомнил ему Том, — что не совсем расположило к нему жюри присяжных.

Адвокат вздохнул.

— Да, мы были между молотом и наковальней. Мы расспросили его о его интрижке с Ребеккой Холт и решили, что нет смысла отрицать ее. Полиция уже знала о ней и, если бы он снова об этом солгал перед жюри присяжных, обвинения могли внести доказательства их отношений в зал суда: тогда оставшейся части его показаний уже не доверяли бы.

— Я вас понял, — сказал Том, — но ему, на самом деле, нужно было стоять за трибуной для свидетеля и перечислять все завоевания в своей жизни?

— Все было не совсем так, — начал спорить адвокат.

— «Серийный бабник и лживый любвеобильный кролик» были лишь двумя из заголовков в последующие дни.

— Желтая пресса поработала над его неверным имиджем, — сказал Никсон, — как они и склонны делать. Часть того, что писали о деле, просто возмутительно.

— Я не думаю, что это дело их рук, — сказал Том.

— Ну, вы — журналист.

Том потянулся за своим блокнотом и начал читать вслух выписки, сделанные от руки, из стенограмм судебного заседания.

— «Мне всегда нравились женщины, и зачастую их влекло ко мне. Я наслаждаюсь их компанией, и обычно все легко переходит к сексу. Я знаю, что мне не стоило продолжать видеться с другими женщинами, после того как я женился, но я стал верить, что у меня есть право делать это, потому что моя жизнь полна стрессов. Я наслаждался преследованием и в открытую признаю, что меня привлекала запретная природа этих отношений. Я знаю, что это было неправильно, но ничего не мог с собой поделать. Я наслаждаюсь сексом, и по тому, что я уже говорил, я хорош в этом. Я полагаю, должен быть, потому что обычно они приходят ко мне снова».

При этих словах Том приподнял брови.

— Теперь скажите мне, что он не выглядит нарциссическим придурком, который считает, что он выше социальных норм и тем более в праве убить любовницу, ставшую помехой?

— По размышлении... — начал адвокат, — это записано с записей, верно?

Том кивнул.

— Абсолютно.

—... это была ошибка. Вы должны понять, что нашим самым большим опасением перед судебным заседанием было, что прокурор может раскрыть двойную жизнь Ричарда Белла и использовать это против него. Кажется, что он испытывает пристрастие к тому, чтобы ходить налево, направо и, черт возьми, по центру, и, если мы могли об этом прознать, то была высока вероятность того, что и они могли. Если бы мы заставили его встать за свидетельскую трибуну и говорить, что он — семейный мужчина, который один раз оступился, тогда бы прокурор предоставил доказательства всех его прочих... проступков, и мы бы проиграли дело. Мы подумали, что будет лучше взять быка за рога и рассказать об этом сразу, чтобы жюри знали, каким человеком он был, и может они бы не стали на этом

заикливаться.

— И что из этого вышло?

— Они возненавидели его, — признался адвокат. — Я видел это по их глазам все то время, пока он был там. Мы посоветовали ему отдаться на милость жюри присяжных, признаться, что он делал кое-какие плохие вещи и молить свою жену о прощении.

— Но все пошло не так.

— Я думаю, он просто не смог ничего с собой поделать. Он успешно соблазнил всех этих женщин с помощью хитрости, но ему некому было об этом рассказать. Я думаю, вы правы, мистер Карни, он нарцисс и хотел, чтобы мир об этом узнал. Как только об его интрижке с Ребеккой узнали, плотина прорвалась, и он посчитал, какого черта: с таким же успехом его можно повесить за овцу, как за ягненка.

— Ваша стратегия была сильно рискованной, — сказал Том, — но в этом был смысл, а Белл не смог помочь сам себе.

— Можно вести клиента в определенном направлении, только если он сам решит последовать за вами. Никто не был более разочарован результатом, чем я, могу я вас заверить. Я не люблю проигрывать.

— Что насчет его алиби? Вы так и не смогли найти девушку.

— Были неясные сообщения, что она могла уехать на Самуи или Бали, но она никому не сказала, куда едет. Она просто была австралийкой, которая побывала по всей Британии, а теперь уехала увидеть остальной мир. Мы знали, что, если найдем ее, она, вероятно, просто скажет, что никогда не писала записку, которую Ричард утверждал, что получил от нее. Она уехала уже давно к тому моменту, так что это нельзя назвать таким уж алиби. Она могла даже повредить делу.

— Кто тогда это написал?

— Если записка вообще существовала? Мне известно не больше вашего.

— Спасибо, что уделите мне время. Вы оказали неоценимую помощь, — сказал ему Том, — однако, у меня есть один последний вопрос.

— Что за вопрос?

— Он сделал это?

Адвокат фыркнул.

— Мне откуда знать?

— Тогда так, — Том поправил сам себя, — вы полагаете, что он сделал это?

Никсон казался довольным от перефразированного вопроса, настолько, что позволил себе надолго задуматься. Том стал слышать шум дорожного движения снаружи, а затем услышал голос девочки подростка несколькими этажами ниже.

Наконец, адвокат заговорил.

— Если вы спрашиваете меня считаю ли я, что он сделал это, тогда я честно говорю, что не знаю. Если вы спрашиваете, способен ли он на подобное, тогда мой ответ — однозначное да.

Том был ошарашен таким ответом.

— Почему вы так говорите?

— Потому что я считаю, что Ричард Белл показывает все признаки склонности к подобному, — сказал ему Никсон, — отсутствие жалости и сожаления, неспособность играть по правилам общества, молчаливое наслаждение риском и отсутствие сдержанности

в сексуальном плане. Важнее всего, как мне думается, так это отсутствие сочувствия.

— Все признаки? — спросил Том.

— Социопата.

Глава 14

Йен Брэдшоу был удивлен, что как только он прибыл, его вызвали прямоком в офис инспектора Теннант. Он подумал, она собирается спросить, где он был этим утром, и уже готовился придумать оправдание, когда вместо этого девушка спросила о Кейне.

— У старшего инспектора есть причина, чтобы тебя так выдергивать?

Этот прозвучало подозрительно, будто он сам каким-то образом навлек это на свою голову.

— Все именно так, как вы сказали, мэм, он просто хотел, чтобы его подвезли до дома.

— И почему он сам не мог поехать домой?

У Брэдшоу сложилось впечатление, что она уже знала ответ на этот вопрос.

— Он сказал, что с его машиной что-то не так.

— Он сказал или так и было? — спросила она, но он не был настолько глуп, чтобы проболтаться.

— И то, и другое, я полагаю.

— М-м-м. И о чем вы говорили по дороге до его дома?

— Мэм?

Он умышленно добавил в свой тон недоумение, как будто не мог представить, зачем бы она хотела знать об этом. Брэдшоу хотел сказать ей, что это не ее дело, но он подозревал, что это навлечет на него проблемы посерьезнее.

— Не о многом, он спросил меня о моем будущем и ожиданиях.

Брэдшоу надеялся, что такой ответ безопасен.

— Теперь? И что ты ответил?

— Я сказал, что я доволен тем, где я есть, на данный момент.

— Почему? Ты не хочешь повышения по службе? — резко спросила Теннант.

— Да, конечно же, хочу.

— Так значит, когда старший офицер спрашивает тебя о твоём будущем, ты говоришь ему, что ты не хочешь повышения?

По ее приподнятым бровям, он понял, что она не поверила ему.

— Я просто имел в виду, что не тороплюсь с этим.

— Тогда, наверное, старший инспектор Кейн ошибочно принял тебя за амбициозного офицера. — И она позволила ему осмыслить эту фразу. — Так, где ты был этим утром?

— Шел по следу.

Он не собирался рассказывать ей, что ошивался у дома Тома Карни по поручению старшего инспектора Кейна, так что вместо этого выдал ей свою версию о том, что у обожженной девушки была татуировка. Он об этом помалкивал до этого момента, но это было действенным обманным маневром.

Она слушала и, когда он закончил свои объяснения, сказала: — Это может быть полезно, — хоть ее голос звучал неуверенно, как будто она была удивлена, что он смог такое узнать.

— Отличная работа.

— Это все, мэм? — натянуто спросил он.

Кейт Теннант вздохнула.

— Просто возвращайся к работе, Йен.

***

Марк Биркетт жил на строительной площадке. Его дом был единственной достроенной собственностью на территории, полной новостроек. Двадцать домов находились в стадии строительства, на разных этапах завершения, они располагались сбоку от наполовину построенной дороги в форме дуги. На дороге было положено грубое основание, но не было покрытия из щебня, пропитанного дегтем, чтобы выровнять его, так что дренаж и люковые отверстия торчали из дороги, заставляя машину Тома Карни тормозить всю дорогу до Раннимид Лейн. Этим утром прошел дождь, и скользкая сырая грязь прилипала к колесам Тома. Он припарковался рядом с единственным домом, имеющим крышу, вышел из машины и постучался в дверь.

— Наконец-то, вы меня нашли, — угрюмо заметил Биркетт. — Большинство людей не могут.

Том позвонил, чтобы объяснить свой интерес в деле Ричарда Белла. У него сложилось впечатление, что Биркетт позволил ему заехать, потому что не мог придумать хорошей причины, чтобы избежать этого, и выглядел так, будто не рад видеть Тома.

Дом был небольшим и опрятным: приличный начальный дом для молодой семьи. Тома пригласили в крошечный лаунж, в котором едва хватало места для кресла, дивана и телевизора.

— Я так понимаю, что вы и Ричард были близки, — начал Том.

— Не совсем.

— Но вы были шафером на его свадьбе.

— Кто-то должен был быть. Я бы не сказал, что я был ближе к Ричарду, чем многие парни, которые ходили с ним в один колледж. Мы тусовались в одной компании друзей, ходили вместе выпить, но мы редко виделись после окончания университета. Через несколько лет после выпуска, он позвонил мне, рассказал, что женится и хочет, чтобы я был его шафером.

— Вы были удивлены?

— Что он хочет, чтобы я был шафером? Да, но не насчет того, что он женится.

— Почему вы сказали это? Кажется, он все еще молод.

— Это логично. У него уже было все, чего он хотел.

— Так значит, это не просто потому, что он был влюблен в девушку?

— Кто сказал, что он был влюблен в нее.

В этот момент Биркетту, казалось, стало неуютно.

— Послушайте, я ничего не имею против Энни, но я бы не сказал, что это был обычный роман, это было больше...

— Схожий образ жизни, — саркастически предложил ответ Том, — или брак из удобства?

— Когда он женился на Энни, то получил полный набор: женщину с мозгами и карьерой, работу в фирме ее папаша; ее отец уже купил им большой дом. Я думаю, он купился на все это, вот и все. Я думаю, он женился на Энни, потому что он не хотел лишиться всего этого.

— Вы утверждаете, что он не любил ее?

— Я не имею понятия, любил ли он ее или нет. Я говорю, что он женился на дочери босса. Остальные пытаются встать на ноги, работая на первых работах, выплатить

студенческие долги, снять небольшие комнаты в дрянных коммуналках. У него уже все было. В редких случаях, когда мы собирались вместе, это было довольно неприятно. Он жил в другом мире, водил новую машину только из автосалона, ходил в гольф клубы, ел в ресторанах, в которые я могу даже и не мечтать зайти. Он был намного впереди нас, и это давалось ему без усилий.

— Я понимаю. Так расскажите мне о той другой девушке в колледже, — попросил Том, — Эми, той, что вызвала полицию, когда он ударил ее.

— Ах, это, — сказал Марк, как будто это была ерунда. — Ну, предположу, что обо все этом стало известно в зале суда, так что секрета в этом нет. Когда мы учились на первом курсе, Ричард был тем еще кобелем. У него каждую неделю была новая девушка, или почти так. Большинству из нас повезло бы, если мы заполучили хотя бы одну, но Ричарду в этом плане было легко. У него была внешность, он не лез за словом в карман, женщины просто влюблялись в него, но он никогда не показывал никакой склонности к тому, чтобы прекратить ходить по бабам, — Биркетт мрачно улыбнулся, — пока он не встретил Эми.

— Тогда он изменился?

— К тому времени, мы уже учились на втором курсе. Мы переехали из общежития и делили место в обшарпанном месте на краю города. Мы устроили новоселье, и она появилась со своим другом.

— Так они и познакомились?

Биркетт кивнул.

— Она была первокурсницей и никого не знала, но скажу я вам, каждый парень в той комнате прекратил делать то, что делал, когда вошла она.

— Хороша собой?

— Ошеломляюще.

— Так значит, каждый парень захотел ее, но Ричард был тем, кто начал с ней встречаться?

— Так предсказуемо: и ради справедливости, говоря о нем, скажу, что она была ему не безразлична. Впервые это не было интрижкой на одну ночь.

— Как долго они состояли в отношениях?

Биркетт пожал плечами.

— Примерно шесть месяцев, но во времена колледжа это была целая жизнь.

— Так что пошло не так?

— Кто знает, но, однажды, Эми внезапно порвала с ним.

— И вы не знаете почему?

— Кто с уверенностью может сказать, что происходит в голове у молодой девушки? Конечно же, я знаю его версию событий. Он был опустошен. Он думал, что они будут вместе навсегда. Очевидно, что она так не считала.

— Почему нет?

— Он сказал, что она была не готова к этому. Эми была слишком молода и хотела посмотреть мир и других людей. Она обладала свободой духа, а Ричард был в некотором отношении старомоден, что составляет полную противоположность тому, кем он был на первом курсе.

— Что произошло?

— Он пытался вернуть ее назад, — сказал Биркетт, — и потерпел неудачу.

— И тяжело это воспринял?

— В процессе он потерял разум и большую часть своей гордости. Я не думаю, что до этого в его жизни его отвергала хоть одна девчонка, — сказал Биркетт с некоторым удовлетворением, — и он не знал, как с этим справиться. Он просто не мог принять это или примириться с этим, не говоря уже о том, чтобы двигаться дальше. Только Бог знает, как мы пытались убедить его забыть о ней, но он просто не мог или не хотел.

— Так значит, она вызвала на него полицию?

— Это было некоторое время спустя. Он выставил себя дураком не один раз, прежде чем они дошли до этой точки.

— Продолжайте.

— Он поджидал ее у зала лекций, чтобы перехватить ее и капать ей на мозги, днем и ночью появлялся у ее дома. Эми говорила ему отстать, но он не сдавался, он даже угрожал какому-то парню, с которым ее видел, и вызвал того на драку. Это было жалким зрелищем, если честно. Мы стыдились его.

— И это, определенно, не выиграло ее расположение.

— Нет, — сказал он, — но один раз она с ним переспала.

— Что?

— Он немного успокоился, какое-то время с ней не виделся, и так оказалось, что мы оказались в одном клубе. Она была с друзьями, отмечала свой день рождения, и наедине у них состоялся большой чистосердечный разговор.

Он положил свои руки ладонями вверх, как будто, чтобы проиллюстрировать, как безумно это звучало.

— Что я могу сказать? Эмоции зашкаливают, когда вы в таком возрасте, но что бы ни было сказано, он провел ночь с ней. На следующее утро он думал, что они снова вместе, но в ее понимании все было не так. Я думаю, она рассматривала это как прощальный секс, способ закончить все по-дружески или, вероятно, это было лишь небольшим пьяным весельем по случаю ее дня рождения. Вам стоит спросить ее.

— Может, и спрошу, — сказал Том. — Тогда он потерял рассудок?

— Вскоре после этого, — сказал Биркетт, — когда узнал, что она переспала с кем-то еще. Тогда у него снесло крышу по полной, — подтвердил Биркетт, — он кричал на нее на улице, называл ее...

— Называл как?

— Проституткой, шлюхой, все в таком духе.

— Когда она вызвала полицию?

— Когда он, в конце концов, ударил ее.

— Когда вы говорите, ударил...

— Он говорит, это была пощечина, — сказал Биркетт, — она сказала, что это было больше, чем пощечина. В любом случае, он совсем слетел с катушек, а, когда протрезвел, он понял это.

— Что сделала полиция?

— Сделала ему выговор.

— Это как-то на него повлияло?

— Я думаю, что это настолько его шокировало, что он вернулся снова в реальность. Они предупредили его держаться подальше от нее, и привлекли к этому властей в колледже. Он был близок к отчислению.

Он показал Тому небольшой просвет между большим и указательным пальцами.

— В наши дни, вероятно, его бы отчислили, за избивание девушки, но тогда были 80-е, и я не думаю, что они знали, что с ним делать. Университет хотел все замять, если честно.

— Он вернулся на путь истинный?

— Он едва ходил на лекции в последующие недели и много пил: и я имею в виду много. Мы часто выходили и напивались вдрызг, как делают все студенты, но это было другое дело. Мы пытались вытащить его из этого состояния, вернуть к привычному, но, в конце концов, мы умыли руки.

— Так что произошло?

Он выглядел немного пристыженным.

— Мы махнули на него рукой, но она нет.

— Кто?

— Энни Белл, — сказал он, — или Энни Тейлор, ее тогда так звали.

— Так значит, на тот момент она уже его знала?

— Энни была на нашем курсе. Он знал ее с первого дня, но она была просто единственной девушкой, которую он не трахнул.

— Не была заинтересована?

— Была, — сказал Биркетт, — он не был.

— Почему?

— Не хотел ее, как мне думается.

— Все же он на ней женился.

— Странные вещи творятся.

— Так как они перешли от того, что он ее не хотел, к тому, что они стали парой?

— Однажды, я пришел домой, а она сидела с ним на кухне. Он выглядел дерьмово, а она, очевидно, долго беседовала с ним. Я оставил их одних, но что бы она ни сказала Ричарду, это сработало. Едва ли после этого я видел его без нее.

— Но как? Я все еще не совсем понимаю.

— Ну, как не понимаю и я, но ей удалось то, что никто не смог тогда сделать, она вернула его задницу в строй. Должно быть, она убеждала его, что он губит свою жизнь, и до него, наконец, это дошло. Затем она помогла ему.

— Чем?

— Всем. Они начали вместе заниматься в библиотеке, и он начал наверстывать пропущенный материал. Он посещал лекции и практику, всеми силами пытался, чтобы его не отчислили с курса. Она заходила к нам домой с покупками и едой, которую приготовила для него и даже начала заниматься его стиркой. Честно говоря, это было так, будто они уже были женаты к тому времени, как мы начали писать свою дипломную работу.

— И он больше не бегал за юбками?

— Не тогда, только если не хорошо скрывал это, но мы выяснили, насколько он хорош в этом на суде, так ведь?

— Так все дело было в этом? Энни разобрала тот беспорядок, который он устроил, так что он привык к ней?

Биркетт пожал плечами.

— Это моя лучшая догадка, но, честно, кто знает, что происходит между двумя людьми? Я не уверен, чем я могу, на самом деле, вам помочь.

— Вы были полезны, — заверил его Том.

— Послушайте, я согласился встретиться с вами, потому что вы помогаете Ричарду, но я

сказал вам, что мы не были, в самом деле, так уж близки. Он никогда не заходил в гости и видел мою жену один раз, на своей свадьбе.

— Не был хорош в поддержании контактов?

— Можно и так сказать, — согласился он. — Я знаю, что дела и все прочее, но мы в тот день приложили усилие, остались в отеле, купили им хороший подарок, но я едва видел его после.

— По какой-то особой причине?

— Между нами не было размолвки. У меня просто сложилось впечатление, что ему не нужен поблизости старый друг с университета, и его такая же нищая подружка.

— Вы не думаете, что к этому могла приложить руку Энни?

— К убийству? — Биркетт был шокирован.

Том покачал головой.

— Нет, что Ричард прекратил с вами общаться.

— У нас с ней никогда не возникало проблем. Я считаю, что мы просто не были людьми его круга.

— Хорошо, ну, тогда я думаю, мы закончили.

Биркетт проводил его до двери, и Том задал свой финальный вопрос, как будто эта мысль только что пришла ему в голову.

— Итак, что вы думаете об убийстве Ребекки Холт? Он совершил его?

— Очевидно, что вы так не считаете, или вас бы здесь не было.

— Я пытаюсь быть беспристрастным. Пока что я едва начал расследование.

— Я думаю, что Ричард незамысловатый мужчина, который знает, чего он хочет, — сказал Биркетт, — и обычно получает это, но, когда не получает, может слететь с катушек. Я видел, что случилось с Эми. На самом ли деле он совершил это, я не знаю.

— Вы не стали бы ручаться за него?

— Как я могу? — сказал Биркетт, когда провел Тома до входной двери и открыл ее на недостроенную улицу.

— Я убедил мою жену приобрести это место, — сказал он. — Она хотела старый таунхаус, но я сказал ей, что мы полезнее вложим деньги сюда, если купим новостройку, на стадии застройки.

Его слова звучали грустно.

— Наверное, так и будет, — заверил его Том, — когда дом достроят.

— Достроят? — спросил он, и посмотрел на Тома, как будто тот сошел с ума, — Он выглядит новым?

И только, когда он спросил, Том внимательнее рассмотрел окрестности. Горстка ростков, пытавшаяся прорасти сквозь трещины в тротуаре, была первой подсказкой. Затем он понял, что некоторая кирпичная кладка на недостроенных домах выглядела поблекшей и потрепанной погодой.

— Нет, не кажется, — признался Том.

— А вы видите, что идет какая-то работа? Мы здесь уже два года, — сказал ему Биркетт, — а они не положили ни одного кирпича за двенадцать месяцев.

— Что произошло?

— У застройщика закончились деньги.

Он посмотрел на территорию с новым чувством неверия.

— Есть шанс, что кто-нибудь другой может...?

— Купить место и закончить работу? — спросил Биркетт. — Будет дешевле начать с нуля где-то в другом месте, чем привести этот беспорядок в форму. Здесь есть недвижимость, которая продувалась ветром и мокла под дождем на протяжении месяцев. Придется сносить их и начинать сначала. Никто не станет этим заниматься.

— А ваша страховая компания...?

— Они говорят, что у меня вполне пригодный для жилья дом, и, что они не застраховали для меня окружающую инфраструктуру. Они выплатят страховку только, если меня ограбят, дом осядет, рухнет или сгорит, если он загорится, они, вероятнее всего, сделают меня первым подозреваемым, — заключил он, — просто на случай, если у меня даже появятся такие мысли.

— Это ужасно.

— Мы пойманы здесь в ловушку, — сказал Биркетт. — Я плачу ипотеку каждый месяц за дом, который буквально ничего не стоит. Кто вообще купит его у меня, когда это то, что они видят, когда отодвигают занавески? На этой улице больше никто не живет. Мы думали, что это будет замечательное место, чтобы завести детей, но это стройплощадка. Моя жена плачет, пока не заснет, каждую ночь.

Он мрачно улыбнулся.

— Мы останемся здесь. Только если не выиграем в лотерею.

***

Было уже темно и поздно, к тому времени, как Том, наконец, вернулся домой. Он сделал остановку в пабе, чтобы выпить пинту и немного поесть. Он был не в настроении готовить и хотел немного уединения, чтобы перечитать свои записи и попытаться сделать какие-нибудь выводы о своем клиенте. Все указывало на то, что Ричард Белл виновен, как никто.

Он с опаской шел по затемненной подъездной дорожке, и коренастая фигура внезапно шагнула из теней.

— Боже правый! — вскрикнул Том, вздрагивая от неожиданного движения, и быстро сделал шаг назад.

Затем мужчина полностью оказался на виду.

— Где, черт возьми, ты был? — потребовал ответа раздраженный сержант Брэдшоу.

Глава 15

— Что ты делаешь, прячась тут в тенях? — потребовал ответа Том, вручая Брэдшоу бутылку пива. — У меня почти случился чертов сердечный приступ.

— Я не прятался, — запротестовал Брэдшоу. — Я уже готовился позвонить в дверной звонок, черт знает, в который раз, когда увидел тебя, идущего по дорожке. Тебе стоит установить фонарики, зажигающиеся, когда кто-то подходит к твоей двери.

— Хорошая идея, займись этим в свободное время, — ответил он сухо, обращая внимание Брэдшоу на хаос в гостиной.

— Я слышал, ты занимаешься ремонтом, — сказал Брэдшоу. — Нелегкое это дельце, верно?

Том проигнорировал вопрос.

— Как ты меня нашел?

— Я детектив.

— Тогда так, почему ты меня нашел?

— Потому что мне надо поговорить с тобой.

— Я помню прошлый раз, когда тебе нужно было поговорить, — сказал ему Том, — по сути, их было больше чем один. Насколько помню, ты назвал меня высокомерным идиотом и предателем.

— Я так и сказал?

— Да.

— Тогда мне не стоило называть тебя идиотом, — резонно заметил Брэдшоу. — Я беру это слово назад. Я всегда считал тебя очень умным.

— Что насчет высокомерного предателя, — спросил Том. — Послушай, Йен, чего конкретно ты хочешь?

— Ты слышал о Фрэнке Джарвисе?

— Политике? Конечно, — ответил Том, — недавно я слышал, как он рассказывал по радио о своей пропавшей дочери.

— Ну, тогда наостри свои дырки, потому что у меня есть для тебя история.

Уже скоро двое мужчин принялись спорить. Детектив начал с относительно хороших новостей, объясняя, что советник Джарвис попросил помочь найти свою дочь.

— Мы думаем, свежий взгляд со стороны, то, что здесь нужно, — сказал он, затем вручил Тому фотографию Сандры Джарвис. На цветной фотографии десять на восемь была довольно молодая светловолосая девушка с зелеными глазами. Ее лицо было серьезным, как будто она не ожидала присутствия камеры и негодовала на ее вторжение.

Том молчаливо слушал, пока Брэдшоу продолжал:

— Сандра была образцовой ученицей в школе, и уехала в университет с, казалось, отличным будущим, ждущим ее впереди. Но во втором семестре, она абсолютно изменилась. Она пропускала лекции, сторонилась своих друзей и стала угрюмой, задумчивой и сосредоточенной на своих мыслях. Затем она исчезла во время недели подготовки к экзаменам.

Брэдшоу обратился тогда к лучшим чертам характера Тома и попросил его отложить в сторону свои чувства в отношении разлада с Констебулярией Дарема.

— Мы бы хотели, чтобы ты сделал то, что делаешь лучше всего: разгадал загадку. В процессе ты поможешь страдающему отцу. Есть фонд, который полиция использует, чтобы заплатить сторонним экспертам, так что мы можем поставить тебя на жалование. Что думаешь?

— Ты, должно быть, шутишь, — сказал Том. — То есть, серьезно?

— Я не шучу.

— После того дерьма, через которое меня протащила ваша компания?

— Какого еще дерьма?

— Хм-м, давай-ка посмотрим.

Том сделал вид, что на секунду задумался.

— Я подвергся остракизму со стороны контактов в полиции, необходимых мне, чтобы и дальше продолжать заниматься журналистикой, что сделало меня довольно таки непригодным для профессии в этом регионе...

— Ну, можешь ли ты их винить?

—... Я подвергся словесному оскорблению со стороны детективов, которых я уличил в коррупции, а затем эти же самые мужчины угрожали мне насилием...

— О'Брайан не угрожал тебе, Том.

— Сержант О'Брайан сказал мне, что собирается убить меня...

— Это фигура речи. Он не имел этого в виду.

— Меня притащили в офис вашего старшего инспектора и, вместо того, чтобы поздравить с раскрытием серьезного пренебрежения законами в полицейских силах, Кейн сомкнул ряды, поддержал своих людей и угрожал мне арестом за препятствие...

— Ему пришлось встать на сторону своих людей, — запротестовал Брэдшоу, — только если не было конкретного доказательства, которое ты мог бы предоставить!

—...плюс, меня останавливали три раза за превышение скорости за прошедшие два месяца...

— Ты превышал скорость?

— Дело не в этом!

— Думаю, что в этом.

— Не тогда, когда меня не просили съехать на обочину ни разу за предыдущие десять лет!

— Ну, — слабо сказал Брэдшоу, — у нас существуют некоторые ограничения по скорости.

— Я чуть опоздал с возвращением библиотечных книг в этом месяце, — сказал Том, — если у вас есть ограничения и по этому, тогда сейчас самое время, чтобы ты меня предупредил.

— Проблемы преследуют тебя по пятам, друг, — сказал Брэдшоу, — ты — свой худший враг.

— Как это?

— Ты не делаешь себе одолжений.

— Ты имеешь в виду, что я не делаю одолжений полиции, — возразил Том, — например, не замалчиваю истории о некомпетентности или не закрываю глаза на коррупцию.

— Коррупцию? — спросил Брэдшоу. — Если ты можешь доказать коррупцию, ты бы не убрал имена из статьи.

— Я подумал, что вы не одобрите такой подход.

— Никто не совершенен, Том, включая копов. Эта работа меняет тебя. Некоторые люди срезают углы, когда такое происходит, или они слишком дают своим авторитетом, но это обычное дело, потому что они находятся под давлением и отчаянно желают получить результат.

— Это их оправдывает? Ты ведешь себя так?

Когда он не получил от детектива ответа, Том добавил:

— Так почему им можно? — затем он сказал: — Я говорил с огромным количеством людей.

— И как много из них были преступниками? — Брэдшоу покачал головой. — Я надеюсь, что однажды, если кто-то поставит под сомнение твои действия, они предоставят тебе кредит доверия, прежде чем разрушат твою карьеру из-за слов кучки отребья.

— Большинство из них были преступниками, да, — признал Том, — обозленными: наркочилеры, которых обобрали вместо ареста, проститутки, которым приходилось платить откуп за то, чтобы продолжать зарабатывать на жизнь...

— Так значит, они утверждают..., — произнес Брэдшоу, —... большинство преступников скажет что угодно, чтобы навлечь неприятности на офицера полиции.

— В Даремской Констебулярии у вас есть детективы, которые используют шантаж и

вымогательство на ежедневной основе, ожидают сокращения разгула преступности вместо того, чтобы их сажать, и это тебя не беспокоит? — спросил Том. — Или ты только заинтересован в поиске настоящих злодеев.

— Ты думаешь, что все мы одинаковые, не так ли? Все копы — ублюдки, все мы коррумпированы и берем взятки?

— Нет! — отрезал Том. — Но я не понимаю, почему честные копы всегда идут на уступки, чтобы спасти тех, что перешли черту закона. Я не верю, что все вы берете взятки, или даже половина из вас. Я очень хочу подписаться под теорией прогнившего яблока. Широкое большинство служащих офицеров полиции честнее меня, но просто, скажем, пять процентов... нет... пусть будет один процент детективов такие коррумпированные, какими я их считаю. В Великобритании более ста тысяч офицеров полиции, так что получается тысяча таких людей. Избавьтесь от этих ребят, вместо того, чтобы молча игнорировать проблему, и я прекращу писать статьи!

— Это, именно то, чем мы занимаемся, Том.

— Так, где теперь эти люди? — спросил Том. — Под стражей или выпущены под залог, чтобы предстать перед судом позднее?

Брэдшоу не ответил.

— Давай, расскажи мне.

— В настоящее время, они на больничном, — признание далось Брэдшоу с трудом, — как будто ты не знал.

— Ну, это же шок. Дай угадаю: депрессия? Нет, стресс! Стресс вызывает больше сочувствия. Как много времени проходит, прежде чем провинившиеся уходят на досрочную пенсию? Ведь так всегда поступает ваша компания?

— Боже, я ненавижу, когда ты говоришь ваша компания, как будто мы все заодно!

— Знаешь, что говорят старики: о том быть ли частью решения или же быть частью проблемы?

— Послушай, Том, я пришел сюда не для того, чтобы с тобой скандалить. Я даже пришел сюда не для того, чтобы просить твоей помощи. Она нужна Фрэнку Джарвису, а не нам. Страдать придется ему, если он не найдет свою дочь. Он просто хочет встретиться с тобой, но, если ты не захочешь помогать ему, потому что все еще затаил обиду на Констебулярию Дарема, тогда это твое право.

Том ничего не ответил. Вместо этого, он ушел из комнаты с пивом, которое пил, и прошел на кухню.

Брэдшоу надеялся, что тот обдумывает его слова. Он осушил остатки своего пива, пока ждал, и, когда Том вернулся, журналист тихо сказал:

— Просто... На меня многое навалилось в последнее время.

— Я вижу, что «Сделай сам» занимает все твое драгоценное время, но я оставлю это здесь просто на всякий случай.

Брэдшоу положил папку, полную документов, на стол перед ним.

— Здесь достаточно, чтобы ты составил представление. Как я и сказал, мужчина прямо сейчас страдает, так что, если ты проснешься утром и передумаешь насчет работы с нами... тогда увидимся в кафе «Роузвуд». Завтрак за мой счет, если ты достаточно созрел, чтобы взяться за это.

Йен Брэдшоу ушел, но еще тогда, когда он шел по подъездной дорожке, Том появился

позади него в дверях.

— Йен, — позвал он и, когда Брэдшоу повернулся лицом к журналисту, надеясь, что тот поменял свое мнение, Том обратился к нему, — Временами ты такой лицемерный хрен. Тебе когда-нибудь кто-нибудь говорил это?

— Нет, — возразил Брэдшоу весело, — но меня называли хуже.

— Я чертовски уверен, что называли, — заметил Том, плотно закрывая за собой дверь.

***

Том Карни не спал той ночью. Вместо этого, он лежал без сна, напоминая себе о многочисленных разумных причинах избегать еще одно партнерское взаимодействие с Констебулярией Дарема, даже, хоть они и послали в качестве акта примирения парня, о котором он раньше был высокого мнения.

Том уже был достаточно загружен делом Ребекки Холт. Чем больше он о нем думал, тем больше убеждался, что жюри присяжных приговорило Ричарда Белла за убийство в силу коллективной антипатии к его персоне, в совокупности с предыдущими доказательствами потери контроля против женщины годы назад. Отсутствие алиби также не помогало. Честно говоря, Том Карни не знал, был ли Ричард Белл убийцей или нет. Белл вполне мог обмануть его, чтобы избежать правосудия, но Том был достаточно заинтригован, чтобы провести глубокое расследование, чтобы на самом деле узнать, что произошло с Ребеккой.

Но, и это было большое но, ему будет очень сложно это сделать без контактов в местной полиции, сотрудничающих с ним. В прошлом, он бы мог позвонить Йену Брэдшоу и попросить его проверить тот или иной факт или поделиться деталями расследования, но эта дорога для него сейчас была закрыта. По сути, он знал, что, если он возобновит старое дело, такое как убийство Ребекки Холт, это лишь еще сильнее разозлит высшее начальство Брэдшоу, так как у них на руках уже был вынесенный приговор, и они не хотели бы, чтобы его правильность оказалась под угрозой из-за назойливого репортера.

Так же был еще вопрос с его финансовым положением. Семья Ричарда Белла выплатит ему гонорар, пока он будет работать над делом, и мужчина был рад этому, так как это может помочь сохранить ему свой дом, но, даже работая над делом лишь неполный рабочий день, отнимет у него часы, чтобы закончить, казалось бы, бесконечный проект. Если полиция тоже хочет ему заплатить, Том сможет нанять кого-то, чтобы закончить все работы по дому. Тогда он может продать его и вернуться к тому, в чем он, действительно, хорош. Однако он не сможет сделать этого, пока втянут в постоянную вражду с Констебулярией Дарема.

Наконец, была девушка, о которой нужно подумать. Том знал наиболее вероятный исход на данном этапе, но что бы ни случилось с Сандрой, ее семья заслуживала узнать правду, какой бы болезненной та не была: а не жить остаток жизни в ужасной неопределенности, не зная, жива ли их дочь или нет.

Затем Том сел, откинул одеяло и поднялся с кровати.

— В чем же, черт возьми, здесь дело? — спросил он сам себя, бросив попытки уснуть и потащившись вниз. Он приготовил чашку чая, а затем взял фотографию Сандры Джарвис, которая была рядом с папкой, которую оставил ему Брэдшоу. Неулыбчивое лицо девушки придавало ей загадочную внешность, как будто она умышленно таила секрет.

— Что же с тобой случилось: — спросил он изображение Сандры Джарвис. — Куда ты отправилась?

Глава 16

В кафе «Роузвуд» был один из тех колокольчиков, которые звенят, когда открывается

входная дверь. Йен Брэдшоу смотрел на запотевшее окно двери каждый раз, как слышал звон.

Когда он прозвенел в шестой раз, его бдительность была вознаграждена.

— Я не ожидал, что ты появишься.

Брэдшоу взглянул в уставшее лицо с темными кругами под глазами.

— Я всегда за то, чтобы позавтракать за счет Полиции Нортумбрии, — сказал ему Том.

— Я бы не хотел, чтобы ты думал об этом, как о подкупе.

— Прямо сейчас, за булочку с двойным беконом я продам душу, вместе со всеми своими журналистскими принципами.

— Какими принципами? — усмехнулся Брэдшоу с насмешкой. — Мы можем добавить яичницу и чай.

— Кофе, — настоял Том и сел напротив детектива. Мгновением спустя появилась молодая девушка, и Том ждал, пока она примет их заказ.

— Хорошо, — сказал он, — я помогу вам с вашим делом, — но прежде чем Брэдшоу мог насладиться своим кратким мгновением триумфа, добавил, — но есть одно условие.

— Какое?

— Тебе придется помочь мне с моим.

***

Кейн не пригласил Брэдшоу присесть, и молодой мужчина был рад этому. Он хотел выйти из офиса старшего инспектора прежде, чем Кэти Теннант снова прижмет его к стенке.

— Ты сказал ему, что мы поставим его на зарплату? — спросил Кейн.

— Да, — ответил Брэдшоу.

— И?

— Этого было недостаточно.

— Жадный ублюдок! — полыхнул гневом старший инспектор.

— Я имею в виду не деньги, — быстро сказал Брэдшоу, — дело не в этом.

— Тогда в чем?

— Он работает над кое-чем еще, — сказал Брэдшоу, — и это вам не понравится.

Затем он объяснил интерес Тома Карни в деле Ребекки Холт.

— Ты шутишь, — отреагировал Кейн, и Брэдшоу задумался, почему люди всегда произносят это, даже когда очевидно, что никто не шутит.

— Боюсь, что нет.

— Зачем он хочет разворошить это осиное гнездо? Ричард Белл был осужден и приговорен.

— Но доказательства по большей части были косвенными, — сказал Брэдшоу, поспешно добавив, — согласно словам Карни.

— Я знаком с делом, я был старшим следователем по этому делу, — Кейн напомнил Брэдшоу, — и там было достаточно, чтобы мы и Королевская Уголовная Прокуратура полагали, что есть довольно большая вероятность вынесения приговора в деле об убийстве. Жюри присяжных согласилось с нами, и Белл получил пожизненно... но он убедил Тома Карни, что невиновен?

— Карни не говорит, что тот невиновен, просто, что есть некоторые сомнения в его вине. Он думает, что жюри присяжных могло оказаться под влиянием личности Белла.

— Довольно вероятно, — признал Кейн, — мужчина трахал все, что движется.

— Семья Белла наняла его, чтобы привнести новый взгляд на дело. Они хотят, чтобы он раскрыл новые доказательства, которые могут оправдать Белла.

— Я думаю сейчас о самом коротком стихе в Библии, — признался Кейн.

— Сэр?

— И плакал Иисус, — вздохнул Кейн. — Он ничего не найдет, мы бесчисленное количество раз все проверяли.

— Тогда, вероятно, от этого не будет никакого вреда, — предположил Брэдшоу. — Карни пообещал, что будет сохранять непредвзятость и, если обнаружит что-то, о чем бы ни хотел слышать Ричард Белл, он, в любом случае, ему об этом расскажет.

— Включая доказательства, что он совершил это?

— Включая и это.

— Так значит, он слишком занят, чтобы помочь нам?

Брэдшоу заколебался.

— Ну, он выдвинул одно предложение, но я сильно сомневаюсь, что оно вам понравится.

Брэдшоу не был уверен, что ему самому нравится это предложение.

— Продолжай, — сказал Кейн в нетерпении, — выкладывай.

— Он говорит, что поможет нам с нашим делом, если мы поможем ему.

— Ха! Он хочет, чтобы мы расследовали дело, которое уже расследовали и довели до удовлетворительного результата, чтобы мы скомпрометировали сами себя?

— Что-то вроде того.

— Что за наглый парень.

Затем Кейн замолчал на долгое время. Брэдшоу знал, что его босс размышляет о странном предложении Тома Карни. Он был более чем удивлен, когда старший инспектор внезапно сказал:

— Какой от этого будет вред? Ты сам это сказал.

— Так значит, вы хотите, чтобы мы помогли ему с делом Ребекки Холт?

Брэдшоу искренне сомневался, что его босс предлагал это.

— Почему бы и нет? Мы можем предоставить ему кое-какие детали расследования, дать ему прочитать документы по делу и все такое, — любезно предложил Кейн. — Если у него есть зацепка, которую нужно расследовать, предполагая, что она того стоит, тогда я предположу, что нет никакого вреда в том, чтобы протянуть руку помощи, только втайне, если это не затянет тебя надолго.

— Меня?

Брэдшоу на самом деле не понравилась эта идея.

— Конечно же, тебя, — сказал Кейн, — кого же еще?

— Но я работаю по делу обожженной девушки для инспектора Теннант. Вы снимаете меня с него?

— Ох, нет, я не могу этого сделать. Теннант справедливо расценит это, как истощение ее и без того ограниченных ресурсов. Нет, тебе придется заниматься этим в свое свободное время.

— Свободное время? У меня нет свободного времени.

— Тогда найди его, — отрезал Кейн. — Если Том Карни привнесет свои несомненные навыки, вместе с его крайне раздражающей личностью, в дело Фрэнка Джарвиса, тогда это будет того стоить — потому что говорю я тебе сейчас, для Ричарда Белла он не найдет

ничего нового. По этому делу работали наши лучшие люди.

— Скелтон и О'Брайан, — произнес Брэдшоу, прежде чем понял, что говорит.

— Среди прочих.

Его тон был упреком.

— В какой-то момент над ним работало двадцать детективов. Я отправил на него всех хороших специалистов, которых только смог найти в первые дни.

Это было еще одним ударом, так как Брэдшоу никогда не просили поработать над делом Ребекки Холт.

— Я не уверен, что мне удастся заняться работой по делу об исчезновении Сандры Джарвис и возобновленным рассмотрением дела об убийстве Ребекки Холт в свое свободное время так, чтобы этого не заметила инспектор Теннант, сэр.

— Ох, я понял, — произнес Кейн, и его глаза хитро прищурились. — Все дело в той юбке, с которой у тебя не будет время видеться, не так ли? Как ее имя: подтянутая со светлыми волосами?

Брэдшоу знал, что ему следовало бы поправить своего старшего офицера, чтобы тот не описывал его девушку, как «юбку». Сейчас девяносто пятый год, Бога ради, а не Средневековье. Он также знал, что его старший инспектор будет полностью сбит с толку тем, что Брэдшоу посмел его осадить. Кейн считает, что только что сделал молодому человеку комплимент. По правде говоря, Брэдшоу не хватало сил вести еще одну битву, и, он внутренне отругал себя за трусость. Как, черт возьми, его босс узнал, с кем он встречается?

— Карен, — ответил он.

— Да, с ней, — кивнул Кейн, — ты не хочешь пропустить слишком много ночей с Карен, теперь, когда вы сошлись вместе.

— Мы не живем вместе! — запротестовал Брэдшоу. С чего, черт возьми, его босс так подумал?

— Ох, я слышал, она переехала. В любом случае, это не важно.

Он махнул рукой.

— Не беспокойся, у вас все еще будет большая часть ваших вечеров вместе, просто потратить на это дело немного своего свободного времени, и я этого не забуду. У меня есть решение, которое предоставит тебе несколько дней вдали от инспектора Теннант, чтобы Кэти не писалась кипятком, — сказал он и самодовольно улыбнулся. — Наставничество.

— Наставничество?

— Это новая инициатива от Главного Офиса, которую продвигает Главный Констебль. Старшие офицеры выбирают младших офицеров, обладающих потенциалом, и наставляют их. Это выделит тебя, и ты даже можешь получить быстрое повышение.

— Что мне нужно будет делать?

— Я дам тебе копию моего ежедневника: ты возьмешь на заметку то, чем я занимаюсь, в особенности, внештатную деятельность, курсы по лидерству, визиты в другие отделения, встречи с местными руководителями и политиками, такого рода вещи, и присоединишься к этому, — сказал он, — только вот не присоединишься, потому что будешь заниматься другими делами. Кэти Теннант, конечно же, будет недовольна, что ты пропускаешь работу с ее командой, но ей это понравится больше, чем правда.

— Но я не буду на самом деле получать никакого наставничества?

— Ох, не беспокойся об этом, — отмахнулся от него Кейн, — в любом случае, это чушь собачья. Я наставляю вашу компанию каждый день. Слушай, мы можем встретиться, и я

поговорю с тобой о твоей карьере, твоих сильных сторонах и твоих... э-э-э... слабостях, чтобы ты мог поработать над ними. Мы даже наметим план карьерного роста, и я поручу одной из девушек напечатать его, чтобы ты мог показать его Кэти Теннант.

Он подмигнул Брэдшоу.

— Лучше всего то, что мы можем сделать это все в пабе. Я всегда говорил, что лучше всего учиться после нескольких пинт с вышестоящими, чем при исполнении. Как тебе это?

— Замечательно, сэр, — сказал Брэдшоу, так как знал, что именно такого ответа от него ожидают.

— Но Кэти не может узнать настоящую причину, по которой ты в самоволке из ее команды, — сказал Кейн.

— Ты занимаешься этим для меня неофициально. Инспектор Теннант будет крайне расстроена, если об этом узнает, — напомнил ему Кейн, — но ее гнев будет ничем по сравнению с моей яростью, требующей возмездия, если ты облажаешься, — и он дал ему уловить эту мысль, — понял меня, Брэдшоу?

— Да, сэр.

— Молодец, парень, — сказал старший инспектор Кейн, — теперь наслаждайся остатком дня.

***

Заявление было выразительным, кратким и доходчивым.

— Я не комментирую вопросы, касающиеся личной жизни, — все, что предложил советник Линч в свою защиту, так что газета Хелен напечатала статью о его подозрительной продаже дома с этой цитатой внизу.

Хелен не ожидала, что Линч позвонит ей следующим утром и станет ей угрожать. Это было так вульгарно, что она с трудом приняла тот факт, что слова, на самом деле, произносил глава городского совета, но, когда она слегка надавила на него насчет того встречался ли он с загадочным мистером Купером, ситуация быстро эскалировалась.

— Кто, мать твою, ты думаешь такая? — рычал он на нее, и эти злобные слова были такими неожиданными из уст представителя власти, что Хелен внезапно почувствовала тошноту. Но Джо Линч еще далеко не закончил. — Я неустанно работал на благо людей в этом городе больше двадцати лет, а затем появляешься ты и пытаешься уничтожить меня. Ну, я не позволю этому случиться, Хелен Нортон, — и он замолчал на секунду, а затем добавил, — Монкс Уок, 14а, Джеммонд. Да, — сказал он, — я знаю, где ты живешь, и я знаю, что ты за человек.

Затем он использовал поток грязных, женоненавистнических, четырехбуквенных слов, чтобы описать ее, которых она ожидала бы от кого-то вроде Джимми Маккри, а не от избранного официального лица.

— Теперь подождите-ка минутку... — начала она.

— Нет! — закричал он. — Ты уже сказала свое слово, теперь моя очередь. Ты связалась не с тем, ты сука. Я собираюсь покончить с тобой, мисс Нортон.

И он резко бросил трубку.

Когда он прервал звонок, Хелен села за свой стол в полнейшем шоке. Она понимала, что все еще держит трубку в руке, когда услышала гудки. Она встала и пошла в туалетную комнату, включила холодный кран, а затем поплескала воды на лицо.

Ей только что угрожал самый влиятельный политик в городе.

— Я собираюсь покончить с тобой, мисс Нортон, — предупредил он ее — но было ли

это пустыми угрозами бессильного мужчины или реальной угрозой от коррумпированного официального лица, который водит дружбу с преступниками? Покончить означало ее карьеру или ее жизнь? Ей стало дурно.

Хелен знала, что это то место в голливудском фильме, когда отважный молодой репортер клянется разобраться со всеми влиятельными шишками, не важно, какой будет цена — но это не кино. Это реальная жизнь, и внезапно Хелен Нортон, действительно, испугалась.

Глава 17

— Миссис Белл на встрече, — сказала ему леди на ресепшене, — но мы ожидаем ее возвращения к середине дня.

Том бросил взгляд на наручные часы.

— Вы не возражаете, если я подожду?

— Вовсе нет: она вас ожидает?

— Да, — солгал он. Том посчитал, что их первая встреча будет более плодотворной, если Энни Белл, когда вернется, будет застигнута врасплох.

Прошло чуть больше двадцати минут, прежде чем новенький хэтчбек въехал на зарезервированное место у входной двери головного офиса компании ее отца, «Солейл». Том наблюдал, как Энни пересекает открытое пространство и идет по направлению к ресепшену. Она была среднего роста, выглядела тоже можно сказать средне, но была безукоризненно одета в синий деловой костюм. Она выглядела немного старше своих лет, в ее темных вьющихся волосах проглядывала преждевременная седина, но кто может винить ее за это?

Том перехватил Энни до того, как секретарь представит его.

— Миссис Белл, я Том Карни.

Он думал, что был предусмотрителен, не упоминая имени ее мужа, но ее первыми словами ему было:

— Я думала, что вы приедете домой.

— Я приезжал, — объяснял он, — но уборщица сказала мне, что вы на работе, так что...

—... И вот вы здесь, — закончила она предложение за него. Энни неуверенно огляделась вокруг.

— Я предположил, что у вас должен быть офис, — сказал он тихо, — место, где мы можем поговорить наедине.

— Хорошо.

Она повела его внутрь. Они миновали ряды столов, где перед огромными компьютерными мониторами работала на удивление тихая группа людей.

Офис Энни Белл оказался в конце комнаты. Она закрыла позади них дверь, и Том придвинул стул поближе к ее столу, чтобы они могли смотреть в лицо друг другу. Любопытно, что офис Энни Белл был обезличенным рабочим пространством, за исключением одной маленькой фотографии в серебряной рамке с изображением двух улыбающихся девочек.

— Мои, — сказала она, когда заметила, что он смотрит на фотографию. — Я знаю, они выглядят как сама невинность, но бывают очень непослушными.

— Они замечательные, — сказал он. — Я приношу извинения, если мое появление вас смущает.

— Удивляет, а не смущает, — сказала Энни. — Я старший менеджер в компании, принадлежащей моему отцу, на которую работает огромное количество людей, которые все

знают, что мой муж отбывает пожизненное заключение за убийство своей любовницы, — она сделала паузу, — вот, что смущает.

— Это должно быть тяжело.

— Так и есть, — согласилась Энни, — но вы знаете, что тяжелее всего? Знать, что он невиновен, и быть не в состоянии ни черта с этим поделать.

— Вы кажетесь уверенной в его невиновности.

— Да.

— У вас никогда не возникало сомнений? Даже во время суда, когда вы слышали о Ричарде довольно ужасные вещи?

— У меня было два года, чтобы обдумать все, что услышала на суде. Я узнала, что мой муж был бабником. Мне понравился этот факт? Нет. Я почувствовала свою вину в этом? Возможно, но отчасти. Он сделал то, что сделал, и, определенно, мог так не поступать. Это делает его убийцей? Боже, нет. Ричард — добрая душа. Я знаю его лучше, чем кто бы то ни было, и от всего сердца я могу сказать вам, что он не убивал эту женщину.

Он обратил внимание, что она сослалась на Ребекку Холт, не используя ее имени.

— Так кто это сделал? Убил ее? — затем он добавил: — Это были вы?

— Если это была шутка, то не смешная.

— Это честный вопрос, — сказал он, — тот, который я должен задать вам, если вы хотите, чтобы я занялся делом вашего мужа. — Когда она помедлила с ответом, Том добавил: — Предполагая, что вы хотите, чтобы я им занялся, потому что сейчас самое время сказать мне, если это не так.

— Я за все, что может помочь моему мужу доказать свою невиновность, мистер Карни, хоть я и признаю, что я возлагала надежды на счастливый исход — мы все возлагали.

— Но у вас есть сомнения, — спросил он ее, — насчет того, стоит ли мне заняться делом?

Она ответила не сразу.

— Я не хочу заранее обнадеживать своего мужа, — сказала она. — Ричард был опустошен, когда его просьбу об обжаловании приговора отклонили. Он впал в сильную депрессию, — объясняла она, — затем прочитал вашу книгу. В следующий раз, как я навестила его, он мог говорить только об этом. Он сказал мне, что написал вам и надеется получить ответ. Я не рушила его надежды, потому что я видела, как этот малейший проблеск надежды повлиял на его настроение, но я признаюсь, что беспокоюсь, как на нем скажется, если вы не сможете обнаружить ничего нового.

— Так же, как беспокоюсь об этом и я. Я даже не уверен, что я тот самый человек, который может помочь ему.

— Ричард убежден, что вы именно тот, кто ему нужен, — сказала Энни, — он называет вас «искателем правды».

— Но вы считаете, что он цепляется за соломинку?

— Так делают все утопающие.

— А он утопающий?

— О, да, — сказала она, — я вижу, как это место сказывается на нем. Я должна вытащить его оттуда.

— Найдя настоящего убийцу?

— Теперь это мой единственный выход, вы так не считаете?

— Значит, это были не вы? — дружелюбно спросил он.

— Нет.

— Убедите меня.

Она вздохнула и посмотрела в окно сотый раз с тех пор, как они пришли сюда.

— Не здесь, — сказала она, и внезапно Энни Белл вскочила на ноги.

***

Энни на огромной скорости промаршировала к входной двери здания, но Тому удалось не отставать от нее, пока они покидали офис.

— Я не могу там говорить, — сказала она, и он понял. Должно быть, нелегко было быть Энни Белл, даже через два года после суда. — Мы пойдем в парк.

— Когда они проходили мимо ее машины, он сказал:

— Хороший двигатель.

— Каждую неделю я меняю машину, — рассеяно ответила она.

— Как вам это удается?

— Они не мои. Это от производителя. У нас большой парк служебных автомобилей. Мы получаем модели для демонстрации каждые две или три недели, — пояснила она. — Новинки перестают быть новинками довольно быстро.

— Чтоб мне так жить, — сказал он. — Так чем именно занимается «Солейл»?

— Мы предоставляем ряд интегрированных IT-решений, спроектированных так, чтобы удовлетворить потребности каждого конкретного бизнеса. Мы не просто продаем неподходящие продукты, а затем оставляем вас самих решать с ними проблемы. Наша команда по продажам выступает в качестве консультантов по вопросам управления, которые помогут фирме на каждом этапе, начиная с покупки оборудования до создания и установки специализированного программного обеспечения и программ обучения персонала, а затем мы помогаем наладить создание отчетов по управленческой информации.

— Звучит как куча техподдержки: должно быть это дорогостояще.

— В этой жизни, вы получаете то, за что платите.

Вход в парк располагался в нескольких сотнях ярдов от офиса Энни. Она направила его к скамье, стоящей перед изгородями, затененными большим деревом, чья листва начала опадать и усеяла землю вокруг них.

— Я обедаю здесь каждый день, — сказала она, и у него сложилось четкое представление, что она обедает в одиночестве. — Это мое любимое место.

— Здесь очень умиротворенно.

Том присоединился к ней на скамье, и они мгновение сидели в тишине, пока она не решила ответить на вопрос, который он задал ей в офисе.

— Я вполне могла бы питать убийственные мысли по отношению к этой женщине, если бы я хоть что-то о ней знала, — сказала Энни. — О, я знала об ее существовании, даже видела ее однажды, но я не имела понятия, что она в каких-то отношениях с моим мужем, пока полиция не появилась на пороге, чтобы рассказать Ричарду, что ее убили. Тогда-то все и выяснилось, в конце концов. Они спрашивали меня о ней. Я думаю поначалу, я даже была подозреваемой, но у меня есть алиби на день убийства...

— У вас был выходной, — вспомнил он, — занимались покупками в городе?

— Да, — сказала она, — меня видело много людей, — и добавила, — позднее эксперт криминалист сказал, что удары мог нанести только мужчина, так что это должно убедить вас.

— Я читал, — сказал он, — так кто убил Ребекку Холт, если не Ричард и не вы?

— Конечно же, ее муж, — сказала она, как будто это было очевидно, — теперь у нас прорва времени, чтобы доказать это. Кстати, у него тоже есть алиби.

— Я не тот, кто верит алиби, миссис Белл, — не скрывая сказал Том, — их можно купить или подделать.

— Ну, свое я не покупала, — она бросила ему вызов, — вероятно, дюжина людей видели меня в городе в течение всего дня.

— Как удобно.

— Я работающая мать, — напомнила ему Энни, — у меня редко есть время наедине с собой. Однако по утрам я бегаю, а затем веду детей в школу. Это мое время. Оставшаяся часть дня довольно суматошная.

— Так значит, вы считаете, что Фрэдди Холт совершил это? Вы не верите в теорию безумного незнакомца?

— Это возможно, но у ее мужа был мотив.

— Сумасшедшим незнакомцам не нужен мотив. Это то и делает их сумасшедшими. Ее мужу тоже не нужен был мотив, если так подумать.

— Она изменяла ему.

— Он не знал об этом, пока ее не нашли мертвой, — сказал Том.

— Он так говорит, — фыркнула Энни, — но на самом деле вы же в это не верите?

— Почему бы и нет? — спросил Том. — Вы ожидаете от меня, что я поверю в тоже самое о вас.

— Очевидно, вы плохо знаете Фрэдди Холта, — сказала она.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Если где и есть мужчина, способный на убийство, так это он.

Они потратили полчаса на обсуждение слухов, ходивших о Фрэдди Холте, все то время, пока он сколачивал свое состояние. Если хоть десятая часть из них была правдой, муж Ребекки Холт был полноценным членом общества безжалостных ублюдков, который не боялся нарушать законы и даже причинять боль людям, если считал, что этого требуется.

Эми взглянула на свои часы.

— У меня встреча, — сказала она Тому. — Если вы закончили, — затем она спохватилась, — на данный момент?

— Не совсем. У меня есть последний вопрос, — сказал Том, — он таков: почему вас заботит так или иначе благосостояние вашего изменяющего ублюдка мужа, когда большинство женщин, вероятно, бросили бы его.

— Большинство женщин бросили бы его? Возможно, но я нет. Это реальный мир, а он не просто мой ублюдок-муж, как вы его назвали, он отец моих детей. У меня две чудесные дочки, которые очень скучают по своему отцу, и хотят, чтобы он вернулся. Я сказала, что частично виню себя за его поведение, и это не преувеличение.

— В каком смысле?

Она смутилась.

— Я не всегда была рядом для него. У меня была работа на полный рабочий день и двое детей... Большую часть времени я была уставшей... Мы стали отдаляться. Я сожалею о том, что не уделила время и не приложила усилия, чтобы поддержать наш брак, которые отдала своей карьере и девочкам. Я думаю, он обижался на это и искал утешения, если это подходящее слово, на стороне. Я всегда буду чувствовать за это свою вину.

— Тогда зачем вообще работать? Вы вообще нуждались в деньгах?

— Вы говорите так, потому что мой муж был директором по продажам, а мой отец состоятельный человек?

Она выглядела разочарованной его словами.

— Бросить работу старшего менеджера в кампании и стать вместо этого домохозяйкой, жить на деньги других людей, ходить выпить кофе по утрам и занятия по йоге? Я не такая, мистер Карни. Меня растили не такой.

— Ясно, — сказал он. — У меня есть список людей, с которыми я хотел бы поговорить о вашем муже и о его деле. Один из них — ваш отец.

Она нахмурилась.

— Почему вы хотите поговорить с отцом?

— Хочу узнать его точку зрения.

— Боюсь, что он не захочет говорить с вами.

— Почему?

— Он вряд ли одобрит эту затею.

— Ясно, — сказал Том, — тогда будет полезно узнать по каким причинам.

— Я всегда была на все сто процентов уверена в своем муже. Я никогда не сомневалась в его невиновности ни на миг. Однако, мой отец...

— Думает, что его зять совершил это.

— ... менее убежден в его невиновности, чем я. Судебный процесс испортил его мнение о Ричарде. Поведение моего мужа, очевидно, расстроило моего отца. У нас есть клиенты и инвесторы. Моему отцу пришлось объяснять, что один из его ключевых работников, собственный зять, был признан виновным в убийстве. Очевидно, это было нелегко. Он понимал желание Ричарда подать на апелляцию, но, когда ее отклонили, он посчитал вопрос решенным. Я не согласилась с ним.

— Так значит, ваш отец считает, что вы должны оставить Ричарда в тюрьме?

— Он не думает, что у меня есть какой-либо выбор, но Ричард хочет, чтобы вы помогли ему, а я поддерживаю решение моего мужа.

— Папочка оплатит мой гонорар?

Она покачала головой.

— У меня есть собственные деньги, мистер Карни. Папочка, как вы его назвали, не имеет права голоса в данном вопросе.

Глава 18

Многоэтажная автопарковка была темной даже в дневные часы, спасибо низким, серым, бетонным потолкам, поддерживаемым толстыми колоннами, мрак нарушал лишь свет, исходящий из узких щелей по обе стороны от длинного ряда припаркованных автомобилей. Хелен пересекла первый этаж и обнаружила, что лифт сломан, что вынудило ее подниматься по лестнице, которая была освещена голыми лампочками, достаточно яркими, чтобы подсветить граффити с ошибками, покрывающими стены. Она осталась абсолютно одна, когда дверь за ее спиной закрылась, и внезапно почувствовала себя крайне уязвимой в этом замкнутом пространстве, так что она стала идти быстро, запыхавшись после подъема без остановки через все пролеты, пока не добралась до своего этажа.

Это не то место, где она хотела сейчас быть. Не тогда, когда ей только что угрожал самый влиятельный мужчина с гангстерами в друзьях, но Хелен не могла провести всю свою жизнь, скрываясь в отделе новостей.

Она только что взяла интервью у молодого рабочего, который помогал подросткам

избегать попадания в банды, обучая их боксу, а это требовало посещения одного из самых плохих районов города. Хелен пришлось с силой толкнуть дверь, чтобы открыть ее, а ее нижний край царапал по земле в процессе движения. В конце концов, с шумом дверь распахнулась и уперлась в бетон. Она была одна, а парковка была такой тихой, что пока она шла, было слышно каждый шаг.

Она чувствовала, что здесь что-то не так, атмосфера, которая Хелен сказала себе, была вызвана исключительно ее разгулявшимся воображением. Она находилась на безлюдной парковке и видела слишком много фильмов, где на одиноких женщин внезапно нападали мужчины, таящиеся в тенях. Тем не менее, она ускорила шаг.

Хелен была на полпути к безопасности и начала немного успокаиваться, когда прозвучал неожиданный громкий стук, от которого она одновременно вздрогнула и повернулась на источник шума. Она почти споткнулась, уверившись, что на нее сейчас нападут.

Но там никого не было.

У Хелен ушло несколько секунд, чтобы определить источник шума, который эхом раздавался по парковке. Дверь, которую она распахнула, с громким ударом захлопнулась. Хелен два раза глубоко вдохнула, прежде чем почувствовала себя способной продолжить свой путь к машине, которая находилась на верхнем из двух уровней на этом этаже. Это значило подъем по наклону, по которому поднимались машины, так как она не видела никакой дорожки. Она сделала это быстро, все время, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что за ней никто не идет. Девушка живо вспомнила угрозы советника Линча, и знала, на какую компанию, он сейчас работает. Сказала себе, что у нее есть причины нервничать.

Хелен заметила свою машину, но когда подошла ближе, то, что она увидела, остановило ее на ходу. Кто-то, должно быть, проследил за ней до сюда — откуда еще они смогли узнать, где искать ее машину? Сообщение было нанесено на светлый кузов толстыми, темными буквами, такими же далекими от изящности, как и сами слова: «Сука, шлюха, швалина». Этого было достаточно, чтобы Хелен стало не по себе, ее разрывали противоречивые желания. Она не хотела приближаться к машине, но также и не хотела рисковать идти вниз по этой темной, узкой лестнице снова. Она также не может оставаться здесь на открытом пространстве. Что, если мужчина, который сделал это, все еще поблизости? Что, если он смотрит на нее прямо сейчас?

Хелен решила действовать, и пошла к машине обычным прогулочным шагом, с облегчением замечая, что, по крайней мере, шины остались целыми. Если вандал наблюдает за ней, она была решительно настроена, не позволить ему увидеть, насколько она расстроена. Хелен подавила свое чувство отвращения и продолжила идти. Она положила руку в сумочку и вытащила ключи, чтобы иметь возможность сесть в машину и уехать так быстро, насколько может.

Она была лишь в нескольких ярдах от своей машины, когда до нее внезапно дошло, что кто бы это не сделал, он может быть внутри. Возможно, он даже подждал ее на заднем сиденье.

Девушка взяла себя в руки и сжала ключи в ладони, убедившись, что заостренный кончик торчит между ее пальцами. Если он был внутри и прыгнет на нее, она клянется, что ударит его прямо по лицу.

С гулко бьющимся сердцем, Хелен дошла до машины и бросила быстрый взгляд внутрь, но ничего не увидела на задних сидениях, никто не прятался под ними. Мгновенно ее страх

перед машиной сменился отчаянным желанием как можно быстрее залезть в нее и запереть дверь. Она переместила ключ в более естественное положение, открыла дверь и с максимальной скоростью, на какую была способна, села. Хелен резко захлопнула дверь, отчего ударила ей себя по колену, но, не медля, завела двигатель, развернулась на парковочном месте и поехала так быстро, насколько ей хватало смелости.

***

Дождь хлестал Йена Брэдшоу, пока он безутешно стоял на мосту Элвет, проклиная Тома Карни за опоздание. Почему он согласился встретиться с репортером в городе Дареме на открытом пространстве? Потому что погода была обманчиво теплой и солнечной сегодня, и в то время это казалось хорошей идеей.

— Ты опоздал, — сказал он Тому, когда тот доплелся до Брэдшоу с руками, засунутыми в карманы куртки.

— Ублюдочная пробка. Они снова перекапывают дорогу. Я предлагал тебе встретиться в пабе.

Том вообще не видел смысла во встрече, так как не представлял, что старший инспектор Кейн согласится на его небольшую сделку.

— Я при исполнении, — напомнил ему Брэдшоу, — тебе то нормально.

И двое мужчин вместе пошли по каменному мосту в старый центр города.

— Тогда пей, чертов апельсиновый сок, Бога ради, — огрызнулся Том.

Он прищурил глаза от дождя, который задувал им в лицо вихрящийся ветер, и повел Брэдшоу вдоль Сэдлер Стрит, которая вела к известному кафедральному собору на вершине холма. Однако они не дошли так далеко, так как Том показал Брэдшоу следовать за ним в «Шейкспир», старый-престарый, крошечный паб, предоставляющий уютное убежище от отвратительной погоды.

Том заказал напитки, пока Брэдшоу снимал свое промокшее пальто и вешал его на спинку стула, откуда вода стекала на пол.

— Кейн дал «зеленый свет», — сказал он, когда Том вернулся со стаканом апельсинового сока и пинтой горького пива, на которую детектив посмотрел с завистью.

— В самом деле?

Том едва ли мог быть удивлен сильнее.

— Ты рассказал ему о моей стороне сделки? — спросил он с подозрением.

— Конечно же, — огрызнулся Брэдшоу. — Не беспокойся, ты получишь помощь, о которой просил.

— Ах, вот что.

— Что?

— Он попросил тебя мне помогать, ведь так, — спросил его Том, — это объясняет, почему ты такой озлобившийся. Ну, ты должен был это предвидеть.

— Я не озлобившийся. Просто я промок до нитки, а ты единственный, кто пьет пиво.

Брэдшоу отпил своего апельсинового сока, а затем состроил лицо, которое делает маленький ребенок, когда пробует горькое лекарство.

— Я думал, ты будешь счастлив. Ты дал Кейну то, что он хотел.

— И ты получил, что хотел тоже, — напомнил ему Брэдшоу. — Просто я единственный, кто застрял посередине.

— Выше нос. Все будет, как в старые добрые времена.

— Простоя сейчас очень занят, но, может быть, мне повезет больше с другим делом.

Итак, откуда мы начнем?

Том пожал плечами.

— Откуда угодно, — сказал он, — отовсюду.

— Это обнадеживает.

Том понял, что Брэдшоу был решительно настроен изображать из себя ворчуна, так что он начал с того дела, которое волновало детектива больше всего.

— Ладно, ответь на вопрос, который у меня есть о деле Сандры Джарвис. Согласно той папке, что ты оставил мне, ее видели рядом с городом через несколько дней после того, как ее отец видел ее в последний раз. Они поспорили, она бросилась прочь и не вернулась, но куда она пошла?

— Им ничего об этом не известно, — ответил Брэдшоу, имея в виду своих коллег в полиции Нортумбрии.

— Может, она переночевала у друга?

— Если и так, они не смогли найти ее... или его... или кто-то солгал, — ответил Брэдшоу.

— Так значит, если она не осталась у друзей, чем она занималась между руганью с папочкой и уездом из города двумя днями спустя?

— Мы не знаем, но у нас есть некоторое количество сообщений о том, что ее видели, когда мы обратились к вероятным свидетелям ее исчезновения. Ее видели на рынке «Грейнджер» и на Нортумберленд Стрит. Так же были сообщения о том, что ее заметили на Кисайд и один раз в Метро Центр.

— Так она что пошла на шоппинг? Тогда это не похоже на то, чтобы Сандра Джарвис на тот момент испытывала стресс, ее точно в последний раз видели на железнодорожной станции?

— У них есть чудесная новая система видеонаблюдения. Зоркий детектив просмотрел часы записей, пока не обнаружил ее.

— Хорошо ему, — сказал Том и на самом деле имел это в виду. — А говорят, что ваша работа не гламурная.

— В ней есть и хорошие моменты, — ответил Брэдшоу, — но большую часть времени занимает ежедневная рутина, как в деле, над которым я сейчас работаю.

И он рассказал Тому Карни об обожженной девушке и о проблемах, которые у них возникли с ее опознанием.

— И нет никакого шанса, что твоя обожженная девушка может быть Сандрой Джарвис? — спросил Том. — Не то, чтобы я говорю, что ты не думал об этом, но, если вы не можете опознать ее?

— Мы можем исключить эту версию. Сандра Джарвис намного выше ростом.

— Эта фотография Сандры снята с видеозаписи, — спросил Том, — где она?

— Она должна быть в досье по делу в Ньюкасле, — сказал детектив.

— Я бы хотел взглянуть.

— Я проведу тебя туда, — сказал он Тому. — Они хранят множество информации о ней, которую ты захочешь прошерстить.

— И пока я этим занимаюсь... — медленно начал Том.

— Звучит зловеще, — заметил Брэдшоу. — Чего ты хочешь?

— У нас сделка помнишь? — спросил Том. — Я помогаю тебе с твоим делом, а ты помогаешь мне с моим.

— Да, да, что мне нужно делать?

— Наведайся ради меня к местным извращенцам, — попросил Том.

— Прости?

— Мне нужно, чтобы ты заглянул на Лоунли-Лейн, — сказал он детективу. — Я хочу знать все, что там происходит.

***

Когда Том ехал обратно в Ньюкасл, он по привычке оставил радио включенным. В это время дня, между обеденными новостями и временем, когда все поедут домой с работы, местная станция едва ли проигрывала какую-либо музыку, с тех пор как поняла, что ротация простых исполнителей из народа, которым не надо платить, куда дешевле, чем плата звездам за их песни. В данном случае разговор был дешевле. Сегодняшней темой была популярная тема, так как касалась неофициальной религии региона, футбола. «Ньюкасл Юнайтед» был высоко в лиге и, наконец, положил конец десятилетнему ожиданию трофея. Они были так далеко впереди всех, что поражение казалось практически невероятным.

— Да ладно тебе, мужик, — звонящий приободрил скептически настроенного радиоведущего, — даже Ньюкасл не смог все похерить.

— Я не был бы так в этом уверен, — пробормотал Том, поворачивая свою машину на улицу, полную красных кирпичных домов с террасами по типу две комнаты внизу, две спальни наверху, затем припарковался позади белого фургона, который был настолько заляпан грязью, что кто-то написал на нем пальцем: «Была бы моя женушка такой же грязной», в грязи на задних дверях.

Том постучал в дом номер «20». Ответа так долго не было, что он предположил, что никого нет дома, и уже собирался уходить, когда входная дверь распахнулась.

— Миссис Джарвис? — спросил он, выглядевшую напуганной женщину, которая открыла дверь.

— Да, — сказала она очень тихим голосом, как будто не была в этом до конца уверенной.

— Я здесь, чтобы увидеться с вашим мужем, — сказал он ей. — Меня зовут Том Карни.

Он ожидал, что она позовет его внутрь, но вместо этого она исчезла в доме, ничего не говоря, оставив дверь открытой. Вместо того чтобы ждать на пороге, он проследовал за ней внутрь.

Когда он вошел в гостиную, она уже уходила из нее через дверь кухни, и он услышал, как открылась тяжелая задняя дверь. Она пробормотала что-то, что могло быть:

— Я приведу его, — но это было едва слышно. Его оставили стоять в гостиной, и он не был один.

Пожилая леди, одетая в белый кардиган поверх платья с цветочным узором, сидела в кресле, внимательно его разглядывая, ее лицо было прорезано глубокими морщинами.

— Кто вы? — обвиняющим тоном спросила она.

— Том, — представился он, надеясь, что это будет достаточным объяснением.

— И чего ты хочешь, Том? — с хитринкой спросила она, как будто все, кто приходил в дом Джарвисов, был мошенником того или иного рода.

— Я здесь, чтобы помочь советнику Джарвису.

Судя по ее возрасту и тому, что она ощущала себя здесь вполне как дома, он предположил, что это должно быть бабушка Сандры Джарвис.

— Помочь ему с чем?

— Он попросил меня попытаться найти его дочь.

Он знал, что это откровение может расстроить пожилую женщину.

— Ах, это, — казалось, она потеряла интерес, — у нее немного не все дома.

Том был ошарашен выбором слов бабушки в отношении своей внучки, но по слегка стеклянному выражению старых глаз пожилой леди, она казалась не совсем вправе оценивать психическое состояние других людей. Она открыла рот, как будто собиралась добавить что-то.

— Не то, чтобы...

— Тише, мама, — одернула ее миссис Джарвис, которая вновь неожиданно появилась на пороге. Старуха не выглядела чрезмерно обеспокоенной тем, что ее заставили так резко замолчать. Жена советника перевела свое внимание на Тома. — Его нет во дворе. Должно быть он на огороде.

Она произнесла это так, будто не совсем могла вспомнить, говорил ли он ей, что пойдет туда или нет.

— Хорошо, — сказал Том, — тогда не могли бы вы указать мне верное направление?

***

— Так что я могу сделать для вас, сержант, — спросил сержант Хеннеси.

Он был одним из тех старых служак, который всегда был веселым, потому что приближался к уходу на пенсию с каждым прошедшим днем.

— Мне нужна какая-нибудь информация о Лоунли Лейн, — сказал Брэдшоу.

— Аллее Потрахушек? — спросил Хеннеси. — Что ты хочешь знать?

— Меня это интересует по делу.

Он не хотел вдаваться в подробности, но ему и не нужно было беспокоиться, так как Хеннеси даже не изобразил интерес.

— Я слышал, что там прямо Дикий Запад, — заключил Брэдшоу, ожидая, что другой мужчина сам все выложит.

— Ты не поверишь, что там происходит с наступлением темноты, — сказал он вместо этого, — помимо очевидного.

Брэдшоу предположил, что он намекает на более темные делишки, чем подростковый секс и внебрачные связи.

— Однако там не так уж часто кого-то арестовывали.

— Много раз, — сказал Хеннеси, и, когда Брэдшоу стал выглядеть озадаченным, он добавил, — просто редко что заканчивалось выдвинутыми обвинениями. Только меду нами, мы отпускаем большинство с предостережением или предупреждением.

— Почему?

— Потому что, мой дорогой друг, — сказал Хеннеси, — если бы мы арестовывали там каждого мужчину с высунутым членом, камеры были бы забиты до отказа, а помощник комиссара порвал меня на части.

— Я не понимаю, — произнес Брэдшоу, он на самом деле не понимал. — Конечно же, если бы этих людей поймали за совершением чего-то преступного, мы бы их арестовали, предъявили обвинения и осудили.

— Ох, моя бедная наивная душа, — снисходительно сказал Хеннеси Брэдшоу, — все не может так работать. Почему, потому что все наши зарегистрированные преступления дойдут до сведения высшего руководства в одно мгновение, а это все, о чем заботятся те, кто у власти: статистика и цифры. Нет, нет, нет, мы бьем извращенцев по рукам и отправляем их

собирать вещи, что мы надеемся, удержит некоторых из наименее неугомонных от нового выставления своих стручков на публике.

— Так ты говоришь просто об эксгибиционистах и им подобных?

— Я говорю обо всем, — сказал он. — Мы натываемся на групповушки и даже однажды на группу сатанистов, в развевающихся белых балахонах. У нас более одного случая скотоложства с фермерскими животными и буквально сотни женатых мужчин, снимающих мальчиков проституток. Ты хочешь, чтобы я выдвинул обвинение им всем? Я уверен, что их жены и семьи нет — и они, определенно, нет.

— Что насчет нападений, — надавил Брэдшоу, — на женщин? Было что-то подобное?

— О, Боже, да, — ответил сержант, — каждую вторую ночь.

Брэдшоу был поражен. Хеннесси говорил об этом так, будто они обсуждали привычные вещи, такие как стычка в пабе, а не охоту на женщин. — Каждую вторую ночь?

— Я преувеличил, конечно, — уступил он, — но мы заводим несколько дел в месяц, когда женщины приходят сюда, утверждая, что их схватил мужчина или мужчины в той области.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, — он покачал головой, — но ты не понимаешь. Поверь мне, я провожу большую часть сборов показаний. Значительное их большинство напились до умопомрачения и внезапно решили, что это великолепная идея разгуливать по одной из дюжин троп, которые расчерчивают сельскую местность в этой части мира. Они выходят из дома в этих скудных коротких нарядах, выходят из себя и отправляются домой одни или колобродят с парнем, с которым только что познакомились и, когда переспят с ним, в одиночку отправляются домой посреди ночи. Я имею в виду, напрашиваются на неприятности. Не удивительно, что их лапают, а иногда и хуже.

Брэдшоу не мог до конца поверить в то, что рассказывал ему старожил. Сержанта Хеннесси казалось, ни мало не волновали те женщины, которые сообщали об этих инцидентах, но прежде чем Брэдшоу смог одернуть его по этому поводу, он заговорил снова.

— Обычно они не могут предоставить описание, потому что парень напал на них сзади. Там темно, они разозлены и напуганы. Я хочу сказать, скажи мне, как это расследовать? Стучать в каждую дверь в Дареме и говорить: «Простите меня, сэр, вы не хватали пташку за титьки прошлой ночью на Аллее Потрахушек, и я говорю только о тех, кто не хотел потискать вас?». Представь себе бумажную работу.

Брэдшоу про себя надеялся, что этот человек, за зря занимающий место, скоро получит свою пенсию, но ему пришлось придержать свой язык, пока он не получит всю необходимую информацию.

— Что насчет более серьезных вещей? Были ли мужчины, которые больше чем лапали? Я говорю об изнасиловании или попытке изнасилования.

— Время от времени, — спокойно сказал он, — но обычно мы сообщаем о них не так.

— Что, черт возьми, это значит?

Хеннесси, определенно, не понравилось, как к нему обратился Брэдшоу.

— Послушай, сынок, ты не понимаешь, что это значит разбираться с такого рода преступлениями. Сообщение об изнасиловании незнакомцем поднимает всех кругом на уши, но процент вынесения приговоров за изнасилования невероятно низок. Когда ты имеешь дело с убийством или нападением, обвиняемый обычно не может сказать: «Это было с обоюдного согласия».

Он изобразил сейчас дурацкий голосок.

— Или: «Она об этом просила». Ты имеешь дело с какой-то взбесившейся шалуньей, которая уже перетрахалась с половиной города, которая пошла домой одна, и где-то ее утащил в кусты незнакомец. Первым, что скажет адвокат защиты будет: «Вы этого хотели, а теперь чувствуете себя виноватой, так что плачете об изнасиловании», и ты знаешь это, в половине случаев все именно так и происходит.

Он внимательно посмотрел на Брэдшоу, чтобы увидеть, понял ли тот его мотивы.

— Говорю тебе, в девяносто случаев из ста жюри присяжных согласится с этим.

— Так значит это вина жертвы? — спросил Брэдшоу. — Так ты им говоришь?

— Нет, — сказал он. — Послушай, не говори так. Я не черствый. Я усаживаю их, делаю им чашечку чаю и даю бисквитное печенье, мы даже приводим женщин офицеров, чтобы поговорить с ними, но в большинстве случаев они с нами соглашаются.

— Насчет чего?

— Что это не стоит того, чтобы заводить дело.

— Ты же не серьезно?

— Конечно же, серьезно. Послушай, зачем снова и снова подвергать себя испытаниям, когда мы, вероятно, так никогда и не найдем парня, не говоря уже об его аресте. Все эти медицинские освидетельствования у врачей, придется идти в суд, а они начнут изучать всю твою жизнь, газеты обо всем этом напишут, а парень, который это совершил, стоит на скамье подсудимых менее чем в пяти ярдах от тебя. Гораздо лучше оставить все позади и двигаться по жизни дальше.

Брэдшоу поднял фотографию со стола Хеннеси.

— Твоя дочь? — спросил он, смотря на темноволосую улыбающуюся девочку в мантии выпускницы.

— Да, — с гордостью сказал он.

— Будем надеяться, что она никогда не встретит одного из мужчин, которого ты был слишком ленив, чтобы поймать.

— Что ты сказал?

Он встал, будто Брэдшоу перешел черту. На миг Брэдшоу, на самом деле, думал, что тот его ударит, но он был готов к этому.

— Нет уж, подожди.

Брэдшоу возвышался над приспособленцем и ткнул его в грудь пальцем. Хеннеси заколебался, когда увидел выражение глаз сержанта.

— Как бы ты себя чувствовал, если бы кто-то дал бы твоей дочери совет, который ты даешь женщинам, которых встречаешь? Ты мог бы упрятать некоторых из этих парней за решетку, но они все еще на свободе, благодаря тебе. Ты, черт возьми, позорище. Ты забыл, зачем ты здесь и чем быстрее ты свалишь нахер отсюда, тем лучше.

У Брэдшоу в душе все кипело. Дело было не только в отношении Хеннеси к бесчисленным женщинам, которых он отговорил устраивать шумиху из-за нападений, сопряженных с совершением развратных действий, или даже изнасилований, что разозлило его. Когда Ричард Белл был на суде, никто всерьез не поверил, что маньяк может рыскать на Лоунли Лейн, но Брэдшоу знал, что убийцы часто совершают менее серьезные проступки, прежде чем они постепенно будут набирать обороты. Если Ребекку Холт насмерть избил безумный незнакомец, теперь казалось вероятным, что его могли остановить задолго до этого, если бы собственный участок полиции, в котором работал Брэдшоу, воспринял

ситуацию серьезно. Вместо этого, убийца был отпущен с предостережением или вообще не преследовался. От этой мысли у него, в самом деле, пошел мороз по коже.

Когда старший мужчина сел обратно, Брэдшоу сказал:

— Ты не офицер полиции — ты пособник.

Глава 19

Земельные участки были расположены вдали от главной дороги позади старой методистской церкви, трех рядов террасных домов и нескольких игровых полей. Здесь не было никакого признака присутствия Фрэнка Джарвиса, но земельные участки занимали существенную территорию, с тропами, ведущими налево и направо, а третий маршрут вел на холм перед ним. Мужчина, которому на вид было лет шестьдесят, копал землю на ближайшем участке.

— Я ищу Фрэнка Джарвиса, — сказал Том.

— Ты? Сейчас? — Он на мгновение перестал копать. — Ну, он прямо на вершине кучи, как, черт подери, и обычно.

— Простите?

Мужчина показал пальцем.

— Его участок выше по холму, — он вернулся к копке, — только вот пропадает зазря.

И Том оказался вовлечен в бессвязный монолог о том, что Фрэнк Джарвис не заслуживает участка. Том пытался на этом месте вставить слово, но старик не давал такой возможности.

— Думает, потому что он может выращивать стручковую фасоль, он знает, что делает, — жаловался он, — ну, любой может выращивать фасоль, но этот старый дурак даже не знает, когда сажать картошку.

Том открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но не успел.

— Это самое раннее — поздний март! Даже апрель, ее не сажают в феврале, когда все еще есть вероятность заморозков...

— Неважно... — начал Том, но не успел закончить.

— ...но ему ничего не скажи. Он всегда все знает лучше всех.

Наконец, он закончил свою лекцию.

— Значит вы не сторонник советника? — спросил Том.

Мужчина снова перестал копать.

— Нет, не сторонник, но я не пристрастен. Все политики пустая трата чертова пространства.

— Забавно, что вы говорите это, — сказал Том, — некоторые люди думают, что он один из стоящих людей.

Мужчина пришел в раздражение при этих словах.

— А теперь они так считают? Почему? Потому что он все еще живет в муниципальном доме и не разворовывает казну, как все они? Я сомневаюсь, что они смогут назвать хотя бы одну вещь, которую он сделал для народа. Все, что его волнует — городской центр и крупные проекты, но здесь не произошло никаких изменений за все двадцать лет. Кстати, кто вы, и почему вы спрашиваете о Фрэнке Джарвисе?

— Я расследую исчезновение его дочери.

— Вы коп?

Мужчина теперь стал еще менее дружелюбным.

— Нет, я не коп, но они знают, что я работаю над делом.

Тогда его настороженность поубавилась.

— Вы частный детектив, да? Как тот парень из «Досье детектива Рокфорда»? Обожаю это шоу.

— Не совсем. Я просто пытаюсь помочь Джарвису обнаружить ее местонахождение. Очевидно, он очень беспокоится.

— Да, ну, никому бы такого не пожелал, даже ему. Полиция спрашивала меня об этом.

— Они спрашивали о ней вас?

— Да, они опрашивали всех, — он казалось, слишком стремился рассеять недопонимание, — а я видел ее. За пару дней до того как она исчезла.

— Где это было?

— Здесь, — ответил мужчина. — Не так часто увидишь молодых девушек на огороде, так что я обратил на нее внимание.

— Она долго там пробыла?

— Именно об этом меня спрашивали копы. Я не знаю, но я ел свой хлеб с маслом, — сказал ему мужчина. — Моя жена всегда делает мне жестянку с перекусом, чтобы мне не приходилось возвращаться.

Том понял, что разговаривает с бывшим шахтером, как только тот упомянул жестянку с перекусом, которая была прочной ланч коробкой из металла, которую можно взять с собой в шахту.

— Так значит, Сандра Джарвис могла идти обратно, когда вы перекусывали бутербродами.

— Я ел их там.

Он мотнул головой по направлению к задней части большой, грубо сколоченной покосившейся деревянной хижины, располагавшейся от двух мужчин на некотором расстоянии.

— Сделал себе стул и стол и пью чай в термосе, — произнес он с некоторой гордостью.

— Вам нужна только еще кровать, и можно вообще не уходить.

— Да, вполне верно.

Ему, определенно, понравилась эта идея.

— Это все, о чем спрашивала вас полиция?

Он кивнул.

— Плюс или минус. Они хотели знать, видел ли я или слышал что-нибудь.

— И?

— Ну, отсюда снизу я ничего не видел, и я ни черта не слышал, кроме нескольких криков.

— Вы слышали крики?

— Это была лишь небольшая ссора. Можно услышать и похуже из домов вниз по дороге.

— Так кто ссорился? — спросил Том.

— Он и она.

— Фрэнк и Сандра?

— Я не смог расслышать слова, но это была явно склока.

Он фыркнул.

— Тогда значит, вы не знаете, из-за чего это было?

— Я выгляжу как телепат? — спросил он. — Так как она подросток, а он ее старик, предположу: он пытался указывать, что ей делать, а девушка ожесточенно спорила с ним,

потому что хотела поступить наоборот. Разве обычно все происходит по-другому?

— Я не знаю, — признался Том.

— Я тоже, — согласился мужчина. — У меня нет детей, но это то, что я слышал.

— И вы не видели, как она потом спускалась вниз?

Он засмеялся.

— Нет, но не думаю, что он ее укокошил. Полиция сказала мне, что ее видели после.

— Она села на поезд в Лондоне пару дней спустя, — подтвердил Том.

— Ну вот.

— Спасибо, мистер...?

— Не называйте меня мистером, — предупредил старик, затем выпрямился и выпятил грудь. — Я человек простой. Меня зовут Гарри.

— Тогда увидимся, Гарри.

— Нет, если я завизжу вас первым, — засмеялся Гарри и вернулся к своей копке.

Когда Том добрался до участка земли, Джарвис сидел возле своей хижины, пялясь в пространство. Его было легко узнать после всех его появлений на местном телевидении.

Джарвис заметил молодого человека и с интересом наблюдал, как тот поднимается по холму.

— Неплохое тут у вас местечко, — произнес Том в качестве предисловия. — Я Том Карни. Я так понимаю, вы хотели видеть меня.

— Спасибо, что пришли, Том.

Его рукопожатие было крепким, а улыбка широкой, чего Том и ожидал от политика.

— Я надеялся, что вы захотите.

— Как и старший инспектор Кейн, — возразил Том, — очевидно.

— Да, ну, мы давно знакомы. Он все мне о вас рассказал.

— И вы все еще хотели встретиться со мной?

— Да, — засмеялся советник. — Полагаю, что должен начать с вопроса, что вы обо мне знаете, или, по крайней мере, что вы думаете, что знаете.

Том пожал плечами.

— Вы политик, активно работали в органах местного самоуправления в течение последних двадцати лет и до недавнего времени возглавляли городской совет, — сказал он, — но вы ушли в отставку.

— Чтобы заняться поисками дочери, да, — согласился он. — Наш общий друг, старший инспектор Кейн, упоминал вас однажды. Что-то касательно дела о пропавшей девушке, с которым вы помогали ему.

— Мишель Саммерс.

Джарвис кивнул.

— То было очень необычное дело и, я не понимаю, как оно может иметь отношение к исчезновению вашей дочери.

— Не имеет, но вы похожи на находчивого человека, который может быть способен помочь кому-то в острой нужде, и этот кто-то — я.

— Что, именно, старший инспектор рассказал вам обо мне?

Джарвис на мгновение задумался с ответом.

— Он сказал мне, что вы были журналистом, который мыслил как коп, но у вас было больше свободы в ведении расследования, чем у офицеров полиции. Он сказал, что вы были умны и иногда видели то, что упускали из виду другие. Короче говоря, он высоко вас ценит.

— Не похоже на слова Кейна, — сказал Том, и советник вздохнул.

— Еще он сказал, что вы немного засранец. Вот, я сказал это. Теперь довольны?

Том засмеялся.

— Это все?

— Он добавил еще несколько слов, — признался политик, — таких как упрямый, своевольный, дерзкий и было еще что-то о чувстве ответственности на плечах «размером с мост Тайн».

— Это похоже на него. Спасибо за честность.

— Рад, что мы смогли разрядить атмосферу. Послушайте, что бы он на самом деле не думал, это Кейн привел меня к вам. Он не терпит дураков как и я. Так вы поможете мне или нет?

— Чего вы от меня хотите?

— Найдите мою дочь, — просто сказал Джарвис.

— Вот так просто? — спросил Том. — Как я это сделаю?

— Ну, если бы я это знал, вы бы были мне не нужны. Я не знаю как, но я хочу, чтобы вы использовали свои навыки, чтобы попытаться добраться до причины исчезновения Сандры.

— Вы думаете, она все еще жива? — закинул удочку Том. — Извините, но мне, очевидно, придется спросить вас об этом.

— Да, думаю, жива, если уж об этом зашла речь. Назовите это предчувствием, назовите упрямством, но я твердо верю, что Сандра жива. Она где-то там. Если она была бы мертва, мы бы уже нашли ее тело.

Не обязательно, подумал Том, но он не собирался делиться этой мыслью с ее отцом.

— Что заставляет вас думать, что я добьюсь успеха там, где не преуспела полиция?

— Я могу быть политиком, но я не живу в башне из слоновой кости. Мы оба знаем, что есть группы общества, даже целые сообщества, которые не станут разговаривать с полицией, не важно, что на кону. Я вырос на западной окраине Ньюкасла, и для многих людей там, полиция враг. Теперь же, если кто там и знает что-нибудь, но связаны с наркотиками или проституцией или Бог знает, чем еще, тогда они не станут говорить с детективом... но они могут заговорить с вами.

— Почему?

— Деньги, — сказал Джарвис. — У меня их немного, но кое-что есть, и я готов расстаться с ними в обмен на информацию о местонахождении своей дочери.

— Большинство людей в первую очередь не обратятся к журналисту, так кого еще вы привлекали к делу кроме полиции?

Джарвис смутился.

— Частного детектива. Он подошел ко мне и сказал, что вернет ее в течение месяца. Я хотел поверить ему, но он ни к чему не пришел. Выставил меня дураком и к тому же забрал мои деньги.

— Что заставляет вас полагать, что я не поступлю также?

— Потому что я обратился к вам, а не наоборот, а вы все еще не сказали, что хотите эту работу.

— Полиция все равно мне заплатит, — сказал ему Том, — из какого-то фонда, который они используют для специалистов и экспертов, хоть я ни тот, ни другой.

— О, — произнес советник, — я не знал этого.

— Можете поблагодарить вашего старого друга старшего инспектора Кейна.

— Я так и сделаю.

— Что, если я ничего не найду?

— Тогда мы прекратим сотрудничество, но у меня в отношении вас хорошее предчувствие. Кейн рассказал мне все о том теле на поле, и как вы раскрыли дело.

— Мне с этим помогли, — сказал ему Том.

— Я знаю: женщина репортер и один из самых... — Джарвис, казалось, подыскивал дипломатическое название, —... неудобных детективов Кейна. Я не возражаю, если вы воспользуетесь помощью, если она вам понадобится. Мне не важно, как вы добьетесь результата. Просто помогите мне вернуть свою дочь обратно. Пожалуйста.

Том все еще не был уверен, что он может помочь Фрэнку Джарвису, но мужчина выглядел в отчаянии.

— Хорошо.

— Вы добрый человек!

Том протянул руку.

— Я поспрашиваю по округе и посмотрю, что смогу обнаружить, но это может быть не так много.

— Я готов рискнуть, — заверил его Джарвис. — Итак, когда вы приступите?

— Сейчас.

Солнце внезапно показалось из-за темных туч, которые снова угрожали пролиться дождем, но в последний момент решили передумать. Участок купался в ярком солнечном свете, и Том заметил, насколько большим тот был. Фрэнк Джарвис, очевидно, проводил здесь много времени с тех пор, как ушел из большой политики.

— Много работы на участке.

— Всегда, — согласился Джарвис. — Владею одним уже долгие годы. С тех пор почти сам выращиваю все овощи, — с гордостью заявил он.

— У моего отца тоже был огород.

Том изучил глазами надел Джарвиса.

— Не слишком ли высокое расположение?

— Овощи, кажется, не возражают, и мой участок прикрыт вершиной склона. Вам стоило сказать, что вы придете, — сказал он Тому. — Я бы встретил вас в доме и спас бы от необходимости плестись сюда.

— Никаких проблем. Я ходил к вам домой: ваша жена сказала, что вы будете здесь.

— Так и сказала? — его слова прозвучали с сомнением.

— Да, — ответил Том, — я также встретил вашу тещу.

— Ну, — произнес политик, — теперь вы знаете, почему у меня есть огород.

Он немного скривил лицо.

— Никто не докучает мне здесь, включая ее. Если вы добились от Одри хоть чего-то связного, то вы преуспели больше меня.

— Я говорил с ней недолго, но она произнесла одну вещь, которая меня озадачила.

— И что же?

— Кое-что о вашей дочери, — уведомил его Том. — Она сказала, что Сандра немного «того».

Джарвис фыркнул.

— Она умеет говорить, — затем он снова стал серьезным. — Вы могли подумать, что ее собственная бабушка могла бы быть добрее при данных обстоятельствах, но она всегда была

злой старой перечницей.

— Как вы думаете, почему она так сказала?

— Без понятия. Ментальное здоровье моей дочери в полном порядке. У нее не было депрессии, безумия или суицидальных мыслей. Вы далеко не уйдете, следуя этой зацепке. Подозреваю, что вы заметили, что, если кто и немного «того», так это Одри. Она лишилась разума давным-давно.

— Так в этом нет никакого смысла?

— Боже, нет. Сандра была так же психически здорова, как и все. Ее поведение изменилось перед ее исчезновением, но она не переживала болезненного разрыва и тому подобное.

— Но это изменение в поведении было довольно заметным, чтобы вызвать у вас опасения?

Джарвис кивнул.

— Я читал об этом, даже спрашивал у врача, своего друга. Я не сказал ему, что спрашиваю о Сандре. Я сделал вид, что у меня есть друг, который беспокоится о своем сыне. Я рассказал ему о поведении, свидетелем которому я стал, и он пришел к простому выводу.

— Какому?

Джарвис, казалось, поник.

— Наркотики. Знаете, у меня было очень старомодное представление о наркоманах. Я думал, что, если у родителей есть время, чтобы разъяснить вред от употребления наркотиков, что, если они всерьез проведут со своими детьми воспитательную работу, если поймают их с косяком, тогда они никогда не станут наркоманами. Так я и считал.

— А что вы считаете теперь?

— Что я был глупцом, — признал он, — что это может случиться с кем угодно: вашими детьми, моими детьми, детьми других людей. Если они попробуют наркотики, они отдадут за них все, потому что ничего больше не имеет для них значения кроме новой дозы. Я видел это в центрах реабилитации и в пунктах обмена игл. Нам приходится обеспечивать их ими, иначе игровые площадки будут полны использованных шприцев. Это чертова трагедия.

— Вы думаете, это случилось с Сандрой?

— Молю Бога, чтобы это было не так, но как мне кажется, да, — и на мгновение он замолчал, а затем добавил, — хоть я и представлял вещи и похуже.

— Однако она уехала не так давно, из дома, имею я в виду. Сколько, полтора семестра назад?

— Подсесть на наркотики можно быстро, — грустно сказал он.

— Как вы думаете, она добралась до тяжелых наркотиков на первом курсе университета, в особенности, такого претенциозного, как Дарем?

— Простите меня, Том, но это одна из тех вещей, которые я прошу вас выяснить, хоть, если вы не возражаете, что я так говорю, вы немного наивны. В каждом крупном городе, городке и деревне в этой стране есть наркодилеры: они ошиваются около игровых площадок, пабов и университетских кампусов. Им приходится: дилеры паразиты, и единственный способ им заработать на жизнь — найти новых потребителей. Наркотоорговля — самая растущая отрасль. Я читал отчеты, я видел статистику. Они называют это войной с наркотиками, и скажу я вам, мы эту войну проигрываем.

— У нее был парень? Кто-то, кто мог подсадить ее на наркотики?

— Она никогда нам о таком не рассказывала, но кто-то должен был ее подсадить. Я не

думаю, что она сама пошла искать дилера. Кто-то задурил ей голову.

— Эта зацепка, должно быть, ведет в тупик, но я проверю ее.

Джарвис достал пачку сигарет и предложил одну Тому, который покачал головой.

— Очень разумно.

— Я видел мужчину, когда шел сюда, — сказал Том, — его зовут Гарри.

— Старый зануда?

— Он сказал полиции, что вы ссорились с вашей дочерью за несколько дней до ее исчезновения.

— Я тоже им это сказал, — ответил Джарвис.

— Она пришла сюда, чтобы выяснять отношения или это возникло само собой?

— Зачем бы ей идти весь путь сюда, чтобы затеять ссору? — спросил Джарвис.

— Я не знаю, — признался Том. — Она, очевидно, почувствовала потребность увидеться с вами. Она могла просто подождать, пока вы придете домой, но вместо этого она пришла сюда, так что это было либо важно, или же она хотела поговорить с вами наедине, подальше от своей матери и бабушки.

Джарвис кивнул и мрачно улыбнулся.

— Вы проницательный мужчина. Она хотела поговорить со мной наедине. Началось все не ссоры, но я вынужден признать, что, к сожалению, она вскоре возникла.

— Из-за чего?

— Будущего, — ответил Джарвис, — ее будущего, если быть точным. Она хотела бросить колледж.

— Почему?

— Он ей не нравился. Это было не тем, чего она ожидала. Она не видела в этом смысла, и не завела много друзей.

Он замолк.

— Я думаю, Сандра думала, что я ее выслушаю, соглашусь с ее причинами и дам ей свое отцовское благословение.

— Но вы не дали?

— Я сказал ей не быть такой чертовски глупой. Мы с дочерью сделаны из одного теста. Мы можем быть волевыми, даже упрямыми, так что мы сцепились. Она родилась на несколько недель недоношенной, знаете ли, так что ей пришлось бороться за жизнь с самого первого дня. Я всегда поощрял в ней то, чтобы она подвергала сомнению все, но она все же молодая девушка и может быть наивной. Я был таким же, когда был в ее возрасте, — признался он. — Я был тем еще идеалистом, который думал, что может изменить мир. Она думала, что может бросить колледж и путешествовать, а затем каким-то магическим образом построить карьеру, несмотря на большую чертову дырку в своем резюме и никакого надлежащего образования. Я сказал ей, что она идиотка, если так думает, после всей той тяжелой работы, которую она проделала, чтобы попасть туда. Послушайте, если бы я мог вернуться назад во времени, я бы поступил иначе. Я был слишком резок с ней, и она расстроилась, — он опустил взгляд. — Затем она сказала некоторые вещи, которые я не смог вынести.

— Какие вещи?

— Она нагрубила мне, — казалось, Джарвис смутился от воспоминания, — сказала, что я ничего не знаю о настоящем мире. Она начала кричать на меня, так что я стал кричать в ответ. Я не горжусь своим поведением или ее, но я беспокоился, что она загубит свою

жизнь.

— Что послужило концом спору?

— Она положила конец, — сказал он. — Просто умчалась прочь.

— И вы ее отпустили?

— Я подумал, что это к лучшему, — сказал Джарвис. — Дать ей остыть и попытаться втолковать в нее немного здравого смысла позже.

Том почувствовал, что тот испытывает боль от обвинения, будто ему было достаточно наплевать, что он не пошел за своей дочерью. Может быть, Фрэнк Джарвис до сих пор задается вопросом, была бы Сандра все еще здесь, если бы он ее не отпустил. Он сгорбился.

— Я никогда бы не подумал, что вижу ее в последний раз, — сказал он, очевидно, борясь со слезами.

— Не в последний раз, — приободрил его Том, так как был смущен слезами мужчины и тем фактом, что их спровоцировал. Том всегда ненавидел вселять в людей ложную надежду, но ничего не мог с собой сейчас поделать. — Мы найдем ее.

Глава 20

Он начал спор, но только теперь понял, что Карен была права. Он был козлом. Когда Брэдшоу увидел свою девушку той ночью после длинного, утомительного дня, он все еще чувствовал в себе праведное возмущение, поэтому поприветствовал свою девушку словами:

— Почему все думают, что мы съехались?

— А?

— Что ты им сказала, что они так подумали? Даже Кейн сказал мне это.

— Я ничего не говорила, — сказала Карен, — и я, определенно, не говорила о нас с твоим старшим инспектором.

Он планировал разговор относительно мягким, в ходе которого он скажет своей девушке, что он не одобряет, что люди обсуждают их за его спиной. К несчастью, он не предвидел вывода, к которому, естественно, пришла Карен.

— О, так значит, ты меня стыдишься?

— Что? Нет, конечно же, нет!

— Я достаточно хороша, чтобы меня не стыдиться, достаточно хороша, чтобы со мной трахаться, но не достаточно хороша, чтобы все думали, что мы в настоящих отношениях.

— Не глупи. Мы в настоящих отношениях.

— Да, конечно же, ведь мы... просто так долго вместе, что я не остаюсь слишком много ночей на неделе и забираю свою зубную щетку, когда ухожу?

В то время как он обычно ощущал, что он немного умнее своей девушки, Брэдшоу должен был признать, что он абсолютно не может сравниться с ней в споре. Они ссорились целый час, и она, казалось, без усилий переходила их одного эмоционального состояния в другое: от гнева до грусти и отчаяния, затем обратно к ярости, со слезами и каким-то очень отборным сленгом. Карен даже в какой-то момент бросила в него подушками, пока он отчаянно пытался утихомирить ее. В конце концов, она решила уйти, и Брэдшоу запоздало понял, что вся эта проблема целиком его заслуга, так что он быстро пошел на попятную и извинился — очень много извинялся.

— Я ненавижу, когда мы ссоримся, — сказала она, прижимаясь к нему в постели часом спустя, после секса, который каким-то приятным образом последовал из-за высокого уровня адреналина, который они оба ощущали к концу спора.

— Ну, мы не так уж часто ссоримся, Карен, — сказал он, привлекая ее ближе.

— Все же, кажется, я знаю, почему люди недоумевают по поводу наших отношений, — сказала она. — Мы проводим много времени друг с другом, но это, потому что нам хорошо вместе, малыш.

Она снова засмеялась.

— Я имею в виду, я практически живу здесь.

— Полагаю, что да, — согласился он. — У тебя есть ключ, ты здесь большую часть недели.

— Да, я знаю, — сказала она. — Тебе все время готовят завтраки и секс, не отходя от кассы. Не так уж плохо, верно?

Они оба засмеялись.

— Есть еще я, который платит аренду за место, и которого никогда нет дома.

Он знал, на что она намекает ему, но только в этот раз он не возражал. Он был идиотом. Карен была потрясающей девушкой, но его хрупкое эго пострадало от мысли, что люди на работе говорят о них. Где он собирается найти другую девушку, такую же милую, как эта, такую же симпатичную, как эта, такую же удобную в постели, как эта?

Он также не возражал против ее родителей, не совсем, хоть ее мать имела раздражающую привычку упоминать бывшего Карен каждый раз, как видела Брэдшоу, так как парень все еще жил поблизости и был все еще влюблен в Карен.

— Да ладно, мам, нам было по восемнадцать, — краснела ее дочь в прошлый раз, как в разговоре всплыло упоминание об ее бывшем бойфренде. — Это было давно, а теперь я с Йеном.

И она брала Брэдшоу за руку, чтобы будто заверить его в этом.

— Я это знаю, — возражала ее мать, как будто его не было в комнате, — я просто думаю, что это мило, что он всегда разговаривает с нами, когда нас видит. Он даже заходил на прошлое Рождество, чтобы узнать, как у нас дела.

— Вероятнее, чтобы узнать, как дела у Карен, — сказал ее отец, не отрывая взгляда от своей газеты, — и я сказал ему, что у нее есть парень.

Он произнес эту часть, как будто выпроводил другого парня с дробовиком.

Все равно, Брэдшоу не нравилось представлять Карен с другим мужчиной, той первой любовью, которая должно быть была так важна, что ее родители продолжали упоминать ее.

Он вспомнил теперь этот момент и то, какая ревность в нем всколыхнулась от мысли о Карен с другим мужчиной. Даже если это было годы назад, и он понял, что будет опустошен, если она будет встречаться с кем-то другим — не то, чтобы он дал ей достаточно стимулов, чтобы быть верной, с его-то боязнью привязанностей. Ему просто придется повзрослеть.

И вот так просто, все его сопротивление их отношениям исчезло в один миг.

— Ты можешь с таким же успехом, ну знаешь, — легко начал он, — переехать ко мне. Здесь много комнат и, как ты и сказала, все не так уж плохо, да?

— О, мой Бог, — произнесла Карен, — ты, действительно, хочешь этого? — Затем в ее глазах появились слезы. — Не могу выразить словами, какой счастливой ты меня сейчас сделал. Я просто никогда не думала, что мы станем парочкой.

Как и он, пока она не назвала их так.

Переезд, чтобы жить вместе, необязательно означал навсегда в представлении Брэдшоу, но, очевидно, Карен думала иначе.

— Да, — сказал он, — ну, пожалуйста.

***

— Рад видеть тебя, Том.

Последовало энергичное рукопожатие в дверях отдела новостей.

— Давненько не виделись, — напомнил ему Грэхем Ситон, пока они энергично шли через отдел новостей.

— Так и есть, — согласился Том и попытался не думать об их разошедшихся карьерных тропах.

С того времени, когда Грэхем Ситон и Том Карни в прошлый раз работали вместе в «Вестнике Дарема» более пяти лет назад, Ситон стал репортером, а затем старшим репортером в «Ньюкасл Дейли», и, наконец, одним махом, который никто не предвидел, кроме Ситона, его самым молодым в истории редактором. В то же время, Том мог, в лучшем случае, описать себя, как неудавшегося автора, бывшего журналиста, строителя-любителя на неполный рабочий день.

Том был благодарен, когда Ситон не спросил его, как он сейчас поживает. Вместо этого, он сразу перешел к делу.

— Ты расследуешь исчезновение Сандры Джарвис? — спросил он. — Ну, мы перерыли кучу материала по этому делу за прошедшие шесть месяцев. Ее отец не опускает рук, бедный мужик. Все это в твоём распоряжении.

— Спасибо, — сказал Том, — но я здесь за справочной информацией, вот почему я хочу поговорить с твоим лучшим репортером по преступлениям, если он сможет мне уделить свободное время.

— Справедливо.

Грэхем кивнул по направлению к двери из матового стекла конференц-зала.

— Однако не занимай весь день, друг, нам нужно подготовить выпуск.

— Полчаса, максимум, — заверил его Том.

— Мы держим ее здесь, — сказал Грэхем, будто она была сокамерником Ганнибала Лектора.

Он открыл дверь, в которой показалась одинокая фигура, сидящая в дальнем конце конференц-стола. Голова женщины была опущена, но ее невозможно было не узнать. Она была занята написанием заметок на блокноте. Мужчина мог бы и знать, что она не будет сидеть и смотреть из окна, пока его ждет, даже всего несколько минут.

— Гребаный ад, — произнес он, и она подняла взгляд, — как тесен мир.

— Я собирался сказать: «Это Хелен Нортон, наш штатный эксперт по преступлениям», — сказал Грэхем, — но я вижу, что ваши дорожки уже пересекались. Я надеюсь, что ты вспомнил о своих манерах, Том.

— Он был идеальным джентльменом, — сказала Хелен.

— Мы работали вместе над делом Шона Доннеллана, — сказал Том ее редактору.

— Конечно же, книга! Как все с ней?

— Замечательно.

Когда Том не предложил дальнейших пояснений, Грэхем уловил намек.

— Ладно, тогда я оставляю вас.

Том выдвинул стул рядом с ее, чтобы они могли сидеть под правильным углом друг к другу.

— Как поживаешь, Том? — спросила она слегка скованно.

— Стараюсь выжить.

— Я не видела тебя с...

— Похорон Мэри Кольер, — ответил он. — Ты осталась выпить.

Мэри Кольер была не совсем Элеонор Ригби: когда она умерла и была похоронена, люди пришли, но не многие. Там, конечно же, был викарий, ее экономка, которая «сделала это ради нее», как она говорила, и три пожилые дамы, которые знали Мэри всю свою жизнь и не позволили сплетням, которые преследовали ее в последующие годы, помешать им выразить свое почтение. Одной из нескольких малых радостей пожилых вдов было нарядиться в воскресенье и посетить похороны одной из своих сверстниц, наслаждаясь тем, что их пережили.

Кроме этого небольшого собрания и Тома, на поминках присутствовали еще два человека: сержант Йен Брэдшоу, который тихо сидел в задней части церкви, и Хелен, которая надела черное платье. Последний раз она надевала его на собеседование в газете, где теперь работала. Они оба посетили похороны частично из уважения, но также потому, что смерть Мэри Кольер отметила окончание чего-то большего, чем ее жизнь. Она эффектно опустила занавес на дело Шона Доннеллана, который впоследствии стал персонажем «Стука Смерти», потому что Том согласился с Мэри, что эта книга будет опубликована лишь после ее смерти.

— Думал, что ты появишься на презентации книги, — добавил он, пытаясь сделать вид, что это не так уж и важно.

— Я собиралась, — замялась она. — Я не была уверена, захочешь ли ты меня там видеть.

— Как ты можешь так говорить? — спросил он. — Я приглашал тебя, и ты была персонажем в чертовой книге.

— Я знаю, мне жаль. Это было глупо... однако я ее прочитала.

— Правда?

— Конечно. Я подумала, это гениально, — сказала она с такой пылкостью, что он издал смешок.

— Ну, я рад, что хоть кто-то так подумал.

— Не я единственная, — сказала она, — отзывы были замечательными. Событие прошло удачно? Презентация книги, я имею в виду. Готова поспорить, там было много людей.

— Приходил Йен Брэдшоу, — быстро произнес он, — со своей девушкой, Карен. Я думаю, он хотел узнать, что я написал о нем.

Он мог бы признаться, что маленькая часть его души умерла, когда она не появилась, но парень был не совсем готов для таких откровений. По правде говоря, у него было не так уж много людей, которых можно было пригласить. Была его сестра и ее муж, кучка друзей со школы или паба, но всего несколько самых близких коллег журналистов. Позже он узнал, что Малколм издал неофициальный закон, согласно которому его коллеги со старой работы в «Вестнике Дарема» жили в страхе оказаться замеченными на презентации его книги. Так что Том произнес несколько «спасибо вам» и подписал горстку книг, а затем ретировался в ближайший паб, чтобы крепко выпить, в то же время, пытаясь не думать о том, где Хелен.

— Что мы собираемся рассказывать своим внукам, когда они спросят, почему ты не забежала на мою презентацию книги?

— Ты не хочешь детей, — напомнила она ему.

— Да, ну, не сейчас, но кто знает? Я могу передумать, однажды.

— Не могу такого представить, — сказала она. — Сперва тебе нужно повзрослеть.

— Ауч.

— Извини, — сказала она, — я болталась с парнями в отделе новостей, а там шутки злые. Границы быстро стираются.

— Принимается, — сказал он. — Значит, они приняли тебя хорошо?

— Все было отлично.

— Удивлен увидеть тебя взаперти в конференц-зале, а не на улицах, разоблачающей проступки.

Он шутил, но попал по больному месту. После своего опыта на многоэтажной парковке, Хелен ощущала себя в большей безопасности в офисе, даже хоть она и знала, что не сможет прятаться вечно.

— Так что привело тебя к нам на порог? — спросила она. — По твоему лицу вижу, что ты не ожидал меня увидеть, так что это не визит вежливости.

— Я работал с Грэхемом, так что я позвонил ему и спросил, могу ли я поговорить с его лучшим криминальным репортером, — сказал Том. — Я ожидал какую-нибудь бездарность среднего возраста, но он привел меня к тебе.

И Том принялся объяснять Хелен последовательность событий, которые привели его в офис «Рекордс», включая его интерес к убийству Ребекки Холт и его согласие помочь Фрэнку Джарвису найти свою пропавшую дочь.

— И чего ты хочешь от меня? — спросила она, когда он, наконец, закончил.

— Ну, — сейчас он, казалось, заколебался, — это вовсе не обязательно...

— Том, я рада помочь, — твердо заявила она, — в любое время.

— Спасибо, — сказал он, слегка расслабляясь, — просто сейчас у меня нет газеты за спиной, так что все, что ты узнаешь об одном из дел, которые я расследую, будет весьма полезным. Наши пути, вероятно, снова будут пересекаться, но...

— Это никогда прежде нас не останавливало.

— Нет, не останавливало, — Именно так они впервые и встретились. — Спасибо, Хелен. Я ценю это.

— Меньшее, что я могу для тебя сделать.

Том посчитал это некоторой формой извинения.

— Так как у тебя дела? — спросил он.

— Хорошо, — ответила она. — Грэхем замечательный.

— Еще бы, по сравнению с Малколмом, — сказал он.

— Даже так, — возразила она, — он позволяет мне писать интересные вещи о местных политиках и об их связях с некоторыми довольно скользкими людьми.

— В Ньюкасле всегда было много гангстеров, — улыбнулся он, — некоторые из них в Городской Ратуше. Ты, должно быть, выводишь людей из себя.

— Есть такая вероятность, — призналась она.

— Будь осторожна, — сказал он ей, — статьи о коррупции расстраивают людей.

— Уж ты-то знаешь, — напомнила она ему.

— Да, ну, просто не делай того, чего бы ни сделал я. Я не читаю нотации. Я понял, что ты знаешь, что делаешь. Значит все хорошо? Ты в порядке?

— Да, спасибо.

Он заметил, что она не упомянула своего бойфренда. Он предположил, что они еще не расстались.

— Встречаешься с кем-то? — спросила она, и он показался слегка удивленным

прямотой ее вопроса. — Сегодня, то есть, пока в городе, — быстро добавила она.

— Я иду в «Хайвеймэн» на Кисайд. Сандра Джарвис, пока была на каникулах, работала за баром неполный рабочий день. Может быть, я найду кого-то, кто с ней работал. Они могут что-то знать.

— Я не знаю это место, — сказала она, — но что-то крутится в голове.

— Затем я собираюсь в штаб Полиции Нортумбрии, чтобы прочитать досье по делу, хоть это может занять какое-то время, так как там кучи сообщений о появлениях.

— Похоже, ты будешь там весь день.

— Есть одна вещь, которую я очень оценю с твоей стороны, — сказал он ей.

— Говори.

— Мне не хватает информации о Фрэнке Джарвисе. В публичном доступе многое есть, но я хотел бы каких-нибудь сплетен.

— Ты имеешь в виду грязь? — спросила она.

— Возможно, — признался Том, — если он замешан в чем-то грязном: но его репутация говорит об обратном.

— И ты в это веришь?

— Он политик, так что я бы сказал, что шансы здесь невелики.

Хелен смотрела на него какое-то время, чтобы понять, серьезен ли он.

— Ладно, я попытаюсь накопать что-нибудь, — сказала она, — и не беспокойся, я буду осторожной.

— Знаешь что, не будь, — возразил он. — Я буду не против, если он узнает, что я интересуюсь им.

— Почему?

— По двум причинам: первая, это показывает, что я ответственно отношусь к своей работе.

— А вторая?

— Я хочу посмотреть, как он на это отреагирует.

Глава 21

Две Джулии жили в маленьком студенческом домике с парой других девушек. Когда Йен Брэдшоу сказал им, что он офицер полиции, вовлеченный в расследование дела Сандры Джарвис, Первая Джулия, чья фамилия, на самом деле, была Эллиотт, нервничая, пригласила детектива сесть с ними за кухонный стол.

Джулия Вторая, чье настоящее имя было Моррисон, предложила сделать ему чашечку чая.

— Да, пожалуйста, — сказал он, и Джулия Первая встревожилась.

— У нас остался только травяной чай, — призналась она, будто сознавалась в серьезном уголовном преступлении.

— Тогда обойдусь. Я буду краток. Это просто стандартная процедура.

Обычно он не пытался расслабить людей перед тем, как их опрашивать, но эти двое выглядели виноватыми и нервничали так, как могут только невиновные. До самого внезапного исчезновения Сандры, они, вероятно, не имели дел с полицией.

— Мы же не подозреваемые? — спросила Вторая Джулия.

— Подозреваемые? — повторил он.

— В исчезновении Сандры?

— Я не знаю, — дружелюбно сообщил он, — а вас стоит подозревать?

— Боже, нет, — запротестовала Первая Джулия и гневно посмотрела на свою подружку, — мы не имеем к этому никакого отношения.

— Тогда вам нечего бояться. Мы не смогли найти мисс Джарвис, и прошло уже какое-то время с момента ее исчезновения. Когда такое происходит, мы обычно проходимся по всем деталям расследования снова, одной за другой, чтобы проверить упустили ли мы что-то, или же кто-то может что-то вспомнить по прошествии времени, что ранее не упоминал. Хорошо?

Он видел, что они обе при этих словах испытали облегчение.

— Как долго вы жили вместе с Сандрой Джарвис? — спросил Брэдшоу, потянувшись к своему блокноту и ручке. Он записал их полные имена в начале новой страницы, но с этого места просто написал «Джулия 1» или «Джулия 2» рядом с соответствующими комментариями, которые они совершали.

— С начала первого семестра, — ответила Первая Джулия.

— До того как... — Вторая Джулия выглядела слегка встревоженной, будто могла сказать что-то инкриминирующее.

— Она исчезла? — любезно помог он.

— Да, — подтвердила Первая Джулия, — это было на неделе подготовке к экзаменам в прошлом году.

— В прошлом году? Я думал, это было в феврале этого года?

— Она имеет в виду академический год, — пояснила Вторая Джулия.

— Конечно.

Он позволил Первой Джулии продолжить.

— Мы поехали домой к своим семьям, но, когда мы все вернулись в общежитие, Сандры здесь не оказалось.

— Вы больше ее не видели?

— Нет, — сказала Вторая Джулия.

— Вернемся к тому моменту, когда вы впервые познакомились. Что вы подумали?

— Подумали? — спросила Первая Джулия.

Брэдшоу не смог не задаться вопросом, как эти двое попали в такое престижное учебное заведение, как Университет Дарема. Вероятно, его старший инспектор был прав, когда постоянно говорил Брэдшоу: «Не всему можно научиться по учебнику».

— Каково было ваше впечатление о ней? — пояснил он.

— Она была очень приятной, — быстро произнесла Вторая Джулия, как будто защищая пропавшую девушку от обвинений третьей стороны, затем она добавила, — поначалу.

— Но она изменилась? — подтолкнул Брэдшоу.

— После Рождества, — объяснила Первая Джулия. — В первом семестре мы все в общежитии замечательно уживались. Девушки на нашем этаже разделили кухню, и мы поделились на группы. Она была такой же дружелюбной, как и все.

— Но во втором семестре вы заметили в ней перемену.

— Заметную перемену. Я помню, что, когда она вернулась в общежитие после рождественских праздников, она едва узнавала кого-либо.

— Сандра все время оставалась в своей комнате, — сказала Вторая Джулия, — и в редких случаях, когда мы видели ее, она казалось очень печальной.

— Кто-нибудь говорил с ней об этом или вы просто оставили ее в покое?

— Конечно же, нет.

Вторая Джулия явно защищалась, что могло указывать на некоторую вину. Вероятно, она чувствовала, что они могли бы сделать больше, чтобы помочь?

— Мы пытались вытащить ее проветриться с нами, как прежде. Каждый раз, как мы ехали в городок или же в бар общепита, одна из нас стучалась к ней в дверь.

— Но она всегда отказывалась?

— Поначалу она оправдывалась: ей нужно поработать или учиться или сделать еще что-то вроде стирки или покупки продуктов. Через какое-то время, она даже не заморачивалась придумывать оправдания, просто говорила, что не хочет никуда идти. Некоторых из девушек это обижало.

По тому, как она это произнесла, можно было предположить, что она одна из них.

— В конце концов, мы сдались. Я имею в виду, сколько можно пытаться, разве не так?

— Допустим, — согласился Брэдшоу. — И она никогда никак не объясняла, почему в таком настроении?

Обе Джулии согласились, что нет.

— Сандра просто отгородилась от всех, — сказала Первая Джулия.

— Проблемы дома, неурядицы с парнем, наркотиками? — предложил он объяснения.

— У нас сложилось впечатление, что она была счастлива дома. У нее не было постоянного бойфренда. По крайней мере, я ни одного не видела, и она никогда не выглядела...

Она подыскивала подходящее слово.

— Под кайфом, — подхватила Вторая Джулия, — она никогда не выглядела, как будто находится под воздействием чего-то.

— Так значит, никакого парня, никаких вечеринок, и она хорошо ладила со своим стариком, хоть даже он политик, что должно быть ее несколько смущало.

— Нет, я думаю, она одобряла позицию своего отца, — сказала Первая Джулия. — Одна из девушек однажды по поводу него дразнила ее, и Сандра ответила: «По крайней мере, он пытается что-то изменить».

— Так значит, она гордилась стариком, — признал он. — Что тогда, как вы думаете, заставило ее измениться?

— Я, правда, не знаю, — сказала Вторая Джулия.

— Должно быть это было что-то, что произошло в Ньюкасле, — сказала Первая Джулия. — То есть, она была в порядке, когда уезжала на рождественские праздники, но, когда она вернулась, она была абсолютно другим человеком.

— После рождественских праздников она одевалась по-другому, — спросил он, — как-то изменила внешность?

Брэдшоу встречал жертв изнасилований и сексуальных нападений, которые впоследствии меняли стиль одежды. Если Сандра Джарвис принялась носить бесформенные, асексуальные одежки, тогда, вероятно, это станет намеком на то, что с ней случилось.

— Нет, — сказала Первая Джулия, выглядя растерянной, — почему вы об этом спрашиваете?

Брэдшоу проигнорировал ее вопрос.

— Она когда-нибудь с кем-нибудь разговаривала, — и, когда они не показали никакой реакции, — или имела особенно близкую подругу? Нам всем нужен человек, с которым можно всем поделиться.

Две Джулии обменялись взглядами.

— Можете попробовать поговорить с Меган, — предложила Первая Джулия.

— Да, — согласилась Вторая Джулия.

— Хорошо, — сказал Брэдшоу, — я поговорю с Меган, — хоть даже он не имел и малейшего понятия, кто такая Меган.

***

Освобожденная от необходимости быть осторожной, Хелен пошла к своему редактору.

— Кто лучше всего может нарыть грязь на политиков в этом городе? — спросила она.
— Что-то, что датируется несколькими годами ранее.

— Этот человек прямо здесь, — заметил ее редактор. — Нет, не я. Я имею в виду, он в этом здании, или, по крайней мере, его стол в этом здании. Брайан Хилтон был нашим политическим корреспондентом с... ох, вероятно, двадцатого года.

И он снова по-мальчишески ей улыбнулся.

— На самом деле, он начал работать в газете в начале шестидесятых. Он — тот, кто тебе нужен.

— Не думаю, что встречалась с ним, — призналась Хелен.

— Он не так уж часто бывает в офисе, приходит и уходит, когда пожелает. Я должен бы возразить против этого, но он всегда предоставляет хороший материал и вовремя, так что я даю ему некоторые поблажки. Брайан немного ворчливый ублюдок, — признал он, — но что бы мы делали без него и его контактов.

— Не будет ли он возражать, если новенькая попросит его добыть информацию?

— Может, и нет, — сказал Грэхем, — если ты последуешь официальной процедуре.

— Какой процедуре?

— Подождать пока его рабочий день закончится, а затем купить ему пинту пива, — сказал ее редактор. — Ему нравится «Краун Посада» на Кисайд. По нему обычно можно сверять часы.

***

Том уже стоял возле паба на Кисайд, но он быстро понял, что его прогулка сюда была полнейшей тратой времени. Сандра Джарвис работала в «Хайвеймэн» перед тем, как уехала в колледж и вернулась сюда, чтобы подработать на сменах во время рождественских каникул. Так как ее личность полностью изменилась в этот период времени между семестрами, была небезосновательная вероятность, что ее работа в пабе могла иметь к этому какое-то отношение. Пока он сюда шел, он проигрывал в уме различные вероятности: Сандра подвергалась издевательствам, запугиваниям или вероятно даже нападению, у нее были отношения, которые внезапно испортились, оставляя ее в депрессии, или, вероятно, ее соблазнили наркотики, продаваемые в помещениях. Ничто из этого не казалось ему правдоподобным, но тогда что же могло послужить причиной ее внезапного исчезновения.

Любые надежды Тома, что он получит зацепку в пабе, мгновенно растворились, так как «Хайвеймэн» больше не было. Несмотря на отличное место на северном берегу реки в небольшом пути от моста Тайн, он прекратил работу. Дверь была заперта и заколочена, окна уже оклеены наклейками с рекламой. Том заглянул в щелочку и увидел, что вся мебель паба была еще внутри, включая столы, стулья и даже пивные помпы за баром. Кто бы ни держал это место, он, должно быть, уезжал в спешке.

Поняв, что он никуда не продвинется, стоя снаружи у заброшенного паба, Том ушел и очень рано пришел на свою заранее оговоренную встречу в полицейском штабе. Они,

казалось, не возражали. Услужливый младший детектив вручил ему несколько толстых папок. Они были полны показаний свидетелей, биографической информации о жизни Сандры Джарвис и ее передвижениях, плюс огромное количество сообщений о появлениях пропавшей девушки по всей стране, многие из которых, вероятно, можно было отнести к принятию желаемого за действительное или розыгрышу.

Ему разрешили использовать небольшую комнату, чтобы изучить документы наедине, и они даже принесли ему кружку чая. Прошло уже какое-то время с тех пор, как он испытывал такой уровень сотрудничества с полицией, и он был вынужден признать, что рад этому. Они оставили его одного, и он начал читать.

***

Паб на рыночной площади не был излюбленным студенческим местом. Это был старомодный паб для местных алкашей, и, когда она не посещала лекции, Меган Айткен работала там в баре.

Брэдшоу показал ей свое удостоверение и спросил ее, не уделит ли она ему минутку.

— Нет, — сказала она ему с тяжелым акцентом жительницы Глазго, в то же время с подозрением за ним наблюдая, — мне нужно разнести заказы.

В пабе было менее дюжины клиентов, и ни один из них не выглядел так, как будто пришел поесть.

— Я уверен, что этот крепкий молодой человек может справиться и без вас, — Брэдшоу остановил худого, как палка, бармена, когда тот проходил мимо, и сказал: — Пять минут ты справишься один, пока Меган помогает мне по важным полицейским делам.

Юнец, казалось, не знал, было ли это вопросом или приказом, так что он просто промямлил:

— Конечно.

Вместе с тем Брэдшоу показал Меган, чтобы она следовала за ним в дальний угол.

— Ну, я не подумала, что это, потому что я не оплатила налоги, но полиция уже спрашивала меня о Сандре, и ее исчезновение не имеет никакого отношения ко мне, — сказала она, когда он рассказад, почему пришел сюда.

— Мы перепроверяем все данные, чтобы убедиться, что ничего не упустили.

— Удачи с этим, — саркастически произнесла Меган. — Кто прислал вас ко мне?

— Кое-какие девушки, которые знали вас обеих. Они сказали, что вы можете быть способны пролить свет на причины исчезновения Сандры Джарвис.

— Траляля и Труляля?

Хоть Брэдшоу и не выдал никакой реакции, он знал, что она имеет в виду двух Джулий.

— Спорю, что они. Почему, черт возьми, я могу об этом что-то знать?

— Они подумали, что Сандра могла проговориться вам, так как вы были такими хорошими подругами.

— Они и так сейчас думают? Ну, она мне ничего не говорила, и мы были не так уж близки.

— Тогда почему они полагают иначе?

— Без понятия — только вот они, вероятно, могли подумать, что мы лучшие подружки, потому что мы были единственными двумя девушками на нашем курсе, которые не были мажорками при бабках.

— В самом деле?

— Ну, я не видела больше таких, что работали бы в баре, чтобы выжить. Здесь есть

девушки, которые тратят пять сотен в месяц только на одежду.

— Это должно быть раздражает.

— Что есть, то есть, — Меган произнесла это так, будто ей было все равно, но, очевидно, что ей было не все равно.

— Сандра тоже здесь работала?

— У нас были совместные смены на выходных во время семестра. Во время каникул она работала в одном местечке в Ньюкасле, — она на секунду задумалась, — «Пайрет»?

— «Хайвеймэн».

— Да, точно.

— Ей нравилось работать в баре?

— Есть способы сводить концы с концами и похуже, но этим занимаешься только ради денег. Я предпочту оказаться по эту сторону бара, ну вот, пожалуйста. Сандра чувствовала то же самое.

— И, когда вы работали на этих сменах вместе, когда после работы выпивали или ходили на перекур, она никогда не рассказывала вам о себе?

— Не совсем. Определенно, ничего, что навело бы меня на мысли, почему она исчезла так внезапно, — сказала Меган. — Если она исчезла.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, если бы она просто вскочила и уехала, кто-то бы к этому времени ее уже нашел?

— Нет, если она не хотела, чтобы ее нашли. Вы думаете, с ней что-то случилось? Может быть, кто-то причинил ей вред?

— Ну, это кажется вероятным, разве не так?

— Определенно, такая вероятность есть, но кто мог хотеть причинить вред Сандре?

— Откуда мне знать?

Брэдшоу начал всерьез задаваться вопросом в целесообразности интервьюирования друзей Сандры по колледжу. Казалось, что пропавшая девушка ничего никому не сказала.

— Я не думаю, что есть кто-то, кто может знать что-то о Сандре, чего никто не знает.

Он цеплялся за соломинку.

Меган покачала головой.

— Вам стоит поговорить с ее соседкой по комнате, — сказала она, словно это было очевидно.

— У нее была соседка по комнате?

В документах по делу этого не упоминалось.

— Она делила комнату в общежитии с Оливией Баррингтон, но только на первом семестре.

— Почему? Они поссорились?

Меган покачала головой.

— Оливия не привыкла ничем делиться, так что она устроила скандал, пока ее не переселили, она получила отдельную комнату.

— Ясно, — сказал Брэдшоу, — так, где теперь живет Оливия Баррингтон?

— В «Замке».

Меган произнесла слова очень быстро, а из-за ее сильного шотландского акцента, Брэдшоу подумал, что не так ее расслышал.

— Простите, на долю секунды я подумал, что вы сказали, что она живет в замке.

***

Хелен пришлось идти по Дин стрит, чтобы добраться до паба на Кисайд, дорога была такой крутой, что она была вынуждена ступать очень осторожно, чтобы случайно не споткнуться. Сперва она почти прошла мимо «Краун Посада», очень старого питейного заведения в викторианском стиле с каменным фасадом, темными витражными окнами и единственным знаком над дверью, обозначающим заведение.

Как только она оказалась внутри паба, она направилась к бару, сканируя комнату на предмет присутствия Брайана Хилтона. Она заметила его довольно быстро. Он сидел один в алькове не так далеко от входной двери. Хотя они и не встречались, Хилтон был одним из нескольких журналистов в ее газете, который заслужил подпись под своей фотографией, и, за исключением нескольких новых морщин, появившихся после того, как эта фотография была сделана, он выглядел точь-в-точь. Немодная длинная грива серебристых волос была довольно узнаваемой в приглушенном свете отделанного деревом бара «Краун Посада». Хелен заказала себе бутылку пива и «пинту того, что он пьет», и показала в сторону Хилтона. Бармен налил ей пинту горького, и она взяла ее, поставив на стол перед Хилтоном.

Он бросил взгляд на пинту, казалось, у него ушло мгновение, чтобы понять, что перед ним, а затем поднял взгляд вверх на женщину, которая ее принесла.

— Так-так, красная девица, — произнес Хилтон, — чего ты хочешь?

Глава 22

Пока Хилтон осушал остатки своей последней пинты и начинал новую, Хелен объяснила, что она журналист из той же газеты, потому что он, определенно, не узнал ее. Хелен задумалась, когда и где, он написал свой материал: на подставке под пиво? Вероятно, он передал все по телефону одному из редакторов, как футбольный корреспондент, когда они сообщают о выездных матчах. Она пересказала вежливую, сильно отредактированную версию их разговора с Грэхемом о глубоких познаниях Хилтоном местной политической арены. Затем она объяснила свой особенный интерес к Фрэнку Джарвису, и тот факт, что она помогает Тому Карни расследовать исчезновение Сандры Джарвис по поручению советника.

Когда она завершила свой рассказ, Брайан Хилтон мудро кивнул и тихо сказал:

— Ну, я может, и могу помочь тебе с этим.

Затем она обратила внимание, что он почти прикончил свою пинту, так что взяла ему еще одну, хоть даже ее собственная пинта была цела.

Хилтон сделал внушительный глоток от своего пива, и Хелен поняла, что этот разговор, скорее всего, будет дорогостоящим.

— Фрэнк Джарвис, — произнес он имя, будто пробовал его на вкус, — серый кардинал.

— Так его называют?

— Среди прочего, — ответил он, — но это название, вероятно, подходит лучше всего. Если ты хочешь знать кого-то, кто действительно управляет здесь, кто не пустослов и не протирает штаны, тогда не ищи дальше него.

Он выпил еще немного.

— Есть люди в политике, кто может поспособствовать своему избранию: способные участники кампании, которые могут заручиться поддержкой со стороны низов партии — а здесь есть всего одна партия, конечно же — те, кто карабкаются по карьерной лестнице.

И он начал считать по пальцам.

— Член городского совета, окружной советник, член совета графства, член парламента,

правительственный министр, и это, в конечном итоге, то, чего они хотят. Большинство политиков скажут тебе: «Я пришел в это, чтобы нести изменения, чтобы были результаты», — еще один гигантский глоток от пива, и Хелен терпеливо ждала, — но это все чушь.

Хилтон на мгновение задумался.

— Я видел, как приходят и уходят дюжины политиков, и они все хотели быть влиятельными. Они обожают это ощущение даже больше, чем деньги или секс. Это все, что, по сути, их волнует, — еще один протяжный глоток пива, а затем он поставил свою пинту обратно на стол, — за исключением Джарвиса.

Хелен ждала, когда он продолжит, и, когда этого не последовало.

— Так чего хочет он? — спросила она.

— Ну, противоположное тому, что хотят все другие, милая, у меня сложилось впечатление, что этот парень, на самом деле, заботится о городе, в котором живет. Конечно же, Джарвису нравится звук собственного голоса, им всем нравится, но я не думаю, что его так уж заботит, чтобы люди перед ним лебезили.

— Так вот почему он никогда не баллотировался в парламент?

— Отчасти, — ответил он, — я думаю, что это во многом поспособствовало этому. Он понял, что может сделать больше, если останется в регионе.

— Лучше быть большой рыбой в маленьком пруду? — задала она вопрос.

— Может быть.

Он слегка прищурил глаза.

— Но есть кое-что еще, — спросила она, — так ведь?

— О-ох, — сухо произнес Хилтон, — очень хорошо. Тебе следовало стать репортером.

Она проигнорировала его насмешливый тон и заметила, что его стакан на две третьих пуст.

— Я принесу нам еще напитки, — сказала она, — и вы сможете все мне об этом рассказать.

***

Невероятно, но Оливия Баррингтон жила в замке и не просто в замке. Она жила в Замке. Йен Брэдшоу вырос в нескольких милях от Дарема и в детстве совершал бесчисленные поездки туда ребенком: поднимался на холм к знаменитому собору и замку, который возвышался высоко над рекой Уир. Все это время, он не имел понятия, что возможно жить в настоящем замке, но Меган Айткен заверила его, что замок является домом для более чем сотни высоко привилегированных студентов.

Брэдшоу все еще гадал, разыграла ли его Меган, когда приехал в древний нормандский замок и поднялся по ступенькам к главному входу. Было ли это одной из шуток над новичками, когда их отправляют за долгим постоем или за искрами для полировальной машины? Однако, когда Брэдшоу спросил студента мужского пола, знает ли он Оливию, ему повезло, и его направили на самый высокий этаж крепости.

У ее комнаты было двое дверей: тяжелые внешние были широко открыты, а внутренние приоткрыты. Брэдшоу мог слышать «B52s», играющих по радио. Он громко постучал, чтобы его было слышно на фоне «Love Shack», и она позвала:

— Входите!

Брэдшоу обнаружил Оливию, работающую у стола у свинцового окна, из которого открывался потрясающий вид на собор в романском стиле напротив и Палас Грин, располагающийся между двумя древними зданиями. Он задумался, воспринимала ли она это

как должное.

Оливия в замешательстве посмотрела на Брэдшоу поверх очков, предположительно, ожидая увидеть подругу, а не сержанта. Как только он представился, она сразу же прекратила делать, то чем занималась, встала и уделила ему все свое внимание.

Если две Джулии разговаривали с акцентом государственных школ, Оливия, казалось, обитала на более высоком уровне, как будто получила образование для будущей работы в Букингемском дворце. Она извинилась за свой неряшливый вид, объяснив, что готовилась к экзаменам и у нее не было времени, чтобы «навести марафет» этим утром, «не говоря уже о том, чтобы помыть мои волосы». Брэдшоу обнаружил, что мысленно переводит ее слова, прежде чем записать их, и как результат слегка не успевал за ней. Он задавался вопросом, как Сандра Джарвис оказалась соседкой по комнате с девушкой, по сравнению с которой две Джулии казались рабочим классом.

— Сандра была очень милой, и было очень весело жить какое-то время вместе, но я просто бы умерла без собственного пространства, — пояснила она.

Брэдшоу кивнул и начал тот же круг вопросов, которые спрашивал у других девушек. Первые десять минут интервью были повторяющейся рутинной, Оливия подтвердила, что Сандра никогда не упоминала о каких-либо проблемах дома, в личной жизни или с учебой. Брэдшоу уже планировал какой паб посетить, чтобы перехватить пинту после бесплодного дня, а Оливия все еще говорила о том, какой сложной может быть студенческая жизнь. Когда он упомянул, что для Сандры она, должно быть, была еще тяжелее, потому что она работала еще и в баре, Оливия сказала:

— О, да, и она работала на каникулах тоже, — с удивлением человека, которому никогда не приходилось работать и дня в жизни. — И на другой ее работе.

— Другой работе? — спросил Брэдшоу, опять же, этого не было в документах по делу.

— Да, похоже, это довольно большой стресс.

— Какой другой работе?

— Той, где присматриваешь за теми бедными людьми, — пояснила она, — у которых были такие ужасные жизни.

***

— Что вы помните о семьдесят шестом? — спросил Хилтон, когда Хелен вернулась еще с двумя пинтами.

— Он был жарким? — предположила она, а он нахмурился.

— Да, период сильной жары, — сказал он, — самое жаркое и сухое лето с начала ведения наблюдений. Это все, что все помнят.

Он казался сильно этим разочарованным.

— Но что еще произошло в тысяча девятьсот семьдесят шестом?

Хелен поняла, что он ее проверяет. Почему эта дата что-то значит для Брайана Хилтона? Ей тогда едва исполнилось пять лет, но так, как они говорили о политике, она остановилась на:

— Гарольд Уилсон ушел в отставку?

— Хорошая девочка, — похвалил он, и она почувствовала, что вернулась на урок политики. — В марте тысяча девятьсот семьдесят шестого Гарольд Уилсон ушел в отставку с поста премьер министра, так что были выборы. В то время было много разговоров о новом порядке, который придет на смену старому, и Фрэнк Джарвис уже считался восходящей звездой политики. Ему было тридцать, он был молод для политики, но многие люди думали,

что он, несомненно, займет место старого члена парламента, уходящего в отставку, и это было одно из самых гарантированных назначений в стране.

— Так что случилось?

— Место перешло к другому.

— Почему?

— Потому что он отказался. Когда ты политик, все, что ты говоришь или делаешь отличная мишень. Ты у всех на виду, особенно, на национальном уровне. Здесь это достаточно плохо, но мы не ставим под удар давние отношения с местной партией, сообщая обо всех сплетнях, которые получаем, и всегда есть вероятность, что на нас подадут иск, что выведет местную газету из строя. Там все по-другому.

Она поняла, что он имеет в виду Лондон.

— Таблоидам не приходится беспокоиться о том, чтобы поддерживать хорошие отношения с местными членами парламента, и они могут пережить несколько дел о клевете, потому что их тиражи намного выше, чем наши. Скандал их хлеб и масло. Карьера политика может закончиться вот так.

Он щелкнул пальцами, чтобы показать, как быстро она может закончиться.

— Мы ожидаем, что наши члены парламента будут вести себя безупречно, даже хоть мы знаем, что они, черт возьми, себя так не ведут.

— Вы хотите сказать, что у Джарвиса было что скрывать, — подтолкнула она, — и вот почему он не смог стать членом парламента?

— Отчасти, но все сложнее. Просто скажем, что он пытался починить кое-что, что нельзя было исправить, отчалив в Лондон.

Хелен мгновенно поняла, что он имеет в виду.

— Его брак.

Хилтон улыбнулся.

— Схватываешь на лету, милая.

Глава 23

Том почти закончил читать документы, когда заметил, что в них кое-что отсутствует. Последний раз Сандру Джарвис видели на северо-востоке на Центральной железнодорожной станции в Ньюкасле, одном из первых мест, инвестировавшем средства в относительно новую и недешевую технологию видеонаблюдения, потому что у крупных железнодорожных станций возникало много проблем с подвыпившими и драками между фанатами футбольных клубов. Снимок с одной из камер, на котором Сандра Джарвис покупала железнодорожный билет, пропал из папки, что было странным, так как это было важным доказательством.

Затем Тому сказали, ему звонят, что было удивительно, так как едва ли кто-либо знал о его нахождении в штабе полиции.

— Это я, — сказала Хелен, — подумала, что ты все еще будешь там.

— Я почти закончил, — сказал он ей.

— Можешь подобрать меня на Кисайд? — попросила она его. — Я откопала ту грязь, которую ты хотел.

— Ты гляди, как быстро.

Хелен стояла прямо под мостом Тайн, укрываясь от дождя, но ставя себя под еще

большую угрозу оказаться заляпанной птичьим дерьмом, что представляло опасность для любого, кто проходил под балками. Он помигал фарами, и она быстро подскочила к нему.

— Смотрю, ты вышел в люди, — сказала она.

— А?

— Твоя машина, — показала она на двухлетний черный «Рено», который он, наконец, приобрел в замен старой машины.

— Она не такая уж и броская, — коротко сказал он и поехал.

Хелен привыкла, что здесь всегда нужно ходить вокруг да около. Казалось, что самый большой грех на северо-востоке — прыгнуть выше своей головы.

— Я ни разу не обвиняла тебя в стремлении к показухе, — сказала она, — просто, знаешь, рада видеть, что твои дела идут хорошо. Ты заслуживаешь этого.

— Что заставило тебя думать, что я преуспеваю?

— Ох, я не знаю, — живо ответила она, — вероятно, несколько первых полос в национальных таблоидах некоторое время назад, а следом признанная критиками лучшая документальная книга года.

— Не помню, чтобы получал такую награду.

— Ты знаешь, что я имею в виду!

Она в шутку ударила его по плечу.

— Ты выпила?

— Я работала, — торжественно заявила она и рассказала ему о том, как выпивала с Хилтоном и обо всем, что узнала о Фрэнке Джарвисе.

— Кажется, у миссис Джарвис был сложный период, когда Фрэнк собирался избираться в качестве члена парламента от Ньюкасла, и он отказался от номинации в последнюю минуту.

— Он отверг возможность стать членом парламента?

— Чтобы спасти свой брак, — сказала Хелен. — Алан слышал слухи об интрижке, которая по его словам была очень вероятна. Множество молодых женщин становились волонтерами, чтобы помочь в кампании Партии Труда. Он сказал мне, это было из-за «эмансипации женщин». Он считает, что Джарвис, вероятно, переспал с одной из «кукольных пташек» партии.

— Как освежает школа старой закалки, — невозмутимым тоном заметил Том.

— Миссис Джарвис, должно быть, узнала об этом, потому что Фрэнк в важный момент исчез на несколько дней, а затем отказался от номинации.

— Хотел проводить больше времени с семьей, а?

— Его могли заставить это сделать, иначе кто-то бы слил эту информацию. Это было почти двадцать лет назад, когда люди были намного менее толерантны к такого рода поведению.

— Есть идеи, с какой «кукольной пташкой» у него была интрижка?

— Боюсь, что нет, — ответила она, — но есть еще кое-что, что тебя заинтересует.

— Говори.

— Кажется, у миссис Джарвис всегда были проблемы с алкоголем, — пояснила Хелен. — Большую часть времени эта проблема была под контролем, но во время того периода, она пила больше, чем нормально, и разбила свою машину.

— Ты погляди, — сказал он, — что она за это получила?

— Никаких обвинений, — ответила Хелен.

— Что она сделала? Бросила машину и, пошатываясь, оттуда ушла?

— Не совсем. История гласит, что она слетела с дороги и врезалась в стену где-то в сельской местности. Она пострадала не сильно и просто осталась там и ждала, когда кто-нибудь приедет. На место происшествия прибыл офицер полиции, но, когда рапорт был заполнен, он утверждал, что водитель был трезв и не справился с управлением на сыром участке дороги.

— Он замаял это?

— Это всегда было слухом, потому что тогда миссис Джарвис редко была трезвой.

— Гребаный ад, — ругнулся Том, — он, должно быть, уже главный констебль.

— Кто бы это ни был, — сказала она, — он понял, что Джарвис восходит по карьере, и решил, что будет разумно помочь ему выпутаться из неразберихи.

— Я продолжаю слышать, какой Джарвис неподкупный. Я начинаю верить в это, а тебе удалось развеять этот миф за пять минут.

— Скорее, за полтора часа — и я бы не сказала, что это обязательно делает его коррумпированным.

— Тогда как ты это назовешь?

— Это не то же самое, что брать откаты, разве не так? Он защищал свою жену от ареста и, вероятно, тюрьмы. Ты бы поступил иначе?

— Возможно, — согласился Том, — но у меня нет никакого намерения баллотироваться на государственную должность.

— Брайан Хилтон сказал, что это была одна из проблем нашей системы, — возразила она. — Он считает, что мы ожидаем, что политики будут обладать более высокой моралью по сравнению с другими, но они такие же, как и все.

— По моему опыту могу сказать, что они намного хуже.

— В любом случае, что бы ни произошло, это, должно быть, потрясло их обоих. Он снялся с гонки за обеспеченное место в парламенте и, в конце концов, стал главой городского совета. Больше не было слухов об интрижках, а миссис Джарвис взяла под контроль проблему с алкоголем, по крайней мере, на публике. Их брак с тех пор, очевидно, был крепким. Кстати, куда мы едем? — спросила она его.

— Я еду на встречу с Йеном Брэдшоу. Он проводит для меня кое-какое расследование на Лоунли Лейн, — затем добавил, — но не беспокойся, я сначала подвезу тебя.

— Я никуда не тороплюсь.

Погрузиться в хорошую историю с Йеном и Томом было бесконечно предпочтительнее возвращения в ее пустую квартиру и беспокойства о людях, которые хотят до нее добраться.

— Хорошо, — сказал он ей, — тогда ты можешь прокатиться зайцем. Спасибо, Хелен.

— За что?

— За то, что откопала грязь. Я знал, что что-то есть. Всегда что-то есть.

Глава 24

Сложно было встретить кого-то на северо-востоке вечером, кроме как в пабе. Больше нигде не было открыто. Йен Брэдшоу уже ждал Тома в одном из питейных заведений на задворках Дарема. Детектив казался рад видеть Хелен снова, и они провели несколько минут, общаясь между собой прежде, чем перешли к делу. Как и Том, Брэдшоу не видел Хелен со времен дела Шона Донеллана, не считая нескольких мгновений на похоронах Мэри Кольер. Брэдшоу принялся вводить их в курс дела о Лоунли Лейн и о небрежном отношении сержанта полиции.

— Так значит, Ричард Белл не преувеличивал, — сказал Том, — место реально магнит для психов и извращенцев. Я начинаю думать, что любой мог убить Ребекку.

— Необязательно, — сказал ему Брэдшоу. — Ребекка была убита два года назад, и до того, и после убийств не было.

— Может парень просто залег на дно, — предположил Том.

— А может быть, ты хватаешься за соломинку, потому что работаешь на семью Белла.

Хелен решила вмешаться, прежде чем двое мужчин поссорятся.

— Почему она называется Лоунли Лейн?

— Название датируется многими годами назад.

Замужние леди часто назначали там встречи своим любовникам, если чувствовали себя одиноко... что значит, что они хотели секса. Даже годы спустя место является синонимом адюльтера.

— Ой, я почти забыла.

Хелен вытащила отскерокопированную статью из своей сумки и вручила ее Тому. Статья была из ее газетного архива и рассказывала о мужчине, прибывшем в суд для вынесения приговора.

— Что это?

— Дело первоначально было об отмывании денег и уклонении от уплаты налогов. Там были все виды мошенничества, включая уклонение от уплаты НДС и фантомные работники, получающие зарплату в пабах по всему городу. Этого парня посадили на несколько лет за обман системы.

Она показала на фотографию мрачного мужчины, идущего в здание суда.

— Он взял все на себя, хоть даже он не мог много получить напрямую, по сравнению с владельцами и лицензиатами, которые казались не имеющими к этому отношения. Единственной ниточкой объединяющей их, был этот мужчина, которого они все наняли в качестве бухгалтера-консультанта. Королевская Уголовная Прокуратура не смогла выдвинуть достаточно веские обвинения против лицензиатов, и они, вероятно, остались относительно невиновными.

— Потому что были влиятельными людьми, — сказал Том.

— Именно.

— Так кто был настоящим бенефициаром этого мошенничества?

— Никто не может доказать этого, но на улицах говорят, что все эти пабы контролирует Джимми Маккри. Лицензии были отозваны, и шесть пабов закрылись. Один из них «Хайвеймэн».

— Так значит, дочь советника Джарвиса работала в одном из крупных пабов Джимми Маккри, — сказал Том, — и она, вероятно, об этом даже не знала.

— Я не думаю, что и советник об этом знал, — сказала Хелен.

— А Джимми Маккри? — спросил Том. — Это вопрос на миллион долларов.

— Должно быть, знал, — сказал Брэдшоу. — В первую очередь он должен постоянно беспокоиться о копах под прикрытием, просачивающихся в его империю. Все, кто работает на него, проверен, даже обычный персонал бара.

— В последнее время Маккри водит дружбу с местными политиками, — сказала Хелен.

— Тогда держитесь этой мысли, — сказал Том, — она может куда-нибудь нас привести. Маккри связан с Джо Линчем, преемником Фрэнка Джарвиса в качестве главы совета, а дочь Фрэнка Джарвиса работала на него, хоть и не напрямую. Это, конечно же, может быть

просто совпадением.

— Северо-восток не такой уж большой, — напомнил ему Брэдшоу.

— Ты узнал что-нибудь от университетских товарищей Сандры? — спросил Том.

— Я проверил нескольких, но они все придерживаются первоначальной истории. На первом семестре, Сандра была приятной, доброй, дружелюбной душой, но после того, как вернулась с рождественских каникул, стала казаться другой. Она стала замкнутой и угрюмой, пропускала лекции и занятия, перестала гулять с друзьями, но никогда не называла причину.

— Ни слова о наркотиках? — спросил Том.

— Не хулиганка, — сказал Брэдшоу, — но есть кое-что, чего нет в досье по делу, только если вы сегодня не узнали этого в Ньюкасле.

— Чего?

— О ее другой работе.

— Какой другой работе?

— Одна из ее подруг сказала мне, что Сандра работала волонтером в центре, который оказывает помощь уязвимым детям. Я впервые услышал о таком, так что предположил, что Ньюкасл смотрит на это так, будто это происходит на их территории.

— В досье об этом ничего нет, — сказал Том, — поверь мне, я прочитал каждое чертово слово. У меня ушла на это половина дня.

— Как об этом могли не узнать? — спросил Брэдшоу.

— Сговор или конспирация? — предположил Том.

— Это нам и предстоит выяснить. Очевидно, Сандра хотела работать с малолетними преступниками, когда окончит учебу.

— Лучше она, чем я, — сказал Том. — Где она работала волонтером?

— Ее подруга припомнила несколько мест, но последнее время она помогала проблемным подросткам в одном.

Он сверился со своим блокнотом.

— «Мидоулендс».

— Почему у подобных мест такие идиллические названия? — спросил Том. — Готов поспорить, что это гребаная дыра.

— Среди детей есть очень сложные: молодые девушки, связавшиеся с наркотиками или проституцией, некоторых из них обижали члены их собственных семей. Ужасные вещи, и все это до шестнадцати лет.

— Ты думаешь, мы сможем поговорить там с девушками? — спросила Хелен.

— Это будет трудно, — сказал ей Брэдшоу, — репортеры, общающиеся с уязвимой молодежью.

— Я не репортер, Йен, — напомнил ему Том, — меня наняла полиция для экспертного анализа.

— Вопрос снят, — уступил детектив.

— Это не единственное, чего не было в материалах по делу, — сказал Том. — Пропала фото Сандры Джарвис, покупающей билет на железнодорожной станции.

— Ты хочешь сказать, что фотографию убрали?

— Я не знаю, возможно.

— Как ты сказал, сговор или конспирация? Возможно, просто выпала из файла. Я попрошу их поискать нам ее.

Несмотря на свое разочарование по поводу отсутствия прогресса по обоим делам, Том чувствовал прилив некой энергии. Он понял, что это потому, что он больше не расследует дела Сандры Джарвис и Ребекки Холт в одиночку. Он снова стал частью команды: той же самой команды, которая приоткрыла завесу с дел Шона Доннеллана и Мишель Саммерс, и их работа уже начала приносить плоды. Йен раскрыл неприглядную правду о Лоунли Лейн, коротко поболтал с полицейским сержантом, а затем нашел связь Сандры с приютом «Мидоулендс». Хелен тем временем нашла причину закрытия паба «Хайвеймэн», а затем предоставила Тому интригующую историю о личной жизни Фрэнка Джарвиса. Том чувствовал, что он теперь продвигается в три раза быстрее, когда они появились в команде.

— Почему ты выглядишь таким довольным? — спросила Хелен.

— Ничего, — ответил он.

Глава 25

Бригадир заставил Тома надеть каску и жилет соответствующего канареечного желтого цвета, прежде чем позволил ему зайти на стройплощадку этим утром. Фредди Холт ждал его там. Он стоял на большой опорной раме, воздвигнутой на краю бывшей пивоварни, которая была выравнена с землей для дальнейшей перестройки.

— Вы журналист? — заметил Холт, но он не был заинтересован в рукопожатиях или любезностях.

— Посмотрите на это. Что вы видите? — сказал он вместо этого.

Том Карни оглядел огромный участок земли перед ним. Кроме щебня, выглядывающего из грязи, на месте бывшей пивоварни, больше не на что было смотреть.

— Зброшенную стройку.

Фредди Холт вздохнул.

— Это все?

Том начал улавливать картину, но не чувствовал такого уж желания шутить над стариком.

— Кладбище, — шутливо предложил он, — обломки некогда гордой индустрии.

— Возможность! — поправил его бизнесмен. — Вот, что вижу я, у меня есть видение.

— Какого рода видение?

— Дайте мне год, — сказал Холт, будто это было в силах Тома, — и я преобразу эту пустошь в процветающий торговый парк с магазинами, кафе, ресторанами и кинотеатром с несколькими экранами, а вы знаете, что это значит?

— Выгоду?

— Работу!

Он с разочарованием посмотрел на Тома.

— Сотни рабочих мест для местных.

— Да, но это же не настоящая работа? — возразил Том. — Это МакРабота.

— Что?

Бизнесмен либо не понял фразу, либо предпочел сделать вид, что не понимает.

— МакРабота, — пояснил Том, — ну знаете, — и он сымитировал лишенный энтузиазма тон, — например, «Вы хотите картошку с этим?», — а затем вернулся к своему нормальному голосу. — МакРабота — низкий уровень навыков, никаких перспектив, с таким же успехом можно работать на «МакДональдс».

— Чушь собачья.

Холт нахмурился, но не выдвинул аргумент против.

— Извините за ложку дегтя в бочке меда, — сказал Том, — но кое-кто на такое не покупается.

— Когда я смотрю на эту стройплощадку, я не вижу упадка гордой индустрии, — Холт оживился, — я вижу неконкурентоспособную фабрику, разоренную жадными профсоюзами и сметенную силами экономики из-за необоснованных требований.

— Вы их не любите? — спросил Том. — Профсоюзы. Я слышал истории.

— Какие истории?

— Люди, которых вы используете, никогда не ходят на забастовки, — сказал Том. — Для этого должна быть причина.

Фредди Холт посмотрел на Тома с подозрением.

— Мой секретарь сказала, что вы хотите написать обо мне статью, — сказал он, — но я не буду вносить свой вклад в статью, поливающую меня грязью, если вы планируете это.

— Я не стану писать ничего плохого о вашей стройке, — заверил его Том.

— Лучше не стоит.

— Я здесь, чтобы поговорить с вами о Ребекке.

— Что? — бизнесмен пришел в ярость. — Вы сказали...

— Я знаю, что я сказал вашему секретарю и мне жаль, но я не думал, что вы увидите со мной, если я скажу ей правду.

— Ну, в этом вы правы, — сказал Холт. — Теперь посмотрим, сможете ли вы отгадать, что я сделаю следующим.

— Предположительно, вышвырнете меня, что замечательно, если вы хотите, чтобы Ричард Белл был отпущен.

— Отпущен? О чем вы говорите? Ублюдок получил пожизненное, и я надеюсь, что он сгниет там.

— Да, он отбывает пожизненное, но из-за хрупких доказательств. Его семья попросила меня заглянуть в его дело и посмотреть, можно ли опровергнуть приговор.

— И вы ожидаете, что я помогу вам?

Лицо Холта стало краснеть.

Том покачал головой.

— Нет, я ожидаю от вас, что вы убедите меня этого не делать. Я сказал им, что буду сохранять непредвзятость. Если вы сможете убедить меня, что он виновен, тогда я оставлю его там, как вы говорите, гнить.

Холт с подозрением нахмурился.

— Почему я должен в это поверить?

— Причин нет, но разговаривая со мной, вы не поспособствуете освобождению Ричарда Белла, а может, даже предотвратите его.

Фредди Холт на мгновение заколебался.

— Тогда мы поговорим внутри.

Он дернул головой по направлению к огромному вагончику, а затем спустился по металлическим ступенькам опорной рамы, его тяжелые ботинки со стальными носками зловеще звякали при каждом шаге.

***

Хелен постучала в дверь квартиры и принялась ждать, затем постучала и подождала еще. Она уже собиралась уйти, когда заметила глазок в центре двери, и у нее сложилось ощущение, что на нее смотрят. Вскоре, ее терпение было вознаграждено, дверь

приоткрылась, но осталась на цепочке. Женщина, тридцати с небольшим лет, смотрела на нее сквозь щель. Том предположил, что Хелен лучше всех подойдет для интервью Эми Риордан, и она согласилась, даже хоть это значило поездку в Лидс. Том был прав. Эми достаточно сильно нервничала из-за женщины, стоящей на ее пороге, не говоря уже о мужчине.

— Эми Риордан? — спросила Хелен, и, когда женщина не ответила, она продолжила, — Я Хелен Нортон. Я работаю на местную газету в Ньюкасле.

Она подчеркнула эту часть, так как предположила, что Эми будет менее откровенна, если подумает, что Хелен работает на лондонский таблоид.

— Я расследую дело Ричарда Белла.

— Это дело давно закрыто, — сказала Эми, ее голос был едва слышимым, — зачем снова в этом копать?

— Потому что есть некоторые сомнения в приговоре.

Это было самое краткое объяснение, которое могла придумать Хелен.

— Я проехала достаточно долгий путь, чтобы поговорить с вами, и я надеялась, что мы сможем поговорить о Ричарде.

Женщина покачала головой.

— Нет, — сказала она Хелен, — мне нечего о нем рассказать.

И прежде, чем Хелен смогла произнести еще хоть слово, дверь плотно закрыли перед ее носом.

***

— Так значит, вы заинтересованы в правде? — спросил Фредди Холт, как только они оказались внутри вагончика. — Ну, вот она. Ричард Белл избил мою жену до смерти. Все просто.

— Возможно, — сказал Том, — но есть и другие подозреваемые.

— Включая меня? О, я все это уже слышал, в зале суда и вне его, — он вздохнул, — и мне приходится мириться со сплетнями. Фредди Холт знал, что его жена трахается с этим парнем Беллом, так что он убил ее и посадил за это этого бедолагу. Разве бывает иначе? Я полагаю, я должен быть польщен, что люди считают меня способным на нечто столь коварное, но Боже, это все фантазии, парень!

— Склонен согласиться с вами.

— Правда?

Холт явно был удивлен этим.

— Да.

— Тогда почему вы здесь?

— Потому что я хочу знать больше о Ребекке, — сказал Том, — кроме того, что писали в газетах.

— Большинство из этого было чушью, — с возмущением произнес Холт, — особенно слова ее предполагаемой лучшей подруги. Вы хоть знаете, что эта сука Николь написала мне, чтобы сказать, что она расстроена статьей? Женщина рядом со своими словами позировала в чертовом нижнем белье. Она забрала деньги газеты, а затем имела наглость просить у меня прощения. Сказала, что все это придумала газета. Лживая сука!

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Том решил там и тогда, что в разговоре с Озорной Николь нет смысла.

— Я не хотел бы сообщать вам эти новости, мистер Холт, но, вероятно, так и было.

— Ну, я написал ей в ответ: сказал, что надеюсь, что она заболит раком и умрет раньше, чем успеет насладиться деньгами.

— Так значит, в этом не было правды, в том, что писали о Ребекке газеты?

Фредди Холт вздохнул.

— Послушайте, я не идиот. Я не Том, как его имя...

Он замолчал на мгновение, чтобы вспомнить.

—...Круз. Я понял, что Ребекку привлекла не моя внешность. Я подумал, что она чувствовала со мной безопасность, уверенность в завтрашнем дне. У нее не было забот, ей не приходилось работать, и прочее. Не многие в наши дни могут себе такое позволить, — он посмотрел на Тома ради подтверждения, — так ведь?

— Может быть, и нет, — сказал он.

— Мне даже не нужны были дети. Мои уже выросли.

— А она их хотела?

— Нет, по крайней мере, сказала, что нет, но, если бы она захотела их, мы бы что-нибудь придумали, — Фредди сказал это так, будто то был бизнес контракт для обсуждения.

— Все, чего я хотел, чтобы она была счастлива. Я заблуждался и заблуждался сильно. Нет такого дурака, как старый дурак. Я женился на женщине на двадцать лет младше меня. Что я думал, произойдет?

— Вы кажетесь разгневанным.

— Конечно же, я зол, черт возьми!

Он казалось, совершил сознательное усилие, чтобы успокоиться, а затем спокойно сказал:

— И вот почему я убил ее.

Том ничего не сказал, просто смотрел на Фредди Холта.

— Ведь это то, что вы хотите услышать, разве не так? Я впал в свой знаменитый гнев и избил мою неверную жену до смерти в приступе ревнивой ярости? Это вас устроит? Это единственное, что может снять с него пожизненное заключение, если я совершил это и признался вам.

— Итак, — произнес Том, — вы ее убили?

— Убил ее? Не подавись слюной! Конечно же, нет. Я любил эту чертову женщину, — эмоции хлестали из него, — все еще люблю, и да, я знаю, как глупо это звучит, но... я скучаю по ней. Или, может быть, я просто скучаю по тому, как чувствовал себя рядом с ней, — предположил он. — Вероятно, это одно и то же.

— Но она чувствовала другое?

— Очевидно, что да.

— И вы никогда не подозревали ее в этом?

— Я сказал вам, что был дураком, — сказал Фредди. — Это не делает мне чести.

— Тот адвокат защиты, — Том знал, что ступает на зыбкую территорию, — доставил вам немало проблем?

— Думал, что сможет выбить меня из колеи, да.

— Но ему не удалось?

— Это не так-то просто сделать, а смерть Ребекки уже сделала это. Он нес чушь.

— Потому что он сказал, что у вас был лучший мотив для убийства вашей жены, нежели чем у Ричарда Белла?

— Да.

— Опять же, почему?

— Как будто вы не знаете.

Холт бросил на Тома недобрый взгляд, но продолжил, как ни в чем не бывало:

— Я был ревнивым, контролирующим мужем. Старый, лысый, непривлекательный мужчина с прекрасной трофейной женой, как назвал ее тот ублюдок, как будто только этим для меня она и была. Когда я узнал о Белле, я убил ее в приступе ярости, вызванной ревностью... только вот я тщательным образом отложил этот взрыв темперамента, пока не смог заманить ее на тропу любовников, а затем убил ее в хладнокровной, расчетливой манере, что несколько ослабило его доводы.

— Также был денежный мотив?

— Вы опять?

— Деньги ваши. Если бы она развелась с вами, она все еще получила бы часть вашего состояния, особенно, если бы вы не смогли доказать факт адюльтера.

— Зачем бы ей хотеть уйти от меня, чтобы получить деньги? Я дал ей все, что она могла только пожелать. У нее были собственные кредитные карты и отдельный банковский счет с содержанием. Я никогда не спрашивал, что она покупала. Она жила очень хорошо.

— Но она была влюблена в Ричарда Белла.

— Она трахалась с Ричардом Беллом, разница есть. Я ни на миг не думаю, что кто-либо из них пошел бы на развод. Я обеспечивал ее и по тому, что я слышал, его содержала жена. Они оба не протянули бы сами. Судя по всему, он был чертовски бестолковым.

Было очевидно, что он испытывает удовлетворение от того, что Ричард Белл не добился успеха за пределами спальни.

— На самом деле просто симпатичный малый, хоть я и слышал, он больше не такой симпатичный.

— Вы слышали об его рассеченном лице?

— О, да, — произнес Холт, — и нет, я никому не платил, чтобы они сделали это с ним, хоть я не могу сказать, что был огорчен, когда прочитал об этом. Я подумал, это было некой формой справедливости, так как внешность, это все, что у него есть. Послушайте, может быть, я открылся, но у нас у всех есть слабые места, мистер Карни. Я любил Ребекку. Почему никто больше этого не видит? Они все думают, что все дело было в сексе или в том, чтобы обладать самой прекрасной пташкой под руку, когда идешь в ресторан, но дело не в этом. Я искренне любил эту девушку. Адвокаты, — продолжал он, — они все хотели, чтобы я заставил ее подписать один из этих... как они называются... брачный контракт, какие у них есть в Америке, но я имею в виду... — он покачал головой, — ...нельзя попросить свою жену подписать что-то до того, как женишься на ней, потому что свадьба может не состояться. Если вы сделаете это, вы, черт возьми, испортите все с самого начала.

— Я все еще вижу мужчину, который теряет половину своего состояния и хороший кусок своей бизнес империи в пользу молодой жены, которая была с ним относительно короткое время.

— Послушайте, Ребекка не знала, сколько у меня средств. Она даже не спрашивала меня, ни разу за все время, что мы были вместе. Она знала, что я обеспеченный человек и миллионер, но даже модные адвокаты по разводам едва могли оценить мое состояние.

— Полагаю, что на задворках сознания я знал, что она не будет со мной, если бы я не был богат. Ей нравилось, когда о ней заботятся, но я думал, что у нас есть негласное соглашение, согласно которому она не трахается с другими мужчинами за моей спиной. Я

думал, она другая, но она была испорченной, как и все.

До этого момента Фредди Холт по-доброму отзывался о своей покойной жене, так что неожиданный отход от сценария был довольно шокирующим.

— Вы полагаете все испорченные?

— Прямо в точку, молодец.

— Это крайность, вам так не кажется?

Холт спокойно покачал головой.

— Совсем нет. Это инстинкт самосохранения. Подумайте об этом. На длинной дистанции все преследуют только свои интересы.

— Что насчет людей, которые искренне совершают хорошие вещи — альтруистические поступки, от которых выигрывают другие люди, но не они?

Он покачал головой.

— Они делают это, потому что хотят быть довольными собой, — заявил он. — Они любят, когда люди говорят, какие они замечательные, так что это лишь другая форма личного интереса.

— Это довольно перевернутое видение мира.

— Это реалистичный пессимизм, — посчитал Холт.

Том знал, что это не его дело, но по какой-то причине ему стало любопытно.

— Что насчет отношений, вы ими теперь заморачиваетесь?

— Я покончил со всей этой ерундой. У меня нет ни времени, ни желания.

Затем он разъяснил свое утверждение, как будто не хотел, чтобы Том не так его понял.

— Все у меня работает, и, если я захочу женщину, она у меня будет, но на этом все. Я даже больше не вывожу их в люди.

— Вы, должно быть, знаете нескольких услужливых женщин.

— Девушек из эскорта.

Он сказал это без капли стыда, будто хотел шокировать Тома.

— Они знают, что вы хотите, и нет никакого притворства, вы платите им, это бизнес сделка, лучшие девушки даже делают вид, что вы особенный на час или примерно так, затем вы уходите и не забираете их проблемы с собой. Я бизнесмен, и я уважаю честность этой сделки. Вы можете сейчас меня осудить, но вы не прожили столько, сколько прожил я.

— Я не осуждаю вас, — сказал ему Том, — я прочитал недавно о вас статью. Репортер утверждает, что по оценкам ваше состояние составляет около двадцати миллионов фунтов. Это, черт возьми, впечатляет... если он не преувеличивал, конечно же.

— Недооценивает, если что.

Том правильно предположил, что сделавший себя сам мужчина с нищих улиц Ньюкасла захочет, чтобы все знали, насколько он успешен.

— И вы добились всего с нуля.

— Я преуспеваю, надо полагать.

Холт пытался скромничать, но сейчас практически выпячивал грудь.

— Что дает вам чертовски большой мотив.

— А?

— Вы только что сказали мне, что брачного контракта не было, так что, если бы ваша жена ушла от вас к Ричарду Беллу, она могла бы подать в суд на развод и отсудить половину.

— Подождите-ка минутку, — потребовал Холт, — у меня есть алиби.

— Сколько угодно людей будет гореть желанием поклясться, что они были с вами, если

вы их об этом попросите.

— Мне не нужно просить их, — сказал он, и в этих словах был гнев. Том начал задаваться вопросом, мог ли он заставить мужчину опустить все свои щиты. — Или подкупить их, если это то, что вы имеете в виду. У меня не было причин убивать Ребекку.

— У вас было десять миллионов причин, — сказал Том.

Том быстро понял, что зашел слишком далеко. Фредди Холт не был тем мужчиной, который потерпит такое оскорбление. Вместо этого он подошел к репортеру и с силой его толкнул, крича от ярости. Том ударился об стену вагончика. Его диктофон лежал неиспользованным в кармане, потому что он не думал, что Фредди Холт откроется, если каждое его слово будет записываться, а теперь диктофон упал на пол со зловещим звуком разбивающегося пластика.

— Ты ублюдок! — закричал Холт, и сразу же схватил Тома за горло, а затем начал сжимать, отрезая доступ воздуха. — Я, черт возьми, убью тебя...

Глаза Холта были дикими, а, когда он разразился потоком ругательств, на его губах появилась пена. Том попытался сопротивляться, но едва мог дышать. Он толкнул Холта в корпус, даже приземлил туда удар, но Холт даже не ослабил хватки. Он реально собирается убить меня, подумал Том, и в нем начала крепчать паника, когда он понял, что мужчина может быть способен на это — и может быть это уже будет не в первый раз.

В отчаянии, Том сделал единственную вещь, которую смог придумать, чтобы отбиться от нападающего. Он опустил руку, схватил Холта между ног и сильно сжал.

Удушающая хватка Холта ослабла лишь слегка, он вскрикнул от боли, но Том не сдавался.

— Мы оба отпустим друг друга одновременно, — удалось выдавить Тому, несмотря на давление на его горле, — на счет три.

Холт не согласился с этим и сжал руки сильнее. Фредди Холт почти согнулся пополам, но каким-то образом ему удалось остаться в вертикальном положении и удерживать пальцы вокруг горла Тома.

— Один... два... три, — произнес Том, а затем сжал на максимуме силы и крутанул рукой, так что бизнесмен снова вскрикнул и, наконец, отпустил его.

Том тоже отпустил его, и Холт согнулся. Он с силой рухнул, его глаза бешено вращались, в то время как его тело ударилось об пол, как рухнувшее дерево. Весь вагончик сотрясся от удара. Холт какое-то время лежал неподвижно, стонал и держался за пах.

Том сделал несколько огромных глотков воздуха, а затем аккуратно прижал руки к своему чувствительному горлу, вместе с тем следя за тем, чтобы напавший на него не смог вскочить снова. Он нагнулся, чтобы поднять свой сломанный диктофон, и понял, что его уже нельзя починить. Он осмотрел распластанную, стонущую фигуру бизнесмена.

— Спасибо вам за ваше время, — пробормотал он и оставил Фредди лежать на полу.

Глава 26

— Вы хотите, чтобы я написал вам? — с недоверием спросил Брэдшоу.

— Новые правила, — пояснил голос на другом конце линии, — новая процедура. Нельзя просто позвонить нам и попросить копию фотографического доказательства. Вы можете быть кем угодно.

— Могу, — согласился Брэдшоу, — но я — не кто угодно. Я сержант Йен Брэдшоу из Констебулярии Дарема, и я формально запрашиваю просмотр доказательства по делу пропавшей Сандры Джарвис. Вы легко можете проверить, представляю ли я закон, просто

позвонив по горячей линии в полицию Дарема, чтобы они могли это подтвердить.

— А я говорю вам, что в этом месте новые правила, и я не могу этого сделать.

Брэдшоу слышал об аутсорсинге, который казалось, был новым модным словом на уровне помощника комиссара и выше. Он знал, что определенные задачи, ранее выполняемые офицерами в форме, теперь выполнялись гражданскими лицами, работающими на частные фирмы, чтобы «высвободить ресурсы и вернуть бобби снова на рабочий ритм», как назвал это один политик. Это был первый раз, когда он был вынужден напрямую иметь дело с одним из роботов, которых они наняли. Он уже скучал по старым добрым временам, когда все, что нужно было сделать — позвонить кому-то, кого ты знаешь и попросить их об услуге.

— Так значит, я должен предоставить письменный запрос?

— Да.

— Факс работает?

— Нет.

— Это должно быть письмо?

— Да.

— Почему?

— Просто так надо.

— Потому что такова процедура?

— Да.

— Ладно, скажем, я понимаю, что должен написать вам, чтобы запросить фотографию, но в данный момент, ее нет, так не можете ли вы, по крайней мере, поискать и перезвонить мне, если вам удастся найти ее? Это важно для нашего расследования.

— Нет, я не могу этого сделать.

— Почему?

— Потому что мне не дозволено искать то, что официально не запросили.

— Опять же, почему?

— Потому что мы здесь очень заняты, и я не могу тратить время.

Брэдшоу хотел сказать: «Но вы более чем рады тратить мое», затем передумал. Он все еще надеялся заставить парня образумиться, хоть эта надежда начала угасать с каждой прошедшей минутой.

— Так вы всерьез утверждаете, что я должен написать официальное письмо, отправить его вам по почте, а затем ждать, когда оно прибудет к вам в офис, а только затем вы начнете искать фотографию, которую можете и не найти.

На другом конце линии раздался тяжелой вздох.

— Такова процедура.

— Боже, — прошипел Брэдшоу, его раздражение дошло до той точки, когда привычное благоразумие его покинуло. — Если здание будет гореть, вы будете ждать приказа об эвакуации, которое придет по почте, а только потом побежите?

— Теперь вы ведете себя возмутительно, — сказал ему мужчина, — я не обязан выслушивать подобные оскорбления.

Оскорбления? Я даже еще не начал.

— Хорошо, ладно. Мне жаль. Просто эта ваша процедура очень раздражает, вот и все.

— Это не моя процедура. Не я придумываю правила. Я лишь им следую.

Именно так говорили нацисты в Нюрнберге.

— Конечно. Я не это имел в виду. Я буду очень благодарен, если вы могли начать искать пропавшую фотографию после получения моего письма... пожалуйста.

— Конечно, я поищу, — сказал он сухо.

— Благодарю вас.

Ты мерзкий бюрократ.

***

Хелен сидела в кафе почти час, потягивая чай, который на самом деле не хотела пить, чтобы оправдать там свое присутствие перед владельцами. Она говорила себе, что подождет еще двадцать минут, прежде чем признает поражение. С ее места у окна, она могла видеть вход в жилой блок Эми Риордан. Она надеялась, что ее записка и встреча в общественном кафе смогут убедить женщину присоединиться к ней здесь.

Хелен на самом деле и не ожидала, что Эми пустит ее в квартиру, вот почему она написала записку заранее. Она тщательно подобрала слова, не зная, что Эми чувствует по отношению к Ричарду Беллу. Верно, что на нее напал ее парень по колледжу, и она была вынуждена позвонить в полицию, но они, предположительно, до этого момента делили и хорошие моменты. Так что, несмотря на его, не имеющее оправдания поведение, было вероятно, что Эми не захочет, чтобы ее бывший парень провел в тюрьме остаток жизни.

В своей записке Хелен выбрала нейтральный подход и попыталась передать Эми часть контроля над ситуацией. Хоть судья, парадоксально, позволил ее истории с Ричардом быть упомянутой в суде, ее не вызывали на дачу показаний ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты. Хелен хотела предоставить ей возможность поговорить о мужчине, с которым она когда-то была близка. Опорочить его или помочь спасти его, но заверить ее, что в любом случае, это ее выбор. Она сложила записку, написала на пустой стороне название кафе и подсунула под дверь Эми.

Женщина, которую Том описал по своему интервью с Марком Биркеттом, была свобододлюбивой душой, слишком энергичной и беззаботной для незрелого и контролирующего Ричарда Белла. Время и обстоятельства изменили Эми Риордан: Хелен могла сказать это с первого момента, как увидела женщину, и видела это теперь, когда наблюдала за тем, как Эми выходит из дома и осторожно направляется в кафе. Она была одета, как будто, чтобы скрыть свою внешность, в синие джинсы и мешковатый джемпер, с рукавами, которые она сжимала в кулаках. «Какого черта произошло с Эми за прошедшие годы?», подумала Хелен. Когда молодая женщина открыла дверь кафе, Хелен почувствовала, что скоро это узнает.

***

Он вел машину одной рукой, другой рукой потирая пострадавшую кожу на горле. Том продолжал заново переживать момент, когда Фредди Холт набросился на него. Видел ли он жажду убийства в глазах старика, и что бы он сделал, если Том был бы не в состоянии оказать ему отпор? Что более важно, получил ли Том проблеск того, что он сделал со своей женой? Вероятно, Энни и Ричард Белл оба были правы насчет него. Фредди Холт имел сильный мотив и не выдержал, когда Том напомнил ему об этом факте.

Как он мог быть таким глупым? Том сознательно подстрекал Холта, пытаясь получить от бизнесмена реакцию, проверить его чувства к Ребекке, чтобы оценить, правдивы ли они. Он, скорее всего, позволил бы чему-то проскользнуть в эмоциональном плане, но Том, к сожалению, неправильно воспринял ситуацию. Холт был уличным бойцом, который рос, махая кулаками. Том хотел надавить на Фредди, но только, чтобы выбить его из равновесия,

а не разозлить его донельзя.

У Тома было время до начала следующей встречи, так что он направился обратно в город, что заменить свой сломанный диктофон. Он провел несколько хороших лет с этим диктофоном и пользовался им во время многих интервью. Теперь, однако, тот был устаревшим и сломанным. Том знал, каково таким быть.

***

Эми Риордан попивала фруктовый чай и говорила очень тихим голосом, будто Ричард Белл сидел за соседним столиком. Хелен, чтобы ее расслышать, пришлось наклониться вперед. Эми все еще была крайне привлекательной женщиной, но выглядела невероятно усталой.

— Извините, что не впустила вас, — сказала она Хелен, — последнее время у меня кое-какие проблемы.

Она не пояснила какие.

— Все в порядке, — ответила Хелен, — спасибо, что увиделись со мной.

Она объяснила, почему она здесь, включая роль Тома Карни в их расследовании, но сделала акцент на том, что никто пока не говорит о том, что Ричард невиновен.

— У Ричарда была хорошая сторона и темная сторона, — сказала Эми Хелен, — он способен на любовь, но она должна быть на его условиях. Вот почему я порвала с ним, но он не привык к тому, что его отвергают. Он очень тяжело это воспринимает. Это пробуждает в нем худшие качества.

— Ричард хотел контролировать вас, — спросила Хелен.

Эми покачала головой.

— Он хотел владеть мной. Поначалу, это было замечательно, но, не когда он начал отпускать комментарии вроде: «Ты же это не наденешь?» и «С кем это ты говорила?». — Теперь на ее лице отражался гнев. — Мне было девятнадцать, Бога ради. Я наслаждалась жизнью, а он хотел держать меня на привязи.

Она отклонилась на своем стуле и начала наматывать прядь волос в нервном, повторяющемся жесте.

— Стало намного хуже. Я не думаю, что он даже понимает, что его поведение ненормально.

Она покачала головой.

— Всегда так: по каким-то причинам мужчины становятся одержимы мной.

Это могло прозвучать эгоистично от другой женщины, но Эми Риордан сказала это так, будто это было проклятием.

— Почему они просто не могут быть с кем-то, не желая полностью владеть этим человеком?

— Я не знаю, — тихо сказала Хелен. Казалось, что Эми Риордан едва ли знала отношения другого типа, и это травмировало ее.

Затем Эми, казалось, пришла в отчаяние.

— Что со мной не так? — жалобно спросила она, как будто другая женщина могла дать ей ответ.

***

Магазин изменился с последнего раза, как Том здесь был. Владелец торговал записывающим оборудованием для журналистов, секретарей и клерков, пишущих под диктовку, а также тридцати пяти миллиметровыми камерами и катушками с пленкой, но в

последнее время они отделились, и маленький магазинчик стал выглядеть, как нечто, чем бы гордились фильмы про Джеймса Бонда. Технология, совершившая прорыв за прошедшее десятилетие, означала, что машины, бывшие прерогативой крупных компаний и состоятельных лиц в восьмидесятые стали теперь доступны любому, располагающему небольшим доходом.

Диктофоны, или персональные записывающие устройства, как настойчиво называл их владелец, хранились в запертом стеклянном шкафчике, а цены на них сильно варьировались.

— Я просто хочу диктофон базовой комплектации, — настаивал Том. — Я журналист, а не шпион. Что это? — спросил он, беря в руки что-то, выглядевшее, как гибрид толстой ручки и фонарика.

— Камера слежения.

— Что?

— Это последняя новинка из Америки, — восторгался владелец. — Вы просто кладете это в какое-то скрытое место и можете тайно записывать все, что происходит в комнате.

Она называется камерой-няней, так что с помощью нее вы можете убедиться, что няня должным образом следит за детьми и не причиняет им вреда.

— Так значит вы снимаете молодую девушку без ее ведома?

— Да, — согласился он.

— Как по мне звучит довольно жутко. Что это за вещи?

Том показал на второй шкафчик.

— Скрытые подслушивающие устройства.

— Жуки?

— Да.

— Все такое крошечное, — удивился Том.

— За этим будущее. У нас есть камеры наблюдения в высоком разрешении и записывающие устройства звука с функцией распознавания голоса.

— Мне просто нужно что-то для записи интервью, — сказал ему Том. — Я хочу старомодный, работающий от батарейки, надежный диктофон с кнопками.

— Кнопками?

— Запись, конец записи и, возможно, пауза, но ничего кроме, — сказал Том, — вы поняли?

— Да, я понял.

Владелец не скрывал своего разочарования.

— У меня все еще может быть такой, — мрачно произнес он, — в задней части помещения.

***

У Хелен ушло какое-то время на то, чтобы заверить Эми Риордан, что та не была причиной словесного и физического насилия, которое она пережила от нескольких мужчин за прошедшие годы.

— Это не ваша вина. Вам просто очень не везло, вот и все, но вы найдете кого-то...

— Я не хочу находить кого-то, — резко сказала она, и Хелен решила немедленно свернуть эту тему. Ей пришлось напомнить себе, что у нее есть причина быть здесь и ей нужна информация от Эми.

— Когда Ричард Белл дал вам пощечину...

— Он ударил меня. Это была не пощечина!

— Мне жаль, — произнесла Хелен. — Когда он вас ударил...

— Он ударил меня кулаком, — сказала Эми. — Он сразу же извинился и умолял меня не доносить на него, но я донесла. Полиция сработала оперативно. Я думаю, они вселили в него страх перед Богом. Он больше мне не досаждал. Я думала, что на тот момент, он собирался уйти из колледжа. Он перестал появляться на лекциях или занятиях, пока Энни, в конце концов, не притащила его однажды с собой.

— Что вы тогда о ней подумали?

— Я никогда не замечала ее, — сказала Эми, — сначала нет. Энни, казалось, просто появилась в жизни Ричарда, а затем постоянно была рядом... Какая женщина вцепится в мужчину, которого бросила девушка за то, что он ее ударил?

— Вы думаете, она искренне любила его? — спросила Хелен.

— Я думаю, она любила его как проект, — снисходительно произнесла Эми. — Ей нравилось думать, что она занимается безнадежным делом и возвращает его к жизни. Я не знаю, любовь ли это.

— А Ричард ее любил?

— Конечно же, нет, — ответила Эми, — он любил меня — или мне стоит сказать, что он был одержим мной в тот момент, когда она ворвалась в его жизнь. Она подбирала поломанное добро. Он был просто благодарен, что она спасла его.

— Поэтому он изменял ей, — спросила Хелен, — потому что он никогда на самом деле не любил ее?

— Возможно. Я просто думаю, что он взялся за старое. Я причинила ему боль, так что он решил, что будет избегать эмоциональных привязанностей. У него была его новая девушка, за которой не нужно было ухаживать, она стала его женой, а на стороне у него были другие, чтобы удовлетворять его сексуальные аппетиты. Я думаю, что все это было способом избежать близости, чтобы больше никогда не испытывать боль.

— Но это он причинил боль вам, а не наоборот.

— Он ударил меня, потому что я сделала ему больно, — объяснила Эми. — Он не мог справиться с тем, что его отвергают. Вы этого не понимаете? Энни ни за что бы его не отвергла, не важно, что он сделал. Она все еще поддерживает его даже сейчас, если верить газетам. Когда он начал встречаться с ней, он знал, что она никогда его не бросит, так что он никогда больше не испытает подобной боли. Теперь вы видите?

— Я вижу. По вашим словам он очень хладнокровный.

— Ох, он может таким быть.

— Вы думаете, он убил Ребекку Холт?

— Когда я порвала с Ричардом, он ужасно меня называл, причинил мне боль, ударил меня, даже пожелал мне смерти. Подразумевал ли он это? Я не знаю. Была ли Ребекка Холт перезапуском наших отношений с другим, намного более худшим концом? Кажется, что так. Я провела много времени, проигрывая это все в своей голове. Я беспокоюсь, что это моя вина.

— Как это может быть вашей виной?

— Полиция спрашивала меня, хочу ли я выдвинуть обвинения, когда он ударил меня. Я не хотела разрушить всю его жизнь, так что я позволила им предостеречь его, а университет разрешил ему остаться. Если бы они выдвинули ему обвинение в нападении, его могли приговорить. Вы не видите? Его бы вышвырнули с курса, а Энни не смогла бы его спасти. Он никогда бы на ней не женился или даже не встретил Ребекку Холт, так что не смог бы ее

убить. Вот почему, я ничего не могу поделать, виня себя.

— Это не ваша вина, Эми. Вы не могли предотвратить этого.

— Иногда, я тревожусь, что сойду с ума, потому что понимаю, что задаюсь вопросом... все время... убил ли он Ребекку, и был ли он способен убить меня тогда, но просто не довел это по какой-то причине до конца. Я продолжаю думать, что могла сделать больше, чтобы убедиться, что он не причинит больше вреда другой женщине... что ее смерть полностью моя вина.

Теперь слезы свободно потекли по ее лицу.

От горя голос Эми стал громче, и другие люди в кафе начали обращать внимание на женщину, которая плакала у окна.

— Я так пугаюсь, когда думаю о том, что он сделал с ней. Я продолжаю думать об этом снова и снова... — она зарыдала, — ...потому что знаю, что это могла быть я...

Она повторяла слова, как будто не веря в них: «Это могла быть я».

***

Том ненадолго вернулся домой, чтобы съесть сэндвич и испытать свой новый диктофон второго поколения, который к его удовольствию, представлял собой аппарат без излишеств, похожий на его прежний. Он отложил его в сторону и принялся совершать несколько телефонных звонков.

Его первый звонок был в приют «Мидоулендс». Том поговорил с женщиной по имени Дин, который сказал ему, что ему никоим образом не разрешат опросить там девушек, не важно, на кого он утверждает, работает. Детективы уже были в «Мидоулендс», расследуя исчезновение Сандры Джарвис, и Дин не хотел, чтобы травмированные девушки, находящиеся на его попечении, снова были потревожены. Хоть это было и досадно, он, на самом деле, не мог винить человека. По крайней мере, Дин присматривал за девушками на своем попечении. Однако это не помогало Тому: ему придется придумать другой способ получить туда доступ.

Было еще кое-что, что тревожило Тома после того, как он повесил трубку. Если детективы уже посещали «Мидоулендс» в связи с исчезновением Сандры Джарвис, так почему об этом не было упоминание в документах по делу?

Так вышло, что и следующий его звонок вышел бесполезным.

— Факультет Физики, — ответил мужчина на другом конце линии. — Говорит доктор Александр.

— Профессор Александр... — начал Том.

— Доктор, — отрезал он. — Я читаю лекции, я не профессор.

Казалось, он остро осознавал важность различия, даже, если Том этого и не понимал.

— Доктор Александр, — Том поправил себя, — я хотел бы поговорить с профессором Мэтьюсом, пожалуйста.

— Могу я вас спросить, почему вы хотите связаться с профессором?

— Боюсь, что это личное.

Том не хотел признаваться, что он журналист, расследующий дело об убийстве и, что ему необходимо провести перекрестный допрос звездного свидетеля эксперта. Он знал, что академические институты легко пугаются, когда дело касается их репутации.

— Но это очень важно, чтобы я поговорил с профессором Мэтьюсом. От этого, действительно, многое зависит. Могу я перекинуться с ним словечком?

— Ну, вообще-то, — его тон был возмущенным, — нет.

— Почему нет?

— Потому что, боюсь, профессора Мэтьюса с нами больше нет.

— Вы хотите сказать, что профессор ушел на работу в другой университет?

— Нет, — его тон был безэмоциональным, — я хочу сказать, что он мертв.

Глава 27

— Не зови меня здесь сэром, — предупредил Кейн Брэдшоу, — я часто здесь выпиваю.

— Ладно, — произнес Брэдшоу, но он не мог себе представить, как будет называть Кейна по имени, даже здесь.

Наставничество, которое состояло из нескольких банальностей о полицейской работе и ряда домашних истин об ограничениях правовой системы, уже закончились к тому времени, когда была выпита вторая пинта. Старший инспектор Кейн, казалось, не возражал выпить больше своей нормы, но его дом был за углом.

Брэдшоу, не теряя времени, ввел старшего инспектора в курс дела по обоим расследованиям, но Кейн казался сегодня рассеянным. Возможно, он подумал, что уже выполнил свою часть, выделив ресурсы, в форме Брэдшоу и Тома Карни, чтобы помочь советнику. Какой бы ни была причина, он, казалось, был более склонен говорить о личных делах Брэдшоу, чем о текущем расследовании.

— Ты все еще встречаешься с Дебби Харри? — спросил он.

— Что?

— Блонди? Ну, знаешь, как же ее.

И он нетерпеливо щелкнул пальцами, чтобы Брэдшоу снова назвал ему ее имя, так как он снова его забыл.

— Карен? Да, с...

Он оборвал себя как раз вовремя, чтобы не сказать сэра.

— Она, на самом деле переехала ко мне.

Мужчина пытался объявить об этом привычным тоном.

— Правда? Я думал, ты сказал, что вы не съезжались вместе.

— Мы и не съезжались, — подтвердил Брэдшоу, — но собираемся.

— Удивлен слышать это.

— Почему?

— Потому что, когда я упомянул об этом, ты отреагировал, как ошпаренный кипятком кот. Я подумал, что ты скорее расстанешься с бедняжкой, чем подаришь ей обручальное кольцо.

— Мы не помолвлены.

Кейн специально делает вид, что заблуждается? Брэдшоу задумался об этом.

— Ну, почти то же самое, если вы съезжаетесь. Ты не можешь порвать с девушкой, если она живет с тобой, и не можешь встречаться с другими людьми, потому что будет крайне сложно привести их к себе. Ты можешь не видеть в этом чего-то постоянного, но так и будет, так что тебе лучше поумнеть.

Брэдшоу понял, что Кейн прав. Брэдшоу предполагал, что это будет новым этапом в их отношениях, но, если они не уживутся, она просто сможет съехать, все же Карен отреагировала так, как будто он вручил ей обручальное кольцо.

— Да, все теперь изменится, — сказал ему Кейн.

— Что вы имеете ввиду?

— Для начала, секс уже будет не таким. Она будет проводить время, сидя на диване и

смотря мыльные оперы, одетая в пижаму, и будет нить, если ты захочешь посмотреть футбол. Ей больше не нужно будет стараться, так что она, вероятно, прибавит, по меньшей мере, несколько килограмм.

Кейн увидел выражение лица Брэдшоу.

— В чем дело, парень? Я просто пошутил!

— Просто я никогда не думал об этом, как о чем-то постоянном.

Брэдшоу сделал большой глоток от своей пинты.

— Ну, это нормально, паренек. Большинство из нас еще в ребяческом возрасте, верно?

Вот почему нам в жизни нужна женщина, чтобы она направляла нас в нужном направлении. Кто не был по эту сторону вопроса куда-идут-эти-отношения? Если бы это зависело от нас, никто из нас никогда бы не пошел по проходу к алтарю, но у тебя красotka. Она всем в участке нравится.

— Да, но... что если...?

Он даже не смог завершить предложение.

— Она не та единственная?

Молчание Брэдшоу было многозначительным.

— Ха! Не парься об этом, мужик. Таких не бывает.

— Что?

— Я был тобой, — неожиданно сказал Кейн. — Знаю, что тебе тяжело в это поверить, но так и было много лет назад. Я был романтичным типом, видишь ли. Раньше я верил во все эти пустяки, ну знаешь, красные розы на ее день рождения, вино и ужин для леди, спуск на парашюте с коробкой «Милк Трей» в зубах, такое вот дерьмо.

— Но теперь не верите?

— Нет, — согласился он, — я перестал верить в это задолго до того, как достиг твоего возраста.

На краткое мгновение он внимательно посмотрел на молодого мужчину.

— Нет такой вещи, как идеальная пташка, знаешь ли. Они могут быть замечательными, веселыми, составлять хорошую компанию, добрыми сердцем, прекрасными и грязными в постели, но ты все равно найдешь в них что-то не то, если будешь приглядываться.

— Тогда в чем секрет, — спросил Брэдшоу, — раз уж вы раздаете советы?

— Не приглядывайся.

— Что это значит?

— Именно это и значит. Никто не совершенен, так что просто прими этот факт и не раскачивай лодку. Ты смотришь на меня сейчас, как будто я самый неромантичный мужчина в мире, но это не так. Я говорю тебе, что ты можешь задрать свои стандарты слишком высоко и испортить то, что у тебя уже есть, уж я то знаю. Когда мужчина, который разведен дважды, дает тебе небольшие советы, тебе стоит прислушаться и намотать на ус. Я избавлю тебя от большого числа неприятностей.

— Так почему вы разведены? Если вы не возражаете, что я спрашиваю?

— Только между нами?

— Конечно.

— По глупым причинам. В первый раз, с Джанет, дело было не в работе, не в том, что я задерживался, или в тех ужасных вещах, что мы видим. Я скажу тебе вот что. Большинство парней на работе, которые именно в этом видят причину своего развода, лгут. Я имею в виду, для некоторых из них, это, несомненно, верно, что работа в полиции вызвала у них

проблемы в браке, я допускаю это, но для большинства это лишь удобное оправдание, потому что они не приложили никаких усилий, чтобы сохранить свой брак и не хотят признаваться в этом.

— Значит, это произошло и с вами?

Кейн вздохнул.

— По правде говоря, мне стало скучно. — Он на мгновение об этом, казалось, задумался, а затем добавил: — По началу, все было замечательно, а затем, спустя несколько лет, я пришел домой, а она была там и гладила вещи или готовила ужин, и, я не знаю, просто уже не обожал ее, так как раньше и чувствовал себя немного загнанным в ловушку. А затем я встретил полицейского констебля.

И он приподнял брови от собственной безрассудности.

— Она была молода и обладала подтянутой фигуркой и чертовски хорошо смотрелась в форме, так что я заговорил с ней. Я был старше, в том числе и по званию, а она была польщена, поэтому я начал тайком с ней видеться.

— Ваша жена об этом узнала?

— О, да, но не потому что я был неосторожен. Какое-то время мы с моей маленькой полицейским констеблем замечательно проводили время, но было кое-что, на что я не подписывался.

— На что?

— Она была немного одержимой.

— Ох.

— Так что, когда я повеселился, а новизна стала испаряться, я попытался мягко от нее отделаться. Я посчитал, что она знала, что я был женат, так что... — и он пожал плечами, чтобы показать, что предполагал, она поведет себя разумно, —... но она пришла в ярость. Я имею в виду, прямо спятила. Ругалась на меня на парковке, как только не называла меня, в то время как люди проходили мимо.

Он все еще казался несколько шокированным этим воспоминанием.

— Она кричала: «Ты ублюдок, ты использовал меня, а теперь думаешь, что просто можешь отделаться от меня, когда тебе вздумается, и вернуться к своей скучной жене».

Он вздохнул.

— Все это было правдой, если быть честным, но я не ожидал, что она примется рассказывать об этом всему миру. Это навредило моей карьере. В нашем мире можно иметь интрижку на стороне, покуда она в тайне. Она кричала на меня, как чокнутая, а в это время суперинтендант парковал свою машину в нескольких ярдах от нас, так что это перестало быть тайной. Я полагаю, это стоило мне добрых трех лет без продвижения по службе, и, конечно же, еще и Джанет.

Ему казалось было нужно выпить, чтобы объяснить это.

— Моя маленькая сладкая полицейская констебль узнала, где я жил, и пошла напрямик туда, чтобы рассказать о нас Джанет. Я не знаю, чего она хотела добиться, но я пришел домой и обнаружил, что моя одежда упакована в два чемодана, стоящие на пороге, и меня оттуда выставили, никаких вторых шансов и никаких поблажек. Мой брак подошел к концу, — он щелкнул пальцами, — вот так. И из-за чего: нескольких потных перепихонов на заднем сидении машины и одного раза в отеле.

— Это грубо, — сказал Брэдшоу, когда от него, казалось, ждали сочувствия, даже хоть Кейн уже признался, что заслужил все, что с ним произошло.

— И я все еще вижу ее время от времени.

— Джанет?

Кейн покачал головой.

— Нет, одержимую. Она все еще полицейский констебль, теперь у нее есть муж и пара детей, или так я слышал, но каждый раз, как она оказывается со мной в переполненной комнате, происходит одно крупное событие или другое. Я хотел бы сказать, что она растолстела и подурнела, но это не так. Она все еще довольно ухожена. Конечно же, я никогда не смогу простить ее за то, что она сделала, но ты знаешь, в чем самая странность?

— В чем?

— Несмотря на все, когда я вижу ее, я все еще чувствую что-то здесь, — он постучал кулаком по груди, — или, может быть, немного ниже, — признался он. — Комбинация похоти и волнения, что значит, если возникнет такая возможность, я все еще займусь с ней сексом на заднем сидении. Разве это не глупо? Я знаю, что мне стоит выбежать из комнаты и продолжать бежать, пока я не убегу за горизонт. Я ничего не могу поделать с собой. Потому что я помню, каково это было, когда нам было очень хорошо, ну понимаешь. Эта девушка стояла мне брака — в самом-то деле, нет, это не совсем справедливо, я стоил себе своего брака — но ты понимаешь, что я хочу сказать, она поспособствовала этому, а я все еще смотрю на нее и думаю: «Да, я так и сделаю».

— Черт возьми.

— Я знаю, это все лишь показывает, какие мужчины чертовски глупые. То, как мы мыслим, даже, когда мы знаем, что это будет стоить нам тысяч фунтов и бесконечного горя, мы все еще совершаем эти безрассудные поступки.

— Вы сказали, что были разведены дважды.

— Да, во второй раз с Кэрол. Это было вовсе не так драматично. Сначала мы хорошо ладили, но я женился поспешно, потому что думаю, пытался вернуть то, что потерял, и часть меня хотела показать коллегам по работе, что я, ну знаешь, снова достоин уважения. В тот момент мне подумывали дать повышение. В любом случае, оказалось, что у нас не так уж много общего, и, это и стало убийцей нашего брака, в отличие от моей первой жены, она не могла составить хорошей компании. Ни один из нас не был счастлив, но каким-то образом нам удалось прожить в браке пять лет, прежде чем мы поняли, что хватит. К счастью, у нас не было детей.

— Сейчас у вас кто-то есть?

— Нет, у меня было достаточно расстройств за одну жизнь, но я все еще помню свои юношеские ожидания, вот почему я наставляю тебя. Я тоже хотел встретить идеальную женщину, как видишь. Я искал кого-то, кто будет родственной душой, компаньоном, любовницей, другом, кем-то, кто сможет поднять мне настроение, когда я буду грустным или в депрессии. Кем-то, кто будет нуждаться во мне, но не слишком. Девушку, которая будет нужного роста, с отличной фигурой и длинными волосами, красивыми глазами и ногами длиною в вечность. Кто будет делать мне минеты по утрам, на обед и ночью, а затем готовить мне сэндвичи с беконом на завтрак. Короче говоря, я искал то, чего не существовало, поэтому не удивительно, что с обеими моими женами у меня не срослось. Вот почему я остался один, если уж на то пошло, Йен, потому что у меня были абсолютно нереалистичные ожидания.

Он осушил остатки пинты.

— Сейчас, мне бы хватило и сэндвича с беконом, — он поставил свой пустой бокал на

стойку бара, — и время от времени минет.

Когда он, наконец, закончил говорить, Брэдшоу не знал, что сказать, так что промолчал. Кейн, должно быть, почувствовал его дискомфорт, так что сухо сказал:

— Неважно, мне понравилась наша маленькая беседа. Запомни мои слова и не стесняйся проигнорировать их, я уверен, что ты так и поступишь. Я едва ли тот человек, что может раздавать советы по отношениям.

***

Фрэнк Джарвис прекратил свое занятие на участке, когда увидел Тома. Он недолго знакомил старшего мужчину с новостями, они вдвоем сидели снаружи хижины Фрэнка, а небо темнело.

— Я немного удивлен, что вы не упомянули о волонтерской работе Сандры, — сказал Том, когда закончил.

— Разве я не говорил? — спросил Джарвис. — Этого не было в документах по делу?

— Нет, — сказал Том, — не было.

— Должно было быть.

— Любопытно, — произнес Том, задаваясь вопросом, кто мог убрать это и почему. — Расскажите мне об этом месте, «Мидоулендс».

— Я не знал, что она помогала там. Она мне не рассказывала, — ответил Джарвис. — Я узнал о волонтерстве, но это было в других местах: доме престарелых, детском приюте, такого рода местах.

— Почему она утаивала это от вас?

— Она знала, что я буду против того, чтобы она работала в подобных местах.

— Почему?

— Потому что девушки в «Мидоулендс» очень... — Фрэнк подыскивал подходящее слово и, в конце концов, остановился на, —...травмированные. Я бы не хотел, чтобы она слышала о тех вещах, через которые они прошли, но это же Сандра. Она всегда стремилась помогать тем, кто в беде.

Это было произнесено с намеком на гордость.

— Она регулярно туда ходила?

— Пару вечеров в неделю, иногда по выходным.

— Чем она занималась?

— В основном помогала, немного наставничества, обучения базовым навыкам, таким как чтение и письмо, психологическими консультациями, неофициально, конечно же. Она мало что рассказывала мне о своей волонтерской работе, потому что все это должно быть конфиденциальным, чтобы защитить девушек. Об этом нельзя поболтать за обеденным столом. Я узнал об этом всем впоследствии.

— Много ли людей знали, что ваша дочь занимается волонтерской деятельностью?

— Я не распространялся об этом, а она использовала девичью фамилию своей матери.

— Почему?

— Потому что она не хотела, чтобы персонал знал, что ее отец глава совета. Они бы подумали, что она хочет особого к себе отношения, — сообщил он Тому, — или что она шпионка.

Том еще больше стал восхищаться девушкой.

— Я хочу поехать туда, поговорить с персоналом, и, если это возможно, с некоторыми девушками.

— Ох, — произнес Джарвис, — зачем вам это?

— По той же причине, по которой я хочу поговорить со всеми, кто знал ее, — ответил Том, — чтобы посмотреть, смогут ли они пролить свет на причины ее исчезновения.

— Разумно, — сказал Джарвис, — но я предположу, что сначала вы можете позвонить им, или они могут не пустить вас на порог.

— Уже звонил, — сказал Том. — Поговорил с парнем по имени Дин, а он не разрешил мне приехать. Я могу пойти по официальным каналам, попросить старшего инспектора Кейна позвонить его коллегам в Ньюкасле, запросить официальные допросы, но я посчитал, что вы можете использовать немного этого знаменитого влияния, чтобы открыть для меня дорогу.

Джарвис улыбнулся.

— Считайте, что уже сделано.

Затем он посмотрел на Тома.

— Есть еще кто-то, кто доставляет вам беды?

— Никого, чьи двери вы могли бы для меня открыть.

Джарвис удивился этим словам.

— Я ходил в тот паб на Кисайд, в котором работала Сандра. Сейчас он закрыт, но полиция взяла показания у всех, кто работал там с ней, — произнес Том.

— Я читал их, — сказал Джарвис. — Там не густо.

— Да, не густо, — согласился Том. — Никто не упомянул владельца, Джимми Маккри.

— Черт побери, — выругался советник, — как полиция могла этого не выяснить?

— Я не уверен, — ответил Том, хоть у него и были свои подозрения, среди которых главенствовала коррупция.

— Предположу, что каким-то образом просмотрела.

И Том рассказал Джарвису о результатах детективного расследования Хелен.

— Очень умная девушка, эта репортерша, — заметил советник.

— Вы с ней встречались?

— Нет, но я читал некоторые ее последние статьи о Джо Линче.

— Как вы думаете, мог ли Маккри знать, что ваша дочь работала в одном из его пабов?

— Честно, не знаю.

— Но он мог узнать, — сказал Том. — Это возможно, вероятно даже?

— От людей, работающих на него, ожидается, что они будут сообщать информацию вроде этой, но...

— Но что?

— Какая польза ему от этого будет? Я рос на тех же улицах, что и Маккри, примерно в то же время. Он выбрал один путь, в то время как я выбрал другой, и я следил за его карьерой с интересом. Я проводил кампании против него и людей подобных ему. Я был горячим противником любого, кто распространяет наркотики или принимает участие в организованной преступности в моем городе, но он никогда раньше не выступал против меня. Я вижу, куда вы клоните. Джимми Маккри человек малопрятный. Я привык полагать, что он дьявол... но с тех пор понял, что есть люди и похуже него. Я никогда не слышал, чтобы он причинял вред чьим-то невинным членам семьи. В некотором роде он несколько старомоден в отношении подобного рода вещей.

— Воровская честь?

— Если такое существует.

Казалось, Джарвис в этом не был уверен.

— Что важнее, зачем бы ему это делать?

— Я не знаю, — признался Том, — но Сандра исчезла, и для ее исчезновения должна быть причина. Мы можем исключить проблемы в семье, по университету ничего, так что остается этот «Мидоулендс» и тот факт, что она работала в питейном заведении, контролируемом самым печально известным гангстером Тайнсайда.

— Вы правы в одном, — сказал Джарвис. — Я не смогу провести вас через его двери, и я бы не хотел этого делать, ради вашего же блага. Джимми Маккри очень рьяно охраняет свою частную жизнь. Ох, я знаю, что его видят в городе, но он навряд ли хорошо отнесется к вынюхивающему репортеру, особенно такому, кто получает деньги от полиции. Он уже знает об этом, кстати.

— От контактов в полиции? — спросил Том.

— Именно, — ответил Джарвис. — Если вы слишком приблизитесь к нему, я буду удивлен, если вас не изобьют. Не там и тогда, очевидно, но в другое время, когда вы будете выходить из паба или из собственной двери. Джимми будет, конечно же, очень далеко, когда это случится, и у него будет алиби.

— Как вы и сказали, не очень приятный человек.

— Ну, многими пабами в городе владеют изворотливые владельцы или же ими руководит стремление к наживе.

— А я могу лаять здесь не на то дерево, но это наводит меня на мысль.

— Какую мысль?

— Кто выигрывает?

— С чего?

— Исчезновения вашей дочери.

Джарвис задумался.

— Не думаю, что кто-то что-либо выигрывает.

— Так ли? — спросил Том. — Подумайте. Что было первой вещью, которую вы сделали, когда поняли, что она пропала и вернется не скоро?

— Я начал кампанию, чтобы найти ее, — ответил он.

— А перед этим, — подтолкнул к ответу Том Джарвиса.

— Перед этим?

Джарвис не улавливал мысль.

— Я связался с полицией...

Том покачал головой.

— Вы ушли в отставку.

— Ну, мне пришлось, — сказал Джарвис. — Я не мог справляться со своими обязанностями, когда мне было необходимо искать свою дочь.

— Так что вы подали в отставку, — сказал Том, — с поста главы совета. Вы уступили очень влиятельную должность и перестали вести кампании по вопросам, которые когда-то были для вас важны, как бесконтрольная застройка центральной части города, к примеру, в особенности, на участке земли, принадлежащей городу, на берегах реки Тайн.

— Тендер на строительство в Риверсайде?

— Против которого вы были решительно настроены.

— Так и было, — ответил Джарвис, — и, боюсь, что то был голос вопиющего в пустыне. Я хотел, чтобы это место было общественным парком, окруженным социальным жильем с

доступными домами для рабочего класса. Я с таким же успехом мог голосовать за Диснейленд.

— Но все же вы были серьезным препятствием для того вида строительства, на которое они сейчас претендуют: торговые центры с низкооплачиваемыми рабочими местами, рестораны и пентхаусы с видом на реку Тайн. Вы заставили множество людей задаваться вопросом в целесообразности этого. Если бы вы все еще были в строю, застройщикам пришлось бы идти на дорогостоящие компромиссы.

— Может быть, — произнес Джарвис, — так в чем суть?

— Если бы вы ушли или, по крайней мере, отвлеклись бы на исчезновение своей дочери, для одного из самых крупных в истории захватов земли на северо— востоке загорелся бы зеленый свет.

— Вы простите меня, если для меня это сейчас в низком приоритете?

— И это как раз то, о чем я говорю, — сказал Том. — Вы прекратили вести кампанию, чтобы превратить Риверсайд в общественный актив вместо лицензии на печать денег, и начали вести совсем другие речи о пропавших людях.

— Так значит, кто-то причинил вред моей дочери, чтобы убрать меня с пути?

— Это не так уж немыслимо.

— И вы считаете, что за этим может стоять Маккри?

— Когда вы ушли в отставку, вы создали пустоту, — напомнил ему Том, — и позволили другому занять ваше место.

— Джо Линчу.

— Который стал главой совета вместо вас, — сказал Том, — а Джо Линч друг кого...?

— Алана Кэмфилда, — ответил Джарвис, — если верить словам вашей подруги репортера.

— Который работает с...?

Казалось, что до Джарвиса, наконец, дошло.

— Джимми Маккри.

— Именно, — сказал Том. — Теперь вы поняли.

— Кто выиграл? — задумчиво повторил Джарвис.

— Ответ: все трое, — сказал Том.

Глава 28

Так как Хелен жила и работала в Ньюкасле, а двое мужчин базировались в Дареме, казалось справедливым разделить их встречи по этим двум местам. Хелен дала им свой адрес в Джесмонде, но предложила встречаться в «Лит и Фил».

— Это ближе к центру, — быстро пояснила она, — а моя квартирка крошечная.

Прошло уже какое-то время с тех пор, как Том бывал в старой библиотеке. Ее полным названием было «Литературное и Философское Общество», но все называли ее «Лит и Фил». Она занимала одно и то же место рядом с железнодорожной станцией на протяжении уже ста семидесяти лет, и содержала в своих стенах больше миллиона книг. В этом месте царила атмосфера величественного дома, который внезапно решил однажды принимать членов общества и позволять им занимать его истертые стулья, чтобы почитать в тишине. Это был островок спокойствия в кипящем городе, и Том задался вопросом, почему он не заходил сюда чаще.

Хелен сидела за столом рядом с лестницей из кованого железа, которая по кривой тянулась к потолку. Два огромных книжных шкафа с обеих сторон предоставили ей место

для уединения. Они с легкостью могли поговорить здесь, не мешая другим, если будут говорить негромко.

Хелен рассказала им о своей встрече с Эми Риордан и о том, как на ту повлияло знание, что она когда-то встречалась с убийцей.

— С Эми не все в порядке, — пришла к выводу она, — и частично из-за Ричарда Белла, в чем бы еще он не был виновен.

— Звучит так, будто у нее были проблемы со многими мужчинами, — высказался Том.

— Ты хочешь сказать, что это она виновата? — резко спросила Хелен.

— Нет, — возразил Том, — я говорю, что ей не везет, так же как не везло и Ребекке Холт. Ричард Белл не был единственным мужчиной, склонным к насилию, в ее жизни.

И он рассказал им о своей схватке с Фредди.

— Так значит, Ребекка ушла от одного контролирующего мужчины к другому? — заметил Брэдшоу.

Хелен снова обиделась.

— Или, может быть, Том просто пробудил в нем худшее.

— Как вы поладили с Фрэнком Джарвисом? — спросил Брэдшоу, желая избежать еще одного аргумента об обвинении жертвы.

— Он не в себе, — ответил Том, — как и следовало ожидать, — и он детально рассказал им о своих встречах с Джарвисом. Когда он закончил, он сказал Хелен:

— Он и твой фанат. Я думаю, он тайно забавляется тем, как вы неуклонно подрываете авторитет советника Линча.

— Что насчет «Мидоулендс»? — спросил Брэдшоу.

— Он говорит, что может провести меня туда, так что мы посмотрим, на самом ли деле он все еще у руля в этом городе.

Когда детектив, похоже, оказался доволен таким ответом, Том спросил:

— Что насчет тебя?

— Меня? Самым ярким событием дня для меня стало получения советов о любви и жизни от моего старшего инспектора. К моему удивлению, он не кажется таким уж заинтересованным хоть в одном из дел, которые мы расследуем.

— Пустил все на самотек, — сказал Том. — Делом Сандры Джарвис сейчас занимается другой — ты.

— Я подумал также, — сказал Брэдшоу.

— Так что нам лучше не лажать, если ты хочешь построить карьеру.

— Я тоже так подумал, — отозвался Йен. — Если это все, мне стоит вернуться домой, — добавил Брэдшоу, когда другие промолчали.

Брэдшоу и Том встали на ноги и начали отходить от стола Хелен, попрощавшись. Хелен осталась на своем месте и заколебалась, прежде чем заговорить.

— Прежде чем ты уйдешь, — попросила она Брэдшоу, — могу я с тобой поговорить?

Так как они ехали в одной машине, оба мужчины вернулись к ней.

— М-м-м... я имела в виду с Йеном, — неловко сказала она Тому, — если ты не возражаешь.

— Ох, — произнес Том, на мгновение придя в ошеломление, — конечно, никаких проблем. Я просто пойду и подожду тогда в машине.

Она ненавидела просить его уйти, но ей был нужен совет от Йена как полицейского. Каким-то образом она знала, что Том будет слишком беспокоиться и стремиться ее

защитить, если узнает, что с ней происходит.

Ни Хелен, ни Брэдшоу не говорили, пока Том не покинул комнату.

— Если ты не говоришь Тому, в чем дело, то это должно быть чертовски серьезно, — он опустил руки, — так что я слушаю.

***

В машине на обратном пути в Дарем, Том не спрашивал, о чем Хелен хотела поговорить с Йеном, даже хоть ему чертовски хотелось это узнать, и Брэдшоу был этому рад. Он не смог бы предать ее доверие, если бы Том надавил на него, но дело было не только в этом. Он понимал, почему Хелен не хотела, чтобы Том знал о нападении на нее на парковке, угрозах по телефону и о злобном сообщении, нарисованном на ее машине. Парень захочет что-то с этим сделать, но что он может сделать, что не поставит его в опасное положение?

Йен Брэдшоу знал, что должен был сказать ей сделать все официально: сообщить об инцидентах и позволить офицерам в форме расследовать их, но это будет пустой тратой времени. Это, вероятно, лишь побудит того, кто был за это ответственен, на дальнейшие действия, так как это было доказательством того, что они добрались до нее. Вместо этого, он дал ей кое-какие советы о том, как избежать риска.

— Это все очень полезно, Йен, — сказала она ему, — но что мне на самом деле делать?

— Ты доверяешь мне, Хелен?

— Я бы не разговаривала с тобой об этом, если бы не доверяла.

— Тогда предоставь это мне.

***

Том вернулся домой и обнаружил сообщение на автоответчике. Голос был низким, а слова неохотными.

— Это Дин, из «Мидоулендс». Советник Джарвис позвонил мне. Мы разрешаем вам прийти завтра в обед, — затем он добавил, — но вам придется привести с собой женщину.

— Гребаный ад, — сказал Том вслух, потому что он только что уехал от Хелен.

У него был номер ее квартиры в Джесмонде, но он не хотел, чтобы все выглядело так, будто он не мог провести и ночи, не позвонив ей. Он ничего не мог поделать с собой, потому что чувствовал себя уязвленным тем, что она попросила его уйти ради милой беседы с Йеном Брэдшоу.

— К черту все, — произнес Том и пошел спать.

***

Джимми Маккри взирал на мужчину, стоящего на его пороге этим утром, с чем-то между весельем и презрением. Он повернулся, чтобы бросить через плечо.

— Поставь чайник, милая, — сказал он кому-то, — и сделай чашечку чая для офицера, — а затем он подмигнул и прошел в дом, оставляя дверь открытой для Брэдшоу.

Брэдшоу ни разу не встречался с Джимми Маккри, но гангстер не обладал экстрасенсорными способностями. В этой западной части Ньюкасла, если вы видели кого-то, одетого в костюм и галстук, он был более чем вероятно полицейским. В некотором роде люди, жившие здесь, были приличными людьми, а улицы предположительно намного безопаснее, чем в бесхозных районах, как например, рядом с высотными зданиями в нескольких милях отсюда. Наркотики были меньшей проблемой, чем вражда между влиятельными семьями. Домашнее насилие или инциденты, связанные с алкоголем, были более распространены в этой части города, а преступление рассматривалось, как вполне себе путь построить карьеру. Для многих это было единственной дорожкой. Джимми

Маккри и его семья правила этой частью мира годами, и он никогда не покидал его изобилующих террасами улиц. Брэдшоу задавался вопросом, в чем смысл владеть столькими деньгами, которые он считается, заработал, и не тратить их ни на что, но, если бы Маккри переехал в особняк в Госфорте, он бы потерял добрую часть своего романтизированного имиджа Робин Гуда, и защиту общества, в котором он жил.

Маккри сел в кресло и заполнил его своей тушой. Он обладал внушительной фигурой с огромными бицепсами, которые грозились порвать рукава его рубашки. Он поманил Брэдшоу присесть.

— Я не видел вас раньше, молодец.

Он прищурил глаза.

— Вы пришли сюда один, — заметил крупный мужчина, — так что, очевидно, у вас есть яйца.

Брэдшоу слышал истории. Если вы хотели арестовать Джимми Маккри на его собственном заднем дворе, вы должны были прийти с прикрытием в виде вооруженных офицеров с полицейскими щитами, потому что, как только вы постучитесь во входную дверь, большинство соседей выйдет на улицу и будет бросаться в вас камнями, выкрикивая: «Полицейская жестокость!», когда вы начнете его уводить.

— И никто не позвонил, чтобы сказать, что вы уже в пути, так что я задаюсь вопросом, официально ли это.

Затем он принял хитрый вид.

— Хоть кто-нибудь вообще знает, что вы здесь?

Он хотел, чтобы это звучало так, будто, если Брэдшоу не вернется, то его даже не будут искать.

— Вы закончили? — спросил Брэдшоу, который был не в настроении для игр разума.

Маккри вздохнул, будто Брэдшоу не понимал правил аудиенции с королем Ньюкасла.

— Ладно, — сказал он, — так в чем дело?

Его тон стал жестче.

— Говори, что хотел, и проваливай.

***

У Тома ушло не так много времени, чтобы найти здание факультета, и никто не стал его ничего спрашивать, пока он шел по коридорам в поисках нужной комнаты. Он был рад, что ученые люди не были склонны к излишней скромности, предпочитая рассказывать всему миру о своих именах и титулах на каждой двери вместе с буквами, обозначающими их ученые степени.

Когда он нашел правильную дверь, то постучал.

— Входите, — ответ был слегка в повелительном тоне.

Он вошел и увидел мужчину, стоящего у доски, деловито записывающего цифры и символы.

— Выглядит мудро.

Когда доктор повернулся к нему, он представился:

— Том Карни. Мы говорили по телефону.

— Все выглядит сложным, если ничего не понимать, — ответил доктор Александр. — Французский, суахили, нотная грамота, — стал рассказывать доктор, а затем добавил несколько чисел к своей работе, прежде чем закончить. — Однако если кто-то покажет нам, что все это значит...

— Да, — с сомнением согласился Том, в то же время надеясь, что доктор не станет пытаться объяснить невероятных размеров уравнение, которое занимало огромную часть доски, — я могу немного справиться с французским, но я подозреваю, что это за гранью моего понимания.

— Пожалуйста, скажите мне, что вы не один из тех людей, которые не могут уловить разницы между астрономией и астрологией.

— Думаю, что, по крайней мере, это понимаю.

Лектор смотрел на него с ожиданием.

— Астрономия — наука о планетах и звездах, — ответил Том, — а астрология просто чушь.

Доктор казался доволен подобным ответом.

— Нет никакого научного обоснования утверждения, что будущее может быть предсказано по позиции или движению звезд, — он согласно кивнул сам себе. — Астрологию часто называют псевдонаукой, но я думаю, что это слишком громко сказано. Я скорее склоняюсь к вашему определению, хоть я и подозреваю, что не смогу ограничиться только этим на своих лекциях.

Затем он что-то вспомнил.

— Вы звонили, чтобы поговорить с профессором Мэтьюсом?

— Верно.

Он сильнее нахмурился.

— А я сообщил вам, что профессор умер несколько месяцев назад.

— Сообщили, — сказал Том, — но у меня есть пара вопросов, и я надеялся, что вы можете помочь мне с ними.

— Боюсь, что я не так уж хорошо его знал.

— Мои вопросы, на самом-то деле, касаются физики, а не профессора.

Доктор, казалось, засомневался.

— Это относится к кое-каким экспертным показаниям, которые давал профессор по делу, которое я расследую.

Александр моргнул.

— Это не может быть открытым делом. Он мертв уже почти год.

— Дело закрыто. Я перерасследую его и провожу тщательный анализ всех первоначальных доказательств.

— Ясно.

Том видел, что лектор забеспокоился.

— Но я не собираюсь помогать вам дискредитировать нашего бывшего профессора.

Он скрестил руки и уставился на Тома.

— Я от вас этого и не ожидаю, — заверил его Том, — мне просто нужно лучше понять его выводы.

— Относящиеся к чему?

— Силы тупого предмета, бьющего по неподвижному объекту.

— Ох, — он разъединил руки, — полагаю, с этим я могу вам помочь, или, по крайней мере, попытаться помочь. Что именно вы хотите знать?

— Если быть точным, я хочу понять, как вы рассчитываете силу удара молотком.

— О, это относительно просто.

— Правда?

Том был удивлен услышать такое.

— Да, это уравнение движения Ньютона.

— Я мог бы сделать вид, что знаю, о чем вы говорите, но...

Лектор потянулся к куску мела и подошел к доске. Он взял грязную тряпку и стер старое уравнение, оставив достаточно пустого места, чтобы написать свое объяснение, он проговаривал буквы, пока писал их.

— V в квадрате — это финальная скорость молотка, которая может быть вычислена, потому что она равна квадрату из U , первоначальной скорости удара, минус два A X , где A — это замедление, а X — пройденная дистанция. Вы успеваете?

— В некотором роде, — неуверенно ответил Том.

— Это простая физика.

— Как вы рассчитываете уровень, использованной силы, если не знаете скорости удара или пройденной дистанции, потому что вас там не было, чтобы их замерить?

— Никак.

— Но профессор Мэтьюс это сделал.

Доктор Александр покачал головой.

— Он не мог этого сделать. Ему пришлось сделать определенные предположения, если его там не было, чтобы засвидетельствовать... а... я собирался сказать эксперимент, но, очевидно, это намного серьезнее, если он свидетельствовал в зале суда.

Том объяснил обстоятельства появления профессора Мэтьюса в суде.

— О, Боже правый, — сказал Александр, — это действительно ужасно.

— Так как он это сделал? — быстро спросил Том. — Я имею в виду, рассчитал силу удара?

— Ну, простой ответ — он не мог этого сделать.

— Что?

Том ожидал услышать длинное объяснение о механизме этого расчета и, если ему повезло бы, некоторое сомнение, которое можно было бы использовать, чтобы подорвать истинность показаний профессора. Тем не менее, такого ответа он не ожидал.

— Ну, его не было на месте преступления, не так ли? Он не был свидетелем преступления и не смог бы рассчитать силу удара, просто глядя на него.

— Так как он пришел к своим выводам?

— Я не хочу пренебрежительно отзываться о покойном профессоре, — тихо сказал доктор, — но я высказываю догадку, что он просто пошел от обратного.

— Что вы этим хотите сказать?

— Он изучил повреждения, причиненные этой молодой леди молотком, а затем оценил уровень силы, которая потребовалась для этого. Из этого он смог экстраполировать, пока не получил серию уравнений скорости, скорости удара и замедления, которые потребовались, чтобы осуществить смертельный удар.

— Но как он понял, кто был способен нанести подобный удар, мужчина или женщина?

— Я не знаю.

Когда Том, казалось, не удовлетворился этим ответом, доктор почувствовал необходимость добавить кое-что.

— Я полагаю, если бы спросили меня, я мог бы смоделировать эти условия в лаборатории, возможно, с помощью студентов и студенток, чтобы посмотреть, сколько из них смогут совершить удар подобной силы.

— А он это проводил?

— Не имею понятия, но полагаю, что нет.

— Но я не понимаю, как он пришел к такому убежденному мнению. Он сказал, что для женщины практически невозможно нанести такой удар.

— Да?

Лектор задумчиво закусил губу.

— Послушайте, я никогда не выполнял такую работу и не хочу, но, если вы позвонили, чтобы получить комментарии по этому делу, значит, у вас есть причина. Сторона защиты, или в этом случае, сторона обвинения, захотела получить экспертное мнение, которое не примут в расчет, если оно будет расплывчатым. Никто не попросит вас выступить в суде, если вы скажете, что изучив все факты, не знаете, что произошло. Профессор Мэтьюс был предпочитаемым свидетелем экспертом, именно потому, что он гораздо охотнее совершал заявления, основанные на недостаточно содержательных данных, чем большинство из нас.

Ответ Александра был умелым преуменьшением. Короче говоря, профессор жаждал славы в зале суда и сопутствующих разоблачений в газетах больше, чем научной точности.

— Так значит, он сказал это наугад? — спросил Том, пораженный этим осознанием. — Я знаю, что он был высокообразованным гостем с целой кучей рекомендательных писем, но это все же было чертовой догадкой.

— Э-м-м, я бы предпочел назвать это гипотезой, но, я полагаю, если вы хотите, рассматривайте это, как... догадку.

— Господь всемогущий.

Глава 29

Знание Томом физики не улучшилось во время его беседы с доктором Александром, но его понимание мира свидетелей экспертов значительно возросло. Области их компетенции, как правило, были настолько узкими и специализированными, что обычные члены жюри присяжных были не в том положении, чтобы ставить под сомнение выводы профессора, и просто принимали их мнение, как научный факт.

Том задавался вопросом, как много мужчин и женщин были брошены в тюрьму, потому что эксперт сказал, что они, должно быть, виновны, когда они не были. Профессор Мэтьюс встал в суде и постановил, что только мужчина мог убить Ребекку Холт. Том лишь за несколько минут разговора с бывшим коллегой профессора развеял его теорию. В этом смысле это утро пока что было удачным, и вдохновленный этим, он достал пригоршню монет из кармана и скормил их таксофону в фойе университетского здания, а затем набрал номер в газете Хелен. Пока он ждал, когда она возьмет трубку, он снова размышлял, стоит ли ему потратиться на мобильный телефон. Вероятно, он мог оправдать покупку удобством, но не стоимостью. Хотя они были меньше, чем тот кирпич, который у него был, когда он работал на таблоид, все еще было проблематично поместить такой в карман, а на северо-востоке были огромные территории, где сила сигнала заставляла вас чувствовать себя так, как будто вы на луне.

— Алло, — Том сразу же узнал голос Хелен.

— Мне нужна женщина, — сказал он ей.

— Ты всегда такой прямолинейный?

— Это зависит от того, насколько срочно нужна, а в этом случае, боюсь, что я без тебя не справлюсь.

— В таком случае я думаю, что польщена, но чего ты хочешь и когда?

***

— Обожженная девушка, говорите вы? Ну, это ужасно.

Брэдшоу показалось, что Джимми Маккри говорил так, будто ему не могло быть безразлично еще сильнее.

— Однако это произошло в Ньюкасле, так ведь? Я знаю все, что происходит в моем городе.

Брэдшоу понял, что его злит высокомерие этого мужчины. Это не его город.

— Ее тело обнаружили на свалке в графстве Дарем, но по какой-то причине, у нас возникли проблемы с нахождением владельца этого места. Никто, кажется, не хочет сообщать нам его имя.

— Правда? Для меня это звучит несколько странно. Вам не приходило на ум, что это может быть лишь прикрытие? Ну, знаете, для криминальных дел.

Брэдшоу проигнорировал его.

— Мне очень жаль, офицер. Я бы хотел помочь вам с этим, но не могу. Скажу вам вот что, я поспрашиваю.

— Что насчет Сандры Джарвис? — спросил Брэдшоу.

— Сандры Джарвис?

Крупный мужчина опять скривил лицо, но в этот раз, чтобы симулировать, что он не помнит, где слышал это имя. Наконец, он ответил, как будто неожиданно вспомнил:

— Дочь советника? Ужасное событие. Фрэнк Джарвис должно быть горюет.

— Она не мертва, — возразил Брэдшоу, — только если вы не хотите мне сказать, что мертва.

— Это просто фигура речи. Я имел в виду, ее необъяснимое исчезновение, должно быть, ввергло его в горе. Ничто так не лишает мужчину покоя, как проблемы с семьей.

— Это верно, — согласился Брэдшоу. — Я слышал, что она работала в одном из ваших пабов.

Теперь он внимательно посмотрел на крупного мужчину.

Маккри смотрел на Брэдшоу невинными глазами, как будто его абсолютно дезинформировали.

— У меня нет пабов, детектив. Не могу представить, откуда вы такое взяли.

— Конечно же, нет, — сухо произнес Брэдшоу и попробовал зайти с другой стороны. — Некоторые люди выиграли от исчезновения Сандры Джарвис, так как Фрэнку Джарвису пришлось уйти с поста главы совета?

— Едва ли вы можете обвинить Джо Линча в занятии вакантной позиции. Не его вина что дочь Фрэнка пропала. С каких это пор амбиции стали преступлением?

— Хорошо с ним знакомы? С советником.

— Я встретился с ним по делам бизнеса, но я бы не сказал, что знаком с ним. А вы?

— Я знаю, что он любит угрожать журналистам.

— Ничего об этом не слышал.

Брэдшоу понял тогда, что ему не удастся заставить печально известного Джимми Маккри ослабить бдительность. Он мог пробыть там весь день, а Маккри будет отбивать все его вопросы с непревзойденным мастерством мужчины, которого бесчисленное количество раз допрашивала полиция, и которому ни разу не выдвинули обвинения. Брэдшоу не ожидал, что все будет иначе. Он просто хотел встретиться с Маккри лицом к лицу, известным противником, возглавляющим топ-лист каждого полицейского на северо-востоке Англии,

еще он хотел поговорить.

— Так значит Джо Линч никогда не просил вас терроризировать Хелен Нортон?

Маккри не стал даже делать вид, что не знает Хелен.

— Обожженная девушка, пропавшая девушка... и раздражающая девушка. У вас пунктик по поводу женщин, детектив. Предположу, что вы вечный рыцарь в сияющих доспехах.

— Я здесь, чтобы предостеречь вас.

— О, в самом деле?

И он наклонился в своем кресле вперед, излучая угрозу, уличный боец, которому бросили вызов.

— Ну, я без понятия, о чем вы говорите, но, если бы знал, то воспринял это как оскорбление.

— Держитесь от нее подальше.

— Я к ней ни разу не подходил, кроме того раза, когда она сделала мою фотографию в ресторане без моего ведома, что, к слову, было вторжением в мою частную жизнь. Был и второй раз, когда она преследовала меня на благотворительном событии, на поле для гольфа, и это было очень грубо с ее стороны, вы так не считаете?

— Так вот почему вы наравили на нее своих головорезов, — спросил Брэдшоу, — и повредили ее машину — или вы собираетесь сказать, что тоже не имели к этому отношения?

— Я не знаю никаких головорезов, и я не из тех, кто обижается на женщин, даже тех, которые кажутся одержимыми мной... но, если бы я был человеком, который делал бы исключения из правил, я бы не ограничился просто разрисовкой машины.

— Я не говорил, что машина была разрисована.

— Вы сказали, что был совершен акт вандализма. Здесь либо ее оцарапают, либо раскрасят. Я предположил, что одно, либо другое.

— Однако, вы правы, — признал Брэдшоу, — это не совсем ваш метод. Отвратительные избиения и случайные убийства больше в вашем стиле.

— Мне никогда не выносили обвинений в чьем-либо избиении. Однажды меня арестовывали за убийство, — снизошел Маккри, — но жюри присяжных знало, что дело шито белыми нитками. Судья раскритиковал полицию Нортумбрии при вынесении приговора. Он понял, что они пытались подставить меня, потому что давно затаили на меня злобу.

— И почему же это?

— Когда я был молод, какое-то время вращался в дурной компании и совершал вещи, которые не стоило бы. Я был немного сорвиголовой, но теперь изменился и стал успешным бизнесменом. Вашу компанию это возмущает, и вы хотите посадить меня за то, чего я не совершал. Это вопиюще.

— В таком случае может быть хорошей идеей перестать преследовать журналиста. Вы можете привлечь к себе не тот род внимания. Так что оставьте ее в покое.

Джимми Маккри скрестил свои громадные руки и посмотрел напрямик на детектива.

— Или что?

— Вы сделаете меня своим врагом, — ответил Брэдшоу, — и вам это не понравится.

Когда эти слова были произнесены, то были низким рычанием, которое напомнило Йену Брэдшоу собаку, которую сдерживала лишь цепь, на которой она сидела.

— Я могу сказать ровно то же самое вам, парень. Мне угрожали и раньше, и вы не первый офицер полиции, который это делал, но я все еще здесь, а они все ушли. Вам стоит

держат это в уме. А теперь уберите из моего дома, пока я не забыл, что вы здесь гость.

Он встал, чтобы показать Брэдшоу, что его время в доме Маккри подошло к концу. Большой Джимми проводил Брэдшоу к входной двери и через нее. Перед тем как закрыть дверь, он сказал:

— И, пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания мисс Нортон. Скажите ей, я надеюсь, что у нее сегодня приятный день.

***

— Да?

Голос был хриплым и бестелесным, голос Дина разносился из интеркома у входа в приют.

— Это Том Карни, — сказал он, — и я привел женщину.

Последовала секундная заминка, а затем жужжащий звук из интеркома, и дверь со щелчком открылась.

Том и Хелен шагнули внутрь, и пошли по пустому, ярко освещенному коридору, пока им навстречу из офиса на полпути не вышел невзрачный мужчина лет тридцати.

— Это Хелен Нортон, — пояснил Том, — моя коллега.

Мужчина кивнул.

— Я Дин, рад встрече. Советник Джарвис просил за вас, так что это послужило для меня достаточной причиной. — А затем он сказал: — Немного поговорим с вами перед тем, как вы войдете, если не возражаете?

Они проследовали за ним в его офис.

— Спасибо, что привели с собой коллегу. Ни одного мужчину не допускают сюда без женщины, только если он не из персонала. Это ради защиты девушек. Я надеюсь, вы понимаете. Обычно женщина из персонала сопровождала бы вас, но у нас было сокращение, так что сегодня мы не можем никого вам выделить. Мы не хотели задерживать вас, так что мы позволили вам поговорить с девушками по одной в их комнатах, пока вы остаетесь вместе. Они знают, что вы придете.

— Справедливо, — сказал Том. — Как все работает здесь? Девушкам позволено выходить одним?

— Конечно, — сказал Дин, — это не тюрьма, а девушки здесь старше, но у нас действует комендантский час. Им полагается вернуться к девяти часам. У нас есть правила, и они теряют привилегии, если они их нарушают.

— Ладно, — сказал Том, — тогда мы начнем.

— Будьте осторожны, — предупредил Дин, — все эти девушки начали свою жизнь в тяжелых условиях, и как результат, они все довольно... — он прищурился, подыскивая подходящее слово, — ...ранимы.

— Мы попытаемся никого из них не расстроить, — заверила его Хелен.

— Дело не в этом, — сказал он ей. — Мне жаль говорить это, но им не всегда можно верить. Из-за их прошлого и их происхождения, в их природе обманывать. У некоторых из них матери преступницы, проститутки, наркоманки или все сразу. Многие из них никогда не знали своих отцов или матерей. Кто-то всю свою жизнь провел в приютах и в процессе приобрел определенные навыки.

— Какие навыки?

— Ну, если бы я был вами, то не оставлял бы свои вещи без присмотра, но дело не только в воровстве. — Дин понизил голос, чтобы сказать, как будто по секрету. —

Некоторым из них нравится играть в игры. Вы оба явно умные люди, но я посоветую вам не позволять собой манипулировать. Они по большей части хорошие девушки, но такое прошлое как у них, накладывает отпечаток на любого.

— Спасибо за предупреждение, — сказала ему Хелен. — Вы будете в комнате, пока мы будем говорить с девушками?

— Ох, нет, они вольны говорить за себя. Нам здесь нечего скрывать.

У девушек были свои собственные комнаты, и каждая ждала их с открытой дверью. Первая девушка лежала на кровати, но выглядела так, будто толком не спала месяцами. Она вспомнила Сандру Джарвис, но ей было мало что рассказать о ней. Сандра какое-то время была здесь, а затем исчезла, сказала она, как будто это было полезным наблюдением. Ближе к концу бесплодного разговора Том спросил ее, нравится ли ей в «Мидоулендс».

— О, да, — сказала она, — я чувствую себя здесь в безопасности.

Вторая и третья девушки знали Сандру, но сказали, что не очень близко общались с ней, и она не говорила им о своей жизни или планах на будущее. Они не знали, где она жила, кем был ее отец или же есть ли у нее парень.

Четвертая девушка повторила показания предыдущих двух, но добавила, не получив вопроса, что ей нравится в «Мидоулендс».

Пятая девушка сказала, что чувствует себя здесь в безопасности.

Шестая отказалась вообще с ними разговаривать, только сказала, что ничего не знала о Сандре Джарвис, кроме того факта, что у нее были длинные волосы, затем она сказала им: «Оставьте меня одну, Бога ради» и замолчала.

Седьмая девушка рассказала очень мало, кроме заверения, что за всеми здесь хорошо присматривают и, что она чувствует себя в безопасности.

В следующей комнате никого не оказалось.

Последняя девушка по коридору лежала на кровати со слегка приподнятой от подушки головой и только ее глаза двигались, когда они вошли в комнату. Том предположил, что ей около пятнадцати лет, но было трудно назвать точный возраст хоть одной из девушек. На ней были потертые черные джинсы и оранжевая футболка с дизайнерским логотипом, так что она была либо поддельная, либо краденая. Девушка была худенькой, с длинными, грязными светлыми волосами.

Когда Хелен спросила ее имя, она неохотно его назвала, будто оно могло быть использовано против нее.

— Келли.

— Отличное имя, — сказал Том.

— Наверное, — сказала девушка без агрессии или энтузиазма.

— Это сокращение для Каллиста? — энергично спросила Хелен, и Келли посмотрела на нее, будто та, только что вышла из летающего соусника.

— Никакого сокращения, — пояснила девушка, — просто Келли.

— Хорошо, Келли, — сказал Том, — полагаю, ты знаешь, почему мы здесь?

— Вы хотите знать о Сандре, — ответила Келли, — потому что она пропала.

— Верно.

— Как хорошо ты знала Сандру? — спросила Хелен.

— Я ничего о ней не знаю, кроме того, что она работала волонтером. Черт знает почему.

— Каково было твое впечатление о ней? — спросила Хелен, Келли не показала никакой

реакции, так что вмешался Том.

— Она тебе нравилась, — спросил он, — или же она была одной из тех деток, которые ничего не знают о реальной жизни?

Он пытался добиться какой-либо реакции от Келли, не добившись никакого результата с другими девушками.

— Она была нормальной, как мне кажется. Ей было не все равно.

— А люди, которые руководят этим местом не нормальные? — спросил Том. — Им не все равно, имею я в виду?

Келли вспыхнула.

— Я никогда такого не говорила, — зашипела она, — вы извратили то, что я сказала.

Она выглядела встревоженной.

— Ты права, — сказал Том, — я не хотел. Мне жаль. Это место кажется хорошим.

— Оно замечательное, — заверила она их. — За нами хорошо присматривают. Я чувствую себя здесь в безопасности, и не хочу быть больше нигде.

— Это хорошо, Келли, — сказала Хелен, — так чем именно занималась здесь Сандра?

Келли, казалось, сейчас успокоилась.

— Много чем. Она помогала с обедами и прочим, и, если нужно было написать письмо или что-то еще, она помогала. Если была проблема, можно было пойти к ней, если нужно было поговорить с кем-то своего возраста.

— Ты когда-нибудь обращалась к ней с проблемой? — спросил Том, и Келли на миг посмотрела на него с подозрением, как будто он пытался загнать ее в ловушку. Она, должно быть, решила, что он не пытался этого сделать, потому что, в конце концов, ответила.

— Иногда: другие в основном парни, так легче.

— Говорить с женщиной? — спросила Хелен.

— Да, — сказала она.

Том до этого думал о Сандре не больше, чем о девушке работавшей здесь, но для молодой девочки, такой как Келли, она казалась взрослой.

— Все девушки с ней так разговаривали? — спросила Хелен.

— Некоторые, — сказала она, — не все.

— Некоторые предпочитали остаться себе на уме? — задал вопрос Том.

Келли пожала плечами и вернулась к своему привычному ответу:

— Наверное.

— Был ли кто-то особенно близок с Сандрой? — спросила Хелен.

— Диана, — призналась Келли, как будто они знали, о ком она говорит.

— Какая Диана? — быстро спросил Том, как будто их было больше одной. Ему была нужна фамилия, и он не хотел, чтобы Келли заподозрила его причины.

— Диана Тернер, — ответила Келли. — Она моя лучшая подруга, но у нее свои проблемы. У нее была дерьмовая жизнь, — а затем Келли быстро добавила, — до того, как она появилась здесь.

— Но Сандра помогала ей, — заметила Хелен.

Келли кивнула.

— Она заперлась в ванной. Сказала, что хочет порезать вены. Персонал пытался вытащить ее оттуда, но она не выходила. Они собирались позвонить в полицию и все такое, выломать дверь, но Сандра сказала, что поговорит с ней. Она убедила их отойти и дать Диане немного пространства. Она села снаружи на полу и говорила с ней через дверь. Через

какое-то время Диана открыла дверь, но только, чтобы впустить Сандру. Затем она заперла ее снова, и они продолжили разговаривать.

— Ты знаешь, о чем они говорили?

— Нет, — твердо произнесла Келли, — я и Диана были хорошими подругами, но даже мне она не сказала.

— Что произошло? — спросила Хелен.

— В конце концов, они вышли из ванной комнаты, а затем пошли в комнату Дианы и закрыли дверь. Мы собирались завтракать, когда они вышли.

— Так значит, они разговаривали всю ночь?

— Да.

— Должно быть, это был обстоятельный разговор, раз длился так долго.

— Наверное.

— Как они выглядели, когда, наконец, вышли? — спросил Том.

— Уставшими, — сказала она, — как вы думаете, как они выглядели?

— Расстроенными? Испытавшими облегчение? Злыми? Ты скажи мне.

— Расстроенными, — ответила она.

— Полными слез? — спросила Хелен, и Келли кивнула. — Они обе?

Она кивнула снова.

— И ты не имела понятия, в чем дело?

В этот раз Келли покачала головой.

— Я сказала вам, я пыталась спросить Диану, о чем они разговаривали, но она не стала мне говорить, а Сандре нельзя было говорить. Это конфиденциальная информация. Это было...

— Их секретом? — предложила Хелен.

— Да.

— Должно быть, очень большим секретом, что на то, чтобы им поделиться ушла вся ночь? — спросил Том.

Это послужило сигналом, после которого она снова закрылась.

— Наверное, — ответила Келли.

— Это комната Дианы рядом? — спросил он.

Келли покачала головой.

— Была раньше. Она уехала.

Еще одна кирпичная стена, подумал Том. Единственный человек, который мог рассказать им что-либо о Сандре Джарвис исчез.

— Почему она уехала? — спросила Хелен.

Келли пожала плечами.

— Устала от всего, захотела поехать в Лондон, найти работу и квартиру, — она сказала это так, как будто все это было легко.

— Они не были против, что она уехала вот так? — закинула удочку Хелен.

— Кто?

— Люди, которые управляют этим местом, — сказала она. — Дин, — привела она в качестве примера.

— Либо прими это, либо смирись? — спросила Келли. — Не могли остановить ее.

— Ты, должно быть, слышала о ней что-то, — сказал Том, — если она была твоей лучшей подругой?

— Она присылает мне открытки.

— Открытки? — спросила Хелен.

— Из Лондона.

— Откуда из Лондона?

— Ну, она не станет писать этого, — сказала Келли. — Она была несовершеннолетней, когда уехала. Если они ее найдут, то притащат обратно.

— Тогда что она пишет на открытках? Если ты не возражаешь, что я спрашиваю.

— Эй, детка, — Келли улыбнулась при воспоминании, — она всегда начинает так, называет меня деткой, когда что-то рассказывает.

— Что рассказывает?

— Чем собирается заняться, ну знаете, разное, — сказала Келли, но быстро пришла в нетерпение от этого вопроса, так что вместо этого она перекадилась через кровать, открыла ящик своей хрупкой прикроватной тумбы, а затем вытащила кучку открыток.

Том взял их у Келли. На одной был большой красный двухэтажный автобус, на другой статуя Эроса в цирке Пикадилли, на третьей был изображен стражник в красном мундире с церемониальной медвежьей шапкой, а на последней изображение Букингемского дворца. На них всех были лондонские марки, так что их, действительно, послали из столицы, а даты были с разрывом в четыре или шесть недель. Сообщения были очень короткими и написаны корявыми заглавными буквами, как будто их писал тот, кто делал это с трудом. На одной было просто написано: «Скучаю по тебе, детка». Они были подписаны «Ди», но он предположил, что они могли быть написаны кем угодно.

Он развернул одну открытку и спросил:

— Это точно ее почерк?

— Что вы имеете в виду?

— Ты уверена, что они от Дианы?

— Да, конечно, — она огрызнулась на него, — от кого еще они могут быть?

Он проигнорировал вопрос.

— Она пишет немного, — мягко сказал Том, — о своей жизни там.

Келли, наконец, села и проявила больше интереса к разговору.

— Она не может. Вдруг они станут искать ее. Она залегла на дно, но она выйдет на связь, когда сможет, и мы будем снимать квартиру вместе.

— Ты планируешь присоединиться к ней в Лондоне? — спросила Хелен.

— Как только стану старше, — быстро сказала Келли, — когда мне позволят.

Хелен предположила, что она привыкла говорить людям у власти, что они хотят услышать.

— Диана нашла работу?

— Искала ее.

Ее тон теперь был защищающимся, и Том сразу же изменил линию вопросов, чтобы не настроить девушку против себя.

— Когда она поехала в Лондон? — спросил он.

— Какое-то время назад.

— Это было примерно в то же время, когда пропала Сандра Джарвис?

— Раньше, — сказала Келли, а затем нахмурилась, — нет, после, — она подумала еще немного, — как раз после.

— Диана могла уехать с Сандрой?

— Диана... и Сандра... вместе... как парочка лесби?

И она рассмеялась, как будто это было лучшей шуткой в мире.

— Я имел в виду другое, — сказал ей Том, — как ты и Диана? — спросил он. —

Подруги.

Келли покачала головой.

— Не, они не были такими подругами, как она и я.

— Это Диана? — спросила Хелен, и Том понял, что она держит в руках фотографию без рамки с Келли и другой девушкой, стоящую на полке. Они были где-то на улице, вероятно, в местном парке. Келли состроила забавную рожицу, а ее подруга смеялась. Должно быть, это был замечательный момент, который Келли хотела сохранить.

— Да, — сказала она, — это Диана, — а затем притихла, будто от вида подруги ее отсутствие стало ощущаться острее.

На какой-то миг, казалось, что разговор на этом окончен, а затем Келли распахнула глаза и обнажила зубы.

— Ты сука, — бзрычала она на Хелен, — ты долбаная сука!

Прежде чем репортер смогла произнести хоть слово в свою защиту, Келли вскочила на ноги и бросилась на встревоженную Хелен.

Глава 30

Том пытался схватить Келли, но она пронеслась мимо него, оттолкнула Хелен в сторону и направилась к двери. Они оба смотрели, как Келли бежит к молодой девушке, которая стояла на пороге. Подростку, одетому в коричневый замшевый пиджак, Келли тотчас же схватила ее за него обеими руками, прижала девушку к дверному косяку, а затем схватила клок ее темных волос и начала со злостью бить девушку головой об дерево.

— Келли! — вскрикнула Хелен, пока другая девушка кричала, а Хелен и Том побежали разнимать их.

Келли еще два раза ударила свою противницу головой о косяк, вцепилась ногтями ей в лицо, а теперь дергала за пиджак девушки, чтобы снять его с нее, прежде чем Том успеет схватить ее.

— Отдай мне это, шалава!

Одним мощным рывком она сорвала пиджак с девушки, которая упала на пол, ругаясь и сыпля проклятиями.

— Он, бл*ть, мой! — удалось ей произнести между воплями.

— Он Дианин, а не твой!

Том обхватил Келли руками сзади, чтобы оттащить от жертвы. Ему удалось отодвинуть Келли назад, но она выбросила ногу в пинке, который попал девушке прямо по подбородку. Том видел жестокость в своей жизни и участвовал более чем в одной драке, но никогда не видел ничего подобного. Привычная дикость Келли шокировала. Хелен потянулась к другой девушке, которая была ошеломлена, но все еще вызывающе бранилась на Келли со своего места на полу.

— Она, бл*ть, украла его! — кричала Келли. — Это пиджак Дианы, еб*ная корова спизд*ла его!

Когда двух девушек, наконец, расцепили, на место происшествия прибыл Дин.

— Что происходит? — потребовал он ответа, и они все принялись объяснять ситуацию, двое из них на грани истерики. Дин каким-то образом понял, что драка была из-за пиджака и, что Келли настаивала на том, что он принадлежал ее подруге, а не этой девушке.

— Уведите ее отсюда, — приказал Дин, и Хелен изо всех сил пыталась увести другую девушку из комнаты. — Иди туда, Сьюзи! — закричал Дин.

Хелен с Дином удалось завести раненую, но все еще разъяренную девушку в пустую комнату. Ее лицо было в крови, но она все еще кричала.

— Успокойся, Сьюзи, — приказал Дин, — и оставайся там! Не позволяйте ей выйти, — предупредил он Хелен, которая кивнула, так как у нее не было никакого желания стать свидетельницей повторения в основном односторонней драки.

Дин закрыл за ними обоими дверь и вернулся к Келли.

— Ты! — закричал он. — За мной, сейчас! Расскажешь все.

Келли поникла, услышав эти слова, полностью забыв про драку.

— Это несправедливо, — заныла она. — Сьюзи украла пиджак Дианы!

По ее лицу потекли горькие слезы разочарования.

Дин выхватил у нее пиджак и передал его Тому, который ослабил хватку на теперь уже успокоившейся девушке.

— Присмотрите за ним, — сказал Дин, кладя твердую руку на плечо Келли, и вывел ее из комнаты.

— Не отдавайте его Сьюзи! — выкрикнула Келли.

— Не отдаст, — сказал Дин. — Следите за ним, пока я не вернусь, — сказал он Тому, который кивнул. Все, что угодно, ради мира.

— Он был ее любимым, — зарыдала Келли, когда Дин повел ее прочь.

— Я вернусь через несколько минут, — сказал он Тому.

Мгновением спустя, журналист оказался в комнате один. Сейчас все было спокойно: фотография Келли и Дианы, которую Хелен, должно быть, уронила во время неразберихи, была единственным доказательством, что здесь когда-либо был нарушен покой.

— Боже правый, — сказал он сам себе.

Хелен все еще была в другой комнате с раненой девушкой. Он знал, что она за ней присмотрит, а его присутствие, вероятно, будет ни к чему, так что решил остаться тут. Он был удивлен, что Сьюзи получила несколько ударов по голове, несколько глубоких царапин и удар в подбородок, как будто для нее это было привычным делом.

И все из-за пиджака.

Он все еще держал в руках предмет, вызвавший склоку, и сел вместе с ним на кровать. Замшевый пиджак был довольно симпатичным, предположил Том, но он выглядел довольно старым, вероятно, купленным в благотворительном магазине. На нем было два нагрудных кармана с кнопками и коричневый кожаный воротник, который подходил по цвету к самому пиджаку. Были два боковых кармана и один внутренний.

Том потянулся внутрь пиджака, остановился, замер на мгновение, а затем убедил себя, что поступает правильно. Он оглянулся на открытую дверь и прислушался. Все, что он слышал — голос Сьюзи, настаивавшей на своей невиновности и протестовавшей против несправедливого нападения со стороны Келли, а Хелен выступала в качестве адвоката. Других звуков не было, он знал, что Дин, должно быть, увел Келли в дальний конец длинного коридора, по которому они пришли сюда.

Том скользнул рукой во внутренний карман, но ничего не нащупал. Он, на самом деле, не ожидал что-то найти. Если Диана была одета в другой пиджак, когда уезжала, она бы навряд ли оставила что-либо ценное, если предположить, что у нее было что-либо ценное, в чем он сомневался: и новая владелица пиджака уже нашла бы это к этому времени. Затем он

проверил открытые боковые карманы, но все что нашел — билет на местный автобус. В конце концов, и без особой надежды, он открыл кнопки на обоих нагрудных карманах и засунул пальцы внутрь. В первом ничего не было, но он почувствовал что-то во втором и вытащил это.

Том теперь держал в руках элегантную и дорогую визитку. Он посмотрел на переднюю часть, где на красном фоне находился черный силуэт обнаженной женщины. И одно большое слово, напечатанное золотыми буквами.

«МИРАЖ».

Под названием стилизованным курсивным шрифтом было написано: «Где ваши фантазии становятся реальностью».

Он перевернул карточку и обнаружил адрес на Брюэр-стрит и телефонный номер с кодом Лондона. Название Брюэр-стрит показалось ему знакомым, и Том вспомнил, как однажды он писал статью о притонах Сохо, и одном месте на этой улице.

Он услышал, как хлопнула дверь, и тотчас же убрал карточку в карман. Он прислушивался к шагам в коридоре. Как раз перед тем, как они достигли его, он принял инстинктивное решение. Фотография Келли и Дианы все еще была на полу. Он знал, что это одно из немногих сокровищ Келли, но наклонился и быстро схватил ее. Он как раз закончил засовывать фотографию в карман рядом с визиткой «Миража», когда Дин появился на пороге, выглядя уставшим, но спокойнее, чем тогда, когда покидал комнату с Келли.

— На западном фронте все спокойно, — произнес он. — Келли в столовой и никуда не пойдет. Я вызвал доктора, чтобы он осмотрел Сьюзи, хоть она и крепкая, как кремь, эта девчонка. Не в первый раз ее избивают, — печально заметил он, — бедняжка.

Затем он вспомнил, что Том все еще держит пиджак и протянул руку.

— Я лучше заберу его, — сказал он.

Том исправно отдал пиджак.

Они поплелись к машине вместе.

— Это было... неожиданно, — произнесла шокированная Хелен, когда они оба оказались недалеко от машины.

— Сьюзи что-нибудь сказала, пока ты была с ней?

— Только то, что Диана отдала пиджак ей, когда уезжала.

— Почему Диана отдала его ей, а не забрала с собой, если он был ее любимым? — спросил Том. — Почему не отдать его Келли, вместо Сьюзи, если они были лучшими подругами?

— Я пыталась задать эти вопросы, но она становилась очень злой.

— Знаешь, что беспокоит меня больше всего? — спросил он ее, когда они дошли до машины. — Я говорю не о драке.

— То, что они все говорят, что чувствуют себя там в безопасности?

Он повернулся лицом к ней.

— А мы даже не спрашивали их об этом.

— Это звучит так, будто они все отвечали по одному сценарию, — заметила Хелен, — мне интересно, кто написал его.

***

Констебль Малоун ответила на звонок.

— Да, он здесь, — сказала она, смотря на Брэдшоу. — Йен, — позвала она, — это парень из гаража, насчет твоей машины.

— Спасибо, переведи его на меня.

Констебль Малоун нажала несколько кнопок, а затем подождала, пока не начнет звонить телефон Брэдшоу.

Он показал Малоун два больших пальца вверх, а затем ответил:

— Говорит Йен Брэдшоу, вы уже нашли проблему?

— Извини, приятель, она абсолютная развалюха, — сказал Том.

Брэдшоу крутанулся в кресле, чтобы отвернуться от коллег.

— Как все прошло в «Мидоулендс»? — тихо спросил он.

— Было... любопытно.

— Почему?

Том рассказал Брэдшоу о драке в «Мидоулендс» и о том, как всем девушкам, казалось, промыли мозги, кроме одной.

— Диана Тернер, — сказал Том детективу, — сбежала примерно в то же время, что и Сандра Джарвис.

— Ты хочешь, чтобы я нашел информацию по Диане Тернер?

— Нет, если ты не сможешь сделать этого не под радаром. Если ты начнешь задавать вопросы о Диане, это заметят, прости мою паранойю, но мы не знаем, кому можем доверять.

Том ожидал лекцию от Брэдшоу, что не каждый полицейский получает деньги от гангстеров.

— Просто потому что ты параноик, не значит, что они не хотят достать тебя, — сказал он.

— Именно. Ты можешь проверить ее тайком, но что-то говорит мне, что об исчезновении Дианы не сообщалось.

— Нет, — подтвердил Брэдшоу.

— Откуда ты можешь это знать без проверки? — спросил Том, а затем он вспомнил о деле, над которым работал Брэдшоу. — Из-за обожженной девушки?

— Поверь мне, я знаком с сообщениями о пропавших девушках за весь последний год.

Брэдшоу сразу же пришла в голову мысль, что, если об исчезновении Дианы не сообщалось, то она даже может оказаться обожженной девушкой, но он знал, что это выстрел наобум, и, что, вероятно, она просто еще одна беглянка.

Том, должно быть, понял, что он об этом подумал.

— Диана жива, здорова и, очевидно, живет в Лондоне. Она держит связь с Келли, но найти ее будет нелегко. У нас нет адреса, и она не хочет, чтобы ее нашли.

— Пропавшая девушка-подросток в Лондоне, — сухо заметил Брэдшоу.

— Я знаю, — признался Том, — иголка в стоге сена.

— Все в порядке, — сухо произнес Брэдшоу, — я даже отдаленно не занят.

— Есть еще кое-что, — сказал ему Том и потянулся во внутренний карман, вытащил визитку и посмотрел на нее.

— Что? — спросил Брэдшоу.

— «Мираж», — сказал ему Том, — где ваши фантазии становятся реальностью.

Глава 31

Поезд Тома в Лондон опоздал на полтора часа. Его встретила целая армия потерявших терпение уборщиков и станционного персонала, стремившихся согнать пассажиров с поезда как можно быстрее, чтобы они могли привести его в порядок перед обратной отправкой этим вечером. Йен Брэдшоу уже очень скоро сообщил ему информацию о «Мираже». Как

Том и догадался по визитке, это был «Джентльменский Клуб».

Такие места, как «Мираж», в последнее время появились по всему Лондону, благодаря изменившемуся отношению к продаже сексуальных услуг. На смену стриптизу в мужских клубах или в задних комнатах сомнительных клубов пришли более открытые, респектабельные и намного более прибыльные клубы с танцами на коленях, такие как «Мираж», который принадлежал мужчине по имени Андре Девайн. Он казался «чистым как стеклышко», он не был известен своими связями с организованной преступностью, но Брэдшоу сделал акцент на слове «известных» и предупредил Тома быть осторожным.

— Значит, собираешься заняться изучением обнаженных женщин?

— Тем, что потребуется для раскрытия дела, которым я занимаюсь для тебя.

«Мираж» казался именно тем местом для беспокойной молодой беглянки, как Диана Тернер, и, если она была там, может быть, она сможет пролить свет на исчезновение своей наперсницы, Сандры Джарвис.

Том вышел с вокзала «Кингс Кросс» и направился напрямик к подземке, следуя по линии Пиккадили к Лестер-сквер. Он срезал через Чайнатаун с его мириадами ресторанов и экзотическими магазинчиками, а затем вошел в Сохо с Грик-стрит. Он знал дорогу достаточно хорошо после шести месяцев работы на таблоид, имеющий самые крупные тиражи в стране. Сохо всегда был богат на материал для статей.

В любом другом городе, секс-шоп с покрашенными окнами был бы переведен на тихую боковую улочку. Здесь же, на Олд-Комптон-стрит, на витринах в открытую стояли фривольные манекены, демонстрирующие бандаж и элементы фетиша. Однако Сохо не был полностью отдан на откуп торговле сексом, и контраст был поразительным. Знаменитый джаз-клуб Ронни Скотта был всего в нескольких дверях от грязного здания, с написанным на стене указателем от руки, который предлагал «новую блондинку» в своем подвале, а клуб «Граучо» располагался напротив открытой двери, которая вела на крутую лестницу, обещающую «модель» на следующем этаже. Такого места больше не было нигде в Англии.

«Мираж» размещался в большом здании на углу Брюэр-стрит. Над его дверью висел большой красный знак с силуэтом обнаженной девушки, обещающая сексуальные небеса за покрашенными окнами. Единственный палец был прижат к ее губам с намеком, что «Мираж» был секретом, известным лишь немногим.

***

Грэхем купил Хелен карри. Чтобы поблагодарить ее, сказал редактор, за всю тяжелую работу, но он казался немного нервным, и у нее сложилось впечатление, что делает такое не часто. Он был задумчив, когда они делали заказ, но еда здесь была хорошей, в ресторане карри на улице недалеко от рынка Бигг. Они достаточно мило болтали, темы варьировались от их семей до предыдущих мест работы, и он рассказал ей некоторые военные истории, которые он скопил за годы работы в журналистике.

— Значит, ты была одной из пятнадцати миллионов? — спросил Грэхем во время затишья в разговоре.

— Столько это включили?

— Они так говорят.

— Ну, это было отвратительное зрелище, — сказала она.

— Повтори эту фразу еще раз?

Хелен процитировала ему:

— Нас было трое в этом браке, так что он был слегка тесноват.

Грэхем кивнул.

— Разрушительным для Чарльза.

— Женщина, которая станет следующей королевой Англии сознается в супружеской измене в телевизионном интервью? Кто мог такое представить? Очевидно, Джеймс Хьюитт мог быть обвинен в государственной измене за то, что переспал с женой монарха. Его бы повесили, утопили и четвертовали в дни Генриха Восьмого.

— И что? Монарши особы совершали это веками. Сейчас все изменяют.

— Не все, — быстро сказала Хелен.

Когда минутой спустя Грэхем вежливо поинтересовался парнем Хелен, она снова расслабилась. Она слишком любила и уважала своего редактора, чтобы отмахнуться от этого, если окажется, что он один из тех мужчин, чьи жены их не понимают.

Только после того, как он попросил счет, его тон стал серьезным.

— На днях у меня была неприятная встреча, — признался он, и, когда она не знала, что на это сказать, Грэхем пояснил: — Пришли управляющий директор и один из штатных юристов группы, — объяснял он. — Меня предупредили. Это было сказано не напрямую, но я видел, что они обеспокоены.

— Из-за статей, которые я написала?

— Отчасти, — согласился он. — Они были осторожны и не вдавались в подробности, делали акцент на том, чтобы я сохранял полный редакторский контроль, все говорили и говорили о моем будущем, о том, каким радужным оно может для меня быть...

— Если ты не будешь раскачивать лодку?

— А вы быстро схватываете, молодая леди, — сказал ей Грэхем. — Должно быть, мы в последнее время наступили на несколько очень больших мозолей, что привлекло внимание обеспокоенных инвесторов. Ни у кого в журналистике от этого нет полного иммунитета, даже у нас, особенно у нас, так как наша материнская кампания теряет теперь деньги.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что им не нужно из-за меня беспокоиться. Я в этом надолго. Я сказал, что знаю, что делаю. Они не поверили. Ставки повышаются, — сказал он ей и впервые по-настоящему занервничал. — Редакторов могут снять с должности по ряду причин. Я предвидел, что это случится.

Так вот какой была причина для карри и более чем часового неспешного разговора. Грэхем, наконец, дошел до сути дела.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Она ожидала, что он скажет ей прекратить. В отличие от Хелен, у него была жена и семья.

— Ничего, пока что, — сказал он ей, — ты продолжаешь быть нашим лучшим репортером-расследователем: просто убедись, что ты права, вот и все — или мы оба лишимся работы.

— Хорошо, — ответила она.

Слишком много последствий для «напечатай и будь проклят».

***

Том выглядел достаточно респектабельно, так как вышибала пропустил его без вопросов. Вырваться от девушки, которая забрала у него деньги было сложнее: ему пришлось заплатить дважды. Был членский взнос, а затем еще единовременная плата за вход, прежде чем его вообще впустили в клуб. Это место было лицензией на печать денег.

Его поприветствовал сюрреалистический вид. Кроме персонала бара, единственные мужчины в этом месте были одеты в костюмы и окружены большими группами девушек, которые работали в комнате. Девушки все были одеты в изысканное нижнее белье и ничего больше. Несколько девушек направились напрямик к Тому и вдохновляли его купить приватный танец, еще до того, как у него нашлось время заказать напиток.

— Не сейчас.

Его отказ был встречен потерей интереса или явной враждебностью со стороны девушек.

— Ты не можешь просто сидеть здесь, — сказала ему одна из них, как будто он собирался наслаждаться видом, не платя за это.

Он проигнорировал ее, пошел к бару и заказал единственную бутылку пива, которая стоила ему пятерки. Эта ночь обещала быть дорогостоящей, и он сомневался, что старший инспектор Кейн разрешит вписать что-либо из этого в расходы.

Том потягивал свое пиво и бесстрастно наблюдал за девушками. Ему было не интересно, как они разводили бизнесменов на деньги, или же их телодвижения. Он искал Диану Тернер, но ни одна из девушек не была на нее похожа.

Затем к нему подошла девушка. Она была поразительно привлекательной брюнеткой, которая не была настолько прямолинейной, как другие.

— Присматриваешься?

— Я ищу девушку...

— Тогда ты в правильном месте.

Она улыбнулась.

Том воспользовался своим шансом.

— Я ищу эту девушку.

Он достал из кармана фотографию Дианы Тернер, прикрыв пальцами Келли, чтобы она их не спутала.

Ее улыбка испарилась.

— Ты коп?

Ее акцент стал сильнее, выдавая ее восточно-британское происхождение.

— Нет, — сказал он, — я просто...

Но она уже уходила, и он подумал, что заметил, что она бросила кому-то взгляд.

Несколько секунд спустя он узнал, что его инстинкты были верными, когда два огромных вышибалы появились из ниоткуда, преграждая ему путь.

— Могу я вам помочь? — спросил один из них, будто едва ли он собирался ему помогать.

— Возможно... — предположил Том, который не был уверен в лучшей тактике вести себя, если его не собираются вышвырнуть на улицу, или того хуже.

— Покажите мне, — потребовал мужчина и протянул руку.

Он, должно быть, видел, как Том показывал фотографию.

— Я ищу ее.

Том передал снимок.

Вышибала какое-то время разглядывал его, но не сказал, знает ли хоть одну из девушек, не выпуская снимок из рук.

— Почему вы ищите ее здесь?

В его голосе был явный намек на угрозу, как будто Том устроил проблемы в заведении.

— Я слышал, что она может работать на мистера Девайна, — ответил Том, — и я хотел бы поговорить с ним, если можно.

— И кто ты, бл*ть, такой?

— Я журналист и расследую исчезновение молодой девушки. Я думаю, мистер Девайн может помочь мне.

— Сомневаюсь в этом, — сказал вышибала. — Жди здесь.

И он ушел, забрав фотографию с собой, что встревожило Тома, так как у него не было копии. Другой вышибала остался, возвышаясь над Томом, который сделал большой глоток из своей дорогой бутылки пива. У него было ощущение, что в любом случае, стоять ему здесь осталось недолго.

Минутой спустя Том оказался в офисе на первом этаже с поднятыми руками, пока один из вышибал энергично его обыскивал.

— В первый раз меня перед интервью обыскивают, — сказал Том, — но, полагаю, осторожность лишней не бывает.

— Вы утверждаете, что журналист, — ответил Андре Девайн, сидя за столом, — но я не могу позволить себе верить всем, кого встречаю.

— Все еще опасно владеть клубом в Сохо? Ну, у меня нет оружия, только ручка.

Девайн был крупным мужчиной с седыми волосами, отчего было сложно установить его возраст. Он говорил с легким акцентом: он мог быть немцем или швейцарцем, но его английский был идеальным.

— Ручка могучее меча, — сказал он, — но не такая опасная, как пистолет. Присаживайтесь, мистер Карни, и объясните мне, что журналист делает в моем заведении. Это не бордель. Моими конкурентами являются «Виндмилл Клуб» и «Пол Реймонд», а не какой-нибудь низкосортный стриптиз-бар или пип-шоу «опусти монетку в автомат». Это место высшего класса. Я руковожу уважаемым местом с красивыми девушками. Конечно, здесь есть полная обнаженка, но никакого секса в помещениях и никаких домогательств со стороны дам. Возвращайтесь туда, — побудил он Тома, — попробуйте снять девушку, любую из них, чтобы она пошла с вами сегодня ночью в ваш номер в отеле за деньги, и увидите, как далеко сможете зайти.

— Я не сомневаюсь в этом, я не пишу статью о проституции в Сохо, или где-либо еще. На самом деле, я вообще не пишу никакой статьи.

— Журналист, который не пишет статьи?

Девайн приподнял брови.

Том объяснил, как приехал с северо-востока, чтобы расследовать исчезновение Сандры Джарвис и ее связь с Дианой, хоть он и не признался, что работает с полицией. Он работал согласно частному контракту, нанят обеспокоенными родственниками в Ньюкасле. Том понял, что вышибала отдал Девайну фотографию, которая лежала лицом вверх на его столе.

— Я пытаюсь найти девушку справа.

Андре Девайн изучил фотографию, а затем сказал:

— Я не узнаю ее, — и нахмурился. — Эта девушка, в любом случае, слишком молода.

— Даже с поддельными документами?

— Вы думаете, что через эти двери можно пройти с фальшивыми документами? Они отправят ее восвояси. Здесь не работает никого младше двадцати одного года. Если вы хотите, чтобы для вас станцевала подросток, мы пришлем вам девушку старше, но выглядящую моложе — есть куча девушек на выбор, потому что плата хороша. Нам есть, что

терять, если мы будем нанимать несовершеннолетних девушек. Они меня закроют. Скажите мне, зачем мне это делать? Ради одного клиента, который любит помоложе? Нет, только не здесь.

— Тогда почему у нее в кармане пиджака была ваша визитка? — спросил Том.

— Я не знаю, — ответил Девайн. На мгновение он задумался. — Может кто-то дал ей визитку, и она пробовала получить работу, но получила от ворот поворот?

Он вернул фотографию Тому.

— Или же...

— Или что?

— Кто-то хотел доставить мне проблемы. Разве это не самая очевидная возможность?

У Тома не было привычки выдавать свои мысли, но впервые он почувствовал, что в этом не будет вреда, так как сейчас был зол, он совершил всю эту поездку впустую. Девайн вел себя как мужчина, которому нечего скрывать.

— Я начинаю думать, что так и есть, — сказал он. — Спасибо, что увиделись со мной. Пожалуйста, позвоните мне, если она здесь появится.

Том знал, что Девайн мог солгать ему, и, что Диана может прятаться где-нибудь в глубине здания или просто наслаждаться выходным. Ее даже могут удерживать в здании против ее воли, но он всерьез сомневался в этом. Девайн казался искренним, а его логика неоспоримой. Он делал горы денег, работая законно. Зачем ему ставить все это под угрозу, чтобы пристроить беглого подростка?

— Мистер Карни, — сказал он, когда Том собрался уходить, — это все еще не сделка.

Когда Том в недоумении прищурил глаза, Девайн сказал:

— Когда вы вернетесь в Ньюкасл, скажите мистеру Маккри, это не сделка.

— Что? — спросил Том. — Джимми Маккри пытается вас выкупить? Вы далеко от его территории.

— Забудьте, — сказал Девайн и развел руками, как будто это было недопонимание. — Моя ошибка.

Он покинул стол, чтобы проводить Тома к двери и передать на попечение вышибал.

— Безопасного пути домой, мистер Карни. Я надеюсь, что вы найдете девушку, которую ищите.

Когда он сказал это, Том точно понял, что здесь происходило.

Глава 32

«Мидоулендс» был окутан почти непроницаемым для уличных фонарей туманом. Их желтый свет служил лишь для того, чтобы подсветить влажный воздух, делая его гуще и призрачнее. Брэдшоу мало что мог различить, кроме очертаний зданий. «Мидоулендс» было квадратным строением восьмидесятых годов, которое могло стать школой или общежитием. Здание стояло вдали от дороги, было окружено толстым барьером из лавровых кустов, чтобы защитить своих обитателей — или, вероятно, внешний мир, в зависимости от того, как смотреть. Из своей машины, припаркованной на жилой улице, Брэдшоу видел металлические ворота, которые охраняли вход. Все окна здания были с опущенными жалюзи, а над главным входом светила единственная лампочка

Детектив приехал сюда по прихоти, хотел проверить место, но здесь на самом деле нечего было высматривать, особенно, в таком тумане. Он подумал о Томе. Репортер сейчас должен быть в Лондоне, проверяет «Мираж», Брэдшоу с сожалением представил своего друга в окружении полуголых девушек, пока он сам дрожит в одиночестве в своей машине.

— Снова короткая соломинка, — сказал он сам себе.

Он мог бы махнуть своим удостоверением и войти, но он не хотел, чтобы кто-либо знал, что «Мидоулендс» привлек внимание полиции. Вместо этого, он наблюдал и выжидал. Полчаса спустя Брэдшоу уже собирался сдать и уехать от «Мидоулендс», когда его напугал неожиданный стук по боковому окну. Он повернулся и увидел молодую девушку, которая на него глядела, и опустил окно.

— Две пачки, — сказала она ему.

— Что?

— Сигарет, — сказала она, но он все равно не понял. — И бутылка водки.

А затем она пришла в нетерпение из-за него, как будто он должен был сразу понять.

— Послушай, если у тебя их нет, можешь купить в магазине.

Она подождала, а затем пришла в раздражение.

— Если ты чего-то хочешь, сначала отправляйся в магазин. Нельзя просто парковаться здесь.

Брэдшоу запоздало понял, что его присутствие в неподвижной машине неверно истолковали.

— Нет, — сказал он ей, — мне это не нужно.

— Ты здесь не за...?

Она выглядела растерянной, а затем поняла свою ошибку.

— Тогда зачем ты здесь? — зло потребовала ответа.

Он не собирался говорить ей, что он офицер полиции.

— Я жду свою девушку, — сказал он, включая зажигание, — не то, чтобы это было твое дело.

— Да, — усмехнулась она, — значит, она тебя продинамила.

Она была позабавлена этим, но Брэдшоу был рад, что она поверила его лжи. Затем она беззаботно ушла, и, когда он увидел ее худую фигурку более ясно, теперь, когда она отошла от машины, он задумался, старше ли она четырнадцати лет.

Брэдшоу наблюдал за ней, прежде чем уехать. Минутой спустя она дошла до конца улицы и открыла металлические ворота, чтобы зайти в «Мидоулендс».

***

— Нас приняли за простофиль, Хелен, — сказал ей Том, переходя порог ее квартиры. — Я думал об этом весь день.

И он думал, за исключением часа дремы на поезде, отбывшим с «Кингс Кросс», частично восполняя недостаток энергии после бессонной ночи. Дешевый мотель, который он выбрал, располагался слишком близко к станции, и от поездов там постоянно все дребезжало.

— Кто-то переиграл нас.

— Ты о чем?

— Я был идиотом, — сказал он и рассказал ей о своей встрече с Андре Девайном. — Весь этот фарс с Келли и Сьюзи.

— Ты думаешь, он был режиссирован? — спросила она. — Как по мне, все выглядело чертовски реально.

— Думаю, драка была настоящей, — сказал он. — Келли пришлось бы быть Мерил Стрип, чтобы подделывать такой уровень гнева и жестокости, которые были слишком настоящими, но подумай об этом. Сьюзи сказала, что Диана отдала ей пиджак, когда

уезжала в Лондон несколько месяцев назад, даже хоть Келли сказала, что он был ее любимым. Так вышло, что Келли увидела, как Сьюзи одела его в первый раз в день, когда мы приехали, и, что предсказуемо, слетела с катушек, но Дин быстро вмешался. Он отвел Сьюзи в ее комнату с тобой и утащил Келли прочь, оставив меня с пиджаком. Том покачал головой из-за собственной глупости.

— Должно быть, он знал, что я загляну в карманы, и он знал, что я там обнаружу.

— Потому что сам туда это положил? Почему ты так уверен?

— Мне лгали эксперты, Хелен, включая, по меньшей мере, одного министра, но этот парень был сбит с толку моим присутствием в своем клубе. Там был я, ожидающий увидеть молодых девушек, таких как Келли и Диана, эксплуатируемых, пока все закрывают глаза, но все не так. Место было... Я не знаю, не стильным, но дорогим. Там не было недостатка в красивых женщинах двадцати с лишним лет, собирающих деньги у бизнесменов с количеством денег, больше чем мозгов, и я не думаю, что кого-то там принуждают. Ему не нужно использовать несовершеннолетних девушек, потому что ставки слишком высоки, чтобы рисковать.

— Может быть, Диана пробовала найти там работу, а они не позволили ей?

— Возможно, но я считаю, что такая девушка, как Диана, обладает умом жизни на улице, и не станет приближаться к такому месту.

— Так значит, Дин послал тебя гоняться за собственным хвостом?

— Дин — или кто-то, кто им руководит.

И он рассказал ей о прощальном комментарии Девайна о Джимми Маккри.

Хелен открыла рот, чтобы заговорить, но ее ответ потонул в громком звоне, когда окно дико взорвалось.

Глава 33

Они были бы осыпаны битым стеклом, но оконные осколки запутались в шторах. Вместо этого большие куски с громким звоном упали на деревянный пол внизу, разбиваясь от удара на фрагменты поменьше. Полкирпича было брошено в гнев, пролетело через шторы и с оглушительным стуком приземлилось на кофейный столик между ними.

Том подскочил к окну и выглянул. Когда он так сделал, вторая половина кирпича пролетела мимо него, едва разминувшись с его головой.

— Боже, — прошипел он, а юнец на улице усмехнулся.

— Давай же! — взревел подросток, и первым инстинктом Тома было выбежать на улицу и схватить парнишку, пока он не понял, что тот не один. Еще полдюжины мальчишек лет семнадцати стояли за его спиной, по большей части в тени: оскалившаяся стая зверят в джинсах и свитшотах. Еще один кирпич со стуком ударился о деревянную раму разбитого окна. А затем прозвучал стук в дверь, и он понял, что их еще больше.

Он повернулся к Хелен, которая выглядела так, будто не могла поверить в то, что происходит.

— Я звоню в полицию?

— Нет времени.

Он схватил ее за руку.

— Мы уходим, сейчас же!

Они побежали в прихожую, как раз тогда, когда разбилась одна из стеклянных панелей на входной двери, через нее пролетел деревянный брусочек и упал на ковер в прихожей.

— Задняя дверь? — спросил он в отчаянии, и она кивнула.

Том начал бежать, но Хелен от него отстала.

— Моя сумка! — закричала она.

— Нет времени!

Но она уже возвращалась в гостиную. Том беспомощно наблюдал из коридора, как разлетаются оставшиеся стеклянные панели входной двери, и оттуда пролазит рука. Рука шарит вокруг, а ладонь похлопывает по двери в попытке найти замок и открыть ее. Они будут внутри спустя секунды, а Хелен все еще ищет свою сумку.

Том схватил единственно доступное оружие — деревянный брусок, который использовали, чтобы разбить дверь. Он с силой обрушил его на вторгнувшуюся руку, и услышал удовлетворительный вой боли подростка, руку тотчас же убрали. Том наблюдал за тем, как тот отступает, держась за раненую руку, но другие теперь пытались открыть дверь. Он отступил, когда Хелен выбежала, сжимая в руках свою сумку. Они побежали по коридору и через кухню. Позади них кто-то выбил остатки двери. Том дернул дверь нараспашку и протащил через нее Хелен на задний двор.

Впереди них была тупиковая улица и его машина, но прежде чем они смогли достичь ее, еще один подросток шагнул перед ними, размахивая бейсбольной битой. Ожидая, что Том отступит, он высоко поднял биту, но Том не остановился и не попятился. Он знал, что их единственный шанс — прорваться, и сразиться с одним вооруженным человеком легче, чем с рычащей бандой, чье шумное, грозное продвижение через квартиру было слышно позади них. Когда бандит отвел биту назад, Том побежал на него, с силой ударил его в последний момент головой прямо по лицу. Тот вскрикнул от боли и упал на землю, хватаясь за свое окровавленное лицо.

У Тома не было времени, чтобы воспользоваться тем преимуществом, что его противник упал, или даже выхватить у него бейсбольную биту. Вместо этого он припустился бежать через задний двор и открытые ворота, с бегущей позади него Хелен. Машина была повернута лицом к дому Хелен, и Том держал ключи наготове, но банда была слишком близко, и он не мог ждать, пока она доберется до противоположной стороны. Тогда он схватил Хелен и с силой перекинул ее через открытую водительскую дверь. Она тяжело приземлилась, и он забрался следом за ней.

Сейчас они представляли собой мешанину рук и ног, пока она пыталась сесть ровнее на пассажирском сидении, а он пытался захлопнуть за собой дверь. Тому удалось закрыть ее и заблокировать замок, как раз тогда, когда первый рычащий подросток достиг его. Лицо нападавшего на него было прижато к боковому окну, пока он беспомощно дергал за дверную ручку, ругаясь и бранясь на Тома, который засунул свой ключ в зажигание и повернул его, в то время как бандит барабанил в окно. Двигатель завелся с первого раза, Том никогда не радовался сильнее, но его облегчение продлилось недолго. Как раз тогда, когда он собирался поехать, юноша рядом с его окном отошел, и появилось лицо мужчины, которого он ударил головой. Всю нижнюю часть его лица заливала кровь, а его нос выглядел сломанным. Бейсбольная бита опустилась на окно.

Раздался оглушительный треск, когда его осыпало разбитым стеклом, которое порезало ему лицо, когда он закрыл глаза от осколков, чувства Тома заполнили шум и боль. Он яростно заморгал, чтобы попытаться смахнуть осколки. Мужчина с бейсбольной битой ударил снова, пытаясь попасть через дыру, которую проделал первым ударом. Он едва промахнулся мимо головы Тома и по касательной попал по плечу. На миг Том почувствовал, как будто каждый нерв в его теле загорелся от боли. С криком ярости он отправил машину в

разворот и вдавил ногу в педаль акселератора. Машина понеслась назад, а переднее колесо проехало по ноге нападавшего. Том услышал, как молодой бандит вскрикнул от боли, но пока что они не были в безопасности.

Том развернул машину за несколько ярдов до тупика на улице Хелен, чтобы выехать с другой стороны. Сейчас он видел злобную, кричащую толпу, вооруженную кирпичами и битами, и они все обрушились на машину, прежде чем он смог поехать.

На них дождем посыпались удары, звук гнущегося металла и бьющегося стекла был ужасающим, затем бросили кирпич, который вызвал сеть трещин на стекле со стороны Хелен. Еще один нападающий добрался до его разбитого водительского окна и ударил через него кулаком. Том поднырнул, но не достаточно быстро, и тяжелый, костлявый кулак ударил его сбоку по лицу. Он инстинктивно вдавил педаль акселератора. Машина понеслась вперед, и одного из юнцов отбросило в сторону. Машина пролетела мимо банды, но улица, на которой они были, была короткой и узкой. Слишком поздно, Том понял, что едет слишком быстро и, что впереди них еще одна кирпичная стена.

— Боже, — зашипел он, вовремя нажимая на тормоза.

Он был вынужден развернуться, чтобы получить угол, необходимый, чтобы повернуть на узкий проход между стенами по обе стороны. Сейчас они направлялись назад к банде. Том поменял передачу и крутанул руль, направляя машину по дуге к крошечной боковой улице, которая огибала дом. Недовольные подростки швырялись тяжелыми предметами в заднюю часть машины, но сейчас его это не волновало.

Том замедлил скорость на боковой улице и выехал на главную дорогу, не оглядываясь и не останавливаясь. В конце улицы он сделал еще один резкий поворот, уводя их еще дальше от опасности.

— Ты в порядке? — закричал он.

— Да.

Хелен выглядела потрясенной.

— Бог мой, — произнесла она, — твое лицо.

Быстрый взгляд в зеркало помог ему понять причину тревоги Хелен. Он выглядел, как жертва пулевого ранения. Порезы на лбу кровоточили так сильно, что грозили ограничить ему видимость, но он не собирался останавливать машину. Они оставили нападавших позади, но он не хотел рисковать, на случай, если они преследуют их на машине, и продолжал ехать, пока они не оторвались. Только тогда Том убедился, что они уехали достаточно далеко от места происшествия, их никто не преследует, и повернул на хорошо освещенную парковку у паба, чтобы обработать рану.

— Дай мне посмотреть, — попросила Хелен, ее голос был обеспокоенными, но после тщательного осмотра она сказала ему: — Не думаю, что все так плохо, как выглядит, слава Богу. У тебя порез на боковой части лица и целая их куча над глазом. Не думаю, что требуются швы.

Он повернул зеркало заднего вида, бросил быстрый взгляд на порез и сказал:

— Я буду в порядке. Моя крепкая голова приняла основной удар.

— Как ты можешь шутить об этом? — спросила она. — Ты видел, что они там творили.

— Я лишь благодарю свои счастливые звезды, что мы выбрались оттуда более менее целыми.

— Полагаю, что нам повезло, — согласилась она. Хелен не хотела думать о том, что бы случилось с ними обоими, если бы они оказались в ловушке в ее квартире с этой бандой.

— У тебя много всего дома? — спросил он.

И, когда она, кажется, не поняла, он спросил:

— Ну, знаешь, вещей.

— Немного одежды...

Она умолкла на полуслове. Она испытала облегчение, что им практически нечего было взять.

— Но я не хочу возвращаться туда.

— Не переживай, мы можем позвонить в полицию.

— Они никогда не приходят, — быстро сказала она, и он задумался, откуда она это узнала. В ее доме происходили другие инциденты?

— Мы можем позвонить Йену, — сказал он, — он разберется. В пабе будет телефон, но позвонить лучше тебе.

— Почему?

— Я не думаю, что им понравится, если я войду туда с таким лицом.

— Хорошо, — сказала она, — я все еще не хочу туда возвращаться.

— Тебе и не придется, — с уверенностью сказал он ей, — просто позвони Йену и расскажи, что произошло. Он пошлет туда кого-нибудь. И не тревожься. Сегодня ночью ты останешься у меня.

Глава 34

— Боюсь, что бойлер снова барахлит, но в доме тепло, — сказал он ей, когда они, наконец, вернулись в его дом.

Том снял крышки с двух бутылок пива, вручил одну Хелен и сделал из своей большой глоток.

— Может тебе не стоит пить алкоголь после удара по голове?

— Вероятно, нет, — весело согласился он и сделал глоток еще больше.

Том проверил автоответчик, там оказалось сообщение от Брэдшоу. Ему удалось отправить кого-то в дом Хелен, чтобы установить охрану на ночь. Как и ожидалось, на месте происшествия никого не оказалось.

Они сидели в его гостиной и вновь вспоминали события вечера.

— Те твои статьи, в самом деле, кого-то расстроили, — сказал он. — Они могли выглядеть, как малолетние сорванцы, но целью была ты. Их спустил с поводка Джимми Маккри.

— Или кто-то попросил его сделать это.

— Есть ли кто-нибудь, с кем ты не поссорилась? — спросил он.

— Никого важного.

Она пила свою бутылку пива гораздо быстрее, чем обычно, а затем сказала:

— По некоторым причинам я слишком устала. Спасибо, что позволил использовать твою запасную кровать.

— У меня нет запасной кровати.

Его позабавило выражение паники на ее лице.

— Не волнуйся, можешь воспользоваться моей. Я посплю на диване.

— У тебя есть одеяла?

— Мне не нужно одеяло, — сказал он. — Я буду в порядке. Ты хоть когда-нибудь спала на диване после вечеринки?

— Нет, — призналась она.

— Я спал, — сказал он, — много раз.

«Хоть и было это давно», — подумал он.

— Давай. Иди и поспи. Утро вечера мудренее.

— Я ужасно себя чувствую, забирая твою кровать.

— Пустяк.

Они слегка неловко пожелали друг другу доброй ночи, и Хелен поднялась по лестнице. Она сидела на двуспальной кровати в комнате Тома и уже собиралась раздеваться, когда услышала, скрипнувшую лестницу и поднимающиеся шаги. Она инстинктивно замерла.

В дверь мягко постучали.

— Да? — ответила она.

— Я могу войти? — спросил он.

— Да, — неуверенно повторила она.

Том открыл дверь и подошел к комоду, открыл его и вытащил две футболки, а затем вручил одну ей.

— Подумал, тебе понадобится одежда, в которой можно будет спать, — сказал он, — на сушилке есть чистые полотенца.

— Спасибо.

— Спокойной ночи, дорогуша.

И он ушел.

Хелен тотчас же почувствовала укол вины, потому что автоматически предположила, что он собирается забраться к ней в постель, но она же знала, что Том не такой. Она почувствовала себя еще хуже из-за легкого трепета от этой мысли.

Хелен сняла одежду и натянула майку Тома, а затем забралась на большую двуспальную кровать и накрылась толстым одеялом. Через несколько минут она уснула глубоким сном, но проснулась часом спустя от неожиданного звука снаружи. Дрались два кота. Они долго вопили друг на друга, а затем разошлись.

Хелен поняла, что замерзла, а затем подумала о Томе внизу и без одеял.

***

Том был полностью одет, лежал на диване с натянутым на себя пальто, но он не мог уснуть. Он выпил еще две бутылки пива после того, как Хелен ушла спать, а теперь пытался дремать в остывающей комнате, но его ноги были слишком длинными для дивана. Это и его раненое лицо, голова и плечо значили, что не важно, в каком положении он будет лежать, ему будет неудобно.

Он услышал щелчок, а под его дверью на полу, не покрытом ковром, появился свет из коридора. Он, пошатываясь, сел, когда Хелен открыла дверь. Она была одета в его майку, и он пытался не пялиться на ее голые ноги.

— Ты замерзнешь, — заявила она. — Пошли наверх.

Хелен сознательно оставила свет в спальне выключенным. Она забралась на свою половину постели и отвернулась от него, пока он снимал джинсы. Каким-то образом она знала, что Том поймет все правильно, и он сделал именно это, но девушка ощущала вес на его стороне постели, когда он присоединился к ней. А также жар от его тела.

— Спасибо, — сказал он быстро.

— Нет проблем, — ответила она.

Когда Хелен открыла глаза утром, у нее ушло мгновение, чтобы вспомнить, где она находится, затем она перекатилась и увидела Тома Карни, спящего рядом с ней. Она

пыталась не думать, как поступил бы в этом случае Питер, но вскоре эта мысль уступила место воспоминанию о нападении на них в ее квартире. Внезапно ее ревнивый парень стал казаться меньшей из ее проблем. Она бросила взгляд на свои часы на прикроватной тумбочке и удивилась, который уже час. Они оба были измотаны приключениями. Она оставила Тома спящим и выскользнула из кровати, чтобы воспользоваться ванной комнатой. Том зашевелился, и она смотрела, как он повернулся во сне.

Минутой спустя Хелен вышла из ванной комнаты, и, когда дошла до верхней площадки лестницы, она закричала. Странный мужчина стоял у подножия лестницы и смотрел на нее.

Мужчина практически выпрыгнул из своей кожи, когда увидел ее.

— Извини, милая, — пробормотал он, хоть выглядел таким же встревоженным их встречей, как и она, — Я не знал, что вы были... я не понимал, что он был...

Затем он замолчал и решил попробовать другой подход:

— Я поставлю чайник.

— В чем дело? — спросил Том, когда открыл дверь и, моргая, уставился на нее.

— Там мужчина... — удалось произнести ей.

— Ох, черт, я забыл про него.

Когда Хелен с сомнением на него посмотрела, он сказал:

— Это Даррен, мой зять. Он плотник.

И, когда она продолжила на него так же смотреть, он пояснил:

— Он сейчас без работы. Я нанял его закончить работу по дому, пока я занят делами.

Затем он понял, что должно быть на Хелен сказалось, что она увидела незнакомца в доме, учитывая их приключения предыдущим днем.

— Мне, правда, жаль.

Теперь, когда Хелен успокоилась, ее первой мыслью было, что она только что встретила с мужем сестры Тома в нижнем белье и одной из маек Тома.

— Спускайся, — сказал Том. — Я представлю тебя.

Том через минуту спустился по лестнице, пока Хелен одевалась. Он нашел три дымящиеся чашки чая на кухонном столе, а его зять лыбился ему.

— Спасибо, Даррен, — сказал он. — Э-м-м, Хелен просто...

— Это не мое дело, бро, — вмешался Даррен, — но что случилось с твоим лицом? Я надеюсь, что это сделала не она.

— Это длинная история, — и он был благодарен, что Даррен не был тем, кто станет настаивать на подробностях, — но сделай нам услугу и не рассказывай об этом сестренке: она лишь разволнуется.

— Не расскажу, но я видел твою тачку по пути сюда. Выглядит так, как будто ты повздорил с грузовиком.

— Есть ли шанс, что я смогу позаимствовать твою машину на день, пока я не улажу дела со страховой кампанией?

— Без проблем. Я буду занят починкой твоих кухонных шкафчиков и разборкой этих древних половиц. Просто верни ее в целостности и сохранности.

— Спасибо.

— Не парься. Мне хранить молчание и о твоей новой подружке? — спросил он.

— Нет, но мы не...

— Конечно, нет, — сказал он, когда Хелен, теперь полностью одетая, вошла в комнату. — Хорошо поспала, милая? — весело спросил он ее.

***

Брэдшоу ждал их в квартире Хелен.

— Мой домовладелец придет в бешенство.

Она смотрела на голые деревянные доски, наспех прибитые к окнам с выбитыми стеклами.

— Он застраховал все, — сказал ей Брэдшоу, — но тебе стоит подумать о переезде.

Девушка просто тупо кивнула.

— Я вернулась сюда, только чтобы собрать вещи.

Хоть по лицу Брэдшоу можно было мало, что сказать, Том предположил, что собирать было нечего. Они проследовали за Хелен в квартиру, Брэдшоу оставил их. Том зашел с ней в прихожую. Каждый предмет мебели был перевернут или разбит. Она один раз посмотрела на всю сцену, повернулась и ушла из комнаты.

Когда она добралась до спальни, то застыла от того, что увидела. Простыня и одеяло были сорваны с постели и разрезаны ножом, матрас был выпотрошен каким-то лезвием и все это разбросано по комнате. Одежда Хелен была вытащена из шкафа: платья были порваны, ее пальто изрезано, повсюду разбросаны джинсы и майки. Ящики вырвали и перевернули, а ее нижнее белье раскидали по комнате. Без слов, Хелен пошла на кухню и вернулась мгновением спустя, неся рулон черных мусорных мешков. Она оторвала первый пакет, открыла его и начала собирать ближайшие осколки прямо в него. Том мгновение наблюдал, и, когда стало ясно, что она больше не хочет сохранить хоть что-либо в комнате, сказал:

— Я тебе помогу.

— Нет, — твердо сказала она, — я сделаю это, — затем повернулась к нему лицом и хоть она отлично скрывала, насколько расстроена, Том видел по ее глазам, как эта ситуация повлияла на нее.

— Хелен, — сказал он снова, — я помогу.

Он взял у нее мусорные пакеты, оторвал один и начал его заполнять.

Так как они работали вместе, то быстро убрали комнату, и как только черные пакеты отправились на улицу к мусорным бакам, присоединились к Брэдшоу на кухне.

— Это было не случайное нападение, — сказал он Хелен. — Я поговорил со своими коллегами в полиции Нортумбрии, они видели такое и раньше, но ни разу здесь. Обычно это наказание для тех, кого заподозрили в сотрудничестве с полицией в преступных районах города. Банды, как эта, начинают с краж и грабежей, после чего их замечают в организованной преступности и используют для работы, на которой не хотят светиться. Разгром чьего-то дома призван запугать людей, зачастую сопровождается избиением.

Он замолчал и стал ждать ответа Хелен.

— Ясно, — просто сказала она.

— И мы все знаем, кого ты в последнее время расстроила.

***

Йен Брэдшоу почувствовал себя идиотом. Он надеялся, что его разговор с Джимми Маккри, по меньшей мере, заставит мужчину немного притормозить, прежде чем он снова нацелится на Хелен, но тот воспринял это как вызов. Теперь квартира Хелен разнесена в клочья, и Брэдшоу знал, что это его вина, но у него не хватило смелости признаться ей в этом.

— Поехали, — сказал Том, потому что Хелен выглядела потерявшейся, теперь, когда беспорядок был убран, — давай убираться отсюда.

— Куда мы поедem? — спросила она его.

— На место совершения другого преступления.

И, когда она не поняла, он сказал:

— Лоунли Лейн. Я хочу увидеть место, где убили ту молодую женщину.

Лоунли Лейн находилась в двадцати милях от Ньюкасла, и они использовали время в пути, чтобы обсудить свои варианты. Том рассказал Брэдшоу свою теорию, что Дин отправил его в Лондон специально, чтобы направить по ложному следу, и о том, как владелец клуба Девайн упомянул Джимми Маккри, когда Том уходил.

— Кажется, все всегда возвращается к Маккри, Кэмфилду и Линчу? — заметил детектив. — Хочешь, чтобы я перекинулся словечком с советником Линчем? — спросил Брэдшоу Хелен.

Он знал, что в последний раз, как он перекидывался словечком, все стало только хуже. Он надеялся, что советник, даже тот, что у гангстера в кармане, окажется здравомыслящим.

— Не трать свое время, Йен, — сказала она, когда они садились в машину.

— Поговоришь с главой городского совета без хорошей на то причины и отправишься работать дорожным патрульным, еще до того, как твоя нога там ступит, — заверил его Том. — Я не думаю, что ты можешь что-то сделать. У тебя нет доказательств, что Джимми Маккри заказал нападение на Хелен или, что Джо Линч или Алан Кэмфилд повлияли на это. Лучше продолжать искать информацию по делу Сандры Джарвис, пока мы не найдем связь с кем-либо из них, затем, когда у нас будет доказательство, мы их всех повяжем.

— По твоим словам все легко, — сказала Хелен.

— Легко не будет, — заверил ее Том. — Никогда не бывает легко.

Они шли по Лоунли Лейн, которая была достаточно широкой, чтобы там проехала одна машина, только если ей не встретится по встрече другая. Там и тут кусты были подрезаны, а куски земли с травой вынуты из обочины дороги, чтобы создать прогалы, которые позволили бы заехать в них и пропустить встречный транспорт. В настоящее время они съехали с дороги, и земля изменилась, так что Лоунли Лейн стала травянистой местностью между фермерскими полями, которые были изъезжены машинами и истоптаны поколениями людей, выгуливающими собак. Низкий заборчик из колючей проволоки отделял поля от тропинки, но его старые престарые столбики местами просели и утащили ограждение из проволоки вместе с собой, превращая забор в неэффективное ограждение для любого, кто хотел полазить по близлежащим лесам. Небо было темным и несло зловещее обещание пролиться дождем. Единственным зданием на мили был одинокий серый каменный фермерский дом, из которого были видны некоторые части тропы, но пока они шли к нему, то проходили многочисленные «слепые» места и укрытия из земли, которые отходили от тропы, чтобы создать скрытые парковые участки. Не удивительно, что это место так обожали любители адюльтеров и вуайеристы, которые на них охотились.

Однако сегодня здесь никого не было. Осень становилась прохладной, делая место менее посещаемым, и известность убийства Ребекки Холт сделало Лоунли Лейн менее романтичным местом в глазах некоторых людей. Том готов был поспорить, что есть и другие, менее впечатлительные люди, которые все еще, вероятно, приходят сюда с наступлением темноты.

Он перевел свое внимание обратно на детектива.

— Ты проверил для меня эти алиби?

— Пока ты шлялся по стриптиз барам в Лондоне? — спросил Брэдшоу Тома. — Проверил.

— И?

— Фредди Холт увиделся в тот день с несколькими людьми. Он посетил строительную площадку, сходил на встречу с поставщиком и подписал какие-то документы у своих адвокатов. Что крайне интересно, в его расписании была парочка «окон», только он сам может рассказать, что он во время них делал.

— Эти «окна» были длинными по времени?

— Я бы сказал, что нет. Если он убил свою жену между своими встречами, он не только очень крутой покупатель, но и чрезвычайно хорошо разбирается в лавировании через пробки.

Брэдшоу добавил: — Ты выглядишь разочарованным.

— Я так думаю, Фредди Холт способен на что угодно, но, если он собирался купить алиби, он бы, определенно, не оставил дыр?

— Я тоже так подумал.

— Что насчет алиби Энни Белл?

— Довольно надежное.

Брэдшоу нашел соответствующую страницу в своем блокноте.

— В тот день она ходила на шоппинг, ее видело много людей. Она находилась в городе несколько часов и может отчитаться за большую часть времени до этого, во время и после убийства Ребекки.

— Как это возможно? — вслух задалась вопросом Хелен.

— Сначала она высадила детей у школы, а затем припарковалась на старой открытой парковке на краю города, а затем пошла за покупками.

— Почему там? — вмешалась Хелен. — Почему не на многоэтажной парковке?

— Она сказала нам, что ей не нравятся многоэтажные парковки, потому что она беспокоится, что может поцарапать свою машину о колонны. Она предпочитает старые парковки, потому что пользуется ими годами. Мы знаем, что она была там, потому что на ее талоне было указано время, — продолжил Брэдшоу. — Мы также знаем, когда она уехала, потому что она просрочила время парковки на двадцать минут, и ей пришлось идти в офис и доплатить. Они лепят тебе квитанцию на ветровое стекло, но можно все уладить сразу же в этот день, вместо того, чтобы списывать их со счетов.

— Она не показалась мне человеком, который забывает, за какой срок парковки платила, — сказал Том.

— Как только она оказалась в городе, — произнес Йен, читая из своих записей, — она пошла в химчистку, чтобы отдать одежду, и у нее есть целая куча квитанций, чтобы подтвердить это. Затем она отнесла платье обратно в магазин, потому что оно плохо село. Транзакция по ее карте отмечена, как возврат средств, так что мы знаем, что это правда. Ее следующим пунктом назначения стало туристическое агентство, где она провела полчаса, разговаривая с женщиной о туре, и ушла с несколькими брошюрами.

— Никакого праздного шатания, — заметил Том. — Все организовано, ей нравится выполнять пункты по списку.

— Она остановилась пообедать в кафе «У Оскара», и там возник спор.

— Из-за чего? — спросила Хелен.

— Ее заказа.

Он посмотрел на свой блокнот, чтобы это подтвердить. — Картошка в мундире. Она

хотела сыра, а они принесли ей тунца.

— И из-за этого возникла ссора? — спросила Хелен. — Они не могли просто поменять блюдо?

— Они предлагали, — ответил Брэдшоу, — но только после того, как официант сказал ей, что она получила то, что заказывала.

— А миссис Белл приняла это в штыки?

— Она закатила сцену, устроила официанту разнос и сказала позвать менеджера, сказала, что ходит в это место годами, но еда всегда холодная или ей приносят не тот заказ, и, что больше сюда не вернется. Там была парочка завсегдатаев и обычные посетители, ставшие этому свидетелями. Мы нашли кое-кого из них. Они узнали ее по фото и подтвердили, что она сорвала злость на персонале.

— Интересно, — сказал Том. — Куда она отправилась дальше?

— В пекарню, где решила пообедать взамен сосиской в тесте и кофе. Она съела это там и сохранила чек.

— Зачем так делать? — спросила Хелен. — Сохранять чек. Ты съедаешь свою сосиску в тесте и выпиваешь кофе, зачем нужно оставлять чек?

— Не за чем, но она, вероятно, положила его в свой кошелек со сдачей и забыла о нем. Следующей остановкой был кинотеатр.

— Дай отгадаю, у нее сохранился билет? — спросил Том, и Брэдшоу кивнул.

— Она сохраняет все, — сказала Хелен.

— Как нам повезло.

— И ей, — заметила Хелен. — Что она смотрела?

— «Список Шиндлера».

— Отличный выбор, — сказала Хелен, и Брэдшоу неожиданно вспомнил, что хотел посмотреть этот фильм на видео с Карен, но она сказала, что он будет слишком депрессивным, так что они смотрели вместо него «Миссис Даутфайр».

— Тоже очень длинный фильм, — сказал Том. — Кто-нибудь спрашивал ее о нем?

Брэдшоу кивнул.

— Она смотрела его, так как достаточно хорошо рассказала.

— Что после кинотеатра?

— Вернулась на парковку, заплатила за просрочку, затем поехала домой, чтобы увидеться с детьми, которых забрала из школы помощница по хозяйству. Она подтвердила, что миссис Белл вернулась через пятнадцать минут после того, как покинула парковку.

— Есть ли какой-нибудь шанс, что она могла выехать с парковки и вернуться снова? — спросила Хелен.

Он покачал головой.

— Эта парковка не автоматизирована. Она одна из последних старомодных парковок со сторожем, и она припарковалась как раз рядом с его будкой. Ее машина не покидала парковку, и он считает, что она была очень взволнована из-за просрочки и необходимости платить штраф.

— Загруженный день, — заметила Хелен. — Столько дел в один день.

— И едва ли одна свободная минутка, — добавил Том, — значит, как ты и сказал, алиби надежное.

— Абсолютно.

И детектив хитро улыбнулся.

— Что?

Хелен не понимала, что такого веселого.

— Я знаю, что он собирается сказать.

— Что он собирается сказать?

Она посмотрела на Брэдшоу, а затем на Тома.

— Он собирается сказать, — начал Брэдшоу, — что алиби, которое идеально... — и позволил Тому закончить.

—... Вероятно, не может быть настоящим.

— Именно.

И улыбка полицейского стала шире.

***

Они какое-то время шли молча, пока Том не сказал: «Вот оно».

— Это то самое место? — спросила Хелен.

— В досье по делу упоминается место между рекой и лесом с прогалом в ограждении из колючей проволоки и двумя поваленными деревьями поблизости, — сказал он и по очереди указал на приметы. — Это место, где часто встречались Ребекка Холт и Ричард Белл. Также это место, где она умерла.

Хелен трудно было это представить. Место было таким умиротворенным. Она поняла, что это глупо, но каким-то образом она ожидала, что на Лоунли Лейн окажутся какие-то признаки того, что в этом уединенном месте произошло жестокое убийство: не привидения, какая-нибудь зловещая атмосфера, но складывалось ощущение, что здесь никогда ничего не происходило.

— Я хочу посмотреть на это, — наконец, сказал Том, — хоть даже я знаю, что, вероятно, это будет пустой тратой времени.

Но ни Хелен, ни Йен не подвергли эту идею сомнению.

К тому времени, как они подвезли Брэдшоу, полил ливень. Движение на дороге замедлилось настолько, что Том задумался, забыли ли все, как вести машину, как только дороги стали мокрыми.

— Настало время проверить это алиби на месте, — сказал Том, — ты сможешь купить парочку вещей в городе.

— Спасибо.

Хоть и перспектива траты денег на замену тех вещей, что она потеряла, была досадной.

— Даррен впустит сегодня водопроводчика, — добавил он, — так что к тому времени, как мы вернемся домой, у тебя будет горячая вода.

— Супер, — сказала она, хоть его выбор слов — мы и дом — в одном предложении слегка ее напряг.

Он, должно быть, прочитал ее мысли.

— Завтра я выгребу хлам из комнаты для гостей и поставлю там кровать.

— Ох, пожалуйста, не надо всех этих хлопот.

— Мне все равно нужно это сделать. Я планировал принять жильца, чтобы он помог с выплатой ипотеки. Я подумал, что ты, вероятно, не захочешь делить со мной постель слишком долго.

Том мог припомнить еще кое-кого, кто не обрадуется этой идее.

— Я имела в виду, что мне не стоит навязываться, оставаясь там и дальше.

Возможно, сейчас она думала о своем парне.

— Куда ты собираешься отправиться?

Он был прав. Ей некуда было идти. Снять комнату в отеле даже на несколько дней было непомерно дорого для ее зарплаты местного журналиста, и Хелен не знала никого, у кого могла бы остаться.

Том, казалось, посчитал это концом дискуссии.

— Я собираюсь припарковаться там, где парковалась Энни, затем я пройду по ее маршруту, чтобы посмотреть стыкуется ли ее алиби.

— Согласно словам коллег Йена, стыкуется.

Алиби Энни Белл было немного слишком идеальным, чтобы быть правдой, но, если у нее, в самом деле, было доказательство, что она была где-то еще, когда была убита Ребекка Холт, тогда, как она могла оказаться в двух местах одновременно?

— На этом участке работают хорошие детективы, — признался Том, — но они не такие въедливые, как Йен, и тебе стоит помнить, что они не особо вдавались в детали.

— Что ты имеешь в виду?

— Все время предполагалось, что убийство было делом рук мужчины, — напомнил он ей. — С первого дня это был Ричард Белл или Фредди Холт, даже незнакомец психопат, но никогда женщина.

— Это потому что большинство насилия против женщин совершают мужчины, — напомнила она ему.

— Верно, но это первоначальное предположение было подтверждено на раннем этапе отчетом эксперта, который сказал, что нападение не могла совершить женщина, а мы теперь знаем, что это не имело под собой основания.

— Но, если практически каждая минута дня Энни задокументирована, что конкретно ты ищешь?

— «Окно», — сказал он ей.

Социальный работник выглядела уставшей, измотанной и перетрудившейся, но, по крайней мере, она была полезна. Йен Брэдшоу сказал ей, что он обеспокоен, что жильцы некоторых приютов в области подвергаются нападениям банды профессиональных грабителей, и она, казалось, приняла это за чистую монету. Он не упоминал «Мидоулендс» поначалу, потому что он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что он в частности интересуется этим приютом. Вместо этого они поговорили в целом о тех молодых людях, которые попадают в приюты и преимуществах и недостатках этих заведений.

— Боюсь, что истории зачастую оказываются душераздирающими.

И она принялась рассказывать некоторые из них, не называя имен в целях конфиденциальности. Она нарисовала мрачную картину пренебрежения и насилия, а ее симпатии были явно на стороне детей, которых ей было поручено защищать, неважно, что они натворили.

Ее голос слегка изменился, когда он спросил ее:

— А что насчет приюта «Мидоулендс»?

— Ах, — произнесла она, — это место? Последний шанс на исправление, если быть честной. В «Мидоулендс» обитают самые сломленные молодые девушки, которые пережили многое. Я не говорю, что мы совсем махнули на них рукой...

Но для Брэдшоу это звучало так, будто она и ее коллеги и в самом деле на них забили.

— В чем именно проблема с девушками в «Мидоулендс»?

— С ними трудно управиться, так что их собрали вместе в одном месте, чтобы избежать

их влияния на девушек, у которых еще есть шанс избежать проблем. К несчастью, они склонны драться друг с другом, так что меры наказания там самые высокие. В «Мидоулендс» находятся подростки, которые часто сбегают, жестокие девушки и те, кто часто попадает в полицию.

— За что? — спросил он, хоть у него уже было предположение, судя по опыту прошлой ночи, когда он наблюдал за местом.

— Ну, по ряду причин, но в основном из-за проституции, — ответила она, — хоть мне и ненавистно называть это так.

— Они предлагали сексуальные услуги?

— В некотором роде, — ответила она.

— Как можно «в некотором роде» предлагать сексуальные услуги?

Она ответила на его вопрос другим.

— Какая женщина становится проституткой, по вашему опыту?

— Они подразделяются на несколько категорий, — сказал Брэдшоу, — те, кто занимается сексом за наличные, либо потому что хотят этим заниматься или их заставляют, но в любом случае, деньги меняют владельца. Они работают на дому или на съемном жилье. Есть еще уличные проститутки, занимающие самую нижнюю часть шкалы, которые садятся в машины к незнакомцам. Это опасно и большая часть денег идет сутенерам, которые снабжают их дозой, потому что зачастую они наркозависимы.

Она кивнула.

— Девушки в «Мидоулендс» в другой категории. Они проводят время рядом с парнями постарше и водят с ними дружбу. Те парни дают им сигареты, выпивку, травку, немного денег, пиццу, может быть... но ожидают чего-то взамен, не всегда сразу, но, в конце концов, да. Девушки запутываются и иногда думают об этих парнях, как бойфрендах или, по меньшей мере, друзьях, и границы размываются, так что, когда один из мужчин склоняет девушку к сексу, она воспринимает это нормой, как цену, которую нужно заплатить за все, что им давали.

— Боже. Сколько лет этим девушкам?

— Возраст варьируется от тринадцати до шестнадцати.

И Брэдшоу понял, что девушка, которая предлагала ему себя у «Мидоулендс» могла быть даже моложе, чем он подумал.

— Уму непостижимо, а вы точно знаете, что происходит?

— Это общеизвестный факт.

— Тогда почему не предпринимается никаких мер?

— Я могу спросить об этом вас, — сказала она, — так как вы офицер полиции.

— Я полагаю, что не было произведено никаких арестов, так как никто не знает, откуда эти девушки.

— Ох, нет, — сказала она, — все знают. Говорю вам: это общеизвестный факт. Мужчины, которые за это отвечают, владеют несколькими бизнесами на улице в сотне ярдов от «Мидоулендс». Стоянка такси, бургер-бар и вино-водочный

— И мужчины в открытую охотятся на этих малолеток?

Она кивнула.

— Но никого не наказали, почему, черт возьми?

— Вы можете спросить об этом некоторых из ваших коллег.

Глава 36

Том договорился с Хелен встретиться позже и начал повторять маршрут Энни Белл, оставил машину на парковке и прикинул в уме время, которое потребуется, чтобы выполнить все ее дела, пока шел по главной улице: мимо химчистки, универмага и туристического агентства, а затем кафе «У Оскара». Не было нужды проверять ее историю о скандале в кафе, достаточно людей были его свидетелями. Вместо этого, он заглянул в окно и заметил, как там многолюдно. Вызвать спор в месте такого размера было совсем не по-английски, посчитал он... только, если вы не хотели, чтобы все вас запомнили.

Когда Том Карни рассказал молодому менеджеру местного кинотеатра, что он журналист, парень ничем не смог ему помочь. Когда он повел его в фойе, Том понял, почему он так с ним сотрудничает. Кинотеатр был старым, мрачным и затхлым. Здесь даже была паутина в самых труднодоступных углах, и само место пахло не очень. Менеджер, должно быть, надеялся, что журналист сможет повысить привлекательность кинотеатра, хоть Том не был уверен, как связь с убийством принесет этому месту пользу.

— Я ищу информацию по одному фильму, который показывали два года назад.

Он назвал менеджеру точную дату, название фильма и объяснил: он вновь расследует дело Ребекки Холт.

— Полиция спрашивала нас об этом, — сказал менеджер. — Тогда я работал здесь.

Его голос был несколько подавленным, когда он сказал это, вероятно, понял, сколько времени прошло, в то время как он все еще оставался на этой бесперспективной работе. — Это имело отношение к алиби.

— Верно.

— Это будет легко проверить. Все записано в журнале.

Том наблюдал, как тот поднимает с полки позади стойки нечто толщиной в два телефонных справочника. Здесь не было места для компьютеров. Менеджер начал листать журнал, в поисках нужной даты. У него ушло некоторое время, но, в конце концов, он поднял взгляд на Тома.

— Да, — произнес мужчина с некоторой гордостью из-за того, что, в самом деле, нашел то, что искал.

Он показал на дату, когда была убита Ребекка Холт.

— Второй экран, «Список Шиндлера», три показа: час тридцать, пять тридцать и семь тридцать.

Он закрыл книгу.

— На утренние сеансы ходит много людей?

— По-разному. Вечером всегда больше, но все равно ходят.

Он на мгновение об этом задумался.

— Или раньше ходили, до того, как за городом открылся мультиплекс.

— Какого рода люди ходят в кинотеатры в такое время?

Менеджер пожал плечами.

— Студенты, прогуливающие лекции, сменные рабочие, люди, которые работают по выходным, так что их выходные не совпадают с выходными партнера, безработные: они получают скидку.

— Скучающие домохозяйки?

Менеджер кинотеатра ухмыльнулся.

— Звучит, как название порно журнала.

Том ответил на его жалкую попытку пошутить нерешительной улыбкой.

— Кое-какие ходят, — согласился он, — как та женщина Белл, о которой спрашивала полиция.

— Значит, вы ее помните?

— Об этом писали во всех газетах. Я не помню, чтобы видел ее в тот день, но я не всегда за стойкой. Полиция опросила девушку, которая продавала билеты, но она ее не вспомнила.

— Считай себя счастливым, если она не забудет появиться. Однако в тот день их было несколько. Это был популярный фильм.

— У миссис Белл был корешок билета с проставленной на нем датой.

— Значит, она должна была быть здесь.

— Она не могла получить его иным способом?

— Нет, только если она не попросила его у кого-то, кто уходил.

— Что было бы несколько подозрительно, — заметил Том. — Я думаю, что вы бы вспомнили, если бы кто-то попросил у вас корешок билета с киносеанса.

— Люди иногда бросают их в фойе, — сказал менеджер. — Она могла поднять его с земли.

— И привлекла бы к себе внимание, так что мы можем сбросить со счетов такую вероятность. Так значит, она купила его здесь? Вы продаете билеты только здесь?

Менеджер кивнул, и Том просканировал комнату. Как только вы купили билет в кабинке у входа, у вас нет выбора, кроме как проследовать в помещение.

— Могла ли она купить билет на день раньше?

— Э-м-м, нет, — менеджер смутился, — мы таким здесь не занимаемся.

Он имел в виду, что у них не было технологии, позволяющей приобрести билет заранее. Том осмотрел билетную кассу. Там было единственное стеклянное окошко с местом для одного человека, раздающего билеты из небольшого полукруглого отверстия в нижней части окошка, а также плоская латунная столешница с тремя выемками, по одной на каждый экран, которые «выплывали» вам билеты. Менеджер пояснил, что билеты продаются только в день сеанса, потому что машина, которая их печатает, должна быть установлена на определенную дату и, что будет слишком хлопотно переставлять дату ради одного билета. Сам аппарат выглядел похожим на ящик, и Том подумал, что с открытием нового мультиплекса дни кинотеатра сочтены.

— В какое время вы открываетесь? — спросил Том.

— За полчаса до первого сеанса.

— Так значит, она могла купить билет за полчаса до начала фильма, а затем просто повернуться и уйти, не смотря фильм?

— Могла, — с сомнением произнес менеджер.

Но Том знал, что Энни Белл не могла быть уверена, что девушка, продавшая ей билет, не обратила внимания на ее уход, что сразу же испортило бы ее алиби.

— Нет, — она, определенно, зашла.

Том сказал это больше для себя, чем для менеджера кинотеатра, взглядом он прошелся по стенам с постерами новинок, наиболее выдающимся из которых, очевидно, был фильм «Подозрительные лица». Тут был и киоск со сладостями, который предоставил бы еще одного свидетеля прибытия Энни. В этом месте помещение расширялось, а широкая лестница вела на другой уровень. Том показал на темный альков на стороне лестницы с бледной цифрой три над занавесями.

— Так значит, третий экран у вас расположен на первом этаже?

— Это самый маленький экран, для фильмов, которые идут уже какое-то время, или же для арт-хауса, который почти никто не смотрит, — пояснил менеджер.

— А лестница ведет к первому и второму экрану? — спросил Том.

— Экранам побольше, — зачем-то пояснил менеджер.

— Что там? — Том показал на темный альков по другую сторону лестницы.

— Туалетные комнаты, — ответил менеджер. — Над дверью есть электрический знак, но прямо сейчас он выключен.

Том подошел туда, а менеджер последовал за ним, без умолку болтая о том, каким замечательным был кинотеатр и, что все, что ему, на самом деле нужно, небольшой косметический ремонт: мазок краски тут, немного современного освещения там, чтобы рассеять полумрак. Том не особо прислушивался. Он отодвинул красную занавесь, которая преграждала вход в коридор, ведущий к туалетным комнатам.

Том сделал несколько шагов в темный коридор, а затем менеджер щелкнул выключателем, и раздался «постреливающий» звук от очень старой люминесцентной лампы, пытающейся вернуться к жизни. Свет замерцал, одна лампа полностью загорелась, в то время как другая продолжила без остановки мерцать.

— Гребаная штукавина, — произнес менеджер, — только на днях меняли лампы, — но его виноватый тон с головой выдал ложь.

Том теперь мог различить две двери в дальнем конце коридора. На одной была наклейка с изображением мужчины, а на другой наклейка с изображением женщины. Темная фигура позади них привлекла его внимание.

— Что это? — показал он туда.

— Просто дверь, — ответил менеджер, — запасной выход.

Том прошел по коридору и приблизился к большой двери, ведущей наружу, с ее толстыми металлическими перекладинами.

— Заперта? — спросил он.

— Нет, что вы, — ответил менеджер, — это пожарный выход.

— С сигнализацией? — проверил Том, хоть в кинотеатре все выглядело старомодным.

— Нет.

Том надавил на металлическую перекладину обеими руками, и она легко поддалась, и дверь открылась на аллею. Если повернуть налево, можно вернуться к магазинам на главной улице, но дверь скрыта от глаз двумя огромными металлическими баками. Если повернуть направо, то можно пройти по узкой, усыпанной мусором, аллее, по которой обычно никто не ходит. Там сильно воняет, так как это место часто используют как туалет, когда закрывается паб. Том понял, что эта тропинка ведет к тихим задним улочкам, которые используют грузовики доставки позади главных магазинов. Обойдете их и сможете тихо покинуть город.

Он по себя улыбнулся.

— Как я и говорил, — напомнил ему растерянный менеджер, — это только дверь.

— Нет, — ответил Том. — Это, мой друг, «окно».

Йен Брэдшоу и Хелен Нортон стояли снаружи кинотеатра, смотря на запертые двери пожарного выхода. Том Карни не смотрел на двери. Он смотрел на них.

— Как Энни Белл могла узнать сюжет фильма, — спросила Хелен, — если ушла из кинотеатра, как только купила билет?

— Его показывали к тому времени уже десять дней, — пояснил Том, — она могла уже его посмотреть.

— На сеансе, проходившем раньше? — спросил Брэдшоу, вопрос был риторическим, но Том все равно на него ответил.

— Именно.

— Так значит, она купила билет, направилась к туалетам, но прошла мимо них, открыла пожарный выход и ускользнула через него, закрыв за собой дверь, а затем...? — спросила Хелен.

— Предположу, что она повернула направо, уходя подальше от главной дороги.

Том принялся идти по аллее. Брэдшоу и Хелен последовали за ним.

— Если она пропустила фильм, — спросил Брэдшоу, — сколько времени у нее появилось, благодаря «окну», о котором ты твердишь?

— Она выбрала правильный фильм, — сказал Том. — «Список Шиндлера» идет три часа и пятнадцать минут, плюс длительность трейлеров и рекламных роликов. Средняя продолжительность трейлера фильма в этой стране — две с половиной минуты.

Он видел, что они оба вопросительно смотрят на него.

— Я сделал свою домашнюю работу, — объяснил он. — Добавьте кучу рекламы спортивных кроссовок или местного танцури и получите дополнительные пятнадцать минут просмотра, так что получается три с половиной часа.

— Что дает ей достаточно времени вернуться к своей машине и уехать, только вот мы знаем, что машина не перемещалась, так что... — Хелен пожала плечами.

— Ей не была нужна ее машина, — пояснил Том.

— Она, уж точно, не могла поехать убивать кого-то на такси, — сказал детектив. А затем изобразил: — Подождите здесь, пока я кое-кого убью.

— И едва ли она поехала на автобусе, — произнесла Хелен.

— Я никогда не говорил, что ей не понадобится машина, — принялся объяснять Том, — я сказал, что ей не была нужна ее машина.

В этот момент они достигли конца аллеи, которая в этом месте расширялась.

— У нее была другая, — Том показал вперед, — и она припарковала ее здесь.

— Гребаный ад, — произнес Брэдшоу, когда понял, что имел в виду Том.

Городской совет нашел отличное применение пустырю позади главной улицы: здесь сделали автомобильную парковку, достаточно большую, чтобы вместить около двадцати транспортных средств.

— Энни могла пригнать второй транспорт сюда в тот же день утром или даже предыдущей ночью, и оставить его. Она могла запрыгнуть на ранний автобус до дома, если не хотела рисковать, вызывая такси. Кто вспомнит женщину в автобусе? Она паркует свою собственную машину на противоположном конце города, покупает талон на парковку, делает все свои дела, а затем покидает кинотеатр. Она могла уехать из города, убить Ребекку

Холт, затем вернуться сюда или же оставить другую машину где-то еще. Покуда она была в городе и не торопилась за своей машиной, никто не стал задавать вопросы почему. Она даже специально немного опоздала, чтобы ей пришлось заплатить штраф, который регистрируют, что подтвердило ее алиби, так что она оказалась чиста. Ее единственной ошибкой стало то, что она сделала свое алиби слишком идеальным.

— Это довольно хитроумно, вам так не кажется?

— У нее была помощница по хозяйству, чтобы поднять детей и собрать в школу, потому что она уехала из дома с самого утра. Может быть, она побежала к машине, которую припарковала в нескольких улицах от дома, приехала на ней в город, а затем вернулась обратно на автобусе как раз вовремя, чтобы отвести детей в школу, а затем снова поехала в город. Это довольно плотно по времени, но все же, возможно.

— Где она взяла вторую машину так, чтобы никто не заметил? — спросила Хелен. — Арендовала? Разве не должны остаться записи?

— Ей не нужно было арендовать машину. Она присматривает за автопарком компании, в которой работает. Там всегда есть демонстрационные модели. Они, вероятно, должны выдаваться под роспись, но она та, кто за это отвечает, так что предположу, что она не оформляла это.

— Так, как мы сможем доказать, что она использовала одну из них? — спросила Хелен, — если она никогда не расписывалась за нее.

— Пока не знаю, — признался он, — но я что-нибудь придумаю.

— Ладно, все это звучит правдоподобно, — согласилась Хелен, — но ты не объяснил одну важную вещь.

— Какую?

— Я понимаю, как Энни Белл могла ускользнуть, чтобы убить Ребекку, — сказала она, — но как она убедила Ребекку Холт прийти и встретиться с ней?

Хелен изобразила, как берет телефон и говорит в него.

— Алло, это Энни Белл. Я знаю, что у тебя интрижка с моим мужем, и я бы хотела обсудить это с тобой на уединенной сельской тропе, но не беспокойся, я обещаю тебя не убивать.

— Да, да. Я тебя понял. Я не знаю ответа на этот вопрос, но, если мы выясним, как она заставила Ребекку согласиться встретиться с ней, мы почти придем к разгадке.

Этой ночью, дома у Тома, Хелен приняла горячую ванну и искупалась в тепле от полностью функционирующих батарей. После, она забралась в большую двуспальную кровать. Сейчас было тихо, единственный звук шел из душа, Том тоже решил воспользоваться прелестями горячей воды. Хелен чувствовала себя в тепле, безопасности, и ее клонило в сон. К тому времени, как Том пришел в постель, она уже почти уснула.

***

Следующим утром, когда Том наносил визит в офис Энни Белл во второй раз, это явно ее разозлило, хоть она ничего и не сказала. Он полчаса выпытывал у нее информацию, проходил по всем старым зацепкам и задавал вопросы, которые уже спрашивал, просто ради ясности. Затем он задал несколько новых вопросов, на все из которых она спокойно ответила. Он рассказал ей о своей недавней встрече с Фредди Холтом, к которой она проявила живой интерес, но не упомянул, что бизнесмен напал на него. Том следил за временем, проверяя время на часах в ее офисе через равные промежутки времени, потому что время будет критически важным фактором этим утром.

— Ох, я почти забыл, — произнес парень, — у меня есть еще один вопрос.

— О чем?

— Вашей автомобильной схеме.

— Простите?

— Демонстрационные модели в вашем автопарке, — пояснил он, — кто-нибудь может использовать их?

Энни выглядела сбитой с толку.

— Теоретически, любой может воспользоваться ими. Они застрахованы производителями для любого водителя, но мы не разрешаем никому, кто не участвует в программе использования служебных автомобилей, ими пользоваться.

Она заметила на его лице полуулыбку и подумала, что теперь он понял.

— Включая вас, мистер Карни, если вы об этом спрашиваете?

Он поднял руки вверх.

— Не можете винить меня за попытку, — сказал он. — Я думаю поменять свою машину на что-нибудь помощнее под капотом. В данный момент она в непригодности.

— Простите, не могу вам помочь, — твердо отрезала она.

Затем он снова бросил взгляд украдкой на часы. Осталось недолго, если она не подведет его.

— Полагаю, вы не можете позволить людям нарушать порядок в системе, — дружелюбно сказал он, — но как вы можете это проконтролировать, когда машины просто стоят здесь весь день?

— Я все контролирую, — сказала она ему. Если вы квалифицированный водитель, то можете взять демонстрационную модель на несколько дней или даже на несколько часов, прежде чем заказать свою следующую машину, и мы иногда используем их для развоза людей на выездные встречи, но ключи остаются у меня, а им необходимо расписаться в журнале учета.

Она постучала пальцем по толстой красной книге в твердом переплете формата А4, которая лежала на ее столе.

— Вы развозите их всех?

— Да, — ответила она, — мне нужны практические знания, чтобы управлять нашим автопарком. Водители могут задать мне вопросы.

— Что остановит кого-нибудь, кто просто придет сюда, когда вас не будет поблизости, возьмет набор ключей и отправится покататься без вашего ведома?

— Это невозможно, — сказала она. — Ключи заперты и, когда вы берете машину, должны расписаться.

— В журнале учета, — сказал он. — Выглядит довольно объемным. У вас, должно быть, было множество машин?

— Мы покупаем много машин, — сказала она ему, — для менеджеров и отдела продаж. Эта книга учета содержит информацию о пяти годах использования демонстрационных моделей.

— Вы очень организованы. Сколько моделей у вас бывает одновременно?

— Обычно три, — ответила она, — от разных производителей, меняются каждые две или три недели. Почему вы спрашиваете?

— Вы, должно быть, уже эксперт. Что вы порекомендуете?

— Это зависит от того, что вы ищите.

— Что-то, на что могу положиться.

— Немецкие автомобили, — сказала она ему, — в наши дни обычно самые надежные.

— Спасибо за совет. Буду держать в уме.

Затем зазвонил телефон. Как раз вовремя, да так громко, что мужчина почти подпрыгнул.

— Извините меня, — произнесла она и взяла трубку. — Да... что?

Глубокий вздох.

— Чего она хочет? — спросила она с раздражением, затем последовала пауза, пока она слушала ответ.

Том нахмурился и выразил озабоченность.

— Все в порядке?

— В приемной стоит журналист.

— Да? Чего он хочет?

— Это она, и я просто...

Энни послушала еще несколько секунд, а затем сказала Тому:

— Она из газеты в Ньюкасле, и говорит, что хочет поговорить со мной о том, что дело Ричарда возобновили.

Том покачал головой.

— Это плохая идея, Энни. Нам надо держать историю под контролем и не позволять какой-то жуликоватый репортерше наложить на нее свои лапы, чтобы все извратить.

Он насупил брови.

— Как ее зовут?

Энни задала этот самый вопрос по телефону и повернулась к Тому, когда получила ответ.

— Хелен Нортон.

— О, Боже.

— Вы знаете ее? — спросила Энни.

— Мы... — он умолк, будто пытался быть деликатным, — ...работали вместе довольно тесно по делу, о котором я написал в своей книге, но, если быть честным, я никогда не ощущал, что могу доверять ей.

— Но откуда она узнала, что мы ищем способы возобновить следствие?

— Тюремная стража, — ответил Том. — Ваш муж предупреждал меня, что, в конце концов, один из них проболтается прессе.

— Ублюдки, — выругалась она, и это было в первый раз, когда Том услышал от нее подобное.

— Просто избавьтесь от нее.

— Они пытались, но она настаивает, что не уйдет, пока не увидит меня. Кажется, она считает, что я могу захотеть с ней разговаривать.

Том выдохнул.

— Послушайте, я достаточно хорошо знаю Хелен Нортон, и она не уймется, пока вы не пойдете туда и не скажете ей в лицо, чтобы она убиралась.

— Я и правда, не хочу с ней разговаривать.

— Просто скажите ей, что твердо убеждены в невиновности мужа и готовы для любой новой информации, которая поможет обелить его имя, но не ведете никакого активного расследования. Это даст ей цитату, необходимую для того, чтобы ее редактор был счастлив,

но не породит слухов.

— Вы уверены, что это сработает? Что, если все станет только хуже?

— Не станет, — заверил ее Том, — но что бы вы ни выбрали, не говорите ей, что я здесь.

Энни подумала, что все поняла.

— Отвергнутая женщина?

Том уклонился от ответа.

— Просто это не поможет ни одному из нас, если она узнает, что я занимаюсь этим делом.

Энни все еще выглядела неуверенной. Она встала, но не покинула офис. Вместо этого, она стояла там и думала. Она посмотрела на Тома, бросила взгляд вниз на телефон, который все еще держала в руке, будто не хотела снова говорить по нему, а затем они оба услышали, как еле слышный голос снова заговорил на другом конце линии. Наконец, Энни подняла телефон к лицу и сказала:

— Скажите мисс Нортон, что я скоро спущусь, — и повесила трубку.

Энни вышла из своего офиса, словно медленно шла к виселице, направляясь к стойке регистрации.

Том не двигался. Не поначалу. Он мысленно отслеживал количество шагов, которые Энни придется совершить, чтобы достигнуть другого конца комнаты и пройти сквозь двери. Он посчитал их в уме, когда сюда приехал. Она целенаправленно пойдет к стойке, чтобы увидеться с Хелен. Многое зависело от того, как долго Хелен сможет задерживать ее, но он не рассчитывал, что долго. Хелен будет напирать, задавать вопросы и требовать ответов, но Энни будет гнуть свое и давать отпор журналистке. Она выпалит утверждение Тома, что она верит в невиновность своего мужа, а затем прогонит Хелен.

Тому необходимо шевелиться быстрее и прямо сейчас. Он покинул свое место и переместился к столу Энни, бросив взгляд на дверь, чтобы убедиться, что в нее никто не собирается войти. Снаружи, все столы были заняты, но никто не смотрел в его сторону, когда он склонился над журналом учета. Он нырнул обратно в свое кресло и быстро начал листать журнал от конца в начало. Там было несколько колонок, обозначающих производителя и модель, за ним следовал регистрационный номер автомобиля, время выезда и время возвращения, обозначающие, когда машину забрали и, когда вернули. Наконец, там оказалась и колонка для подписи водителя, так что они не могли снять с себя ответственность за аварию или штраф за превышение скорости, если таковой приземлится на стол Энни неделей спустя.

Том знал, что Энни может вернуться в любой момент. Если она сразу же дала Хелен отворот поворот, что было крайне вероятно, то уже могла идти обратно. Он листал страницы журнала учета, одновременно с этим мельком читая даты в верхней части каждой страницы, и уже приближался к дате, которую искал.

Слишком быстро он увидел, как дверь в другом конце внешнего офиса открывается. Энни уже вернулась.

— Черт.

Времени совсем не хватало. Он не мог позволить себе быть застигнутым за перелистыванием журнала, но знал, что у него не будет больше шанса его проверить.

Она была уже на полпути через комнату, когда его глаза остановились на нужной странице. Там были перечислены три автомобиля. Том просканировал записи за всю

неделю, включая дату убийства Ребекки Холт, но, когда он до нее дошел, то заметил, что только две машины были выписаны. Третья машина, должно быть, была той, которой она в тот день воспользовалась, но Энни Белл уже почти вошла в дверь своего офиса, и у Тома больше не было времени переписать это.

Энни остановилась прямо за дверью. Сперва он подумал, что она каким-то образом заметила, чем он занимался, и собиралась ворваться сюда и устроить скандал. А затем он услышал голос, но не Энни. Тихое бормотание работника, что-то спрашивающего. Кто-то покинул свой стол и перехватил босса, прежде чем она смогла исчезнуть в офисе. Это был шанс Тома. Он схватил ручку и блокнот из кармана и, поместив блокнот на журнале учета, торопливо принялся переписывать модель и регистрационный номер третьей машины.

Том захлопнул свой блокнот и засунул его в карман пиджака вместе с ручкой. Он слышал, как Энни Белл давала инструкции своему работнику прямо за дверью, и сорвался с места, вернув журнал учета на его первоначальное место на столе Энни. Он практически запрыгнул на свой стул, приземлившись на него, как раз, когда она вошла в двери. Он изобразил, что меняет позу и перекрещивает ноги, будто ему стало неудобно на его сидении.

— Все в порядке? — бодро спросил он.

— Понимаю, почему она вам не нравится, — все, что Энни Белл сказала о Хелен Нортон.

***

Когда они закончили, Энни проводила Тома на парковку. Как и с Хелен до него, она, очевидно, хотела убедиться, что он благополучно покинет здание.

— Чего вы хотите, мистер Карни? — спросила его Энни Белл, когда они подошли к машине его зятя.

— Что вы имеете в виду?

— Я спрашиваю, чего на самом деле вы хотите от жизни.

— Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Мне любопытно, — ответила она. — Явно, не этого: еле сводя концы с концами, зарабатывая на жизнь, будучи фриланс журналистом, надеясь раскрутить большую историю время от времени, чтобы иметь возможность оплатить счета, увеличивая доход какими-нибудь скудными расследованиями. Вы не хотели бы чего-то более постоянного? — спросила она его.

— Может быть, — признался он.

— Я думаю, что вы не об этом мечтали, когда были ребенком.

— Нет, — согласился он, — я хотел быть машинистом поезда, астронавтом или футболистом, но, как и большинство людей, я стал кем-то другим. Это не так плохо. Я сам выбираю часы работы, сам себе начальник и иногда я помогаю ловить плохих парней и сажать их в тюрьму.

— Да, но, что дальше? Разве вы бы не предпочли что-нибудь более стабильное, работу с перспективами и уровнем жизни повыше?

— И где же я найду такую возможность, — спросил Том, — если предположить, что мне нравится такая мысль?

— Наша кампания расширяется, — сказала ему Энни. — Я говорила с моим отцом с новых сотрудниках, свежей крови, которая вдохнет новую жизнь в фирму. Какое-то время мы уже обсуждаем идею завести директора по связям с общественностью.

— Я полагаю, что у меня есть подходящие навыки, но о какой зарплате идет речь?

— Семьдесят тысяч, — назвала она сумму.

— Семьдесят тысяч в год просто за пиар вашей кампании?

Он присвистнул.

— Уверена, что вам придется отработать каждый пенни. Компания растет стремительными темпами. Мы идем в ногу со временем.

— Это и в самом деле решило бы множество моих проблем, но что насчет моего расследования?

— Я говорю не о «сейчас», — ответила она, — а о «после». Как только вы прозреете, конечно же.

Она вздохнула.

— Мы оба знаем, что мой муж нанял вас от отчаяния, чтобы узнать, сможете ли вы найти что-нибудь, что поможет ему выиграть апелляцию. Я знаю, что вы чувствуете себя обязанным нам, потому что уже взяли у нас часть денег и не предоставили пока никаких результатов, но я просто хочу сказать, что понимаю, насколько это сложное дело. Никто не ждет от вас чуда, — сказала она ему, — даже Ричард. Особенно Ричард. Все, что я хочу сказать, когда вы доберетесь до конца этого дела, вас здесь будет ждать хорошая работа.

— Спасибо, Энни, — ответил Том. — Вы очень добры. Я обещаю, что серьезно об этом подумаю.

И он всерьез об этом задумался. Всю дорогу домой он думал, почему Энни Белл пыталась подкупить его.

Глава 38

Кафе «Роузвуд» было практически пустым. Дождь, ливший снаружи, отпугивал от кафе посетителей, но не детектива и двух репортеров. Они согласились встретиться позже, чем обычно, чтобы Том и Хелен сначала встретились с Энни, а теперь они вводили в курс дела Брэдшоу.

— Ты можешь поговорить с кем-нибудь о машине в журнале Энни? — спросил Том.

— Что мы ищем?

— Доказательства, — сказал Том, — что у нее была демонстрационная модель для собственного пользования в тот злосчастный день.

— Полагаю, она не стала бы указывать это в журнале, если бы брала машину.

— Она и не записывала это, — согласился Том. — Энни — единственная в компании, кто может взять автомобиль, не расписываясь, так что я просмотрел записи рядом со временем убийства. У «Солейла» было три машины, и все три постоянно использовались в течение трех недель, кроме трехдневного периода, который включает в себя и дату убийства, когда лишь две машины были выданы под роспись. Третья машина не покидала головной офис в это время.

Затем он добавил:

— В теории.

— Это имеет смысл, — сказал Брэдшоу, — если Энни пользовалась этой машиной.

— Но это ничего не доказывает, — напомнил ему Том.

— Нет, — ответил Брэдшоу, — но все равно дай мне регистрационный номер, я его пробью.

— Спасибо, Йен.

— Ты считаешь, что она сделала это, — спросил Брэдшоу.

— А ты так не считаешь? — спросил его Том.

— Я не знаю. Может быть, да, — неубедительно ответил он.

— У нее был мотив, — напомнил ему Том.

— Другая женщина трахалась с ее мужем, — согласился Брэдшоу, — но тысячи женщин узнают о таком каждый год, и большинство из них не идут убивать соперниц.

— Но Ребекка была одной из многих, и я думаю, что Энни всегда что-то подозревала, неважно, что она говорит сейчас.

— Тогда зачем убивать Ребекку, если она была не первой, с кем он переспал?

— Возможно, она стала последней каплей, — ответила Хелен. — Может быть, она больше не могла с этим мириться.

— Тогда ей стоило убить своего мужа, — заметил Брэдшоу.

— И отсидеть за это? — спросил Том. — Даже при сочувствующем жюри присяжных и судье, Энни Белл осудили бы за убийство, она бы потеряла все: свою карьеру, детей.

— А таким способом она избавлялась от соперницы, — сказала Хелен.

— Но она не победила, — возразил Брэдшоу. — Она так хорошо скрыла за собой следы, что вместо нее за решетку угодил ее муж.

— Что, если она этого и добивалась? — спросила его Хелен. — Мы даже не рассматривали такую вероятность. Мы просто приняли на веру тот факт, что она стоит на его стороне, но такими темпами он отсидит все двадцать четыре года.

— Это он решил отрицать вину, отчего ему мотать весь срок, а не она, — сказал Том.

— Но спорила ли она с ним по поводу этого решения или согласилась с ним? — спросила Хелен. — Может быть, ее более чем устраивает, что он останется в тюрьме.

— Она тебе не нравится, так? — спросил Том. — Если это поможет тебе чувствовать себя лучше, она тоже тебя не очень то обожает.

— Я сыграла свою роль, — напомнила она ему.

— Досаждающей журналистки, и сыграла хорошо.

Он улыбнулся ей.

— Если она и в самом деле убила Ребекку, то это два зайца одним выстрелом.

— Есть одна вещь, которая рушит эту теорию, — сказала Хелен. — Почему, черт возьми, она просто не развелась с ним?

— Это может прозвучать странно, у нее слишком много денег, — ответил Том.

— Как можно иметь слишком много денег?

— Обычно, когда люди разводятся, они продают дом, делят доходы и судятся из-за алиментов, в зависимости от обстоятельств. В большинстве случаев, дети остаются с матерью, отец уходит и платит алименты матери, потому что зачастую он оказывается тем, кто работает полный рабочий день...

—...а она работает на работе с неполной занятостью, низкооплачиваемой, ей приходится жертвовать своей карьерой, чтобы растить детей, — напомнила ему Хелен.

— Обычно все так и есть, — сказал Том, — но в случае Энни Белл, все по-другому. Она — член совета директоров «Солейл» и крупный акционер. У них водятся деньги. С Ричардом Беллом все как раз наоборот. У него есть высокооплачиваемая работа, которую он, без сомнения, сразу же бы потерял, если бы разошелся с дочкой босса. С его резюме, или отсутствием такового, ему мало, что есть предложить другому работодателю, так что он, вероятно, закончит на какой-нибудь среднеоплачиваемой работе в продажах, несколькими уровнями ниже его фальшивой должности, которую ему дали, как члену семьи. Что более важно, это означает, что он может обобрать Энни Белл и ее отца до нитки. Он будет тем, кто

может ожидать, что сохранит тот уровень жизни, к которому привык, не прилагая сил. Энни Белл, чтобы отдать Ричарду половину своего имущества, придется продать дом и долю в компании, которую построил ее отец. Зная ее, я не представляю, чтобы она такое допустила. А вы?

— Хорошо, я согласен, — произнес Брэдшоу. — Развод станет катастрофой для Энни Белл, что дает ей мотив для радикального решения проблемы, но есть ли действительные доказательства, чтобы подкрепить эту версию?

— Давайте подумаем, — предложил Том. — Ее алиби всегда было слишком идеальным. Мы знаем, что в ее алиби есть вероятное «окно», по времени совпадающее со временем совершения убийства, и оно достаточно большое. Она с легкостью могла покинуть кинотеатр, у нее было приблизительно три часа, чтобы доехать до Лоунли Лейн, убить Ребекку, а затем вернуться в город.

— Почему Ребекка согласилась встретиться с женой любовника в уединенной местности, даже не рассказав об этом Ричарду заранее?

— Я пока еще этого не понял.

— Что еще у нас есть? — спросил Брэдшоу.

— Мы знаем, что свидетель эксперт, сказавший, что удары не могли быть нанесены женщиной, сделал это наугад. Так что мы можем этот факт опровергнуть — и есть еще кое-что, — поведал Том, — сегодня она пыталась подкупить меня.

— Что? — спросила Хелен. — Она пыталась дать тебе взятку?

— Не совсем, — сказал он, — она предлагала мне работу.

— Какую работу? — спросил детектив.

— Директора по связям с общественностью с хорошей, большой зарплатой.

— Это зависело от того, бросишь ли ты дело?

— Нет, — признался Том, — она изо всех сил пыталась сказать мне, что работа ждет меня, как только я брошу попытки решить это дело. Она сказала мне, что не ожидает от меня многого в этом отношении. Это было деликатнее, но я уловил сообщение.

— Так же деликатно, как кирпич, — сказал Брэдшоу, а затем вспомнил об окне Хелен.

— Извини, — сказал он ей.

— Ты и в самом деле думаешь, что Энни Белл убила Ребекку Холт? — спросила Хелен.

— Начинаю так думать, — ответил он. — Зачем еще ей пытаться саботировать расследование, которое начал ее муж? Однако, вопрос в том, как это доказать.

Этим вечером, пока Том читал газету, Хелен спросила:

— Ты не возражаешь, если я сделаю звонок, эм-м...

Он понял, что она имела в виду своего парня.

***

Хелен была удивлена, как легко ей удалось солгать. Ей пришлось покинуть свою квартиру на несколько дней, пока будут менять бойлер, эта идея появилась у нее в голове из-за проблем, которые были у Тома с его собственной системой центрального отопления. Затем она добавила обыденным тоном, что, вероятно, использует эту возможность, чтобы подыскать другое место, потому что ее текущее место жительства безобразно.

Питер слушал это, и хоть она ожидала, что он станет задавать вопросы, она еще ощущала легкую панику, когда он внезапно спросил:

— Так, где ты сейчас остановилась?

— У подруги, — удалось выдать ей.

— Подруги? Какой подруги? — спросил он, в его голосе отражалось сомнение.

Хелен всегда верила, что честность была очень важна в любых отношениях, но также она знала, что рассказать сейчас всю правду будет еще хуже сфабрикованной полуправды. Она оставалась у друга — это было правдой, но, если он узнает, что они не просто жили в одном доме, а что она спала с ним в одной постели, не важно, что между ними ничего не было, она была уверена, что это положит конец их отношениям. Ревность Питера перевесит любое доверие, которое у него к ней было.

— Сьюзан, — живо ответила она ему. — Ты помнишь, я рассказывала тебе о ней.

— Нет, не рассказывала, — его голос был полон сомнения.

— Да.

Она не выдумала Сьюзен, та была реальным человеком из отдела новостей. Хелен разговаривала с ней по ряду случаев, но искренне надеялась, что ее парень никогда с ней не встретится, потому что Хелен легко могла представить пустое выражение лица Сьюзен, когда Питер поблагодарит ее за помощь своей девушке.

***

Хелен рассказала Грэхему о нападении на свою квартиру, хоть и существенно все приуменьшила. Он все еще беспокоился за нее, поэтому дал ей свободное утро, чтобы подыскать себе новое место жительства. Сейчас она вернулась в отдел новостей и просматривала старые выпуски «Рекорд». Хелен листала одну из тяжелых старых папок с выражением хмурой концентрации на лице, не обращая внимания на болтовню и шум от звенящих вокруг нее телефонов. В папке содержались первые шесть месяцев выпусков восьмидесят седьмого года, примерно по времени совпадающие с тем временем, когда «Мидоулендс» впервые открыл свои двери, она исследовала каждую страницу тщательно, но быстро, памятуя, что упустила что-то важное. Она искала фотографию, которую никогда прежде не видела, но была уверена, что она окажется где-нибудь в этой папке, если она будет хорошо ее искать. Как раз тогда, когда Хелен начала убеждать себя, что предчувствие было неправильным и что это бесполезное и удручающее занятие, она перевернула страницу, и там-то оно и оказалось.

— Бог мой, — произнесла она, когда тотчас же узнала лицо посередине группового снимка.

Что однажды сказал ей Грэхем... *фотография стоит тысячи слов?*

Глава 39

С завершенным на кухне ремонтом и большинством новых половиц на полу, спасибо стараниям Даррена, им стало намного легче встречаться у Тома. Хелен уже там была, конечно же, что Брэдшоу нашел крайне занимательным. Он приехал раньше нее тем вечером и, как обычно, Том вручил ему бутылку пива, пока они ждали, когда она к ним присоединится.

— Храбрая девушка, эта Хелен.

— Она такая, — согласился Том.

— Еще и умная.

— Угу, — на автомате промычал Том.

— Да еще и молодец.

— Ты проплаченный член ее фан-клуба?

— Это редкое сочетание, — признался Брэдшоу. — Трудно найти умную девушку, которая может составить хорошую компанию, да такую приятную глазу.

Он понял, что сравнивает Карен с Хелен Нортон, и это было несправедливым, но ничего не мог с собой поделать. Мужчина начал задаваться вопросом, каково это может быть состоять с ней в отношениях.

— Похоже на правду.

Брэдшоу заметил нежелание Тома участвовать в обсуждении этой темы.

— Ты когда-нибудь фантазировал о ней? — спросил детектив. — Кажется, вы близки.

— Мы хорошо работаем вместе, вот и все.

Брэдшоу медленно кивнул.

— А теперь она живет под твоей крышей.

— Только пока не устроится в другом месте, — и, когда Брэдшоу не ответил, он добавил: — Едва ли я могу выгнать ее на улицу.

— Благородно, — сказал Брэдшоу, — но я удивлен, что ты не испытываешь искушения. Я бы испытывал.

— Звучит так, будто уже, друг.

Брэдшоу по тому, как Том сделал акцент на слове друг, понял, что задел другого мужчину.

— Мне жаль разочаровать тебя, но у нее есть парень.

— А у меня есть девушка, — ответил Брэдшоу.

— И как у вас с отношениями?

— Хорошо, — быстро ответил он, — очень хорошо, благодарю.

Между ними установилась напряженное молчание, пока Брэдшоу его не прервал.

— Не беспокойся по поводу Хелен, — сказал он. — Я всегда вижу, когда девушка уже занята.

Том заметил след легкой улыбки на лице детектива при этих словах.

Прежде чем он смог ответить, они услышали звук поворачивающегося в замке ключа, и вошла Хелен.

— Извините, — сказала она, — ужасная пробка, но... — она замолчала, чтобы положить свою сумку и охапку папок, — ...есть и хорошая новость, я думаю, что подыскала квартиру.

— О, — произнес Том, — это замечательно, Хелен.

Он проигнорировал взгляд, который бросил ему Брэдшоу. Хелен была слишком занята, снимая свое пальто, чтобы заметить.

Том заказал пиццу, и они стали спорить, кто заплатит. Хелен настаивала на этом в качестве платы за то, что жила у Тома. Пока они ждали свою еду, она показала им свою недавнюю находку.

— Я немного поискала информацию о «Мидоулендс». Он открылся в восемьдесят седьмом году, так что я откопала наши старые выпуски. У меня ушло какое-то время, потому что не было точной даты, но, в конце концов, я нашла это.

— Нашла что? — спросил Том.

— Фотографию, которую искала.

Она начала извлекать доказательство из своей сумки.

— Такие места, как «Мидоулендс», открываются не каждый день, — пояснила она. — Им требуется финансирование, административный ресурс плюс разрешение комиссии по планированию и множество кругов бюрократического ада по сбору подписей.

— Удивительно, что они вообще открыли свои двери, — согласился Том.

— Итак, когда они, наконец, открылись, — продолжила она, — что сделали все, кто принимал в этом участие?

— Похлопали себя по спинке за проделанную работу... — начал Том, но постепенно умолк, —... обычно на какой-нибудь церемонии.

Он улыбнулся, поняв, к чему она клонит.

— В присутствии местного чиновника или даже двух и практически всегда фотография с открытия в местной газете.

Она передала ему фотокопию изображения, которое нашла в архивах газеты.

Том взглянул на фотографию небольшой улыбающейся перед новехоньким зданием «Мидоулендс» группы из официальных представителей городского совета и офицеров детского приюта. Один из них услужливо придерживал ленту, в то время как другой мужчина позировал с ножницами, готовящимися порезать ленту, а затем объявил бы место открытым.

— Я не ожидал такого, — произнес Том, — так как мужчина с ножницами был не кто иной, как советник Джо Линч.

Они какое то время разглядывали фотографию, а затем Брэдшоу сказал:

— Что это доказывает? Кроме того факта, что советнику Джо Линчу нравится видеть свое лицо в газете? Им всем это нравится.

— Это доказывает, что он знает это место, — сказал Том.

— Это доказывает, что он его открыл, — возразил Брэдшоу. — Он мог никогда туда не возвращаться. Я бы не сказал, что это доказательство грязной игры.

— Но мы знаем, на что он способен, — тихо произнесла Хелен.

— Кажется, его имя продолжает повсюду всплывать, — сказал Том, который был доволен увидеть связь между присутствием Джо Линча в «Мидоулендс» и исчезновением Сандры Джарвис. Он вспомнил свой собственный разговор с Фрэнком о том, кто выиграл от того, что он ушел в отставку.

— Это кое-что, — сказал Брэдшоу, — но этого мало.

— А что нашел ты? — потребовала ответа Хелен, разозленная тем, что Брэдшоу не посчитал результаты ее детективной работы чем-то стоящим.

Он, казалось, неохотно начал.

— Я поговорил с леди, которая работает с детьми из неблагополучных семей.

И он рассказал им, что поведала ему социальный работник о взрослых мужчинах, охотящихся на девушек из «Мидоулендс».

— Боже, это ужасно, — сказала Хелен, — но где это происходит? Они забирают их в какое-нибудь уединенное место?

— Нет, — признался Брэдшоу, — это-то и есть худшая часть. Женщина, с которой я разговаривал, сказала мне, что есть офис, принадлежащий небольшой компании такси на главной улице, в нескольких сотнях ярдов от «Мидоулендс». Она в ряду магазинов рядом с винно-водочным и бургер-баром, которые принадлежат одним и тем же людям. Парни, которые туда ходят, забирают девушек из «Мидоулендс», чтобы потусоваться там, так все и начинается.

— Так что конкретно делает с этим полиция, — Хелен была разгневана, — если все знают, что такое происходит?

— Это то, чего я не понимаю, но она подразумевала, что полиции нет до этого дела. Я отказался поверить в это, так что поговорил с офицером в штатском, который прикреплен к

району, и он сказал мне, что они не могут никого арестовать, потому что невозможно выдвинуть обвинения. Девушки всегда отрицают, что что-то произошло, потому что они либо слишком боятся мужчин или влюблены в них. Он сказал, что они все ненадежные свидетели, так как уличались во лжи и мелких правонарушениях, так что никакое жюри присяжных в мире не осудит мужчину из-за их показаний.

— Это ужасно, — сказал Том.

— Тебе же не все равно, что происходит? — спросила Хелен Брэдшоу, когда она приняла его спокойствие за отсутствие интереса.

— Конечно, не все равно, Хелен, — ответил он ей. — Из-за такого мне стыдно быть офицером полиции.

— Прости, — сказала она ему, — просто... Я разозлилась, что никто ничего не делает, чтобы это прекратить.

— Парень, с которым я разговаривал, буквально насмеялся над этим, будто заняться сексом с четырнадцатилетней в обмен на пиццу и пакет травки — приемлемое поведение. Он сказал, что, если бы не эти мужчины, были бы другие, потому что девушки не знают другой жизни. Он пошутил, что они готовятся к выпускным экзаменам по проституции, и сказал мне, что место, такое как эта стоянка такси, есть в любом городе Британии. Он считает, что парни, крышующие его, передают девушек другим мужчинам, которые платят им за эту привилегию. Так что они не только занимаются сексом с молодыми девочками, они также делают на этом деньги.

— Теперь я вижу, почему у полиции возникают проблемы с выдвиганием обвинений, — сказал Том, — но есть простой способ предотвратить все это. Просто убедиться, что девушки не покидают стен «Мидоулендс» ночью. Им всем меньше шестнадцати, так что заприте место в девять часов и все дела.

— Я не понимаю, почему они этого не делают, — сказала Хелен.

— Думаю, что я знаю, — ответил Том. — Парням на той стоянке такси нужен, по меньшей мере, один мужчина на их стороне, чтобы это работало.

— Дин, — сказала Хелен.

— Готов поспорить, что ему платят, — предположил Том. — Если полиция и социальные службы знают о том, что происходит, как он может не быть? Должно быть, он позволяет девушкам уходить и приходиться в любое время.

— На двери замок с клавиатурой, — сказала Хелен. — Нужно всего лишь знать код, чтобы войти. Дину даже не приходится вставать с постели. Я все еще не понимаю, почему полиция чувствует себя такой абсолютно беспомощной, что не может арестовать мужчин, которые занимаются сексом с несовершеннолетними и используют их для проституции.

— Я бы не назвал это проституцией, — сказал Брэдшоу, — я бы назвал это изнасилованием. Затем он добавил: — Как они могут выразить согласие в своем возрасте?

— Сколько девушек в «Мидоулендс» в это вовлечены? — спросил Том.

— Я спрашивал об этом, — сказал Брэдшоу, — и ответ, который я получил, они все.

Глава 40

Когда прибыла пицца, они поедали ее молча, каждый, потерявшись в собственных мыслях о девушках из «Мидоулендс» и о мужчинах, которые их эксплуатировали.

— Я не голодна, — сказала Хелен, отодвигая от себя свой кусок пиццы. — В социальных службах что, никто не воспринимает всерьез сообщения о жестоком обращении с несовершеннолетними? — спросила она.

— Меня заверили, что они относятся к этому со всей серьезностью, но были достаточно честны со мной. У них на все рук не хватает. У них недостаточно ресурсов, чтобы разбираться с серьезными делами, не говоря уже о пустяковых.

— «Пустяковых»?

Он понял, что Хелен оскорбил его выбор слов.

— Хелен, они просто не справляются с нагрузкой. Летом они даже открыли новую специальную горячую линию, чтобы молодые депрессивные девочки могли позвонить и поговорить с профессионалом, если испытывают физическое или психологическое насилие и чувствуют склонность к суициду.

— Ну, это похоже хорошая идея.

— Была хорошей идеей, — подтвердил он, — пока на них не хлынули сотни звонков от девушек, которые просто не могли пережить, — и, когда она бросила на него злобный взгляд в ответ на его лишенный сочувствия тон, он добавил, — что Робби Уильямс ушел из «Take That».

— О, — сказала она и напомнила себе не торопиться с выводами в будущем. — Ты думаешь, что эта ситуация с девушками в «Мидоулендс» и была тем большим секретом, который Диана рассказала Сандре Джарвис? Поэтому они обе пропали?

— Но это не секрет, — возразил Том, — если полиция и социальные службы знали об этом. Они думают, что бессильны остановить это, так что могла сделать Сандра Джарвис с этой информацией, кроме как пристыдить шестерок, таких как Дин? Это недостаточная причина кого-либо убивать или заставить их исчезнуть.

— Ты прав, — признала Хелен, — это должно быть что-то серьезнее... но что?

— Мы можем никогда не узнать, — посчитал Том, — и «Мидоулендс» может вообще не иметь отношения к исчезновению Сандры, но я думаю, что имеет. Есть один человек, который знает намного больше, чем в этом признается.

— Дин? — спросила Хелен.

Он покачал головой.

— Я говорю о молодой Келли.

***

— Ты хочешь, чтобы я занялась этим? — спросила Хелен, когда Брэдшоу ушел.

— Ну, я едва ли могу проверить это в одиночку, — поведал ей Том. — Если меня поймают, то арестуют. Никто не поверит, что этому есть невинное объяснение.

— И во что они поверят, если поймают меня? — спросила она его, ее голос стал приобретать визгливые нотки.

— Что ты журналистка, работающая над делом, — заверил он ее. — Кроме того, это вопрос доверия, а я чертовски уверен, что она не доверяет мне.

— Тогда я скажу, что она прекрасно разбирается в людях, — подколола она его.

— Давай, — сказал он, — надевай пальто. Снаружи холодно.

— Снаружи всегда холодно, — сказала она ему и сразу же пожалела об этом, потому что именно так бы и сказал Питер.

***

Ему удалось добыть арендованную машину, пока его собственная машина на ремонте в гараже.

— Черт побери, — произнес механик, когда рассматривал разбитое ветровое стекло «Рено», разбитое боковое стекло, помятый капот и исцарапанный кузов, — с кем ты

столкнулся?

— Я сбил оленя.

— Выглядит так, будто ты сбил слона.

Они поехали на тихую, в основном жилую, улицу с несколькими магазинчиками в конце. Время было уже позднее, но в бургер-баре, винно-водочном и на стоянке такси все еще горел свет, и Том направил свою машину в место, откуда они смогут вести наблюдение, не будучи замеченными сами. В бургер-баре не было посетителей, что и следовало ожидать вечером во вторник.

Время от времени водители останавливали такси снаружи офиса и заходили внутрь, и так же время от времени кто-нибудь заходил в винно-водочный. Эти мужчины представляли собой смесь из белых и азиатов, которые судя по их внешности, могли быть смешаны с выходцами из Восточной Европы или средиземноморских стран. Все они были одеты одинаково: в футболки, джинсы и кожаные куртки или плащи, которые по большей части были черного цвета. Сложно отличить преступника от обычного человека, когда всем нравится одеваться, как гангстеры. Им всем нравилось выглядеть на одно лицо — даже тем, кто заскочил за пачкой сигарет.

— Тем не менее, не было никаких признаков присутствия молодых девушек.

— Слишком рано, — сказал Том, — поехали.

***

В следующий раз они припарковались недалеко от «Мидоулендс», едва виднеющегося в темноте. Здание освещалось единственной лампочкой над дверью. Что бы ни происходило внутри, оно было надежно спрятано за плотными оконными жалюзи. Они принялись ждать.

Наконец, дверь распахнулась, и появилась молодая девушка. Том бросил взгляд на часы.

— Десять тридцать, — сказал он, — комендантский час уже наступил, — и они оба наблюдали за тем, как она идет в их сторону.

Том припарковался на противоположной стороне дороги под разбитым фонарем, и он был чертовки уверен, что девушка не заметит его машину среди ряда других припаркованных снаружи домов машин. Так и оказалось, она прошла мимо, не посмотрев в их сторону, направляясь к стоянке такси.

— Как ее зовут? — спросил он Хелен.

— Дебби, — ответила она, — та, что сказала нам оставить ее в покое, «Бога ради».

— Ты же знаешь, что, если полицейский нас остановит, нам придется многое объяснить, — сказал он ей.

— Я же сказала, я не буду заниматься этим одна, — парировала Хелен. — Либо так, вместе, или вообще никак.

— Хорошо, я тебя услышал.

— Ты видел хоть одного офицера полиции?

— Нет, — признался он.

— Именно. Полагаю, что это место под защитой, — сказала она.

— Ты имеешь в виду, что кто-то кому-то платит за...

— За отвод глаз? Да, — ответила Хелен, — но я не знаю, как можно держать каждого полицейского в городе подальше от такого места, как стоянка такси.

— Кроме того факта, что, кажется, никому нет до этого дела, это легче, чем ты думаешь. Парням в синем могут просто приказать держаться подальше от определенных мест, чтобы избежать предвзятого отношения к текущим расследованиям детективов под прикрытием, —

пояснил Том, — или политик может попросить старшего офицера полиции не давить на незащищенных детей, чтобы не спровоцировать общественного скандала. Ни одна партия не хочет, чтобы показатели преступности выросли из-за большого количества арестов несовершеннолетних по обвинениям в наркотиках или проституции.

— В каком чокнутом мире мы живем, — сказала она, — люди ставят статистику по преступности на самый верх приоритета, вместо того, чтобы арестовывать мужчин, эксплуатирующих незащищенных детей.

— Вот так и делаются карьеры.

Затем Том напрягся.

— Она идет.

Они наблюдали за тем, как Келли покинула приют и неспешно пошла по дороге к городу.

Том подождал, пока она зайдет за угол, а затем завел двигатель. Они поехали по главной дороге, заметили Келли, а затем завернули к обочине, где Хелен вышла из машины.

— Келли.

Девушка не сразу заметила присутствие Хелен.

— Чего тебе? — огрызнулась она.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказала она, — но глаза Келли уже забегали по сторонам, как будто она почувствовала, что это ловушка. Том пока не выдал своего присутствия. Он надеялся, что Хелен, как женщина, будет представлять собой меньшую угрозу, но Келли засекла его, сидящим в машине.

— Что он здесь делает? — потребовала она ответа, когда Том опустил окно машины, чтобы объяснить.

— Ты украл мою фотографию, ублюдок! — закричала она на него.

— Украл, — признался он. Он вернул ей фотографию через окно.

— На самом-то деле, позаимствовал.

Она подошла к нему быстрым шагом и вырвала фотографию из его пальцев.

— Мне жаль. Я просто хотел иметь возможность узнать Диану.

— Чтобы притащить ее обратно сюда? — бросила она ему обвинение.

— Нет, — он покачал головой, — зачем бы мне хотеть тащить ее обратно в эту дыру? Диане лучше в Лондоне, и мы оба знаем это.

От этих слов Келли присмирела.

— Я просто хотел узнать, что она в безопасности, и поговорить с ней о Сандре Джарвис. Мне нужно найти Сандру.

— Ну, с этим я вам не помогу, — и Келли пошла прочь.

— Сколько ты зарабатываешь за ночь, Келли? — крикнул он ей в след, и она повернулась.

— Что вы имеете в виду?

Она выглядела обеспокоенной.

— Готов поспорить, что не так уж много, — спокойно сказал он, — плачу вдвойне, — сказал он ей, — если ты сейчас поедешь с нами.

Глава 41

Келли на миг заколебалась, прежде чем принять решение. Он видел, что она подумывает отрицать, что подрабатывает на стоянке такси, но, должно быть, она посчитала, что он уже все об этом знает, так что в этом нет смысла. Ее подцепило на крючок

предложение удвоить ее заработок, так что она сказала ему:

— Сорок фунтов.

Том знал, что она лжет.

— Дам тебе пятьдесят.

— Ты сказал вдвойне.

Но уже садила в машину.

Том увез их на несколько миль от города и припарковался на краю деревни на хорошо освещенной обочине дороги с рядами аккуратных небольших домиков по обе стороны. Он надеялся, что Келли почувствует себя здесь в безопасности и охотнее заговорит. Они оба повернулись к девушке на заднем сидении.

— Что насчет моих денег? — потребовала ответа Келли, когда машина остановилась.

— После, — ответил он.

— Когда ты ответишь на наши вопросы, — сказала ей Хелен. — Это справедливо.

— Нах*й справедливость, — огрызнулась Келли.

— Почему Диана так хотела уехать? — спросил Том.

Когда Келли не ответила, Хелен сказала:

— Кажется, всем девушкам нравится в «Мидоулендс».

Келли повернулась к Хелен.

— Мы обязаны так говорить, — сказала она репортерше, как будто все было очевидно.

— Иначе Дин и другие разозлятся на тебя?

Само молчание Келли послужило ответом.

— А, если они довольны тобой, — сказал Том, — то разрешают заниматься, чем ты хочешь, — а затем он решил рискнуть, — и ты можешь пойти ночью на стоянку такси.

— Ты коп или че? — рявкнула Келли.

— Я же сказал тебе, Келли. Я просто репортер, который помогает старику Сандры найти свою дочь. Меня не интересуют мужчины, которые владеют этими небольшими бизнесами.

Он лгал ей насчет этого, так как абсолютно намеревался написать о них, как только ему представится такой шанс.

— Они мои друзья, — с вызовом произнесла Келли.

— Я знаю, что ты их ими считаешь, — сказала Хелен, — но они используют тебя, Келли.

— Не пори чушь, — оборвала она Хелен.

— Это не наше дело, — сказал Том Хелен, и, когда она бросила на него ядовитый взгляд, он многозначительно посмотрел на нее в упор, пытаясь донести до нее сообщение, что пока что хватит говорить о Диане и Сандре Джарвис.

— Келли — большая девочка. Она может заниматься тем, чем хочет. Так, Келли?

— Да, — согласилась девушка и, казалось, немного успокоилась.

— И, если она в процессе немного зарабатывает, это ее дело.

— Дело не в деньгах, — запротестовала Келли, — ну, иногда в них, но в основном просто потому, что они снабжают нас разным.

— Сигаретами, выпивкой... такого рода вещами.

Том сказал это так, как будто это все было в порядке вещей, его тон нисколько ее не осуждал.

— Да, — сказала она, — все парни так поступают.

Хелен пришлось сдержаться, чтобы не сказать Келли, что отношения с парнем работают не так, но она знала, что молодая девушка закроется, если она так скажет.

— Не то, чтобы ты была единственной, — сказал Том, — мы знаем, что все девушки в «Мидоулендс» так делают.

Келли инстинктивно избегала признания в этом, но не опровергла его слова.

— Ты этим занимаешься, они этим занимаются, Диана этим занималась. Подумаешь.

И он сам себя возненавидел за эти слова.

— Похоже на договор, который всех устраивает, — заключил он. — Так почему Диана хотела уехать?

— Дело было не в них, — запротестовала Келли. — Они хорошо с нами обращаются, — сказала она, и Хелен задумалась о реальности, где молодую девушку действительно заставили верить в то, что секс с кучей незнакомцев это норма. — Дело было в другом.

— Я знаю, Келли, — сказал он, — мы выяснили это. Мы знаем, что Диана рассказала Сандре не о парнях со стоянки такси. Как ты и сказала, дело было в другом.

Келли с опаской на него посматривала, пока он говорил.

— И что бы это ни было, этого было достаточно, чтобы Сандра закрыла двери комнаты Дианы и просидела с ней всю ночь, пока они разговаривали. Ты сказала нам, что они обе были очень расстроены утром, и Диана уехала в Лондон почти сразу после исчезновения Сандры.

Он дал Келли время, чтобы обдумать эту мысль.

— Так в чем было дело, Келли? Большой секрет, который Диана рассказала Сандре? — он потянулся в карман куртки и вытащил свой кошелек, — причина, по которой она сбежала?

Том вытащил пятьдесят фунтов и вручил ей. Она взяла их, сложила и засунула деньги в карман джинсов, но ее глаза не отрывались от его рук, когда он продолжил считать оставшиеся купюры в кошельке.

— Десять... двадцать... тридцать, — считал он.

— Что это?

— Больше денег. Сорок... пятьдесят.

— За что?

— Шестьдесят... семьдесят... восемьдесят...

— Что ты за них хочешь?

И она бросила взгляд на Хелен.

— Я не по девочкам, — сказала она ему, — если это то, о...

— Мы не этого хотим, Келли, ты же знаешь. Это легкие деньги... самые легкие, которые ты получала... девяносто... вот.

Он закончил, сложив деньги аккуратной кучкой, и передал ей. Она с жадностью за ними потянулась, но он отодвинул их.

— Они твои, Келли, — сказал он ей, — как только ты расскажешь нам маленький секрет, который хранишь все это время. Я знаю, ты понимаешь, о чем я говорю. Я вижу это по твоим глазам.

Молчание затянулось, пока Келли взвешивала риски.

— У нас проблема, — сказала Келли, — с одним из боссов.

— Какая проблема? — спросила Хелен.

— С каким боссом? — спросил Том одновременно с ней.

— Я не знаю его имени.

— Чем он занимается, Келли? — спросила Хелен, но девушка, казалось, не могла произнести этого вслух.

— Он путается с девушками? — наугад бросил Том, и Келли кивнула.

— И ты говоришь, что он один из боссов?

Келли кивнула снова.

— Он работает в «Мидоулендс»? — спросила Хелен.

— Нет, — ответила Келли.

— В социальных службах? — спросил Том.

Она просто пожала плечами.

— Или в совете? — предложил он. — Он политик, — предложил он альтернативу, — полицейский или гангстер?

— Я не знаю, чем он занимается, — сказала ему Келли, — но он один из боссов.

И они поняли, что она говорит так обо всех, кто у власти.

— Он занимает высокое место.

— И ты даже не знаешь его имени?

— Нет, не знаю. Он никогда его не называет.

— Еще бы, — согласился Том.

— Но он часто приходит.

— Келли, — осторожно спросила Хелен, — если ты не знаешь имени этого мужчины и не знаешь, чем он занимается, откуда ты знаешь, что он высокопоставленный человек?

— Потому что, — логика Келли была иррациональной, — он делает то, что ему нравится, и никто никогда его не останавливает.

— Ладно, — произнес Том, — ты не знаешь его имени, но, предположительно, ты можешь его опознать?

— Конечно, — ответила она, — но в этом нет смысла, ведь так?

— Почему ты так считаешь? — спросила Хелен.

— Никто не поверит мне.

Она произнесла это как очевидное.

— Что, если я скажу, что мы верим тебе, Келли? Что, если мы покажем тебе кое-какие фотографии, — спросил Том, и девушка посмотрела на него с подозрением, — и не скажем, что ты в этом участвовала? Все, что тебе нужно сделать, показать на него, а затем ты получишь свои деньги.

Он видел, что идея ей нравилась.

— Как тебе?

Последовало еще одно долгое молчание.

— Может быть, — произнесла она.

***

Они отвезли Келли обратно и высадили недалеко от «Мидоулендс», а затем уехали.

— Ты же не веришь в это, — спросила Хелен, как только они остались одни.

— Верю во что?

— Что девушки, занимающиеся этим со взрослыми мужчинами, в порядке вещей?

— Боже, Хелен, как ты можешь меня об этом спрашивать?

— Прости, — тут же извинилась она, — просто...

— Я пытался ее разговорить, — сказал Том, — и это сработало.

— Мне правда жаль, вся эта ситуация выводит меня из себя.

— То, что происходит ужасно, и мы остановим это, — сказал он, — но сперва нам нужно узнать, кто этот босс, который совершает насилие над девушками в «Мидоулендс». Если мы сделаем это, может быть, мы сможем запустить процесс, и им придется что-то сделать по этому поводу. Ты достала в отделе новостей фотографии Джо Линча, Джимми Маккри и Алана Кэмфилда?

— Думаю, что да.

— Принеси еще парочку фотографий, — проинструктировал он, — людей, которые не имеют отношения к политике или социальным службам.

— Зачем?

— Потому что, если Келли выберет их, мы узнаем, что она лжет.

Глава 42

— Для тебя сообщение, — сказала констебль Малоун Брэдшоу, еще до того, как тот снял куртку, — от сержанта Хеннесси.

— Правда?

Брэдшоу задумался, было ли сообщение от приспособленца, зря занимающего должность, лишь уведомлением, что Хеннесси подал на него жалобу.

— Чего он хочет?

— Он сказал, что они взяли парня, который тебя заинтересует.

***

Мужчина в камере выглядел так, будто его переехал грузовик. Его лицо было избитым и ужасно опухшим, и, когда Брэдшоу отодвинул заслонку на двери, мужчина рядом с ним заговорил.

— Прежде чем ты что-либо скажешь, — сказал ему дежурный офицер, — он уже так выглядел, когда мы привели его сюда.

— Не сомневался в этом, — сказал Брэдшоу. — Кто он?

— Зовут Колин Эйвери.

— Расскажи, что произошло.

— Забавнейшая история.

Дежурный офицер пытался не заржать, но чем больше он понижал голос, чтобы заключенный его не услышал через запертую дверь камеры, тем труднее ему было сдерживать веселье.

— Он преследовал женщину на какой-то дороге рядом с Аллеей Потрахушек, поэтому Хеннесси сказал, что тебя это заинтересует. Она занималась там, бегала трусцой и прочее. Ростом она не выше пяти футов и весит всего ничего, но так вышло, что она только недавно получила черный пояс по карате. Он подошел к ней, вытащил свой член и принялся играть с ним прямо перед ней, но вместо того, чтобы испугаться этого извращенца, девушка подбежала к нему и пнула его прямо по яйцам.

Он безудержно рассмеялся.

— Но она не оставила все так...

Сейчас он с трудом переводил дух от смеха.

— Она оторвалась на нем... Эта маленькая девчонка отколошматила его по полной...

Его голос поднялся на несколько октав, пока он вытирал слезы с глаз.

— На нем живого места нет от синяков. Если бы мимо не прошел прохожий и не сказал, что вызовет полицию, мы, вероятно, нашли бы там его труп...

Он начал задыхаться, а затем, наконец, взял себя в руки.

— Мы, честно говоря, не знаем, что делать: выдать ей медаль или выдвинуть ей обвинение в тяжких телесных. Я имею в виду, что это не совсем подходит под пределы допустимой самообороны, — и он показал на камеру, в которой находился мужчина в синяках. — Никогда не видел никого, кто был бы так счастлив взятию под стражу.

— Его осмотрел врач? — спросил Брэдшоу, не желая спрашивать парня, имеется ли у него серьезные травмы.

— Да, он будет в порядке, — ответил дежурный офицер. — Он получил синяки на синяках, но, каким-то чудом, ничего не сломано, хоть я и сомневаюсь, что его член уцелел.

— Я думал, что таких, как он, выпускают, — сказал Брэдшоу, — с предупреждением, за то, что он сделал?

Он был удивлен, что мужчина все еще находится под арестом.

— Мог бы быть отпущен, — офицер внезапно стал серьезен, — но мы нашли кое-что в багажнике его машины.

— Что вы нашли?

— Сумку, — просто ответил дежурный офицер, — и вы не поверите, что там внутри.

***

— Липкая лента... — громко и четко произнес Брэдшоу, и его слова, казалось, отдавались эхом, и задержанный вздрогнул, — ...наручники...

Он позволил словам повиснуть в воздухе, когда вошел в допросную, обогнув стол и стул, занятый лысеющим, коренастым мужчиной в свежих синяках, покрывающих его тело.

— Маска...

Он изменил тон голоса, чтобы это последнее слово отдавало оттенком грусти, как будто теперь он уже ничего не может сделать для мужчины.

— И... — он приберег лучшее напоследок. — ...огромный нож.

Брэдшоу остановился.

— Это уже, по меньшей мере, десять лет, — сказал ему Брэдшоу, — даже, если ты ничего не скажешь.

— Но я ничего не сделал.

Голос мужчины был слабым и плаксивым.

— Ты ничего не сделал? — спросил Брэдшоу. — Ты вытащил свой пенис средь бела дня и принялся мастурбировать перед невинной женщиной, и говоришь, что ничего не сделал?

— Я ничего не мог с этим поделать, — заныл мужчина, — но я ничего не делал с этими вещами.

— «Вещами»? — спросил Брэдшоу. — О, ты имеешь в виду крайне подозрительные предметы, которые ты собрал, и, которые могут быть использованы только для похищения или изнасилования? — Брэдшоу наклонился ниже, чтобы его лицо было напротив лица мужчины, а их глаза были на одном уровне. — Я предполагаю последнее. И ты говоришь, что ничего не сделал?

— Я никогда... — начал мужчина, но уже вскоре разрыдался.

— Ты никогда что? Не применял их? Не имеет значения. Тот факт, что ты ими владеешь, достаточен, чтобы доказать намерение, как и то, что ты пытался напасть на женщину...

— Я не нападал на нее, — слабо запротестовал он.

— Только потому, что она надрала тебе задницу.

Брэдшоу невесело рассмеялся.

— Должен сказать, Колин, интересный выбор вещей.

— Я не причинил бы ей вреда.

— Нет, конечно же, нет, ты просто хотел поиграть со своей жалкой штучкой на ее глазах. При обычных обстоятельствах я бы поверил, что это все, на что ты способен, но предметы в твоей машине говорят мне об обратном. Я считаю, что на уме у тебя было нечто серьезнее, и включало в себя нападение на женщину. Я думаю, что какое-то время, ты об этом фантазировал, созревал для этого. Я считаю, что ты потерял тогда контроль и отклонился от своего первоначального плана, который заключался в том, чтобы найти подходящую женщину и похитить ее. А это тоже десять лет, кстати, — мужчина еще сильнее заволновался, — минимум.

— Я не могу отправиться в тюрьму. Не могу. Я умру там.

— Возможно, — сказал он напуганному мужчине, — или, может быть, кто-нибудь защитит тебя, сделает своим мальчиком.

Эйвери был так напуган этой перспективой, что свел ноги вместе.

— Не смей описаться тут на пол, — приказал Брэдшоу. — Итак, может ты и не использовал предметы из своей сумки прежде, но готов поспорить, что делал кучу всего другого. Это не первая твоя вылазка на Тра... на Лоунли Лейн, так ведь, — он поправил сам себя как раз вовремя, — так что, если ты расскажешь о всем, что совершил, я лично скажу судье, что ты с нами сотрудничал и полностью сознался. Если же нет, мы оформим все как надо и выдвинем тебе обвинения в каждом изнасиловании или попытке изнасилования там за прошедшие пять лет.

Теперь у мужчины практически случилась истерика, и он начал рыдать.

— Я не насильник.

— Может, и нет, — согласился Брэдшоу, — но хочешь быть. Это очевидно.

— Все, как вы и сказали, — завыл он, — это просто фантазия.

Из его носа потекли сопли.

— Я никогда ничего не делал, честно.

Брэдшоу ни разу не видел, чтобы мужчина выглядел таким слабым и сломленным. Этот жалкий, приземистый парень, вероятно, был не способен на что-то большее, чем публичная мастурбация, но Брэдшоу не собирался снимать его с крючка так быстро. Он должен убедиться.

— Скольких женщин ты там облапал, Колин?

— Ни одной, — и он с силой замотал головой, — честно.

— Скольких ты пытался изнасиловать?

— Я не пытался никого насиловать.

Слова исказились из-за его рыданий.

— Тогда скольких ты уже изнасиловал?

— Ни одной. Вы должны поверить мне.

— Нет, не должен, — сказал ему Брэдшоу, — я вообще не должен тебе верить, и никто не поверит.

— Я никогда никого не насиловал.

Его тело сотрясилось от рыданий, так что он между каждыми несколькими словами делал большой вдох, чтобы продолжить говорить.

— Я никогда... не насиловал женщин... у меня никогда не было женщины.

— Что?

— Я... девственник.

Колин Эйвери сломался и безудержно зарыдал.

Брэдшоу смотрел на мужчину и задавался вопросом, видел ли он когда-нибудь такого жалкого человека, но они все равно обыскали его дом, чтобы проверить. Они взяли его фотографию и показали каждой женщине, которую облапали или преследовали в радиусе пяти миль от Лоунли Лейн, чтобы посмотреть, узнает ли его кто, но Брэдшоу полагал, что не узнают. Он, вероятно, полностью жил в своих мечтах, и, скорее всего, нет никаких физических улик, связывающих его с совершенными преступлениями. Максимум, что они смогут ему предъявить, владение опасным оружием и неприличное поведение на публике, а сильное избиение, которое он перенес, вероятно, смягчит приговор. Извращенец, скорее всего, выйдет на свободу. Ему даже могут присудить компенсацию. Брэдшоу решил, что Колин Эйвери сначала заслуживает немного пострадать.

— Полагаю, что могу, как минимум, выдвинуть тебе обвинение в трех изнасилованиях, — а затем сказал, как будто только что вспомнил, — и одном убийстве.

Мужчина внезапно перестал рыдать и посмотрел Брэдшоу в глаза.

— Это не я.

— А кто?

Сейчас Брэдшоу внимательно насторожился.

— Женщина, которую убили, — уверенно произнес Эйвери. — Я был там, но это был не я.

— Ты был там? — Брэдшоу ему не верил. — Что ты имеешь в виду, говоря, что был там? Что ты сделал, Колин? Рассказывай.

Эйвери уверенно кивнул.

— Я наблюдал за ней из-за кустов. Я все видел, но это был не я.

— За кем ты наблюдал?

— За той женщиной, которую убили: я видел, как она сидела в своей машине. Она опустила водительское окно и курила сигарету. Она хорошенькая, так что я наблюдал за ней.

— Как она выглядела?

Эйвери описал Ребекку Холт, но мог вычитать эту информацию в любом таблоиде. Затем Эйвери точно описал ее одежду, в которую она была одета в тот день и то, как были убраны ее волосы, что означало, что он говорит правду.

— Что затем произошло, Колин, — подтолкнул Брэдшоу. — Что ты сделал?

— Ничего! Я просто смотрел, вот и все.

— Тогда что ты видел?

— Если я расскажу, вы обещаете, что я не отправлюсь в тюрьму? — Он взмолился: — Вы должны пообещать!

Брэдшоу ближе наклонился к плачущему мужчине.

— Если ты сейчас же не расскажешь мне все, что знаешь, я прослежу, чтобы судья дал тебе еще три года за препятствие правосудию.

Эйвери выглядел напуганным до ужаса, так что Брэдшоу смягчил тон.

— Если ты расскажешь мне правду, это тебе поможет, Колин. Я всем скажу, что ты хороший мальчик, идущий на сотрудничество со следствием, но, если ты будешь мне врать, или я узнаю, что ты за это ответственен...

— Нет, нет, это был не я. У меня тогда не было силы, а у нее была.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что у тебя не было силы? — спросил Брэдшоу. — Ты хочешь сказать, что она была у жертвы?

— Нет, не у нее, — заверил его Эйвери, — женщины... другой женщины... той, что с молотком... у нее была сила... и она применила ее... я видел ее.

Глава 43

— Он надежный свидетель? — спросил Том, когда Брэдшоу пересказал ему историю из признания Колина Эйвери. Они снова были у Тома дома, но в этот раз, после долгого дня они перекусили рыбой и чипсами, и запах уксуса заполнил комнату, пока они жадно поедали еду с коленей.

— Ну... если совсем уж быть честным... то нет.

Он съел чипсину.

— Я не уверен, насколько надежным такой мужчина может быть перед жюри присяжных, если предположить, что это вообще дойдет до суда, что маловероятно. Мы арестовали Колина Эйвери на Лоунли Лейн. В лучшем случае, он человек с извращенной фантазией, в худшем, представляет угрозу для женщин. Адвокат может сказать, что все это было галлюцинацией, или он это придумал, в обмен на какую-нибудь сделку. Должен сказать, что и сам не могу исключать подобной вероятности, хоть он настолько жалок, что я сомневаюсь, что у него есть яйца, чтобы пытаться нас одурачить.

— Так значит, он никогда не попадет на свидетельскую скамью, — согласилась Хелен, — но ты ему веришь?

— Не уверен, что да, — ответил Брэдшоу, — но я далек от убежденности, что нет. Кто знает, что он на самом деле видел, но, когда он описывал женщину, которая напала на Ребекку Холт, то по описанию это легко могла оказаться Энни Белл.

— Тогда ее фотография часто мелькала в газетах, — заметил Том. — Он мог увидеть ее и вспомнить о том деле.

— Я не думаю, что он вообще читает газеты. Он выглядит так, будто живет в своем собственном мире, — сказал Брэдшоу, — и он знал, во что была одета Ребекка в тот день, о чем не сообщалось.

— Если даже мы поверим в его версию событий, этого будет недостаточно, чтобы отменить приговор Ричарда Белла или выдвинуть обвинения Энни, — заметила Хелен, — так как мы найдем этому применение?

— Вся проблема в надежности свидетеля, — сказал Том, — или ее отсутствии, верно?

— Да, — согласился Брэдшоу.

— Но Энни Белл этого не знает, — он посмотрел на Хелен, — где ты и вступаешь в игру.

Прежде чем Хелен успела спросить Тома, что все это значит, вмешался Брэдшоу.

— Есть еще кое-что, — сказал он им. — Я проверил для тебя эту демонстрационную машину. Я посчитал, что Энни могла припарковать ее у кинотеатра предыдущей ночью, потому что у нее не было бы времени пригнать туда два автомобиля утром. Затем я подумал, что, если ей нужно было сначала отвезти детей в школу, то она, вероятно, не могла вернуться к этому до девяти утра, как минимум.

Брэдшоу передал Тому желтый конверт, содержащий какие-то официально выглядящие документы, которые Том тщательно стал рассматривать

— Йен, да ты гений.

— Что он нашел? — спросила Хелен.

Том просиял.

— Только лишь сходил и раскрыл дело, — сказал он ей.

Когда Том Карни приблизился к любимой лавке Энни Белл в парке во время ланча на следующий день, она, казалось, была не рада его видеть.

— Я надеюсь, что это важно, — сказала она ему, откладывая сэндвичи в сторону.

— Так и есть, — сказал он и сел рядом с ней, подождав, пока устало выглядящая молодая мать, катящая спящего в коляске младенца, не пройдет мимо, а затем просто сказал:

— Вас видели, Энни.

— Видели?

— В тот день.

— Что вы имеете в виду?

— У полиции есть новый свидетель, надежный свидетель. Он рассказал полиции, что видел, как от машины Ребекки Холт после ее избиения, уходила женщина.

Он вручил ей последний выпуск газеты Хелен.

— У газеты пока нет подробностей, но скоро будут.

Энни Белл взяла газету и прочитала заголовок.

— Новый свидетель по убийству на Лоунли Лейн.

Она замолчала, и Том ждал, пока она дочитает статью. Внизу у озера старик гулял один, одной рукой, держась за трость, а в другой крепко сжимал коричневый бумажный пакет с едой для уток.

Хелен проделала отличную работу, написав интригующую, хоть и немного преувеличенную статью. Не называя имен, она написала, что источник в полиции (Том) раскрыл ей, что полиция (Брэдшоу) считает конфиденциальные свидетельские показания (Колин Эйвери), достоверными. Это пролило новый свет на дело и бросило тень сомнения на виновность Ричарда Белла. Есть даже вероятность, что дело будет возобновлено, оптимистично заявила она. Возле сцены происшествия видели женщину, и полиция призывает ее прийти и помочь им с их новым расследованием.

Том понимал, что это все будет открытием для Констебулярии Дарема, которые могут быть очень недовольны Хелен Нортон, но это было единственным способом напугать Энни Белл, чтобы она рассказала правду. Он каким-то образом должен заставить ее признаться.

Энни Белл читала статью, не показывая никаких эмоций, но Том знал, что в голове у нее крутятся шестеренки. Ему нужно было воспользоваться преимуществом, прежде чем она вернет самообладание. Энни пожирала слова, которые сознательно были написаны в такой манере, чтобы вызвать у нее предельную обеспокоенность. Хелен блестяще сыграла свою роль. Всего несколькими сотнями слов, она пробудила самый худший кошмар Энни Белл.

— Какой свидетель? — скептически спросила она. — Какая женщина? Как по мне это все бред. Кто-то пытается привлечь внимание.

— Он даже описал, в какой одежде вы были, Энни: темные штаны для йоги и спортивная кофта сверху с бейсболкой. Я вполне уверен, что он был близок к тому, чтобы вас узнать.

— О чем вы говорите?

Она выглядела встревоженной.

— Кто этот свидетель, и почему он появился только сейчас?

— У меня нет его имени, но мой источник в полиции сказал мне, что он женат и встречался там с любовницей. Он боялся, что, если объявится, то ему придется выступить в

суде, и это будет стоить ему брака.

— Тогда почему он...

Лицо Энни было олицетворением смятения.

— Объявился сейчас? Развелся, к несчастью для вас. Он и его женушка разошлись разными дорожками, так что ему теперь больше нечего терять, кроме одного.

— Чего?

— Это грызло его больше двух лет, зная, что невинный человек гниет в тюрьме за преступление, которого не совершал. Он никогда не думал, что Ричарда посадят за убийство, но, когда его посадили, тот посчитал, что у него будут проблемы, потому что он не объявился раньше. Но он анонимно позвонил в полицию, и они сказали ему, что никогда не поздно поступить правильно. Они пообещали ничего против него не предпринимать, если он расскажет правду, и именно так он и поступил.

— Я не знаю, зачем ему все это утверждать, но это все бред. Если он видел там женщину, то, определенно, это была не я. У меня есть алиби, — напомнила она ему.

— Боюсь, что больше нет, — спокойно сказал Том. — Знаете, я проверил его и обнаружил выход из кинотеатра, также есть автопарк, где вас ждала демонстрационная модель. Вот почему она не указана в вашем журнале учета.

— Что?

— И сегодня кое-что произошло, что все изменило, — сказал он ей. — Я думаю, с моей помощью, полиция скоро сможет возобновить расследование убийства Ребекки Холт.

— Что вы имеете в виду?

Она пыталась говорить обыденным тоном, но ей это не удавалось.

— Что произошло?

— Я узнал про парковочный талон.

Том внимательно на нее смотрел и видел, что она в ужасе.

— Какой парковочный талон?

Энни прищурилась, изо всех сил пытаясь выглядеть сбитой с толку.

— Вы перестарались, Энни, — сказал он. — Вы в этом не очень хороши. Вы точно знаете, что я имею в виду: парковочный талон на демонстрационную машину. Вот видите, поначалу я предположил, что вы в тот день встали рано, а затем пошли по своим утренним делам, а затем забрали демонстрационную машину из какого-то места поблизости и поехали на ней в город. Я посчитал, что вы припарковали ее за кинотеатром и купили талон на парковку перед тем, как возвращаться домой, вероятно, на автобусе. Затем вы отвезли детей в школу на собственной машине, припарковали ее на парковке на другом конце города, но затем я изменил свое мнение.

— Я обречена.

И она покачала головой, будто этого всего не происходило на самом деле.

— Вы обрekli меня.

Том проигнорировал это и продолжил. Он доверял детективной работе Йена по одной причине.

— Я подумал, что это будет довольно сложно сделать с утра пораньше, так что, может быть, вы пригнали демонстрационную машину на парковку предыдущей ночью. Вы не могли купить талон до следующего утра, пока не отвезете детей в школу, но вы об этом не беспокоились. В любом случае, никто не знал, что у вас есть машина. Вы могли рисковать, не опасаясь последствий. Охранник пришел на парковку в тот день рано и выдал вам

талон на демонстрационную модель, но это не важно.

— Когда я проверил журнал учета демонстрационных моделей, там оказалась одна машина, за которую расписывались каждый день на той неделе, кроме дней вокруг убийства Ребекки Холт. Тогда я запомнил регистрационный номер и отправился в департамент, ответственный за сбор штрафов. И вот я обнаружил, что «Вольво» с тем же самым регистрационным номером был припаркован за кинотеатром без талона тем самым утром. Технически, машина принадлежала производителю, так что, в конце концов, они связались с ним для оплаты, хоть они и хотели продавать вам машины, Энни, они не собирались платить ваши парковочные штрафы, так что они с вами связались, и штраф был быстро оплачен. Очень странно, он был заплачен не вашей компанией и даже не одним из водителей вашей компании.

— Нет? — спросила Энни помертвевшим голосом.

Том покачал головой.

— Нет. В документах есть аккуратная черно-белая фотокопия чека, торопливо подписанного миссис Энни Белл.

Ее взгляд сделался таким, как будто ее кто-то ударил.

— Полагаю, что вы посчитали, что никто никогда об этом не узнает, а? Вы думали, что этот чек будет погребен где-нибудь в архивах годами. Ну, так и было, — сказал он ей, — на протяжении двух лет, если быть точным, пока я его не нашел. Это все доказательство, которое мне требуется, Энни.

— Это ничего не доказывает!

Но ее голос дрожал.

— Это доказывает мою версию, что вы ускользнули из кинотеатра через пожарный выход, затем направились на парковку ко второй машине. Я предполагаю, что вы пошли напрямик к ней, прежде чем приступить к утренним делам, чтобы иметь возможность купить талон для автомобиля, который вы уже там оставили, но вы не знали, что совет изменил систему выписки штрафов. Мужчина уже записал ваш регистрационный номер и начал процесс отправки вам штрафа.

— Я не собираюсь вам отвечать, — сказала она, — это все чушь. Я даже не...

Она покачала головой в неверии.

— Вам и не нужно отвечать мне, Энни. Вы просто можете рассказать все полиции. Они — те, кто потребуют ответа, а вы не сможете объяснить, почему у вас в городе в тот день был второй автомобиль. Если я отдам им это, они однозначно возобновят следствие, — сказал он, — потому что они будут знать, что единственная причина, по которой вам потребовалось две машины, чтобы вы могли использовать одну из них, чтобы создать алиби, а другую для поездки на встречу с Ребеккой Холт и ее убийства.

— Если? — спросила она его.

— О чем вы?

— Вы сказали, если вы отдадите это им — не когда.

— Я так сказал? — невинно переспросил он.

— Чего вы хотите, мистер Карни? — Энни прищурила глаза и спросила: — Вы записываете этот разговор, Том?

— Нет.

Она все равно настояла на проверке. Он расстегнул куртку, поднял руки и послушно стоял там, пока она похлопывала его по корпусу и проверяла его карманы.

— Довольны?

Вместо ответа она села, а он присоединился к ней.

— Так что вы продаете, Том? — спросила она. — Вы, определенно, что-то продаете.

— Может быть, я покупаю, — сказал он ей. — Я хочу купить вашу историю, но пока недостаточно ее знаю.

— У меня нет истории, — сказала она ему.

— Жаль, — сказал он. — Полагаю, что никогда не узнаю, почему вы это совершили.

— Совершила что?

— Убили Ребекку Холт. Я имею в виду, это очевидно с одной стороны. Она трахалась с вашим мужем. Я бы не сказал, что это достаточная причина убивать кого-то, но вы не первая, кто потерял голову из-за внебрачной интрижки, и, определенно, не станете последней. Но я надеюсь, что вы совершили это по более серьезной причине, чем эта.

— Я, правда, не знаю, о чем вы говорите, — натянуто произнесла она.

— Я сказал вам, что у полиции есть свидетель. Показания свидетеля эксперта дискредитированы, есть мотив и алиби, которое абсолютно разрушено, благодаря парковочному талону, отчего вы могли оказаться там, чтобы убить Ребекку Холт. Единственное, чего мне не хватает, причины. Если бы она у меня была, я мог бы понять, почему вы это сделали. Как видите, у меня проблема, Энни. Вы были правы на мой счет. Меня бесит моя жизнь. Я не хочу переходить с одной низкооплачиваемой работы на другую. Я становлюсь, черт побери, слишком стар для этого. Я хотел бы получить небольшое утешение, а та работа, о которой вы мне рассказывали, звучит многообещающе, но я не уверен, что смогу работать на кого-то, кто может убить другого человека без чертовски хорошей на то причины. — Когда она ему не ответила, он добавил: — Но, если у вас была причина...

— То что?

— Может быть, я забуду показать полиции этот штраф с парковки. Это с легкостью может выскользнуть у меня из памяти. Какой смысл им об этом рассказывать? Я имею в виду, это ведь не вернет Ребекку Холт обратно, верно? Она мертва, вот и все. Может быть, она заслужила это, и, вероятно, ваш муж тоже заслуживает того, что с ним произошло? Кто знает? — спросил он. — Я, правда, так считаю.

— О чем вы говорите?

— Я говорю, что меня можно купить, Энни, но не дешево. Мне нужна причина, чтобы закрыть глаза на ваши делишки, что-то, с чем я смогу жить, убеждая себя, что вы не просто спятившая. Короче говоря, я хочу услышать вашу версию событий, или сейчас мы разойдемся, и я пойду напрямиком в полицию.

— Вы все неправильно поняли, Том. Вы соединили несколько точек, но вместе в них нет смысла и...

Он встал, прежде чем она закончила.

— Хватит, — оборвал он ее. — Я больше не стану тратить свое время. Я подумал, что мы поняли друг друга. Я хочу понять, Энни, или, по меньшей мере, увидеть все с вашей точки зрения, но, если вы даже не собираетесь попытаться...

Том стал уходить.

Он уже был в нескольких ярдах от лавочки, когда понял, что его блеф провалился. Он только что разыграл свою последнюю карту, а Энни Белл побила его козырем. Ему нужно будет больше, чем парковочный талон и показания извращенца, чтобы доказать, что она

убила Ребекку Холт. Том был так разочарован, что ему хотелось кричать во весь голос прямо там, в парке, а затем, внезапно, он услышал голос Энни Белл позади него, громкий, ясный, но дрожащий.

— Подождите! — крикнула она.

Том медленно повернулся к ней, надеясь, что его, наконец, ждет правда.

Глава 44

Том вернулся и сел рядом с Энни на лавочке, а затем стал ждать, когда она заговорит. Когда она, наконец, заговорила, ее голос был безжизненным. Она раскололась.

— Мужчины глупы, — тихо сообщила ему Энни. — Они думают, что мы не знаем, но мы всегда знаем. Они приходят домой, а затем напрямик направляются в душ, потому что говорят, что пропотели в офисе, но на самом деле пытаются смыть ее следы, кем бы она ни была. Они говорят, что опоздали, потому что были в спортзале или в теннисном клубе, но, когда они бросают свой спортивный костюм в стиральную машину, ты идешь, проверяешь и видишь, что он абсолютно сухой.

Том молча смотрел перед собой, не двигаясь, едва дыша, потому что он не хотел разрушить момент. Энни продолжала говорить тихим голосом, лишенным эмоций, как будто находилась в каком-то трансе, слова лились из нее потоком.

— Итак, вы знаете, вы всегда знаете, вы просто не знаете, кто, не по началу, вот почему вы следите за ним. Берете одну из корпоративных машин, никто этого не замечает, потому что все время приходят новые демонстрационные модели, и это ваша работа протестировать их все. Вы паркуете ее за углом и просто ждете, пока он не выйдет с этого бизнес ланча, того, что заканчивается рано, но позже, он расскажет вам, в слишком ярких деталях, как медленно тянулся ланч, потому что Ник хотел похвастаться своей новой клюшкой для гольфа или Эндрю отпускал шутки по поводу своего раннего отцовства. Вы просто хотите сказать ему, чтобы он заткнулся и перестал лгать, потому что вы были там. Вы видели, как он рано ушел, а вы проследили за ним, так что знаете, где он был, и точно знаете, чем он занимался.

— Вы следите за ним на расстоянии, потому что женщины скрытны, и вы не хотите, чтобы он увидел вас, но вы задаетесь вопросом, заметит ли он вообще, что вы преследуете его. В конце концов, он сворачивает с главной дороги на узкую протоптанную тропинку, но вы не идете за ним туда. Это будет слишком очевидно. Вместо этого вы паркуетесь дальше на противоположной стороне дороги и наблюдаете за тем, что случится дальше.

Он заметил, что она использует слово вы, а не я, дистанцируясь от своей истории.

— Затем через пять минут после вашего мужа приезжает другая машина, и вы задаетесь вопросом, каковы шансы такого совпадения. Люди отправляются по той дороге, только по одной причине. Подростки ходят туда по ночам целоваться и обниматься друг с дружкой, хоть я так никогда не делала, — ее слова прозвучали с сожалением, — но они не женаты и это их дело, что у них на уме. Вас волнует только ваш муж и с кем он, но вы не можете разглядеть. Солнце отражается от ветрового стекла, так что водителя не различить, но вы знаете, что это женщина. Вы знаете, что это женщина. Так что вы ждете.

Энни моментально замолчала, как будто вспоминала свои чувства на тот момент.

— Вы ждете больше часа, и вас грызет изнутри, потому что вы знаете, чем он там с ней занимается: вы не можете не представлять их двоих, и это разбивает вам сердце, разбивает.

На ее глаза навернулись слезы, но она зло смахнула их.

— В конце концов, появляется машина вашего мужа, и в этот раз другая машина прямо

позади нее. Они даже не выжидают. Они даже не осторожничают, потому что думают, что так чертовски умны, и никто не поймет, что они замыслили. Машина вашего мужа поворачивает направо, но вы не следуете за ним. Вас больше интересует другой водитель, так что, когда она поворачивает налево, вы разворачиваете машину и едете за ней. Вы преследуете ее на протяжении миль, практически разбивая машину на поворотах, потому что отчаянно не хотите выпускать ее из вида. Вы ждете, когда она остановится, чтобы лучше разглядеть эту женщину, которая трахалась с вашим мужем в машине посреди белого дня всего несколько минут назад, и вы задаетесь вопросом, какой она человек. Одинока она или замужем, моложе его или того же возраста: вы чертовски уверены, что она не старше. Вы задумываетесь, что же такого в ней есть, что он так отчаянно ее желает, что готов рисковать всем.

Затем она покорно вздохнула.

— Вы уже знаете, что она намного красивее.

Она умолкла, но Том ждал, когда она продолжит.

— Затем, в конце концов, она поворачивает к супермаркету. Вы уверены, что она вас не заметила, так что паркуетесь недалеко от ее машины. Она не торопится выходить. Может быть, она разбрызгивает на себя что-то, чтобы замаскировать запах секса, и вы понимаете, что гадаете, в чьей машине они этим занимались, в его или ее.

— Затем, наконец, она выходит, и вы почти ныряете вниз, но не можете оторвать от нее взгляда, потому что отчаянно желаете знать, как она выглядит. Вам не нужно беспокоиться. Она не замечает того факта, что вы всего на расстоянии нескольких машин от нее, и вы долго ее рассматриваете. Она красива, конечно же, она красива. Также она молода и хорошо одета, и вы готовы поспорить, что машина принадлежит ей, даже, если она не сама за нее заплатила. Каким-то образом вы видите ее как будто насквозь, и знаете, что она умна, хитра, манипулятор, безжалостная женщина, привыкшая получать то, что хочет, и с радостью использует любого мужчину, которого встретит, как трамплин выше. Эта реальность ударяет в вас, как кулак в живот. Это не какая-нибудь официантка или горничная, с которой трахается ваш муж. Эта женщина собирается забрать у вас все, — Энни прикрыла глаза, — вы знаете это, вы просто знаете это.

Затем она снова открыла глаза, а ее лицо приняло выражение решительности.

— Только если вы не остановите ее.

Затем речь Энни прекратилась, и Том понял, что ему придется подтолкнуть ее, чтобы узнать правду.

— Так что вы сделали?

— Я хотела встретить ее, когда она будет выходить из супермаркета. Я хотела схватить ее, оттащить за волосы и разбить ее милое личико, — сказала Энни, — но вместо этого я поехала домой, легла на постель, какое-то время рыдала, затем пришла в себя до того, как дети вернутся домой.

— Вы сказали ему что-либо в эту ночь?

— Нет, я просто слушала, как он рассказывал мне о своем дне, пока я подумывала вонзить ему между лопаток кухонный нож.

— Но вы начали строить план?

Он вытягивал из нее историю, немного по не многу.

— Не тогда. Поначалу я чувствовала себя мертвой внутри.

И она выдохнула.

— Прошло какое-то время, прежде чем я достаточно возненавидела его, чтобы начать что-либо планировать.

— Почему вы просто не развелись с ним? — спросил Том, хоть уже знал ответ.

— И позволить ему забрать половину всего? Почему я должна дать ему уйти и стать богатым за наш счет? Почему мы должны заплатить ему сотни тысяч фунтов, которые он не заработал, нанеся кампании серьезный ущерб?

— Вы думали о том, чтобы убить его?

— Какое-то время целыми днями, — призналась она. — Не думала, что это сойдет мне с рук. Наконец, я начала представлять, как я уничтожу их. Я убью ее и сделаю так, чтобы все считали, что это сделал он. Тогда я избавлюсь от них обоих.

Она, наконец, признала правду. Том испытывал шок и облегчение. Хоть даже он уже убедил себя в ее виновности, было невероятным слышать это из собственных уст Энни, после того, как она так долго все отрицала.

— Как вы заставили ее прийти туда?

Том не мог представить себе, как Энни заманила Ребекку на смерть.

— Так же, как и он.

— Через тайник?

— Да.

— Как вы о нем узнали?

— Я снова за ним проследила.

— И вы увидели, как он оставляет письмо под камнем в изгороди?

— Я видела только, как он припарковался и вышел из машины, а затем направился по той узкой тропе, но я не понимала зачем, потому что она никуда не вела. Я поехала за ним, а затем повернула назад, а когда я достигла того места, он уже снова уходил, так что я знала, что он там не будет ни с кем встречаться. Когда он ушел, я сама пошла по тропе. Я даже не знала, что ищу, и в тот раз ничего не нашла, но я поняла, что это место видно из рощи Пикет Копс. Мы часто играли там, когда я была ребенком.

Энни казалась практически задумчивой, на мгновение потерявшей себя в воспоминаниях.

— Я пошла туда на следующий день и наблюдала из рощи. Я сказала, что поеду на встречи, а сама пошла ловить его с поличным. Затем я увидела, как он кладет записку в стену.

Ей потребовалось мгновение, чтобы продолжить. Воспоминание было слишком тяжелым, даже сейчас.

— Именно так вы узнали, где они встречаются и когда?

— Не только, — горько произнесла она, — они писали любовные письма друг другу, когда не могли встретиться. Я читала их переписку на протяжении двух месяцев, но в ней не было так уж много любви. Вам стоило бы видеть, что они писали обо мне. Они оба были так жестоки. Она говорила, что я толстая и выгляжу, как мужчина. Я не заслуживала Ричарда, потому что я холодная и неспособна на настоящую любовь. Она говорила все это отцу моих детей, а он даже ни разу не возразил ей.

— Он говорил ей, что я фригидная и, что он никогда не любил меня, не по-настоящему. Он сказал, что остается со мной только ради детей. Что я его самое большое сожаление в жизни. Он сказал ей, что знает, что сделал ужасную ошибку, когда женился на мне, но смирился с этим. С тех пор он оказался в ловушке. Я не думаю, что вы можете представить, что я чувствовала, когда читала это.

Она вот-вот готова была разрыдаться.

— Нет, не могу.

И, даже хоть теперь он знал, что она, должно быть, была убийцей, впервые Тому стало жаль Энни Белл.

— Затем она стала убеждать его бросить меня, и вскоре они только об этом и говорили. Если бы только они могли оставить нас в прошлом: ее ревнивого, контролирующего мужа, его уродливую, фригидную жену. Если бы только они могли быть вместе навсегда. Тогда я ее возненавидела, — пояснила Энни. — Я возненавидела его и впервые захотела умереть. Затем, позже, я захотела, чтобы вместо меня умерли они оба.

— Но затем вам в голову пришла идея получше?

Она медленно кивнула.

— Убить ее и свалить вину на него.

— Это казалось справедливее, — сказала она, — они оба получили бы, что заслужили.

— Как вы заставили ее встретиться там с вами?

— Это было удивительно легко, — сказала она. — Я тренировалась писать его почерком и написала ей записку. Я подождала, когда он пойдет туда утром, и подменила его записку на свою: то же место, просто другой день и время. Я перенесла их встречу вперед.

— И вы подделали записку от официантки?

— Да, — призналась она, — я знала, что между ними что-то произошло, по тому, как она обращалась с ним, когда мы обедали там. Она была груба: так пренебрежительна, как не могла быть с обычным покупателем, а он делал вид, что не замечает. Я прочитала ее имя на бейдже, а затем выбрала простой, читаемый почерк, рискнув предположить, что она не писала ему раньше. Я попросила его прийти и увидеться с ней, пока у меня будет встреча с той женщиной, и он на это клюнул.

— Что вы написали?

— Официантка сказала ему, что беременна, — сказала она. — Она собиралась всем рассказать, что ребенок его. Я знала, что это сработает. Даже, если он будет убежден, что ребенок не его, он все равно захочет пойти и заткнуть ее или подкупить. Мне даже не был нужен ее адрес. Я просто сказала ему встретиться с ней у нее на квартире.

— И тогда он узнал, что там никого нет.

— Она уже покинула страну. Я была в клубе неделей раньше и слышала, как одна из официанток говорила, что та уехала в Тайланд, и я подумала, вот оно, финальный пазл. Ричард будет утверждать, что эта девушка, которая уже уехала за границу, попросила его встретиться с ним в ее старой квартире. Он будет выглядеть, как идиот и ужасный лжец.

— Что, если бы он сохранил записку? — спросил Том.

— Она не писала ее, — напомнила ему Энни, — так что это будет плохим алиби, верно? Полиция подумает, что он сам написал ее. Я была в перчатках, так что единственные отпечатки, которые они найдут, будут принадлежать ему. Неважно, — сказала она, — я знала, что он не сохранит ее. Он будет слишком беспокоиться, что его фригидная жена ее найдет.

— Так значит, он проглотил наживку и поехал туда, но никто его там не ждал.

— Ее старая квартира была пуста, а он не стал бы там задерживаться, на случай, если кто-нибудь мог его увидеть. Он все еще думает, что это была какая-то злобная шутка с ее стороны, потому что он перестал с ней видеться. У моего мужа огромное эго.

— И вы пошли на встречу с Ребеккой Холт.

— Да.

— Как вы подошли к ее машине, что она вас не заметила?

— Я пересела на демонстрационную модель. Я одела тренировочный костюм, кроссовки и бейсбольную кепку, и убрала волосы в хвост. Я надела солнечные очки. Я сама едва узнавала себя в зеркале заднего вида. Я припарковалась немного в отдалении от тропы, а затем добежала до места. Поблизости никого не было. Я спрятала молоток в рукаве кофты. Я подумала, что мне придется постучать ей по стеклу, чтобы она опустила окно, сделаю вид, что мне нужно что-нибудь спросить, но оно было уже открыто, потому что она курила. Это было так легко, — удивлялась она. — Я просто позволила молотку скользнуть мне в руку, и я сильно ее ударила, — она показала удар, чтобы продемонстрировать Тому угол, — прямо по середине этого красивого лица.

— Она закричала, — сказала Энни. — Я думаю, что уже тогда она поняла, за что это ей. Я ударила ее снова и била, и била. Она пыталась выйти из машины, ей удалось открыть дверь, но она была пристегнута. Я ударила ее по голове... я просто... продолжала... бить ее, — Энни Белл сжала зубы, вновь переживая момент в своей голове, — пока все не закончилось, и она не умерла.

— Когда пришла полиция, вы вели себя так, будто Ричард невиновный человек, который не мог совершить такое ужасное преступление?

— Ну, он и был невиновен, — сказала Энни, почти злорадствуя, — как лучше избежать подозрений, чем не простить своего мужа и поддерживать его?

— Должно быть, того свидетеля эксперта вам послали небеса, — заметил он.

— Он был чудом, — ответила Энни, выглядя благодарной.

— Однако зачем поддерживать Ричарда все это время? — спросил Том. — Почему просто не развестись с ним теперь, когда он в тюрьме.

— После того, как я так публично его поддерживала, я не могла сделать этого, — сказала она, — пока нет. Даже у Ричарда возникли бы подозрения. В конце концов, может быть, даже он поймет, что я не могу ждать вечно. Затем я попросила бы его о разводе, но на своих условиях. Ни один судья не присудил бы убийце, отбывающему заключение, половину состояния его бедной жены, но мне некуда спешить. Не то, чтобы я снова хочу пойти по этой дорожке.

— Какой дорожке?

— Брака, — и она добавила, — так я получаю больше контроля.

— Полагаю, это ваша идея, чтобы он отстаивал свою невиновность, чтобы он никогда не мог подать на досрочное освобождение.

— Он думает, что это его идея, но я подала ее ему. Я не хочу, чтобы он когда-либо выходил на свободу. Как я могу позволить такому мужчине принимать участие в жизни моих дочерей? Он больше никогда их не увидит.

Но это в порядке вещей, что твоих дочерей будет растить убийца, подумал Том. Ее лицемерие ошеломляет.

— В конце концов, он может выйти на свободу, — сказал он.

— К тому времени они уже будут взрослыми, и будет слишком поздно.

— Кажется, вы подумали обо всем, — сказал Том. — Это было очень умно, Энни.

Он произнес это так, будто поздравлял ее с удачно проделанной работой.

— Да, — сказала она, — я так умна, что вышла замуж за мужчину, который никогда не любил меня, — она опустила взгляд, — даже в день нашей свадьбы.

Затем она подняла голову и посмотрела на Тома.

— Почему я ему не нравилась? — потребовала ответа она, от раздражения сжав руки в кулаки.

— Я все делала для Ричарда. Когда я встретила его, он представлял собой жалкое зрелище, я спасла его. Я вновь поставила его на ноги, я убедила своего отца сделать его директором по продажам, даже дать ему поблажку, когда он начал терять интерес к бизнесу. Я вышла за него замуж и родила ему двух прекрасных дочерей, — слезы начали литься снова, — почему этого было мало?

Она смотрела на Тома, как будто он знал ответ и скрывал его от нее.

— Почему этого мало всем мужчинам?

— Я не знаю, Энни.

Энни Белл на какое-то время умолкла. Наконец, она спросила

— Что теперь будет?

— Я не знаю, — снова ответил он. — А что вы хотите, чтобы было, Энни? Должен ли я забыть все, что вы мне только что рассказали и позволить вам продолжить жить, как ни в чем не бывало? Должны ли мы оставить вашего мужа в тюрьме еще на двадцать лет, который даже не знает, что его собственная жена посадила его туда? Должны ли мы позволить убийце Ребекки Холт избежать правосудия?

— Правосудие, — фыркнула она, — правосудия не существует. Не в этой жизни. — Затем она напомнила ему: — Вы сказали, что выслушаете меня. Я назвала вам свои причины, теперь скажите мне, что намерены делать.

— Не сейчас, Энни, — сказал Том и встал, — мне надо подумать.

— Я буду все отрицать, — сказала она, — каждое чертово слово, что только что рассказала, я буду все отрицать.

Том посмотрел на нее вниз и понял, что в каком бы состоянии она не находилась, когда рассказывала свою невероятную историю, эта старая Энни вернулась. Она была сильной, неуступчивой и абсолютно все контролирующей, такой, какой была, когда избила Ребекку до смерти.

— Знаю, что будете.

Глава 45

Йен Брэдшоу уже какое-то время досаждал своим коллегам из полиции Нортумбрии. Он звонил им и писал дважды, в попытке формально направить запрос, но никто не смог помочь ему.

Каким-то образом фотография Сандры Джарвис, сделанная с видеозаписей на Центральной Станции Ньюкасла, потерялась, и никто не мог ее найти. Сторонник теории заговоров увидел бы в этом доказательство, что кто-то пытался саботировать их расследование, но Брэдшоу знал, что, скорее всего, это произошло из-за человеческой ошибки или некомпетентности.

Он уже давным-давно перестал пытаться получить ответ, когда на его стол, наконец, приземлился коричневый конверт с маркой Ньюкасла: прошло уже так много времени, что он уже понятия не имел, что это. Он открыл его и обнаружил бланк с поздравлением и копию фотографии, кто-то все-таки сумел ее найти.

Мужчина внимательно рассмотрел фотографию.

— Да чтоб мне провалиться.

***

Том сел в кресло, взял местную газету и изучал первую полосу, пока пил свой кофе. Это была газета, на которую он работал шесть лет, прежде чем переехал в Лондон ради недолгой, насыщенной событиями работы на таблоид. Который только открыл для него целый новый мир проблем, которые, в конце концов, привели его обратно в его родное графство. То было менее трех лет назад, но казалось, что прошла целая жизнь. Он через многое прошел с тех пор.

Этим утром на первой полосе «Вестника Дарема» красовалась фотография Фрэнка Джарвиса. Он сказал Тому, что собирается посетить открытие нового общественного центра, даже хоть он находился не на его участке, и он не имел никакого отношения к его строительству. Джарвис надеялся перехватить местного журналиста и заставить его написать еще одну статью о Сандре, похоже, он в этом преуспел.

Джарвис смотрел со страницы под словами: «Политик взывает о помощи в поисках пропавшей дочери». Том был журналистом, а не редактором, но он мог различить дерьмовый заголовок, когда с таким сталкивался. Все выглядело так, будто Сандра поехала на несколько часов на шоппинг и не вернулась вовремя к чаю. Типичный Малколм. Бывший редактор Тома не потерял своей способности лишать истории блеска, превращая их в мягкие рассказы о местных неудачах. Он сомневался, что это побудит кого-либо прийти на помощь.

Том сложил газету пополам и бросил ее на стол, оставив Фрэнка Джарвиса смотреть не него в упор, пока он допивал свой кофе.

Он ничего не слышал от Энни Белл с момента их встречи в парке. Том долго и тщательно обдумывал свой следующий шаг. Он размышлял о национальной правовой системе, сложностях бюрократии и о том, как все это длится годами, пока люди страдают. Он прошелся по всем доказательствам, которые скопил против Энни Белл и о том, что адвокаты Энни Белл могут с ними сделать. Он размышлял о том, как они могут отбиться от всех улик, ставя под сомнение достоверность всего, что он нашел, и его мотивы, учитывая, что ему платила семья.

Только, когда он все это много раз изучил, он, наконец, поехал к ней домой.

— Нам надо поговорить, — сказал ей Том, когда она открыла дверь.

— Чего вы хотите? Вы решили?

— Да, Энни, я дам вам шанс, — сказал он ей, — лучший шанс, который вы можете получить.

Прежде чем Энни успела ответить, из сада позади дома раздался крик: «Мама!» Энни повернулась и позволила ему следовать за собой в дом. Как он и ожидал, дом был большим с изящной, дорогой мебелью. Когда они дошли до сада, он показался ему бесконечным, там были три отдельные зоны лужайки, деревьев и кустов, клумбы и отдельные игровые площадки для детей.

— В чем дело? — спросила Энни.

— Холли кусается, — сказала младшая девочка, готовая вот-вот разразиться слезами.

Поначалу Том подумал, что она имела в виду старшую девочку, которая сидела на качелях на втором участке газона, а затем он увидел лабрадора, который бегал вокруг и пытался укусить старшую девочку за ноги, пока она раскачивалась взад и вперед.

— Прекрати, Холли! — закричала Энни, и собака сразу же повиновалась, убежав в дальнюю часть огромного сада.

Казалось, что даже собаки делали то, что им говорили, когда повелевала Энни Белл.

Когда дети успокоились, она повела его обратно внутрь дома.

— Продолжайте, — сказала она ему.

— Идите в полицию, — сказал он, — и спросите детектива, Йена Брэдшоу. Он знает все о деле Ребекки Холт. Это не займет много времени.

— Что не займет?

— Ваше признание.

Она резко выдохнула, ее голос стал выше и сочился вызовом.

— Никто не поверит, что это была я, — сказала она ему, — я могу объяснить штраф.

— Нет, не можете, Энни, — сказал он ей, — и теперь я все знаю. Вы сами мне рассказали. Я знаю все, что вы сделали.

— Я рассказала вам, потому что вы хотели понять. Вы хотели работать на меня.

— Я солгал, Энни. Люди лгут: как вы солгали о работе. Вы придумали эту вакансию и предложили мне ее, чтобы купить меня.

— Я предложила ее вам, потому что подумала, что вы другой, но теперь я вижу, что вы не лучше, чем другие журналюги, с которыми мне доводилось иметь дело. Что бы вы ни утверждали, я вам рассказала, я буду отрицать каждое слово. Я скажу, что это все фантазии и ничто из этого не правда. Мой муж убил Ребекку Холт. Его судили и приговорили, конец.

— За исключением того, что у меня есть ваше полное признание, — сказал он ей. — Я записал его.

На мгновение последовала пауза.

— Вы лжете, — сказала она.

— Нет, Энни.

— На вас не было никаких проводов, — напомнила она ему. — Я проверила. Я обыскала вас.

— Вы правы, Энни, — сказал он, — на мне не было проводов, но в тот день я встал пораньше и пошел в небольшой магазинчик, который знаю в городе. Я купил там необычное крошечное активирующееся голосом электронное устройство. Затем поехал в парк и пошел на ваше любимое место задолго до того, как туда пришли вы. У меня все записано, Энни, каждое слово, потому что я установил жучок на лавочке, на которой мы сидели.

Глава 46

Том проиграл ей короткий отрывок из их беседы на парковой скамейке, но прежде заверил ее, что это не единственная копия.

— Пожалуйста, — произнесла она, когда последовала за ним через дом, — не делайте этого. Умоляю вас. Подумайте о них!

Она указала в сторону сада.

— Они еще маленькие. Им нужна мать. Не забирайте меня. Я сделаю все, что вы скажете, но не делайте этого.

— Теперь-то вы думаете о своих детях, Энни, — сказал он, потому что пытался о них не думать, — но вам следовало подумать о них, прежде чем вы пошли за Ребеккой Холт. Вам стоило подумать об их жизнях, прежде чем вы избili эту женщину до смерти и отправили их отца в тюрьму за убийство.

— Он не заслуживает их, а они не заслуживают такого отца, как он! — закричала Энни.

Том понял, что было очень плохой идеей посетить дом Энни Белл. Он надеялся, что тут будет более спокойная обстановка, чем в офисе, но присутствие ее детей, казалось, приводило Энни в еще большее отчаянье. Он не хотел больше слушать протесты Энни Белл, так что ушел так быстро, как только мог, но она пошла за ним на улицу и начала кричать

ему, когда он садился в машину.

— Что вы натворили, — кричала она, — если бы вы были на моем месте, что бы вы сделали? То же самое! — сказала она ему. — То же самое!

В раздражении она ударила рукой по капоту.

— Нет, Энни, — сказал он ей через открытое окно машины, — нет. Не все убийцы.

Он уехал, оставив ее кричащей на улице.

Том знал, что больше ничего не может сделать. Энни ознакомлена с фактами: она должна истолковать их и сделать следующий шаг. Он лишил ее выбора, оставив лишь один: позвонить Йену Брэдшоу, рассказать ему всю историю и отдаться на милость других, включая ее мужа. Пойдет ли она на это, или она вынудит Тома передать все в полицию, и он заставит их неохотно возобновить ранее закрытое дело, а Энни наймет себе лучших адвокатов, которых только можно купить за деньги? Все, что ему оставалось теперь — ждать, он увидит, есть ли у Энни Белл смелость сдать самой.

***

Общий разговор в кафе «Роузвуд» следующим утром крутился по большей части вокруг Энни Белл и предположений, что она собирается делать дальше. Прошли почти сутки, и Брэдшоу так и не получил от нее телефонного звонка.

— Я могу просто арестовать ее, — напомнил он им.

— Тогда она наймет адвоката и тот выяснит, что твой звездный свидетель — извращенец. Давай подождем еще немного, — сказал ему журналист. — Энни сейчас находится под сильным давлением и может сломаться.

Тогда Брэдшоу сказал им:

— Я, наконец, получил, фотографию Сандры Джарвис с видеозаписи на центральной станции.

— Супер.

— Может, и нет, — сказал Брэдшоу.

— Почему нет?

Брэдшоу вручил ему конверт с фотографией.

Том вытащил фотографию из конверта и всмотрелся в нее.

— Это Сандра Джарвис? — спросил он.

— Да, — ответил Брэдшоу, — согласно документам по делу.

— Но... — начал Том, —...это не Сандра Джарвис.

— Именно, — согласился Брэдшоу, — или, по меньшей мере, может, и она, но это может быть практически кто угодно.

Хелен взяла фотографию у Тома и стала разглядывать.

— Ты хочешь сказать, что кто-то потратил часы, просматривая видеозаписи, и они нашли это, — сказала она, — а затем категорически заявили, что это Сандра Джарвис?

— Да, — согласился Брэдшоу, и Хелен снова посмотрела на размытое изображение светловолосой женщины. Никто не мог убежденно утверждать, что это Сандра.

Изображение было слишком искажено из-за расстояния и сильной зернистости снимка.

— Но это нелепо, — сказала она. — Кто мог это сделать и почему?

— Некто коррумпированный, — ответил Том, потому что он сразу же понял, что могло произойти, — в полиции Нортумбрии, который хотел, чтобы все думали, что Сандра Джарвис села в тот день на поезд и уехала из Ньюкасла, когда она не уезжала. — На самом деле, — добавил он, — она вообще могла не покидать город.

***

Энни Белл этим утром оделась в темный костюм, но она не пошла в офис. Она приехала посередине утра в городской офисный комплекс, где ее хорошо знали. Женщина за стойкой регистрации тепло ее поприветствовала, и Энни сказала ей, что она здесь для одной из своих регулярных встреч с советником по налогам кампании. Кроме женщины, которая попросила ее расписаться на входе в здание, когда она приехала, между ней и лифтами, ведущими на ряд этажей, где располагались бухгалтерские кампании, больше не было преград, что было одной из причин, по которой Энни выбрала это место.

Энни Белл расписалась в журнале учета, параллельно обмениваясь с женщиной со стойки регистрации дежурными банальностями о погоде. Затем она поблагодарила ее и направилась к лифтам. Налоговый советник работал на третьем этаже, но Энни покатила на лифте до двенадцатого. Затем она вышла и прошла мимо ряда столов, за которыми сидели рабочие бухгалтерской фирмы, к услугам которой она никогда не прибегала. Едва ли кто-либо из них удосужился поднять взгляд, но, если бы они и обратили на нее внимание, это не имело бы значения, потому что Энни выглядела так, как будто принадлежала этому месту и не вызвала бы подозрений.

Когда Энни достигла дальнего конца комнаты, она пошла через выход и обнаружила то, что искала: длинную металлическую лестницу, служащую пожарным выходом. Она поднялась по лестнице на один этаж, с силой нажала на металлическую ручку экстренного выхода, пока дверь не распахнулась, а затем шагнула на крышу. Тут же сработала пожарная тревога, но она не обратила на нее внимания. Вместо этого она прошла к самому краю здания и остановилась, а затем посмотрела вниз на бетонную поверхность дороги внизу. Затем вытащила свой мобильный телефон и набрала номер.

Энни ждала, пока гудки шли и шли. Наконец, ее соединили с кем-то за коммутатором.

— Я бы хотела поговорить с сержантом Йеном Брэдшоу, — сказала она.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии.

Снова прошли гудки, три раза, а затем на линии раздался мужской голос.

— Брэдшоу.

Больше во время этого разговора Йен Брэдшоу не произносил ни слова. Вместо этого, он слушал Энни, которая говорила так, будто прежде чем ему звонить, хорошо обдумала свои слова. Она назвала ему свое имя, свое местонахождение и рассказала о своих намерениях, и о том, кого в них винила. Затем она сказала ему приходить одному и, не дав ему ответить, повесила трубку. Как только он понял, что она больше не на связи, Брэдшоу помчался к двери.

***

Когда Брэдшоу достиг места, он увидел взволнованную женщину. Она стояла недалеко от большой группы работников из офисного комплекса, которых эвакуировали в пункты сбора на разных углах парковки. На заднем фоне непрерывно звенела пожарная тревога.

— Кто вам позвонил? — спросила она, когда он показал ей удостоверение.

— Я собиралась вам звонить. Мы только что ее увидели...

И она показала на фигуру, высоко на крыше. Брэдшоу не мог ее разглядеть, но должно быть это была Энни Белл. Кажется, она сидела на краю здания, свесив ноги.

— Она сказала мне, что у нее встреча с советником по налогам, — затараторила женщина. — Она бывала там прежде, много раз. Я никогда бы не подумала...

— Все в порядке.

Брэдшоу поднял руку, чтобы успокоить ее, а затем снова перевел взгляд на Энни Белл.
— Пожалуйста, просто скажите мне, как до нее добраться.

Когда Брэдшоу вошел в здание, пожарная тревога еще ревела, и ему пришлось выносить ее звон, пока он торопливо взбегал по двадцати пролетам лестницы, наконец, он добрался до крыши со сбившимся дыханием и вышел через открытые двери пожарного выхода. Он не бывал на крышах с тех пор, как его бывший напарник упал через стеклянную крышу и сломал себе спину. Констебль Алан Картер больше никогда не сможет ходить. Брэдшоу и раньше не любил высоту, но в то день его страх только усилился.

Теперь, когда он шагал по крыше двенадцатиэтажного офисного здания, вокруг него вихрился злой северный ветер. Брэдшоу знал, что падать с этой плоской крыши на безжалостный бетон внизу придется свыше сотни футов, и у него началось то, что можно расценивать как повышенное состояние тревоги, так как он мог это контролировать. От этого его пульс ускорился, что повлияло на его способность нормально дышать, и породило алогичную уверенность, что в любой момент он замертво рухнет вниз. Его врач называл такие состояния «паническими атаками», но Брэдшоу не нравилось слово «паника».

Он видел Энни впереди и гадал, верно ли он поступает. Он мог бы проигнорировать приказ Энни и мобилизовать полицию, скорую и пожарные службы, а затем отправить их на место, вместо того, чтобы приходить самому, но что-то подсказало ему, что это буквально бы послало Энни Белл через край.

Энни сидела очень спокойно, выпрямив спину, ее голова была поднята и смотрела прямо. С расстояния можно было подумать, что она наслаждается видом города, если бы не тот факт, что ее ноги были свешены через край и сильный порыв ветра мог отправить ее на смерть.

Брэдшоу не хотел об этом думать. Он пытался подойти к ней беззвучно, но крыша была покрыта гравийным покрытием. Она, должно быть, услышала его шаги, так как повернулась и спокойно на него посмотрела, отчего еще сильнее соскользнула к краю. На мгновение Брэдшоу подумал, что она собирается прыгнуть, но Энни положила ладонь на край, чтобы восстановить равновесие.

— Вы Брэдшоу? — спросила она, и он кивнул, боясь, что от звуков его голоса она прыгнет. — Он попросил меня позвонить вам, — сказала она, — я так и сделала, но не по тем причинам, которые ему представлялись. Я хочу, чтобы вы стали свидетелем и рассказали всем об этом. Вы можете сказать Тому, что все это его вина, — спокойно заявила она, — его и моего тупого эгоистичного мужа. Меня бы здесь не было, если бы не они. Ричард разбил мне сердце, а теперь Том Карни не оставил мне выбора.

Энни сознательно скользнула ближе к краю, удерживая себя на краю руками. Они оба знали, что, если Брэдшоу попытается схватить ее теперь, она просто отпустит руки, а вес ее тела закончит начатое.

— Энни, не двигайтесь, — сказал он ей и сделал крошечный шаг в ее направлении, намереваясь сократить расстояние между ними. — У вас все еще есть выбор.

— Если вы приблизитесь, — сказала она, — я спрыгну, — и напряглась, как будто собиралась оттолкнуться.

— Ладно, — сказал Брэдшоу, поднимая руки, — ни шагу вперед.

Она сделала полшага назад. Брэдшоу ничего не планировал, кроме как отговорить Энни Белл прыгать или, по меньшей мере, попытаться задержать ее достаточно долго, чтобы она передумала. Она позвонила ему, но она просто могла сброситься вниз еще до того, как кто-

либо понял, что она на крыше. Возможно, Энни Белл хотела, чтобы ее от этого отговорили. Может быть, еще был крошечный шанс, что он все еще может спасти ей жизнь.

— Я понимаю, что вы не видите из этой ситуации выхода, Энни, но все не обязательно должно заканчиваться так. Никому не понравится то, что вы сделали, но они могут понять. Если вы объясните все, они послушают. Подумайте о ваших детях и их будущем. Подумайте о том, что оставляете позади. Смерть не выход.

Брэдшоу был достаточно близок к краю, чтобы видеть далеко внизу землю, и от этого у него закружилась голова и его затошнило.

— А такая смерть крайне неприятна.

— Я думаю о своих детях, — она повернулась, чтобы посмотреть на него, — это все, о чем я думаю, и вот почему я здесь.

Затем она отвернулась от него и закрыла глаза.

— Умереть легко, — тихо произнесла она, — любой это может.

Энни Белл отпустила край, подняла руки, а голову откинула назад, зажмурив глаза, соскользнула с края и исчезла.

— Нет!

Инстинктивно крикнул Брэдшоу, а его вытянутая рука схватилась за воздух между ними, что было бессмысленным рефлекторным движением, но Энни Белл уже летела вниз. К тому времени, как Йен Брэдшоу добрался до края здания и беспомощно посмотрел вниз, она уже ударилась об бетон.

Глава 47

Тому отчаянно требовалось выпить. Он прикончил уже не первую выпивку, к тому времени, как Йен Брэдшоу присоединился к ним в пабе. Его глаза дико поблескивали, подумал Брэдшоу, но он не мог винить парня. Все получилось не так, как было запланировано. Они спланировали, как загнать Энни Белл в угол, и надеялись все решить, когда она не увидит выхода. Они представляли, как Ричарда Белла освободят из под заключения, пока Энни будет сознаваться в содеянном. Все должно было закончиться не так.

Брэдшоу удалось поймать Хелен в газете и быстро рассказать ей, что случилось. Именно Хелен поручалось рассказать о новостях Тому. Они пошли в паб, чтобы дождаться Брэдшоу, заваленного горами бумажной работы.

Они вдвоем молчаливо слушали, пока Брэдшоу делился с ними деталями: — Энни Белл спокойно прошла в офисное здание, доехала на лифте до верхнего этажа, зачем поднялась по лестнице, открыла пожарную дверь, вышла на крышу, а зачем позвонила мне по мобильному. Она сидела на краю здания, дожидалась моего прибытия, чтобы сказать несколько прощальных слов, а затем бросилась вниз.

— Бог мой, — произнесла Хелен, поникнув, — она сделала это из-за нас?

— Ты имеешь в виду, из-за меня? — огрызнулся Том и сделал большой глоток от своего напитка. — Ты хочешь сказать, это моя вина, что она убила себя?

— Нет.

— Я думаю, именно это ты и хочешь сказать. Ты хоть представляешь, что я и сам задаюсь этим вопросом? Но что я должен был делать? Мы решили предать ее правосудию.

— Да, но разве это правосудие? — спросила Хелен.

— Когда-то давно им, вероятно, было.

— Ты же не веришь в это на самом деле, — запротестовала Хелен. — Она сбросилась с

крыши здания.

— Мы не заставляли ее это делать.

— Разве?

— Она убийца, Хелен. Она тщательно все спланировала, а зачем привела в действие. Энни Белл была виновна в преднамеренном убийстве и не могла смириться с отправкой в тюрьму, так что она совершила самоубийство. Этот выбор сделала она, а не мы.

Для Хелен это прозвучало так, будто он пытался убедить в этом себя, а не ее.

— И это был выбор, который отказался совершать ее муж. Сейчас он там, отбывает пожизненное, как она и хотела.

— Тебе не кажется, что он в некотором роде виновен? — спросила она.

— Нет! — сейчас Том разозлился. — Он изменял ей, ну и что? Великое дело. Ребекка Холт тоже изменяла своему старику, так что четверо несчастных людей застряли в двух дерьмовых браках. Они все просто должны были разойтись своими дорожками, но вместо этого одна женщина решила убить другую. Я удивлен, что твоя симпатия лежит на стороне той, что с молотком, а не той, которой раскололи череп. Ребекка могла прожить еще лет пятьдесят, если бы Энни просто наняла адвоката и развелась со своим мужем, а не открыла сезон охоты.

— Мои симпатии на стороне обеих женщин. Ребекка Холт не заслуживала того, что с ней произошло, как и Энни.

— Ты хочешь сказать, что это он ее до этого довел? Что это вина Ричарда Белла, что его жена убила его любовницу. Как я не догадался, что во всем виноват мужчина.

Хелен знала, что он напился, но не собиралась ему этого так спускать.

— Я такого не говорила! Это не целиком его вина, но ты похоже считаешь его чуть ли не святым! Ты считаешь, что Энни Белл просто должна была объявить, что разводится с ним, и продолжила бы свою жизнь, как ни в чем не бывало? Она провела с ним десять лет, и у них двое детей. Как ты думаешь, что она чувствовала, когда узнала, что происходит за ее спиной?

— Мы знаем, что она чувствовала, — напомнил он ей, — и на что это ее толкнуло.

— Я даже не знаю, почему мы спорим, — сказала она, внезапно ее голос сделался усталым, — ведь мы на одной стороне.

— Так ли это?

Казалось, что ему больно.

— Конечно, — ответила она, — и мы оба согласились, что это трагедия.

— Энни Белл меня упоминала? — внезапно спросил Том.

Брэдшоу посмотрел на него.

— Когда?

— На крыше.

— Я не думаю, что хочу вспоминать, что Энни Белл говорила, прежде чем...

Он оставил предложение незаконченным.

— Она не оставила записки?

— В ее доме и офисе такой не нашли. Она оставила детей со своим отцом, поцеловала их на прощание, как будто ничего необычного не происходит и...

— Сбросилась с крыши.

Том сделал еще глоток.

— Так кого она обвинила перед тем, как прыгнуть?

— Почему бы ей кого-то винить кроме себя?

— Причин нет, — резко произнес Том, — кроме того факта, что я тайно записал ее признание и угрожал ей пожизненным заключением в тюрьме. Она неплохо поживала, пока не появился я.

Ум Брэдшоу заметался в поисках ответа, он пытался купить себе время.

— Итак, — сказал Том, — что она сказала перед тем, как сделать это? Она должна была что-нибудь сказать.

— В основном она говорила не приближаться и держаться подальше.

— Это все, что она говорила?

— Я пытался отговорить ее, — ответил Брэдшоу, — пытался образумить ее, — он вздохнул. — Я тоже чувствую вину, если тебя это утешит.

— Почему ты чувствуешь вину?

— Я должен был позвонить профессионалам, а не идти один. Мне не удалось отговорить женщину совершать суицид, и она сиганула с крыши. Что бы я ни говорил, это не работало.

— Это не твоя работа отговаривать людей от суицида.

— Иногда моя, Том, — твердо ответил Брэдшоу, — некоторым моим коллегам это удается, но я не смог.

— Может, Энни Белл не видела другого выхода, Йен? Я не думаю, что твои слова могли что-либо изменить, эта женщина не собиралась отправляться в тюрьму, я должен был предвидеть это. Я был слишком занят попытками вытащить ее мужа из тюрьмы, чтобы понять, что она ни за что не станет меняться с ним местами.

— До того, как ты вступил в дело, невинный человек гнил в тюрьме. Не твоя вина, что она не смогла смириться с последствиями своих поступков.

Том не мог отпустить эту ситуацию.

— Энни думала, что убить Ребекку Холт, справедливо. Кто-то украл ее игрушки, и она хотела вернуть их обратно, так что Ребекке пришлось умереть, но чья это вина? Определенно, не Энни, готов поспорить. Она не чувствовала за собой вины.

— Нет, не чувствовала. Женщина сошла с ума: по меньшей мере, достаточно, чтобы разбить чей-то череп, так какая разница, что она сказала?

— Потому что мне нужно знать!

Том с силой ударил кулаком по столу.

— Ты можешь, пожалуйста, перестать увиливать и хоть раз ответить прямо?

Брэдшоу выпрямился.

— Она кое-кого обвинила.

Он видел, что Том Карни внимательно на него смотрит.

— Она обвинила своего мужа, — сказал он. — Очевидно, это была полностью его вина, так как он изменял ей. Ричард стал причиной, по которой она оказалась на той крыше, согласно словам Энни.

Брэдшоу произнес это с убежденностью. Об этом он не солгал, просто опустил упоминание Энни Белл имени Тома. Он единственный слышал это, а теперь Энни была мертва, упоминание этого ничего хорошего не принесет. Какой цели послужит обвинение молодого репортера в ее смерти?

— Это все? — спросил Том. — Что насчет меня?

Брэдшоу понял, что Том хочет знать правду. Он хотел услышать, что Энни Белл

обвинила его во всем, чтобы он мог подтвердить собственные подозрения. Только затем он может надеяться попытаться взять на себя чувство ответственности за ее действия: за давление, которое он оказывал на Энни, в попытке оправдать ее мужа, который мог быть виновен во многих вещах, но был невиновен в убийстве. Том нуждался в том, чтобы услышать, что это его вина, чтобы добавить это к списку вещей, которые, он делает вид, нисколько его не волнуют: даже хоть он был уже наполовину пьян. Женщина, совершившая суицид, обвинила его в том, что он оставил ее детей без матери. Он хотел вести споры с призраком Энни Белл в своей голове, говорить ей, что он только делал свою работу, и, что это ее вина, потому что она убила Ребекку.

Брэдшоу знал, что не все так просто. Однажды, его оправдали за поступок, в котором он винил себя, глубоко внутри, он все еще каждый день задавался вопросом, что бы произошло, если бы он поступил иначе. Эта мысль все еще мучила его и будет мучить до последнего дня его жизни. Но Том Карни был его другом. Он хотел слышать эту неприкрытую правду, и бесспорно, у него было на это право.

— Ну, — спросил Том.

— Мне жаль быть тем, кто это тебе скажет, друг, — произнес Брэдшоу, — но о тебе не было и слова.

Глава 48

Жизнь всего одна. Это он сказал Энни Белл перед тем, как она прыгнула, но она не послушала. Он сам в это верил. Йен Брэдшоу не был религиозен. Он не ждал, что его призовут на тот свет и отведут к райским вратам. Он был прагматиком. Когда ты умираешь, то это конец, так что нужно наслаждаться каждым днем.

Зрелище того, как Энни Белл шагнула с крыши, сильно на него повлияло. Что могло происходить в голове этой женщины, что побудило ее дойти до края? Каждый раз, как он об этом думал, ему становилось дурно. Хоть он выпил не так много, как Том, он опьянел. Он был пьян и знал об этом, но в то же время мыслил ясно.

Он сидел дома на диване, когда услышал, как в замке повернулся ключ. Карен вернулась из спортзала.

— Как дела, малыш? — спросила она, когда увидела, что он сидит там.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал он ей.

По его лицу Карен поняла, что он говорит серьезно.

— Что случилось?

Она оказалась рядом с ним, тревожась за него, но он не мог позволить отвлечь себя от цели.

— Ничего.

Отмахнулся мужчина.

— Неважно.

— Тогда о чем ты хотел поговорить?

— Об этом, — сказал он, и она оглядела комнату в поисках подсказки.

— О чем?

— Об этом, — сказал он. — О нас, — и, когда она все еще выглядела сбитой с толку,

Йен пояснил: — О тебе и мне, — с неохотой он признался. — Я этого не хочу.

***

Том был пьян в стельку. Хелен знала это, как и он.

— Упс, — произнес он, когда споткнулся на пороге и упал на колени в коридоре. —

Извиняюсь.

Он, пошатываясь, встал на ноги, и поплелся в прихожую, а затем, буквально, упал на диван.

— Все нормально, я буду здесь, — нечетко произнес он, так что, как минимум, избавил ее от необходимости делить с ним постель в таком состоянии.

— Ты в порядке?

Хелен выпила больше привычного, и Йен не отставал от нее, но Том сегодня выпил в два раза больше них обоих.

— Ты думаешь, я ужасный человек.

На его голос повлиял алкоголь, ему приходилось произносить слова медленно и тщательно, чтобы их еще можно было понять.

— Нет, Том, не думаю, — заверила она его, — правда, я так не считаю.

— Я не хотел убивать ее, — сказал он, и у нее заболело за него сердце.

— Ты не убивал ее, — твердо заявила ему Хелен, — она сама себя убила. Энни не могла жить с тем, что совершила. Мне тоже плохо из-за этого, но она в ответе за это, а не мы.

Она взяла подушку и подложила ему под голову, позволив ему с благодарностью на нее упасть.

— Спасибо, — поблагодарил он, выглядя невероятно уставшим.

Одновременно он закрыл глаза и протянул руку, чтобы взять ее руку в свою.

— Люблю тебя, — мягко сказал Том, а затем сразу же уснул.

Хелен смотрела на спящую фигуру внизу и задавалась вопросом, правильно ли его расслышала. Он только что сказал...?

— Тоже тебя люблю, — тихо сказала она ему, зная, что он не может ее услышать.

***

Брэдшоу не совсем хотел, чтобы это был разговор о расставании или разрыве отношений, чем это вскоре стало. Он просто хотел, притормозить развитие их отношений и не съезжаться, прежде чем они не проведут больше времени вместе, но вскоре стало очевидно, что, в представлении Карен, это было так «вместе-или-расстаемся», «люби-меня-или-уходи». К его удивлению, Брэдшоу это вполне устраивало.

Однако ему не нравилась их ссора, и он не хотел видеть ее расстроенной. На каком-то уровне, он понимал, что он плохо поступает со своей девушкой, о которой он уже начал думать, как о бывшей. Не было ничего приятного или достойного в том, как он сообщал ей об этом, когда она этого вообще не ожидала, но, определенно, это было намного лучше сделать сейчас, а не годы спустя, когда они оба окажутся в ловушке.

— Ну, спасибо тебе большое, — сказала она ему, — так значит, я заставляю тебя чувствовать себя в ловушке? Что мне теперь делать? — завопила она, когда ссора уже была в разгаре. — Я уже выехала со съемной квартиры! Все мои вещи упакованы или уже здесь. Куда я пойду?

— Может, к своим родителям?

От такого предложения у нее вырвался стон разочарования.

— Можешь оставаться здесь, сколько потребуется. Я буду спать на диване, — он быстро добавил, — очевидно.

— Не будь, черт возьми, тупым! — закричала она. — Я уезжаю к родителям и уезжаю прямо сейчас, засранец!

Брэдшоу испытал огромное облегчение, услышав это.

Она направилась к двери, а затем повернулась и нагрядила его испепеляющим взглядом.

— Если у тебя были сомнения, ты мог сказать мне о них раньше, — закричала она на него, — гребаный трус!

Брэдшоу пришлось признать, что насчет этого она права.

***

— Ты в порядке? — спросила его Хелен, когда отодвинула шторы. Том начал щуриться от утреннего света, полившегося в окно, а затем застонал.

— Боже, моя голова.

Он приложил руку ко лбу.

— Сколько я выпил?

— Много, но это можно понять.

— Я не помню, как пришел домой, — сказал он, ей пришлось предположить, что он не помнил, как сказал «люблю тебя», потому что говорил на пьяную голову, но от этого это становится больше правдой или меньше? Она прогнала эту мысль, прежде чем та окрепла.

— Сейчас я пойду на работу, но позже вернусь и принесу тебе фотографии, которые ты просил.

Тому удалось сесть. Он скривил лицо.

— Вся комната кружится.

Затем он, казалось, понял, что она сказала.

— Ты не считаешь, что мы нанесли достаточно вреда за одну неделю?

Она принялась его распекать.

— Нет, не считаю! Послушай меня. Я знаю, ты расстроен из-за того, что произошло с Энни Белл. Йен тоже, как и я, но это другое. Мы должны помочь тем девушкам в «Мидоуллендс», а это значит, найти этого мужчину и остановить его. Так что тебе надо принять душ, приготовить кофе и собрать себя в кучку, потому что сегодня вечером мы снова пойдем искать Келли.

Том понял руку, чтобы ее утихомирить.

— Ты права, мне жаль. Я сейчас встану. Мне тоже нужно кое-чем заняться.

— Чем?

— Ну, для начала, мне нужно пойти и увидеться с Ричардом Беллом, — сказал он, — и я не очень-то хочу это делать.

***

Комендант уже проинформировал Ричарда Белла о суициде его жены, так что, по крайней мере, Тому не пришлось сообщать ему новости. Так как она сбросилась с высокого здания перед офицером полиции, тут было мало неясности. Том приехал в тюрьму в состоянии сильного беспокойства, которое только ухудшилось из-за его похмелья. Он был настолько шокирован из-за смерти Энни Белл, потому что, с какой стороны не покрути, по большей части это произошло из-за его действий. Единственным методом справиться с этим он считал алкогольное забытие. Оно прекрасно справлялось с этим вчера, но сейчас у него болел желудок, его подташнивало, а грохочущая головная боль, казалось, не собиралась утихать.

К тому времени, как Том приехал в Даремскую тюрьму, у Ричарда было уже несколько часов, чтобы осознать новости об Энни, но, когда он вошел в комнату, он не выглядел так, будто смирился с этим.

— Мне очень жаль вашу жену, — сказал ему Том.

— Что вы ей сказали?

Лицо Белла было пепельно-белым и выглядело так, будто он в глубоком шоке. Воспринял ли он извинение Тома, как некую форму признания ответственности?

— Что вы сказали моей жене?

— Я рассказал ей о том, что мне удалось выяснить, вот и все, Ричард. Я сделал то, что вы просили меня сделать.

— Что вы ей сказали!

В этот раз он проревел эти слова.

— Эй! — закричал тюремный охранник.

— Угомонись, Белл, — предупредил он, но не принял никаких действий, предположительно, давая горюющему вдовцу небольшую поблажку из-за его потери.

— Правду. Я сказал ей правду. Я сказал вам, когда вы начали это, что я могу обнаружить нечто, что вы не захотите услышать.

Том поколебался, пока пытался подыскать верные слова, но выбрал более прямой подход.

— Она сделала это, Ричард. Энни убила Ребекку, и я могу доказать это.

Он принялся обо всем рассказывать не верящему мужчине. Белл молчал. Он просто слушал, но его лицо выражало недоверие.

— Я не могу это принять.

Он покачал головой.

— Вы говорите, что у вас все на записи?

Том кивнул.

— Мы можем это использовать. Я отдал свои записи сержанту Йену Брэдшоу. Я уверен, что они возобновят расследование вашего дела. Я думаю, Ричард, что этого может быть достаточно, чтобы выгнать вас отсюда.

Однозначно, это немного успокоило мужчину.

— Боже правый, — пробормотал Белл и принялся плакать. Том не мог сказать от облегчения или от грусти, но затем Белл пробормотал: — Какая разница?

— Какая разница? Я думал, вы этого хотите. Вас освободят. Вы снова увидите со своими дочерьми...

— И как я объясню им, что их мать покончила с собой из-за меня, из-за того, что я сделал? Мне теперь все равно. Вы не понимаете? Это все моя вина. Ребекка умерла из-за меня. Энни мертва... из-за меня. О, Боже.

И он снова зарыдал.

Том не мог ничего придумать, чтобы утешить мужчину, так как понимал его чувства. Только вот вина Ричарда Белла была сильнее в разы, потому что на его руках были смерти двух женщин, а не одной.

Глава 49

Келли остановилась на ходу, когда увидела Хелен, стоящую на улице впереди нее.

— Я же сказала те, я не по девочкам.

— Пожалуйста, садись Келли, — попросила Хелен. — Мы можем помочь тебе, правда, можем.

Келли фыркнула.

— Да, верно.

Что бы ни произошло с момента их последнего разговора, казалось, что девушка

передумала насчет сотрудничества.

— Ты хочешь помочь нам найти Диану? Я думала, она была твоей подругой.

— Она и сейчас моя подруга, — уверенно ответила Келли.

— Тогда помоги нам найти ее, — сказала Хелен, — пожалуйста.

— Пошла ты, — огрызнулась Келли и целенаправленно двинулась от Хелен.

— Келли, пожалуйста, не делай этого.

Хелен не знала, как остановить девушку, чтобы она не шла на стоянку такси, но была решительно настроена попытаться, так что пошла за ней.

— Мы обе хотим одного и того же. Мы обе хотим найти твою подругу.

— Поэтому вы с тех пор не возвращались?

— Мне жаль, — сказала ей Хелен, — мы искали ее.

Она не хотела раскрывать причину, по которой они не возвращались раньше. Смерть Энни была слишком свежей, слишком кровотокающей.

Хелен затем пошла сбоку от Келли, и молодая девушка остановилась. Она повернулась к репортерше и закричала:

— Отъебись! — а затем снова принялась идти.

Она едва прошла три ядра, когда перед ней остановилась машина.

Том высунулся из окна и громким и агрессивным тоном позвал:

— Келли!

Она повернулась к нему.

— Садись в машину!

— Ты хочешь заработать эти деньги, или что? — спросил он, когда она на секунду заколебалась.

Не говоря ни слова, Келли пошла к машине, открыла заднюю дверь и села. Хелен последовала ее примеру, и они уехали.

***

— Чего вы от меня хотите? — спросила их Келли. — Я уже говорила ей, я не...

— Заткнись, Келли, — приказал ей Том, — и она замолчала.

Он был злым и уставшим и рискнул предположить, что бедная Келли привыкла выполнять то, что ей приказывают мужчины. Тому это не нравилось, и он знал, что Хелен, голос его совести, после устроит ему взбучку, но она пыталась образумить Келли, и это не сработало.

— Мы сказали тебе, что просто хотим, чтобы ты посмотрела на фотографии, а затем указала нам на мужчину, о котором говорила.

— О, — произнесла она, нервничая, — его.

— Никто не узнает, что ты это сделала. Нам нужно, чтобы ты просто показала на фотографию и сказала: «Это он». Самые легкие деньги в твоей жизни.

***

Они привели Келли в гостиную в доме Тома и усадили ее. Хелен вытащила документы из сумки и извлекла фотографии, которые с собой принесла. Теперь она поняла, почему Том хотел привести девушку к себе домой, подальше от стоянки такси и «Мидоулэндс»: мест, полных угрожающих личностей, которые будут расценивать то, что она собирается сделать, предательством. Теперь, когда Келли была его в доме, она чувствовала себя в большей безопасности. Хелен это ощущала.

Она знала, что высок шанс, что Келли опознает Джимми Маккри, Джо Линча или даже

Алана Кэмфилда. Если она и в самом деле откроется по поводу насилия в «Мидоулендс», они согласились позвонить Йену Брэдшоу, который сразу же возьмет Келли под программу защиты свидетелей.

Хелен поговорила с Келли, прежде чем позволить ей взглянуть на фотографии.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела на этих мужчин, Келли. Я хочу, чтобы ты сказала мне, если хоть кто-нибудь из них когда-нибудь... — на мгновение она заколебалась, подбирая слова, — ...был с тобой или причинял тебе какой-либо вред? Я хочу, чтобы ты сказала мне, если мужчина, который причинил боль Диане, здесь. Ты сделаешь это для меня?

— Хорошо, — ответила Келли, которая, по крайней мере, отнеслась к этому серьезно.

Хелен поняла, что затаила дыхание, вытаскивая первую фотографию из папки, и положила ее лицом вверх на колено Келли. На первой фотографии был Алан Кэмфилд.

Келли наклонилась вперед, какое-то время изучала фотографию.

— Нет, — и покачала головой, — не он.

И Хелен и Том смотрели на нее, выискивая признаки, что она может лгать или просто слишком напугана, чтобы кого-либо обвинить, но ни один из них не заметил никаких признаков уверток от Келли.

Хелен положила вторую фотографию лицом вверх на колено Келли. В этот раз это был незнакомец, которого Хелен взяла из фотоархива газеты, снимок головы и плеч человека, которого наградили Кавалерским Орденом Британской Империи за участие в благотворительной деятельности. Келли покачала головой, так что Хелен убрала фотографию и достала следующую.

Жесткое лицо Джимми Маккри смотрело на молодую Келли, но девушка не дрогнула. Она просто покачала головой.

— Нет, я никогда его не видела.

Хелен и Том обменялись взглядами, прежде чем Хелен показала Келли четвертую фотографию. На ней было улыбающееся лицо местного пожарного в гражданской одежде.

— Его тоже никогда не видела, — сразу же сказала Келли.

Хелен потянулась за последней фотографией и поместила ее на колено Келли. Хитрое лицо советника Джо Линча смотрело на них с фотографии. Келли еще сильнее теперь наклонилась вперед и внимательно всматривалась в его лицо. И Хелен и Том затаили дыхание.

— Нет, — просто ответила она, — это не он.

— Ты уверена? — с сомнением спросила Хелен.

— Ты не знаешь, кто это? — потребовал ответа Том достаточно суровым тоном, чтобы удостовериться, что Келли хорошо посмотрит. Вероятно, она подумала, что он не собирается отдавать ей деньги.

Она пристально посмотрела и подтвердила худший из их страхов.

— Нет, не он. Определенно, нет. Я в любом случае бы узнала парня, который причиняет нам боль.

И, когда ни Хелен, ни Том не смогли придумать, что сказать на это, она громко запротестовала:

— Узнала бы!

— Хорошо, Келли, — Том протянул усталую руку, — мы тебе верим.

И с сомнением посмотрел на Хелен. Он верил девушке, но все их теории, которые включали Маккри, Кэмфилда и Линча, были ошибочными. Он знал, что Хелен думает о том

же. *Что, черт возьми, им теперь делать?*

— Что теперь? — беспомощно спросила Хелен.

— Я не знаю, — слова Тома были не утешительными.

Он откинулся назад в своем кресле и закрыл глаза.

— Отвезем ее домой, наверное.

Если это можно назвать домом, подумал он.

— Поздно, — сказала Хелен Келли, — нам лучше отвезти тебя обратно.

— Дину все равно, — сказала Келли, — пока я приношу деньги, — и она многозначительно посмотрела на Тома. Он потянулся за своим кошельком и вручил ей деньги, которые обещал.

— Можешь сказать Дину, что это от твоих обычных контактов, — сказал он.

— Я скажу ему, что захочу, — уверенно заявила она. Она засунула деньги в карман, а затем встала, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

У Хелен и Тома ушло больше времени, чтобы встать, так как они оба были подавлены. Том был убежден, что побег Дианы из «Мидоулендс» был связан с исчезновением Сандры Джарвис и, что, в свою очередь, связь Джо Линча с «Мидоулендс» и его дружба с Маккри и Кэмфилдом должна была сыграть в этом роль. Он был убежден, что они каким-то образом использовали дочь Фрэнка Джарвиса, чтобы получить то, что им нужно.

Том принялся искать ключи от машины не в том кармане, а затем нашел их в другом. Он выловил их, когда Келли заговорила.

— Это он! — уверенно заявила она. — Это точно он.

Она смотрела на кофейный столик, куда Хелен положила свои фотографии.

Том сразу же почувствовал прилив гнева в отношении Келли, так как она, определенно, пыталась их сейчас запутать. Она уже долго рассматривала фотографии, а затем отрицала, что хоть один из мужчин ответственен. Теперь, она утверждала, что это один из них.

— Хватит, Келли, мы, черт побери, не тупые, — сказал он ей.

— Это он!

Она пришла в волнение.

— Ты только что сказала, что это не один из них, — резко сказала Хелен. Она даже начала думать, что, может быть, есть некая правда в словах Дина о том, что нельзя верить ни слову из того, что говорят эти девушки.

— Говорю же вам, это он!

Она показала на стол и была так зла теперь, что Том замер.

— Кто, — потребовал он, — который из них?

Его агрессивный тон, казалось, обострил ее состояние.

— Это не один из них! — закричала она. — Это он!

Том и Хелен проследили за направлением пальца Келли, и оба одновременно поняли правду. Келли не показывала на фотографии, но на нечто поблизости, сложенную копию местной газеты, которую Том оставил там этим утром. С верхней половины газеты с фотографии на них смотрел советник Фрэнк Джарвис, взывающий к информации о его пропавшей дочери.

— Это он! — завизжала Келли.

Девчонка схватила газету, повернула ее к ним, ткнула пальцем в лицо Фрэнка Джарвиса.

— Это он! — твердо произнесла она.

Глава 50

— Келли, — спросил Том, — ты точно в этом уверена? — но по ее глазам он мог сказать, что она была уверена. — Ты знаешь, кто этот мужчина?

— Он один из боссов, о которых я вам говорила. Он дал денег Фрик Бою, чтобы тот его впускал, — пояснила она. — Он делал это годами, с тех пор как я там оказалась.

Том и Хелен в неверии уставились друг на друга, а затем снова посмотрели на Келли.

— Ты уверена, что он тот мужчина? — спросил Том.

— Да.

— И он заставлял тебя делать разные вещи? — спросила Хелен.

— Да, — тихо произнесла Келли, — наверное.

— Наверное? — мягко спросил Том. — Он либо заставлял тебя это делать, либо нет, Келли.

— Он заставлял нас это делать! Если мы делаем то, что он хочет, дядя говорит, что мы хорошие маленькие девочки, но не то чтобы у нас был выбор. Мы не можем сказать «нет».

Том тяжело опустил обратно, у него было неприятное ощущение в желудке. Хелен взяла газету из рук Келли и посмотрела на изображение Фрэнка Джарвиса на первой полосе. Она села на диван, оставляя Келли единственно стоящей.

Келли теперь смотрела на двух репортеров в смятении.

— Я сделала, что вы сказали, — напомнила она им. — Я сказала вам то, что вы хотели знать!

Келли не могла понять, почему они так реагируют.

— Это то, что вы хотели услышать, — запротестовала она, но не знала, как насчет этого ошибается.

***

— Что, черт возьми, мы будем теперь делать? — спросила Хелен, когда, наконец, осознала всю чудовищность обвинений Келли.

— Я не знаю.

Тому было дурно от осознания, что, если Келли говорила правду, он работал на педофила.

Он пытался убедить себя, что все еще есть вероятность, что Келли ошибается или, может быть, наговаривает. Было ли это все планом Джо Линча и Джимми Маккри, чтобы дискредитировать их бывшего врага? Но даже думая об этом, ему пришлось спрашивать себя, зачем им это? Фрэнк Джарвис уже ушел в отставку и перестал быть оппозицией тендера по Риверсайду. Решающим фактором для Тома стала сама Келли, которой полностью можно было верить. Она никоим образом не могла это придумать.

Затем Том вспомнил, как Сандра Джарвис провела всю ночь, запершись в комнате с Дианой Тернер, а следующим утром они появились расстроенными и на эмоциях. Том всегда инстинктивно чувствовал, что это послужило причиной исчезновения Сандры. Он верил, что Диана могла сознаться в крупном секрете, принесшем вред Сандре. Только теперь он, наконец, понял, что это был за секрет. Диана рассказала Сандре о влиятельном мужчине, который совершает над ней насилие, не понимая, что описывает Сандре ее собственного отца.

Если Сандра поверила Диане Тернер, этого, определенно, было достаточно, чтобы превратить однажды счастливую, стремящуюся к достижениям молодую девушку в

отчаявшуюся и сбитую с колеи. Что и удивляться, что она пропускала лекции, странно себя вела и, что были слухи о том, что она употребляет наркотики, но никаких наркотиков не было, только правда об ее отце.

Должно быть, поначалу это было трудно принять, и она ничего не предпринимала. Затем, когда у нее было время, чтобы решить что делать насчет признания Дианы, она, должно быть, наконец, вступила в конфронтацию со своим отцом, что привело к стычке между ними на участке.

Диана Тернер могла не осознавать, что рассказывает Сандре об ее отце, потому что Сандра использовала девичью фамилию своей матери, работая в «Мидоулендс», так что никто не знал, что она дочь политика.

Том замер и внимательнее присмотрелся к Келли.

— Что? — спросила она.

— Ты сказала, что не знала его имени. Парня из газеты, насильника.

— Не знала, — ответила Келли. — Не знаю.

— А Диана знала его имя?

— Нет. Я же сказала, что нет. Он никогда его не называл.

— Тогда как она могла рассказать Сандре, кем он был?

— А?

Тогда вмешалась Хелен.

— Ты знаешь, кто этот мужчина, Келли?

— Я же сказала вам, — огрызнулась она, — что нет.

— Он политик, которого хорошо знают в городском совете.

— Я же сказала, что он один из боссов.

Хелен посмотрела на Тома, чтобы узнать, не возражает ли он, если она раскроет Келли всю правду. Он кивнул.

— Еще он отец Сандры, — сообщила Хелен молодой девушке.

— Бл*ть, да вы че, — запротестовала Келли, будто не могла поверить своим ушам. — Не может такого быть!

— Он ее отец, — сказал Том, — и мы думаем, Диана, должно быть, рассказала все Сандре, когда они всю ночь разговаривали, но она не могла этого сделать, если не знала его имени.

— Ну, она могла показать Сандре... — замолкла она.

— Что?

Келли покачала головой.

— Ничего.

— Что Диана показала Сандре? — спросила ее Хелен.

— Я не знаю.

Но было очевидно, что Келли врал.

— Такая девушка, как Сандра, не поверила бы, что ее отец виновен в чем-то подобном, — сказал Том, — только если не было доказательства. Так что было доказательством, Келли? Что у Дианы было на Фрэнка Джарвиса, когда она даже не могла назвать Сандре его имени?

— Ну же, Келли, — подтолкнула ее Хелен. — Если ты расскажешь нам, мы сможем защитить тебя, но нам надо знать всю историю, или мы ничего не сможем для тебя сделать.

Как Диана заставила Сандру поверить?

— Фотография, — внезапно выпалила она, — у нее было его фото. Она, должно быть, показала его ей.

— У тебя есть фотография Фрэнка Джарвиса? — спросила Хелен.

— Мы не тупые, — сказала им Келли. — Мы знаем, что никто нам не поверит, если мы станем выступать против одного из боссов. Вот почему они выбирают таких девочек, как мы. Они могут делать с нами, что хотят. Я и Диана, мы обе знали, что, если мы кому-нибудь скажем, то окажемся в еще большем дерьме, но Диана хотела сбежать. Она сказала, что они придут за нами, но только, если у нас ничего на них не будет, так что я сделала фотографию его и Дианы вместе.

Келли произнесла это, будто все было просто как рождественский снимок. Хелен пыталась понять, как Келли могла сделать инкрементирующий снимок Фрэнка Джарвиса без его ведома.

— Он не знал о нем, но она знала, — подтвердила Келли. — Она попросила меня сделать его. Мы подумали, что, если он когда-либо попытается нам что-нибудь сделать, мы сможем сказать ему о нем, и он отстанет от нас.

— Ты сделала фото Фрэнка Джарвиса, — не веря спросил Том, — с твоей подружкой?

— Да, — сказала она, — когда он делал это с ней.

— Как? — потребовал он ответа.

— Между нашими комнатами есть вентиляция.

Он едва осмеливался задать следующий вопрос.

— Где этот снимок? Он у тебя, Келли, или Диана забрала его с собой, когда сбежала?

— У меня его нет, — у Тома упало сердце, — но я не думаю, что она его забрала. Она уезжала в спешке и оставила позади большую часть своих вещей.

— Где он? — спросил ее Том. — Где фотография сейчас, Келли?

— Я не уверена, — сказала она ему, — но думаю, что я смогу ее достать.

Глава 51

— Сержант Йен Брэдшоу, — сказал он, быстро мелькнув своим удостоверением, а затем снова убирая его в карман. — Я здесь, чтобы поговорить с мисс Келли Макквейр.

— А-а-а.

Брэдшоу увидел этим утром на лице Дина не просто колебание, а тревогу.

— Я не уверен, что... — замямлил он.

Мужчина бросил взгляд себе за спину в коридор, будто ожидал увидеть, стоящую там Келли. Хелен и Том полностью ввели Брэдшоу в курс дела, и он понял, что ему нравится видеть панику на лице мужчины.

— Я знаю, что она здесь, — сказал ему Брэдшоу, — так что, пожалуйста, впустите меня, — затем добавил уважительное, но твердое, — сэр.

— Мы никого не пускаем, — неуверенно произнес Дин, — без записи.

— Я не никто. Я офицер полиции, а ваш отказ впустить меня может привести к обвинению в препятствовании.

— Конечно же, простите, офицер.

Дин шагнул в сторону, чтобы дать детективу проход.

— Пожалуйста, входите. Я должен следовать правилам. Сейчас все очень серьезно с правилами, касающимися благополучия детей.

— Готов поспорить, что так, — сказал Брэдшоу.

— Но как вы и сказали, вы из полиции, так что... я пойду и приведу ее.

— Я лучше встречу с ней в комнате, если вы не против?

Тон Брэдшоу показывал, что он сделает так, неважно согласен Дин или нет.

— Хорошо, — сказал он, выглядя встревоженным, — могу я спросить вас, в чем дело, офицер?

Брэдшоу уже шел по коридору, а Дин плелся за ним следом.

— Сюда, верно? — спросил он, хоть уже знал куда, потому что Том описал ему планировку приюта. — Повторите, пожалуйста, свое имя, сэр?

— Э-э-э... Дин.

Неохотно представился он.

— Дин Андертон.

Брэдшоу замедлил шаг на середине коридора, а затем остановился и повернулся к заведующему.

— Дин Андертон? — спросил он, как будто что-то вспомнил.

Дин наблюдал за детективом с открытым ртом, выглядя обеспокоенным, и Брэдшоу задался вопросом, что он мог обнаружить, если бы копнул глубже в прошлое Дина Андертона.

— Ну, мистер Андертон, полагаю, все эти молодые леди на вашем попечении?

— Да, верно.

— В таком случае, я имею право рассказать вам, что произошло несколько серьезных правонарушений с участием молодой Келли.

— Правда?

Голос Дина взлетел вверх на несколько октав. Он с ним не справился, подумал Брэдшоу.

— Какие правонарушения?

Брэдшоу хотел сказать: «Домогательство, сексуальное насилие, изнасилование, похищение, вероятно, даже убийство», но вместо этого доверительно произнес:

— Кража.

— Кража?

— Да, — подтвердил Брэдшоу, — множественные кражи у нескольких торговцев.

— Кражи в магазинах? — облегчение Дина было осязаемым.

— Вы, кажется, не слишком то огорчены.

— Нет, конечно же, я обеспокоен, просто, я рад, что ничего ужасного.

— Чего вы ожидали? Кража — серьезное дело.

— Конечно, серьезное, — сказал Дин, — но, когда вы работаете с такими детьми, то склоны ожидать худшего.

Брэдшоу сознательно прищурился.

— Готов поспорить, что да, Дин, — сказал он, — вам стоит опасаться этого каждый день. Конечно же, это призвание.

— А?

— Работать здесь, как вы сказали, с детьми из неблагополучных семей. Вы, должно быть, очень преданы своему делу.

— Ну, я делаю все, что в моих силах, — и, когда угроза немедленного ареста исчезла, Дин, казалось, внезапно смог снова мыслить ясно. — Я удивлен, что они отправили сюда для этого сержанта. Обычно к нам приходит полицейский из местной кутузки, если одна из девушек переходит грань дозволенного.

Брэдшоу ожидал этого вопроса.

— Обвинения против Келли — часть более крупного, текущего расследования по криминальному синдикату, эксплуатирующему молодежь. Информация от Келли может быть бесценной.

— Ясно, — сказал Дин, которого едва ли успокоило подобное объяснение, и он отвел взгляд.

— Которая? — спросил Брэдшоу, и, когда Дин стал выглядеть сбитым с толку, добавил. — Комната Келли?

Дин привел Брэдшоу в конец коридора. Келли не спала и была одета, но апатично лежала на кровати в джинсах и футболке.

— Офицер полиции желает увидеться с тобой, Келли, — объявил Дин, — так что сядь, как хорошая девочка.

Келли повиновалась, но Дин не сделал никакого движения, чтобы уйти.

— Я уверен, что вы понимаете, что этот разговор конфиденциален, мистер Андертон.

Дин не мог удержаться, не бросив косой взгляд в сторону Келли, когда покидал ее комнату.

— Я буду в своем офисе в конце коридора, если вам что-нибудь понадобится.

— Я оставлю дверь открытой, — сказал Брэдшоу, когда Дин начал удаляться. — Я позову, если вы мне понадобится.

Келли теперь сидела на краю своей кровати, квело смотря на детектива.

— Итак, Келли, я сержант Брэдшоу, и я здесь, чтобы поговорить с тобой о некоторых обвинениях криминальной природы, которые были против тебя выдвинуты, — сказал он и прислушался, на случай, если будут какие-либо звуки, которые могут выдать присутствие Дина в коридоре.

— Я уверен, что ты знаешь, что кража серьезное дело.

Затем он услышал, как дверь Дина открылась и закрылась, ее петли заскрипели. Брэдшоу сделал шаг назад и выглянул, чтобы осмотреть пустой коридор. Теперь он мог говорить с девушкой свободно.

Он знал, что ему нужно говорить быстро.

— Ты знаешь, почему я здесь?

— Йен, так?

Он кивнул.

— Тогда чего мы ждем?

— Покажи мне, — потребовал он.

Она перекатилась на кровати и убрала свои подушки в сторону, чтобы обнажить металлическую решетку в стене, близко расположенную к тому месту, где Келли лежала головой каждую ночь. Брэдшоу понял, что она, вероятно, слышала многое, что происходило в соседней комнате, но он не мог понять, как оттуда можно было что-либо увидеть, не говоря уже о том, чтобы это сфотографировать. Келли схватила пилочку с прикроватной тумбочки и использовала ее толстый кончик, чтобы открутить один из болтов на краю панели. Она повторила процедуру, пока четыре болта не стали лежать на кровати, а решетка не была снята со стены. Она ушла с дороги, чтобы позволить Брэдшоу наклониться и взглянуть.

Позади решетки было пространство, по обеим сторонам которого были пустоты, идущие в стене. Прямо перед ним располагалась вторая решетка, копия той, что сняла Келли.

Прорези в вентиляционной решетке были значительными, что означало, что Брэдшоу неверно истолковал видимость соседней комнаты и ее содержимого, включая кровать, которая, что важно, была установлена у противоположной стены. Любой, кто чем-либо занимался там, был на виду, благодаря щелям между металлическими прутьями решетки, которая не давала тому, кто на кровати, увидеть, что за ним шпионят.

— Я просто дурачилась одной ночью и поняла, что болты откручиваются, если их покрутить. Я подумала, что нам с Ди будет весело поболтать ночью.

Затем она погрузилась.

— Другая вещь была ее идеей.

— Ты имеешь в виду фотографию?

— Она попросила меня сделать доказательство, и я сделала.

— Так значит, ты сделала фотографию и на ней...?

— Он на Диане.

— Но Келли, — спросил он, — как, черт возьми, ты проявила эту фотографию? Кто обработает эту фотографию и тут же не позвонит в полицию?

— Я не проявляла, — сказала она, — это сделала Диана.

Она улыбнулась его наивности.

— Она отнесла ее парню, у которого маленький магазинчик на окраине города. Он много чем занимается.

Брэдшоу знал такого рода места: круглосуточный магазинчик, в котором есть все: от химчистки, ремонта одежды, до ксерокса и отдела фото на паспорт.

— Она ему подрочила, — произнесла Келли, как констатацию факта, вот его ответ.

Он проявил фотографию изнасилования несовершеннолетней девушки и умолчал об этом в обмен на работу рукой той же самой девушки. Брэдшоу сделал ментальную пометку разобраться с этим парнем до того, как все кончится.

По просьбе Брэдшоу, Келли прикрутила металлическую решетку обратно. Теперь она убедила детектива, что не придумала это все.

— Мы можем достать фотографию?

— Думаю, да.

Но ее голос был неуверенным.

— Пошли, мы не задержимся, — сказал он, — и возьми сумочку.

Он не хотел, чтобы их что-нибудь задерживало.

— Если я смогу достать фото, — она закинула сумочку на плечо, — ты не можешь оставить меня здесь.

Страх в ее глазах был неподдельным.

Келли была права, что никому не доверяла. Как только эту фотографию занесут в доказательства, о ее существовании может стать известно: затем кто-то может попытаться заставить Келли замолчать.

— Достань мне фото, и я отсюда без тебя не уйду, — пообещал он ей, — но поспеши.

Она спрыгнула с кровати и помчалась к двери, но остановилась, чтобы выглянуть и проверить, где Дин. Когда она удовлетворилась, что его там нет, она прошептала «Пошли» и повела Брэдшоу в соседнюю комнату, которая раньше принадлежала Диане. Они уже знали, что та пуста, благодаря решетке, но Брэдшоу хотел, чтобы они вошли и вышли оттуда. Они не могли позволить Дину узнать о фотографии.

Келли подошла к углу комнаты и бросила сумку.

— Подними меня, — сказала она Йену и наклонила голову к потолочной плитке, которая выглядела, как и все другие.

Брэдшоу услышал, как скрипнула дверь Дина.

— На мои плечи.

Он низко наклонился, и девушка вскарабкалась на него, затем он выпрямился с ней на плечах. Не тратя времени, она приподняла плитку, и та высвободилась. Келли сдвинула ее и потянулась внутрь.

— Я ее не чувствую, — сказала она. — Ее здесь нет.

Она запаниковала.

Тогда она посмотрела на него вниз.

— Перемести меня, — потребовала она.

Мужчина пошел в направлении, которое она указала, чтобы та дотянулась до другой плитки, которую она приподняла вверх, а затем снова стала шарить рукой.

Брэдшоу знал, что Дин будет здесь в любой момент, и он не хотел, чтобы заведующий обнаружил его, стоящего в не той комнате с молодой девушкой на плечах.

— Нашла? — спросил он.

— Нет, — зашипела она, — туда.

Она вернула на место вторую плитку и показала рукой, чтобы он отнес ее к противоположному углу и к другой плитке, которую она приподняла.

— Ее...

Она не закончила предложение. Очевидно, что она не могла найти фотографию. Не в первый раз Брэдшоу задумался, а не придумала ли она все это. Даже, если она не лгала о существовании фотографии, сейчас ее тут не было. Кто-то забрал ее. Может быть, Диана, или, возможно, кто-то еще нашел инкрементирующее доказательство и уничтожил его. Он слышал, что шаги Дина становятся ближе.

— Верни меня туда, — потребовала она.

Он понял, что девушка снова хотела поискать под первой плиткой. Его первым побуждением было сказать нет, особенно, когда шаги Дина стали еще ближе.

— Тогда поторопись, — прошептал он, и позволил ей в последний раз попытаться с первой плиткой.

Раздался стук в дверь, а Келли все еще искала фотографию.

Второй стук, в этот раз настойчивее.

Он уже собирался опустить ее вниз, когда она сказала, что нашла. Должно быть, фотография была задвинута слишком далеко, и в первый раз она ее просто не нащупала.

Затем дверь открылась, а Келли все еще была на его плечах.

Она вытащила конверт, и он опустил ее на землю, так быстро, как мог, чтобы не уронить ее.

— Келли? — голос Дина, близкий, но приглушенный стеной и растерянный. — Что ты задумала? Где ты?

Дин был не в той комнате. Естественно, что он вошел в комнату Келли, а не Дианы, и это дало им драгоценные секунды, чтобы вытащить фотографию.

— Детектив? — закричал Дин. — Где вы?

— Минуточку, — крикнул Брэдшоу, пока Келли поправляла одежду, а затем он кое-что заметил.

— Чертова плитка, — в отчаянии сказал он Келли, когда понял, что она толком не

поставила ее на место, а на потолке образовалась большая дыра.

— Дерьмо, — прошипела она.

У него не было времени, чтобы снова поднимать Келли на плечах, так что он схватил ее за талию и поднял, как балерину в воздух. Она протянула руку, толкнула плитку, и та встала на место. Брэдшоу опустил Келли на ноги, как раз тогда, когда дверь открылась.

— В чем дело, мистер Андертон? — гневно спросил Брэдшоу. Затем он понял, что Келли бросила конверт на кровать, когда поправляла плитку, и конверт все еще там. Он молился, чтобы Дин не заметил.

— Что вы здесь делаете? — потребовал ответа Дин. — Вы не можете просто так заходить в комнату другой девушки.

— Могу, если у меня есть причины верить, что было совершено преступление, — сказал ему Брэдшоу. — Даже на миг не думайте, что Келли единственная, кто в это вовлечен.

— Отвали, — усмехнулась Келли. — Я же сказала тебе, я ничего не сделала.

— Келли, — предупредил Дин.

— Ладно, хватит, — сказал Брэдшоу, как будто его терпение, наконец, подошло к концу. — Келли Макквейр, я арестовываю вас в подозрении в краже.

— Что? — закричала она, протестуя, отыгрывая свою роль. — Вы не можете этого сделать!

— Нет, — сказал Дин, — не может.

Он казался очень уверенным в этом, что обеспокоило Брэдшоу.

— Почему же нет? — спросил детектив.

— Потому что я позвонил в полицию Нортумбрии, и у них не числится никакого детектива Йена Брэдшоу.

И с презрением посмотрел на Брэдшоу.

— Ну, и не будет, мистер Андертон. Я работаю на Констебулярию Дарема. Разве я это не обозначил? Вы снова желаете посмотреть на мое удостоверение?

Он вытащил свое удостоверение и близко поднес его к лицу Дина.

— Это все, или вы хотели бы прийти и помочь мне с моими расследованиями?

— Нет, — очень тихим голосом сказал Дин.

— Тогда ладно, — он повернулся к девушке, — тогда покончим с этим, Келли.

— Это блядская шутка! — закричала Келли. — Вы не можете этого сделать. У вас нет права!

— У меня есть все права, теперь шевелись!

Он повел их обоих к двери, убедившись, что Дин пройдет через нее первым, и, когда он так и сделал, он использовал момент, когда Келли выходила, чтобы перед уходом подобрать фотографию и засунуть ее под куртку, затем он повел Келли по коридору.

Когда они покинули здание, Брэдшоу сделал целое шоу из того, что держа ее за руку, направил к заднему сиденью машины. Он открыл дверь, а затем надавил ей на плечо, чтобы все выглядело, как будто ее принудительно садят в транспортное средство. Он забрался на переднее сиденье и завел двигатель. Брэдшоу оглянулся назад на приют и увидел, что Дин, как и ожидалось, смотрит из окна.

— Мы выиграли Оскар? — восторженно спросила Келли.

— Прости?

— Мы одурачили Фрик Боя. Я была хороша, да?

— Исключительно, — сказал он ей, ведя машину прочь.

***

Он купил Келли баночку колы и чипсы, а затем отвел ее в допросную. Он не сказал никому из своих коллег, почему она здесь. Он позволил ей поедать чипсы, пока они ждали Хелен и Тома. Как только Келли устроилась, он вытащил конверт, извлек фотографию и принялся ее рассматривать.

Когда Келли, наконец, заговорила, он почти подскочил, так как к тому времени забыл о ее присутствии в комнате.

— Говорила же, — сказала она, как ни в чем не бывало.

— Да, — сказал он, — говорила, — и вернул фотографию в конверт. — У тебя есть другие фотографии? — спросил Брэдшоу, ведь ему теперь были нужны еще доказательства.

Келли с энтузиазмом пошарила в своей сумке и вручила ему желтый конверт с логотипом «Кодак». Она, должно быть, не так поняла его. Когда он открыл конверт, обнаружил лишь горсть снимков, на которых Келли болталась по городу: иногда одна, временами с другой девушкой. Брэдшоу не стал говорить ей, что имел в виду другие фотографии с советником. Она внимательно за ним наблюдала, так что он покорно их пролистал, уделяя внимание каждой. Если не знать ничего о Келли или о том, через что она прошла, можно было бы представить, что она была обычной пятнадцатилетней девушкой, зависающей с обычными друзьями, как и тысячи других девочек в ее возрасте, но Брэдшоу знал, что над ней совершали насилие множество мужчин. Это было душераздирающе.

— Это твоя подруга? — спросил он, когда дошел до фотографии с двумя девушками, сидящими и смеющимися вместе на стене.

— Это я и Ди.

Его поразила догадка.

— Когда исчезла Диана?

— Она не исчезала, — и он пожалел, что использовал это слово, — я получаю от нее карточки.

— Карточки?

Он вспомнил, что Том упоминал что-то об этом.

— Открытки, — сказала она, — из Лондона.

— Хорошо, — сказал он, — так, когда в последний раз ты ее видела?

— За день до того, как она уехала.

— Она говорила тебе, что собирается уехать?

— Она много раз говорила мне, что собирается в Лондон.

Келли уклонялась от ответа.

— Я тоже собираюсь, когда мне исполнится шестнадцать.

— Но она говорила тебе, что собирается уехать в этот день?

Келли на мгновение заколебалась.

— Нет, — ответила она, и он понял, что это признание причинило ей боль, так как она ожидала от Дианы, что та поделится своими планами с лучшей подругой. — Как только у нее появился шанс сменить от Фрик Боя, она уехала. Ей пришлось уходить, пока она могла.

Келли оправдывала поступки своей подруги, но он подозревал, что она пытается оправдать их и в собственных глазах.

— Вот почему она присылает мне открытки, — сказала Келли, — чтобы я знала, что она в порядке и ждет меня. Как только она скажет мне, где с ней встретиться, я сразу же поеду.

— И, когда именно, она уехала?

— Я не знаю даты, — сказала она, — но это была пятница. Это я помню.

— Сколько месяцев назад, — спросил он самым спокойным своим голосом, — ты можешь сказать, хотя бы приблизительно?

Он пожал плечами, как будто это было не так уж и важно.

— Пять? — предположила она. — Может быть, шесть.

В ее ответе не было и следа беспокойства, так как Келли знала, что ее подруга в безопасности: у нее были открытки, но временной отрезок, который она только что назвала, заставил Брэдшоу повнимательнее и дольше рассматривать одну из фотографий Келли и Дианы. Он сосредоточился на ней, ему пришлось подавить эмоции. Однако, то, на что он смотрел, было не совсем ясным.

У Брэдшоу ушло какое-то время, чтобы восстановить самообладание.

— Есть кое-что, о чем мне нужно спросить тебя, Келли, — осторожно сказал он, пытаясь, чтобы это звучало обыденно. — Это может помочь нам найти твою подругу, когда все это закончится.

Она кивнула, выражая понимание.

— У Дианы были тату, — он показал на свою шею, — вот здесь?

Он отметил место, где тату было бы, если бы не было выжжено с кожи обожженной девушки.

— Да, было, — ответила Келли, — у нее была татуировка маленькой синей птицы, — и поначалу она улыбнулась при воспоминании, а затем странно на него посмотрела. — Откуда вы узнали?

Глава 52

Брэдшоу шел к своему столу очень медленно. Выражения его лица было достаточно, чтобы привлечь любопытные взгляды от нескольких его коллег. Даже констебль Малоун спросила «Ты в порядке, Йен?», но он не ответил. Он даже не слышал ее.

Он собирался сесть, когда знакомый голос позвал его по имени:

— Брэдшоу! Иди сюда.

Он поднял взгляд и увидел не улыбающееся лицо своего босса. Инспектор Теннант не выглядела счастливой, но, в отличие от Малоун и остальных коллег Йена, она была слишком зла, чтобы заметить из-за стола в своем офисе движения Брэдшоу, которые почти напоминали робота.

— Мэм... — вяло начал Брэдшоу, но она перебила его, прежде чем он смог продолжить.

— Я не знаю, в какие игры ты играешь..., — сказала ему Теннант, —... но я не собираюсь это больше терпеть.

Брэдшоу не удалось понять, о чем она говорит, но впервые его мало заботило мнение его босса. Он был озабочен мыслями о молодой девушке в допросной комнате и тем, как он собирается подобрать слова, чтобы сообщить ей, что ее лучшая подруга мертва. Дурное настроение инспектора Теннант волновало его меньше всего.

— Мэм? — произнес он снова, но ему пришлось сделать сознательное усилие, чтобы сосредоточиться на разговоре, потому что он почти выпал из реальности.

— Эта шарада, которую вы затеяли со старшим инспектором Кейном... — начала она.

— Ох, — произнес Брэдшоу, — это, — потому что это казалось уже не важным.

— Да, — сказала она, — это!

Кейт Теннант не могла понять, почему он так спокоен. Она знала, что они что-то

замыслили, еще с тех пор, как Кейн попросил Брэдшоу подвезти его до дома. Ее подозрения усилились из-за нелепой программы наставничества, на которую Кейн записал Брэдшоу: как будто старик вообще знал смысл этого слова.

— По крайней мере, ты этого не отрицаешь...

Она принялась читать Брэдшоу лекцию, что он имел наглость нарушить субординацию, шпионить за ней, за ее спиной подрывать ее авторитет. Когда Брэдшоу ничего не ответил, она напрямую его спросила, что у него на уме и есть ли у него, что сказать в свое оправдание.

— На уме? — тупо переспросил он.

— Гребаный ад, — зашипела она сквозь сжатые зубы, — я пытаюсь устроить тебе взбучку, Брэдшоу, а ты просто стоишь здесь, как лишний член на свадьбе. Ты даже из приличия не выглядишь пристыженным. Чем ты занимался, Бога ради?

— Проверял новую зацепку, — вежливо ответил он.

— Что? — спросила она, как будто вот-вот окончательно выйдет из себя. — Это все, что тебе есть сказать в свою защиту?

— Да, — просто ответил он, — я знаю, кто обожженная девушка.

Инспектор Теннант поначалу его не совсем услышала. Она уже открыла рот, чтобы устроить ему нагоняй вселенских размеров, в котором ведущую роль будут играть доверие, честность, единство и профессионализм.

— Что ты только что сказал? — вместо этого спросила она.

***

Позже, когда Йен Брэдшоу отпустил Келли Макквейр без предъявления обвинений, она пошла напрямик к машине, где ее ждала Хелен. Он еще не набрался храбрости, чтобы рассказать ей о Диане, и посчитал, что это лучше оставить до момента, когда их расследование завершится. Йен подозвал Тома и рассказал ему все, что узнал от этой девушки.

— А фотография? — спросил Том.

— Выглядит настоящей, — ответил Брэдшоу.

— Боже, — прошипел Том, так как даже сейчас в какой-то мере ожидал, что все это будет обманом, или неверной идентификацией личности, — это точно Джарвис?

Брэдшоу кивнул.

— Где она теперь?

Брэдшоу похлопал себя по груди, чтобы показать, что фотография в безопасности в кармане его куртки.

— Что-нибудь еще? — спросил Том, когда его инстинкт подсказал ему, что Брэдшоу что-то утаивает.

— Да, — тихо ответил он Тому, — я чертовски уверен, что обожженная девушка — Диана Тернер.

— О, Боже, — произнес Том и инстинктивно повернулся, чтобы посмотреть на Келли на заднем сиденье его машины. — Она не знает? Пусть пока так и будет. Если она узнает...

Ему не нужно было договаривать. Оба мужчины понимали, что трудно сказать, что скажет или сделает Келли, когда узнает, что ее подругу убили.

— Давай убираться отсюда, — сказал Том.

***

Они доехали до дома Тома и зашли внутрь.

— Давай посмотрим, — сказал Том.

Хелен и Том долгое время рассматривали фотографию, ничего не комментируя. Посередине фотографии шла единственная серая линия, там, где один из прутьев решетки, закрыл Келли обзор, но она сделала отличный снимок. В левом верхнем углу снимка было лицо намного более взрослого мужчины, который принуждал несовершеннолетнюю. Ее лицо было прижато книзу и набок, чтобы она смотрела на камеру в нижнем левом углу фотографии. Не было сомнения, что это Фрэнк Джарвис, а девушка, которую он насилует, Диана Тернер. Хелен и Том обменялись взглядами, на них обеих фотография произвела сильное впечатление.

— Келли, — наконец, позвала Хелен, — Диана показывала эту фотографию Сандре Джарвис?

— Я не знаю.

Отрицание было произнесено на автомате, рефлекторное действие, которому Келли научилась, чтобы избегать неприятностей. Вероятно, она запоздало поняла, что она находится с единственными людьми на планете, которым может доверять, так что она открылась:

— Да, должно быть, показывала.

— Что Сандра сказала, сделает? — спросил Том. — Для Дианы.

— Она сказала, что попытается и поможет ей, — ответила Келли.

— Но не помогла, так? — спросил Том. — Не сразу.

— Она вернулась в университет, — призналась Келли, — но Диана и не ожидала, что Сандра поможет ей. Как она могла ей помочь?

— Она просто хотела рассказать кому-то об этом, — произнесла Хелен.

— Да, — ответила Келли, — она сказала мне, что чувствует себя так, будто вот-вот взорвется, если никому не расскажет. Она знала, что Сандра нормальная девчонка, так что она может ей рассказать.

— Прошло несколько недель, — сказал Том, — затем Сандра снова связалась с Дианой.

— Как вы об этом узнали?

Том не хотел признаваться, что это очевидно по времени. Диана рассказала Сандре о насилии во время рождественских каникул: Сандра вернулась в университет в январе и совсем расклеилась. К концу февраля она решила что-то предпринять. Она собиралась вступить в конфликт с отцом и спасти Диану. Это было единственным объяснением их совместного исчезновения.

— Как Сандра вышла с ней на связь? — спросил Том.

— Она пошла в бургер-бар и купила Диане чипсы.

— Просто старая подруга из «Мидоулендс» встречается с девушкой, которой помогала? Келли кивнула.

— Так мужчины в том месте не возражали, — произнес Том, почти про себя.

Они, вероятно, подумали, что смогут наложить лапы и на Сандру, если позволят ей зависать там, посчитал он.

— Но у Сандры был план, так?

— Она знала, что Диане скоро исполнится шестнадцать. Сандра сказала ей, что та сможет покинуть «Мидоулендс», а она это организует, так что ни один мужчина больше не причинит ей вреда.

— И вскоре Диана уехала в Лондон.

Келли снова кивнула.

— Она ушла на легке, и никто ее даже не искал. Сандра была права. Даже Дин ничего насчет этого не предпринимал, так что бы ни сделала Сандра, это, должно быть, сработало.

— Затем Сандра тоже исчезла, — сказал Том. — Как ты думаешь, что с ней произошло, Келли.

— Я не знаю.

Том мог бы надавить на Келли сильнее, но она знала об исчезновении Сандры куда меньше, чем он. Зачем расстраивать девушку, рассказывая ей правду: что Диана Тернер мертва, ее лицо отвратительно изуродовано, так что ее секрет умрет вместе с ней. Если Диана Тернер и правда была обожженной девушкой, теперь они знали причину ее убийства — но не того, кто это сделал. Фрэнк Джарвис был причиной смерти Дианы, но был ли он способен на такую дикость сам? Разделила ли участь Дианы Сандра Джарвис, гадал Том, мог ли ее собственный отец быть ответственным за это, если это так?

***

Им была нужна няня для Келли, и Брэдшоу посчитал, что это должна быть женщина, так что он попросил констебля Малоун остаться с ней в доме Тома. Он мог попросить Хелен, но она не могла остановить Келли, если та вздумает сбежать, и у нее были все права находиться там. Они поехали вместе, чтобы вступить в конфронтацию с Фрэнком Джарвисом, Брэдшоу был за рулем, Хелен и Том на заднем сидении. Они все согласились, что так лучше. Он не будет знать, что они едут, и, если Брэдшоу потащит его на допрос в участок, тот будет на чеку или просто замолчит и потребует адвоката.

— Он должен проболтаться, — сказал Брэдшоу, — если мы лишим его самообладания.

— О, мы, еще как, лишим, — сказал Том.

Пока Брэдшоу вел машину, никто долгое время не разговаривал. Они все еще пытались осознать то, что узнали. Что бы кто из них не ожидал обнаружить, оно не могло оказаться хуже правды.

Хелен пыталась понять, каково это было быть Сандрой Джарвис, молодой, добросердечной женщиной, которая по своей воле просидела всю ночь и выслушивала сломленную девушку, предлагая ей утешение. А затем ей показали фотографию, на которой ее отец насиловал несовершеннолетнюю девушку из приюта. Хелен задалась вопросом, как та смогла промолчать, не выпалить, что это ее отец насилует Диану. Должно быть, весь ее мир перевернулся с ног на голову.

Затем заговорил Том.

— Я понимаю, почему Сандра Джарвис поссорилась с отцом. Она, должно быть, угрожала раскрыть его или пыталась убедить его прекратить. Я представляю, как он все отрицал, а она не верила ему, потому что видела фотографию: все это я прямо вижу перед глазами... просто... — сказал он, — я не могу понять этот мир, в котором мужчина убьет собственную дочь, чтобы все скрыть...

— Я знаю, — сказал Брэдшоу. — Я продолжаю думать о том же. Джарвис убил свою собственную маленькую девочку? Это кажется невероятным.

— Фрэд Вест убил, — сказала Хелен, так как печально известный серийный убийца недавно повесился, находясь под стражей.

— Но Вест был маньяком, — парировал Брэдшоу, — он убил двенадцать человек. Вест наслаждался убийством. Это другое. Мы говорим здесь о мужчине, который убил свою дочь, чтобы защитить свое имя.

— Это против всего, — сказал Том, — это против природы. Как отец, он, скорее всего, убил бы себя, чем свою дочь?

— Но она не может быть где-нибудь живой, — задумалась Хелен, — после всего этого времени?

— Я не знаю. Может быть, она просто сбежала от всего этого и работает в баре где-нибудь на Ибице.

— А, может быть, я ошибся, и Диана на самом деле жива и кое-как сводит концы с концами где-нибудь в Лондоне, — сказал Брэдшоу. — но мы оба знаем, что это не правда.

— Так кто убил Диану Тернер? — спросил Том. — Джарвис убил и ее?

— Зачем ему нанимать тебя, — внезапно спросила Хелен, — искать Сандру, если она уже мертва, и он ее убил?

— Я думаю об этом, есть лишь одно объяснение. Я ни на минуту не думал, что горюющий отец, так отчаянно желающий найти свою дочь, может быть виновен в ее смерти, — сказал Том, — именно этого он и хотел. Никто не подозревал его: ни полиция, ни пресса, никто из нас. Фрэнк Джарвис идеально замаскировал свои поступки, начал кампанию поиска своей пропавшей дочери, которая, он уже знал, мертва, — он покачал головой, — а я на это купился, как и все. Идиот.

— Это так хладнокровно, — Хелен с неверием покачала головой, — если он убил ее.

— Может быть, он сделал это не сам: может быть, кто-то другой это сделал, но она умерла, потому что Диана рассказала свой секрет Сандре. В этом я уверен. Это было бы слишком большим совпадением.

— Согласен, — сказал Брэдшоу, — так давайте заставим ублюдка попотеть.

Глава 53

Они ехали быстро, и Брэдшоу объяснил им, почему они по пути нарушают все скоростные режимы: — Он может сбежать. Иногда они сбегают, когда их загоняют в угол. Он мог уже сбежать.

— Почему он станет сбегать? — спросила Хелен. — Он не знает, что мы за ним идем.

— Дин позвонил бы Фрэнку Джарвису, как только я увел Келли. Джарвис знает, что меня попросили помочь Тому найти его дочь, так что я сомневаюсь, что он поверит в историю о банде, ворующей в магазинах.

— Я не думаю, что он сбежит, — сказал Том. — Слово уважаемого столпа местного общества будет против слова подростка, у которой проблемы с полицией большую часть ее юности.

— Есть фотография, — напомнил ему Брэдшоу.

— Но он не знает, что она у нас есть. Если бы он знал о фотографии, разве бы он уже ее не нашел?

— Может быть.

Но все еще гнал машину на скорости.

— Давайте, не будем оставлять все на волю случая. Чему я научился, так это тому, что никто наверняка не может знать, как поступит человек под давлением.

Они все подумали об Энни Белл, и никто не возразил Брэдшоу.

***

Они были рады хорошей погоде и отсутствию пробок, что в совокупности сделало их поездку в Ньюкасл легкой. Брэдшоу даже не удосужился припарковаться у дома Фрэнка Джарвиса, он просто остановил машину посреди дороги, и они втроем вышли. Детектив

забарабанил в дверь.

Дверь открыла миссис Джарвис.

— Он дома, миссис Джарвис? — спросил Том.

— Нет.

Она слегка наклонила голову, медлительно рассматривая каждого из них.

— Тогда вы могли бы сказать нам, где он?

Брэдшоу не пытался скрыть от нее свое нетерпение.

Тогда она посмотрела на Тома.

— А где он, вы думаете?

***

Им пришлось оставить машину Брэдшоу у методистской церкви и пешком идти до участков. У Брэдшоу было сильное предчувствие, что Джарвиса там не будет. Он был убежден, что Фрэнк Джарвис знал обо всем, чем они занимались, и сбежал, чтобы никогда не встречаться с ними или правдой. Брэдшоу мысленно готовился к операции поиска, которая последует за исчезновением Фрэнка Джарвиса, когда они завернули за угол и увидели его там, сидящего на лавочке, как будто в мире не было никаких проблем.

— В чем дело? — спросил Джарвис, он мгновенно что-то заподозрил из-за присутствия их всех троих. Может быть, Дин не смог связаться с политиком, чтобы предупредить его, если тот был здесь. Никто не ответил, они просто продолжили свой путь к нему.

Брэдшоу без слов передал ему конверт. Джарвис посмотрел на них в ожидании объяснения, но, когда его не получил, открыл конверт. Он вытащил фотографию, бросил на нее быстрый взгляд, и его глаза расширились от шока. Фотография упала на пол.

— Все кончено, Фрэнк, — сказал ему Брэдшоу. — Мы все знаем.

— Это не я, — удалось произнести Джарвису, но шок увидеть себя на такой фотографии, о существовании которой он, очевидно, не знал, повлиял на его способность убедительно лгать.

— Сколько девушек там ты изнасиловал за годы, Фрэнк? — спросил Том.

— Нет, — ахнул Джарвис, затем он опроверг свое утверждение, что это не он, ткнув в фото коротким и толстым пальцем: — Это подделка.

— У нас есть надежный свидетель, который говорит иначе, — пояснил Брэдшоу, пока Джарвис продолжал все испуганно отрицать, — некто, кто может подтвердить, что вы посещали «Мидоулендс» и долгое время насиловали там девушек.

— Дин — лжец! — закричал Джарвис.

— Лжец? — спросил Брэдшоу. — Один из моих коллег уже в пути, чтобы его арестовать. Что-то подсказывает мне, что Дин, скорее всего, при допросе расколется. Я бы не хотел, чтобы меня прикрывал такой человек, как Дин. Он продаст на раз.

Это казалось невозможным, но Джарвис запаниковал еще сильнее.

— Я ничего не сделал. Это шантаж! Кто-то пытается уничтожить меня! У кого вы взяли эту фотографию? Разве вы не видите, что это подделка?

Они позволили ему бессвязно болтать, отрицания продолжали литься потоком, вперемешку с обвинениями. Он не был педофилом, он ничего не знает о девушках в «Мидоулендс», это шантаж, кто-то пытается его уничтожить. Каждый раз, как он произносил новое взволнованное опровержение, Брэдшоу встречал его хладнокровным, жестким вопросом. Как он может объяснить фотографию? Зачем кому-то хотеть уничтожить мужчину, который уже ушел в отставку? Что на самом деле случилось с его дочерью? Кто

убил Диану Тернер?

Том сделал шаг назад и оставил двух мужчин спорить. Он знал, Джарвис ни за что не признается, а они не приблизились к пониманию того, что произошло с его дочерью. Все то время, что Брэдшоу говорил, Том Карни молчал, даже, когда советник Джарвис стал отчаяннее все отрицать.

Том чувствовал, что они все еще что-то упускают из вида. Каждый раз, как он пытался представить убийство Сандры Джарвис от рук ее отца, весь сценарий в его уме разваливался. Были случаи, когда отцы убивали дочерей, но были крайне редки, казалось, в них всегда отцы теряли контроль над своими дочерьми, не могли принять тот факт, что они отдельные личности, с правом самим принимать свои решения. Но Фрэнк Джарвис ясно обозначил, что поощрял независимость своей дочери и вдохновлял не просто слепо следовать за решениями других. Школьные достижения Сандры, ее успехи в университете, ее работа с детьми из неблагополучных семей, все это говорило о независимой молодой женщине, свободной от оков родителей. Конечно же, если она вступила в конфликт отцом из-за Дианы Тернер и из-за ее знания о фотографии, это могло его шокировать. Разволновавшийся из-за ее обвинений он мог сорваться и... что? Убить собственную плоть и кровь?

Том продолжал возвращаться к этому вопросу. Одной, простой фразе, которая резонировала с ним и противоречила всему: Sandra была плотью и кровью Джарвиса. Вне сомнения немногие мужчины смогут убить свою собственную дочь. Их первым побуждением будет защитить дочь, несмотря на свою безопасность. Том ходил кругами. У Джарвиса был темный секрет: его дочь о нем узнала и сказала ему об этом, затем Джарвис сорвался и... опять же его мысль оборвалась. Как он мог сделать это со своей собственной плотью и кровью?

Эта мысль послужила спусковым крючком памяти, для кое-чего, чем поначалу Том был сбит с толку, так что он отправил это на задворки разума. А теперь оно вырвалось на свободу и он, наконец, все понял.

Теперь он мог представить ее. Безумную пожилую леди, тещу Фрэнка Джарвиса, сидящую в своем кресле с этим хитрым прищуром на старческом лице, когда она сказала Тому: «Она немного куку». Жена Джарвиса резко оборвала ее, чтобы та замолчала. Том тогда ее не понял. Он думал, что она ставит под сомнение психическое здоровье своей внучки, но нет. Он, наконец, понял, что та имела в виду, и туман начал рассеиваться.

— Бог мой, — сказал он вслух, и так как он заговорил впервые, оба мужчины замолчали и повернулись к нему. Том посмотрел Джарвису в глаза и сказал: — Она не твоя.

Он произнес слова тихо, но для Джарвиса они были, как удар.

— Что? — спросил Джарвис, как будто Том сказал нечто нелепое, но его голос дрогнул, этого было достаточно, чтобы его выдать.

— Sandra не ваша дочь, — Том покачал головой из-за их недогадливости, — хоть даже даты и сходятся. Все это время я думал, что та интрижка годы назад была тем, что вы изменили своей жене, но все было наоборот, так ведь? Sandra стала несчастным результатом того, что вы пытались исправить свой брак. Она не была недоношенной. Она была результатом интрижки вашей жены, а не вас.

— Это чертова ложь!

— Разве? Тогда может нам стоит спросить вашу жену?

Фрэнк Джарвис открыл рот, чтобы запротестовать, но не смог придумать ответ.

— Вот почему она пьет? Я не имею в виду, что она чувствует вину, потому что спала с

другим мужчиной и имеет от него дочь. Это явление распространенное. В каждой второй семье есть, по крайней мере, один маленький кукушонок, как ваша теща красноречиво назвала ее. Я подумал, она имела в виду, что ваша дочь ментально нестабильна, но помешанная старушка на самом деле пыталась сказать, что Сандру подкинули в гнездо. Так кем он был, Джарвис?

Но у Джарвиса внезапно закончились все слова. Он поковылял к лавочке и рухнул на нее.

— Будет легко заполнить пробелы. Мы просто спросим вашу жену. Я чертовски уверен, она станет очень общительной, как только мы скажем ей, что вы первый подозреваемый в убийстве ее дочери.

— Заткнись! — завопил политик, гневно вскочив на ноги. — Я все для нее делал! Я был рядом с своей женой, когда многие мужчины не стали бы! Господь всемогущий, она выставила меня дураком!

— Нет, — сказал ему Том, — но выставила бы, если вы ее вышвырнули. Вы не могли тогда развестись, если хотели преуспеть в политике, и вы знаете это. Вам пришлось сохранить семью любой ценой. Вы не были с ней: вы убедили ее быть с вами и дать вашему браку еще один шанс. Ценой, которую вы заплатили, стала дочь, которая была не вашей.

— Я вырастил эту девчонку! Я относился к ней как к собственной дочери. Я закрыл глаза на все, что сделала моя жена.

— Но вас это не заботило, так ведь, Фрэнк? Вас не волновало, когда она куда-то уходила за тем, чего вы не могли дать ей, — Том покачал головой. — Сколько ей было: семнадцать или восемнадцать, когда вы начали с ней встречаться? Она уже была слишком старой. Вы проявляете интерес только, если они очень молоды, и ваше наслаждение гораздо сильнее, если они сопротивляются. Боже, ваша жена, должно быть, так одинока.

— Закрой рот, — зашипел Джарвис.

— Всю дорогу сюда я продолжал думать, он не мог этого сделать. Он не мог убить свою собственную дочь. Ах, я знал, что вы сделали с Дианой и Келли, и Бог знает, со сколькими девушками еще, но я продолжал твердить себе, что убийство Сандры было противоестественно. Правда в том, что вы могли убить дочь другого мужчины, когда она стала угрожать уничтожить вас — а Сандра никогда бы не подумала, что все так выйдет, потому что она не знала, что не ваша дочь, верно? Бедная девочка повернулась к вам спиной, Фрэнк? Так все произошло?

— Заткнись, — произнес он снова.

— Когда вы убили ее? Во время спора здесь, или позже? Мы знаем, что она не покидала Ньюкасл. Та фотография была подделкой. Когда мы узнаем, какой коррумпированный коп опознал девушку на железнодорожной станции, как вашу дочь и повел по ложному следу расследование по пропавшему человеку, его тоже арестуют. Может, у него есть, что рассказать. Вероятно, он пойдет на сделку.

— Что вы сделали с телом? — спросил Том. — Как вы от него избавились?

А затем Том вспомнил кое-что еще, то, что кое-кто ему рассказал перед его первой встречей с Фрэнком Джарвисом.

— Она не уходила, Фрэнк?

Он огляделся на участке.

— Вот почему старый Гарри в тот день не видел, чтобы она спускалась вниз. Вы убили ее здесь, так ведь?

— Заткнись! — заревел он. — Просто заткнись, Бога ради.

— Нет, Фрэнк, я не заткнусь. Гарри поймал вас, верно? Вы не видели, как он поднялся наверх, пока вы копали могилу для Сандры. Вы запаниковали и сказали ему, что это для вашей картошки, но сезон был не тот. Гарри подумал, что вы плохой садовник, но вы были так горды, что сами выращиваете все овощи, что не могли ошибиться. Было ли тело Сандры в сарае? Вы во что-то его завернули и похоронили ее здесь? Готов поспорить, что так, и Гарри сможет сказать нам, где именно, да?

— Я сейчас вызову сюда команду, — сказал ему Брэдшоу. — Если вам есть, что сказать, любые признания, которые вы хотите дать, прежде чем все случится, тогда самое время.

Джарвис медленно снова повернулся к лавочке и сел.

Как угодно, Джарвис, — сказал Брэдшоу. — Ты теперь сам по себе.

— Хорошо, — устало произнес Джарвис, — я расскажу вам. Я все вам расскажу.

Глава 54

Том, Хелен и Брэдшоу встали полукругом вокруг Джарвиса.

— Где она? — спросил Том, и советник ответил, показав на участок взрыхленной земли, где кроме сорняков ничего не росло.

— Что произошло? — спросил Брэдшоу.

— Вы можете рассказать это нам, — сообщила ему Хелен, — мы знаем уже почти все.

— Я сидел здесь в тот день, — начал он, — когда Сандра примчалась ко мне. Она была зла. Она сказала, что знает о Диане Тернер. Я даже не знал, о ком она говорит.

— Вы никогда не интересовались их именами, — сказал Том.

— Я не хочу знать их имена, — поправил его Джарвис.

— От этого они станут реальными, — зло прошипела слова Хелен.

— Сандра сказала, что все обо мне знает, — поведал он. — Она называла меня всякими ужасными словами, использовала слова, которых я от нее никогда не слышал.

— И, конечно же, вы все отрицали, — спросил Том.

— Какой выбор у меня был? — посчитал Джарвис, — но Сандра не поверила мне. Она сказала, это правда, она заставила эту девушку, Диану, все обо мне рассказать. Она сказала, что они посадят меня. Я не думал, что она способна на такую сильную ненависть. Я пытался объяснить перед ней. Девушки в «Мидоулендс» не такие, как обычные девушки.

— Готов поспорить, что ей это не понравилось, — сказал Том.

— Она продолжала твердить, что Диана была невинной.

Он покачал головой.

— Я сказал ей, что она была далека от невинности.

— Почему Сандра просто не пошла в полицию и не рассказала о вас?

— Она хотела, чтобы я во всем сознался. Сандра сказала мне, я должен пойти в полицию и рассказать им, что я сделал. Если я не пойду, она приведет ту девушку, которая всему миру об этом расскажет. Никто не поверит такой девушке, но, если моя собственная дочь будет ее поддерживать, когда она будет об этом рассказывать... они подумают, что я педофил и насильник.

Джарвис фыркнул от абсурдности подобного.

— Ну, вы и есть, — сказала Хелен.

— Я не педофил! — взъярился он, — я никогда не причинял вреда невинным детям.

— Но вы насильовали несовершеннолетних подростков, — тихо сказал Том.

— Если вы думаете, что я первый мужчина, лежавший с этой Дианой, тогда вы чертов дурак. Она была с дюжиной мужчин.

— Так от этого все в порядке? Мы знаем, что вы насильовали ее, когда ей было пятнадцать. Она, вероятно, была намного моложе, когда вы это начали.

— О, да ладно вам! Вы продолжаете называть это насиллием, а это далеко от него. Они переспят с вами за пачку сигарет!

— Да что с тобой не так? — спросил Брэдшоу. — Они просто дети.

— У меня есть слабость, — признался Джарвис, — вот и все.

— Слабость к молодым девочкам? — спросила Хелен, и он кивнул.

— Вы сказали об этом своей дочери? — спросил Том. — Потому что предположу, что она не поняла этого так же, как и мы.

— Она не поняла, — сказал Джарвис. — Она сказала мне, что уничтожит меня, сказала, что стыдится меня, сказала мне, что больше я ей не отец. Я мог бы рассмеяться при этих словах. Я никогда не был ее отцом.

— И поэтому вы смогли убить ее, — сказал Том.

— У меня не было выбора! — заревел Джарвис. — Она не оставила мне выбора!

— Всегда есть выбор, — сказала Хелен. — Вы могли дать ей уйти.

— Могли совершить самоубийство, — заметил Брэдшоу.

— Что произошло? — спросил Том.

— Она сказала, что намеревалась, а затем попыталась уйти.

Джарвис говорил так тихо, что его было почти неслышно.

— Я знал, что не могу ей этого позволить. Она повернулась ко мне спиной, так что я схватил это.

И он оглянулся на большую лопату, торчащую из земли неподалеку. Они все на нее посмотрели.

— И ударил ее.

— Вы ударили ее по голове? — спросил Брэдшоу.

Джарвис кивнул.

— От этого она умерла?

Джарвис кивнул снова.

— Затем вы похоронили ее здесь и начали заметать следы по-крупному, — заметил Том, — но вы не могли сделать этого в одиночку. Вы были в глубочайшем дерьме, Фрэнк, и вам был нужен влиятельный друг. Это должен был быть тот, кто знал людей, кто-то, кто мог по всему городу устроить ложные сообщения, что вашу дочь видели, чтобы никто не знал, что последний раз она была жива здесь с вами. У него даже мог быть коррумпированный детектив, который сказал бы, что обнаружил Сандру на видеозаписи с железнодорожной станции. Важнее всего, вам был нужен кто-то, кто может найти Диану Тернер и заставить ее исчезнуть.

— Я не знал, что делать... — запротестовал он.

— Что еще вы могли сделать, — спросил Том, — кроме как пойти и увидеться с кое-кем, кого знали всю жизнь, и который не возражал против вашей грязной работы: Джимми Маккри?

— Больше не было никого, кто мог...

— Убрать за вами беспорядок? — спросил Брэдшоу.

— Где он нашел Диану? — спросил Том.

— Это было легко, — сказал Джарвис. — Она была в комнате моей дочери в Дареме. Там больше никого не было, потому что это была неделя подготовки к экзаменам.

— Так значит, она была одна, когда они ее схватили, — спросила Хелен, — бедняжка.

— У нее не было и шанса, — сказал Том, — так ведь?

— Я не знал, что они собираются...

— Убить ее? — зло спросила Хелен. — Что вы думали, они сделают?

— Я не знаю, — сказал Джарвис. — Я просто хотел, чтобы все это закончилось.

— Вы знали, — сказал Брэдшоу. — Пока Диана была бы жива, она была бы ходячей, говорящей угрозой для вас и связью с Сандрой. Когда вы вовлекли в дело Джимми Маккри, вы знали, что результат может быть только один.

— Вы заплатили ему? — спросил Том, и Джарвис покачал головой. — Нет, вам не пришлось. Вы просто ушли с поста главы совета, забросили дела комитета по планированию и тендер по Риверсайду. Затем вы назначили Джо Линча своим преемником, потому что он уже был проплачен Маккри. Именно так Маккри удалось войти в контакт с Аланом Кэмфилдом. Он привел главу городского совета с собой. Ваша отставка была ценой, которую вы заплатили, чтобы за вами убрали беспорядок, не так ли?

— Он заставил меня сделать это. У меня не было выбора.

— Так что городом стал заправлять Джо Линч.

— Это не моя вина. Маккри настаивал на этом. Джо Линч коррумпирован, я пытался вывести его на чистую воду.

— Вы не произнесли против него ни слова, с тех пор как он стал главой совета, — сказала Хелен.

Джарвис посмотрел на Хелен, как будто та была глупой.

— Кто как вы думаете, присылал вам наводки на Линча?

У Хелен прошелся мороз по коже, потому что она знала, что ей манипулировали.

— Я люблю этот город, а Линч не достоин его, так что я помогал вам со статьями, а они нанесли ему серьезный урон.

— Линч может быть плохим человеком, — сказал ему Брэдшоу, — но насколько я знаю, он не просил Джимми Маккри убить молодую девушку.

Джарвис покачал головой.

— У нас никогда не было такого разговора. Он сказал, что убедится, что девушка никогда не скажет против меня и слова. Я подумал, что он может заплатить ей или...

— Вы знали, что он не станет этого делать, — сказал Брэдшоу.

— Что насчет фотографии? — спросил Том. — Вы пытались ее получить?

— Я ничего о ней не знал. Не знал, что эта фотография существует.

Сандра, должно быть, оставила ее своим козырем, на случай, если вы не сознаетесь. Маккри убил Диану Тернер, прежде чем та смогла рассказать о фотографии, — сказал Том, — но кто-то, должно быть, узнал, кто ее лучшая подруга, чтобы присылать Келли поддельные открытки из Лондона, и никто бы не заподозрил, что Диана мертва.

— Затем вы начали кампанию по поиску своей дочери, — сказал Том. — Я должен признаться вам, Фрэнк — с какими бы циничными, бездушными, хладнокровными экземплярами я не встречался за жизнь, вы взяли главный приз.

— Я... — начал он.

— Если вы еще раз скажете нам, что у вас не было выбора, Боже, помоги мне...

Том сжал кулак.

Джарвис покачал головой.

— Разве вы не видите, я сделал лишь то, что должен был сделать, ведь Сандра и правда исчезла. Вот и все.

— Чтобы оказаться вне подозрений? — спросил Брэдшоу.

— Если бы я сидел и ничего не делал, все бы задавались вопросом, почему. Мне пришлось уйти в отставку, потому что Маккри заставил меня, но эта кампания была причиной, по которой я мог бы уйти с поста главы совета.

— Так что никто бы не заподозрил, что до вас добрались, — сказала Хелен, — и никто не предположил бы, что вы убили свою дочь.

— Убийство одной девушки в состоянии аффекта ужасно, — сказал ему Брэдшоу. — Вы получите за это пожизненное, но это может и не значить всю жизнь, — сказал он советнику, и Том сразу же вспомнил о Ричарде Белле и его сроке. — А вот убийство другой девушки...

— Но это был не я, — запротестовал Джарвис, — это Маккри.

— Только потому, что вы попросили его, — сказал Брэдшоу. — Глава совета в его кармане? Для Большого Джимми, должно быть, наступило Рождество. Однако он не будет счастлив, когда услышит о вашем аресте за убийство, Фрэнк, потому что единственное, что вам осталось, пойти на сделку.

— Сделку? — Хелен была в шоке. — Он не заслуживает никаких сделок.

Она ткнула пальцем в обезумевшего советника.

— Он чертов убийца!

— Как и Джимми Маккри, — сказал ей Брэдшоу, — я хочу получить их обоих.

Джарвис, казалось, вернулся в реальность при упоминании ярости Маккри.

— Я хочу адвоката. Я больше ничего не скажу.

— Ты получишь адвоката, — сказал ему Брэдшоу. — Они будут стоять в очереди за таким громким делом.

Он повернулся к Хелен и Тому.

— Я думаю, мы закончили здесь. Я сделаю звонок, — он посмотрел на место, где была захоронена Сандра Джарвис, — и вызову сюда команду.

— Зачитай ему его права, — сказал Том Брэдшоу, — а затем отведи вниз по холму.

На этих словах, Том повернулся и сам пошел вниз по холму.

— Куда ты идешь? — спросила Хелен.

Том обернулся.

— Я? Я иду вперед и стану стучать в каждую дверь. Я собираюсь сказать всем выйти и лицезреть, как Фрэнка Джарвиса поведут в наручниках.

— Нет, — взмолился Джарвис, — пожалуйста. Я умоляю вас.

— Пошел ты, — сказал ему Том и продолжил идти.

Фрэнк Джарвис в этот момент выглядел полностью уничтоженным, так что Хелен сказала ему:

— Ты этого заслуживаешь.

Ее нашли быстро. Сандра была похоронена как раз там, куда показал Фрэнк Джарвис. Команда убрала слой почвы и обнаружила тело в стадии сильного разложения, завернутое в пластик, на глубине нескольких футов.

Сандра Джарвис больше не была пропавшей.

Новости о том, что Фрэнк Джарвис был арестован по подозрению в убийстве собственной дочери, по городу распространились быстро. Джимми Маккри уже вскоре оповестил один из его контактов в полиции, но он не сбежал. Может быть, он посчитал, что снова сможет выйти сухим из воды. Возможно, он подумал, что Джарвис будет слишком напуган, чтобы идти на сделку с полицией, или Маккри сможет заставить советника замолчать раньше. Может быть, он просто не хотел скрываться на Коста-дель-Соль всю свою жизнь. В любом случае, они, когда выбили дверь, обнаружили его спокойно сидящим в кресле.

Полиция приняла привычные меры предосторожности, но толпа, собравшаяся в тот день перед домом Маккри, была странно притихшей, пока они наблюдали, как лидера их сообщества уводят в наручниках. Они привыкли наблюдать за тем, как его арестовывают, когда жестоко избит конкурент или даже убит, но по всеобщему мнению, он просто защищал свою территорию от других. Если вы были достаточно глупы, чтобы попытаться сразиться с Большим Джимми, вы напрашивались на неприятности и, по крайней мере, Маккри был одним из них, что частично объясняло привычную враждебность в отношении полиции, когда они пришли арестовать его.

Но не в этот раз. Пошли слухи, что Маккри пошел на некую сделку с местным политиком. Тех здесь презирали почти так же, как и полицию. На улицах шептались, что две молодые девушки стали в этот раз жертвами, и сообщество содрогнулось.

Вот тебе и Робин Гуд.

Йен Брэдшоу стоял на тротуаре у дома Маккри, когда того уводили. Его пригласили пообщаться рядом его коллеги из полиции Нортумбрии, так как он принес им его голову, и ни за что бы он не упустил такой возможности посмотреть, как Джимми Маккри окажется в наручниках.

Маккри остановился, когда увидел Брэдшоу.

— Снова ты?

— Твоя удача, наконец, закончилась, Джимми.

— Посмотрим, — возразил большой мужчина, но теперь он уже не выглядел таким уверенным в этом. Два крепких офицера, сопровождающих Маккри, утащили его прочь.

После того, как он ушел, Брэдшоу услышал, как пожилая леди шепчет своей соседке:

— Они сказали, что одна из них была совсем ребенком, — и печально покачала головой из-за этого мира. Брэдшоу знал, что неважно, что произойдет в зале суда, Джимми Маккри больше не будет наслаждаться индульгенцией от сообщества, которое, наконец, узнало, кого они защищали.

Это был очень длинный день. Грэхем Ситон курировал публикацию самого крупного выпуска газеты в этом году. Он получил несколько звонков от других новостных агентств со всей страны, отчаянно желающих получить внутреннюю информацию по серии потрясающих статей, написанных Хелен Нортон. Газета посвятила несколько страниц

нескольким связанным статьям.

Тело Сандры Джарвис было обнаружено на участке земли не так далеко от ее дома, мужчина арестован по подозрению в убийстве. Этот мужчина был ее собственным отцом и бывшим главой городского совета. Если этого было мало, то полиция совершила рейд в приют «Мидоулендс», где Сандра работала в качестве волонтера, и в ряд других мест на районе, включая винно-водочный, бургер-бар и стоянку такси. Всего было арестовано тринадцать мужчин, включая мужчину социального работника из «Мидоулендс». Девушки были перевезены ради их собственной безопасности в другое место, и были слухи, что «Мидоулендс» собираются закрыть.

В отдельной статье Хелен сообщала об аресте хорошо-известного местного бизнесмена Джимми Маккри по подозрению во втором убийстве, связанном с неопознанным телом с обожженным лицом, найденным на свалке, на окраине города. Читателям с радостью напомнили, что охранная фирма Маккри была частью нынешней заявки Алана Кэмфилда на тендер в Риверсайде, и оба мужчины недавно встречались с советником Джо Линчем в ресторане в центре города.

Хелен и Грэхему удалось написать каждую статью так, чтобы читатели не сомневались, что все эти события взаимосвязаны. Издание представляло собой хронику преступлений и коррупции на высоком уровне, которое стало основой для радио и телевидения по всему региону и за его пределами.

Грэхем покинул офис этим вечером позднее обычного, но с гордостью от проделанной работы. Он был вымотан, но его ум гудел. Он был в таком состоянии, которое он бы описал как «наэлектризованное». В этом и был журнализм. Ситон даже позволил себе помечтать о вероятном получении награды за освещение событий, пока выводил машину с парковки.

Ему было жаль, что сегодня вечером он не увидит своих детей, его жена уложила их спать несколько часов назад, но она поймет. Ему удалось совершить короткий телефонный звонок домой, чтобы объяснить ей все, но ему пришлось оборвать ее на полуслове, чтобы принять еще один звонок из лондонского таблоида, желающего услышать его точку зрения о ситуации, в обмен на упоминание, которое хорошо отразится на нем и его газете. У него даже не было времени завершить звонок привычным: «Люблю тебя».

Когда это произошло, он находился на двухполосной дороге, ведущей на север. В тот момент он размышлял, как его карьера взлетит вверх. Каждая газета в стране сообщала об их эксклюзиве, и он, наконец, чувствовал себя реабилитированным. Хелен Нортон тоже заслуживала похвалы. Она проделала отличную работу, и он видел ее в качестве будущего главного редактора газеты.

То было последней его мыслью, когда в него врезалась другая машина. Ситон даже не видел ее до самого последнего момента, потому что она на огромной скорости приблизилась к его машине с внутренней полосы, и, когда она ударила его по центру машины, то послала ее на встречу.

Впоследствии, было много разговоров о том, что водителю другой машины не удалось затормозить. На этом участке дороги не было видеокамер, так что автомобиль, который в него врезался, невозможно было отследить. А несчастный случай, потому что его официально классифицировали как несчастный случай ввиду отсутствия конкретных доказательств, указывающих на обратное: произошел на участке двухполосной дороги, где отсутствовали разделительные барьеры по центру. Машина Грэхема Ситона неконтролируемо понеслась на другую полосу, не встретив по пути сопротивления, а затем в

нее врезалась машина, движущаяся на скорости восемьдесят миль в час в противоположном направлении.

Другой водитель погиб мгновенно, в то время как три человека во второй машине, зацепившей вращающиеся обломки машины Ситона, отделались серьезными, меняющими жизнь травмами, но никто из них впоследствии не смог предоставить полиции так уж много информации, так как все произошло слишком быстро.

Машина Ситона перевернулась дважды, а зачем врезалась в дерево на другой стороне дороги. Все, включая его ближайших друзей и семью, молились, чтобы он умер мгновенно, когда столкнулся с другой машиной, а не тогда, когда разлитый бензин воспламенился, и пламя объело всю машину, поглощая все внутри и обугливая.

Хелен опаздывала, но у нее была на то причина. Она была у вдовы Грэхема Ситона, которая выглядела, как пустая оболочка, внутри которой ничего не осталось, кроме боли. Она заскочила к ней домой из уважения к Грэхему и чувства долга перед его женой, которую она никогда не видела. Она подумала, что предложив немного слов восхищения своим бывшим редактором, может немного утешить его жену, но почти сразу же пожалела о своем визите.

Хоть горе Хелен из-за ужасной, преждевременной смерти бедного Грэхема не шла ни в какое сравнение с горем его жены, оно все еще сильно жгло ее все эти дни после новостей о так называемом несчастном случае, о котором упоминалось во всех газетах. Теперь она поняла, что не может произнести ничего стоящего, так как все, чего она хотела, выразить свой гнев мужчинам, которые убили его, и ярость из-за такой несправедливости. Вместо этого она выпила одну чашку чая с опустошенной горем женщиной и закончила банальностями о том, как горды будут его дети, когда достаточно подрастут, чтобы понять, чем занимался по жизни их отец.

— Они предпочли бы вернуть своего отца, — отрезала его жена.

— Конечно, — сказала Хелен, — мне жаль.

После этих слов она ушла так быстро, насколько позволяли приличия.

Когда она ехала назад, у нее возникло ужасное чувство, что миссис Ситон подозревала, что Хелен и ее муж могли быть больше, чем просто коллегами, но как, черт возьми, она могла разубедить в этом вдову, не показавшись бестактной? В любом случае, решение заскочить туда было неудачным, и внезапно слезы, которые она из-за шока так и не пролила, впервые узнав о смерти Грэхема, наконец, потекли. Ей пришлось завернуть к обочине и в открытую рыдать, пока она не выплакалась.

Все это значило, что она сильно опоздала, когда припарковалась в специальном месте снаружи своей новой арендованной квартиры и вышла из машины. Она примет быстрый душ, переоденется и снова поедет, пока не слишком поздно. Она почти дошла до своей входной двери, когда заметила записку, которая была сложена и приколоты к дереву булавкой. Она огляделась, но поблизости никого не было.

Хелен выгатила булавку, и записка упала на пол. Она подняла ее, раскрыла бумагу и прочитала слова.

РОЗЫ КРАСНЫЕ, ФИАЛКИ СИНИЕ

ТВОЙ РЕДАКТОР СГОРЕЛ

ТЕПЕРЬ МЫ ИДЕМ ЗА ТОБОЙ

***

— Старший инспектор Кейн шлет свои наилучшие пожелания, — сказал Брэдшоу, вручая Тому пинту. — Какого черта они сотворили с этим местом?

— Мексиканская тематика, динозавры в саду, драже в баре.

Том отмахнулся.

— Так Кейн, на самом деле, шлет свои наилучшие пожелания, или ты это придумал?

— Шлет.

— Я думал, что ты и я оба сейчас персоны нон грата.

— Ну, мы навлекли на него горы бумажной работы, — признался Брэдшоу, — и он

сказал, что мы оба боль в заднице, но мы раскрыли исчезновение Сандры Джарвис и дело обожженной девушки. Джимми Маккри находится за это под стражей, что само по себе крупная победа, и он там и останется, если Фрэнк Джарвис даст против него показания.

— Что насчет Энни Белл?

— Я пытался не упоминать ее имя рядом с Кейном, — сказал Брэдшоу. — Кажется, на его настроении сказывается, что каждый журналист в стране напоминает ему, что он отправил не того человека в тюрьму, но все могло быть хуже. Они могли спросить, кто тот бобби, который позволил женочке Фрэнка Джарвиса уйти от обвинений в вождении в нетрезвом виде двадцать лет назад, — и он внимательно посмотрел на Тома. — Ты же знаешь?

— Догадываюсь, — признался Том, — ты тоже узнал.

Брэдшоу покачал головой.

— Он рассказал мне. Он сказал, что был тогда зеленым новичком, и тогда ничего нельзя было сделать, не спросив разрешения у вышестоящих. Он видел Фрэнка Джарвиса в местных новостях, видел имя миссис Джарвис на ее правах, и спросил, имеет ли она к нему отношение. Зачем он сообщил о происшествии, и старшие сказали ему отпустить ее и подвезти до дома.

— Затем внезапно у него появились друзья в высоких кругах.

— Так все работало в семидесятых, но я все еще думаю, что Кейн не коррупционер, не совсем. Ты, должно быть, тоже так думаешь, или не молчал бы об этом.

Том пожал плечами.

— Никого это не интересует. Они хотят читать об убийствах и коррупции на самом высоком уровне.

— Верно, — сказал Брэдшоу, но он не казался убежденным. — Говоря о хорошем, как там Хелен?

— Уехала, — сказал он.

— О.

— Нашла квартиру и съехала пару дней назад.

— Мне жаль слышать это, — произнес Брэдшоу. — Должно быть, тебе нравилось, когда она была рядом.

— Мой дом был слегка многолюдным, — ответил он. Чтобы поменять тему, Том спросил: — Как Карен?

— Тоже уехала.

Настала очередь Тома удивляться.

— О.

— Все хорошо, — Брэдшоу отпил от своей пинты, — это было мое решение.

— Ладно.

— Конечно, все парни в участке думают, что я тупой или гей, но нельзя иметь все.

— По крайней мере, ты получил свободу, — заметил Том. — Как она это восприняла?

— Не очень, — признался Брэдшоу, — но она забрала все свои вещи, переехала к родителям и теперь снова встречается со своим бывшим.

— Ты гляди, — сказал Том, — как быстро.

— Карен не нравится быть одной, — заметил Брэдшоу, — а он ошивался поблизости. — Я рад за нее.

— Правда?

— Нет, не совсем, — признался Брэдшоу. — Я пару раз просыпался ночью в панике, гадая, поступил ли я правильно. Один раз я почти ей позвонил...

— Затем ты понял, что на самом деле не хочешь, чтобы она вернулась.

— Да.

— Я считаю, что тебе нравилась идея быть с ней, больше чем сама реальность, вот и все.

Брэдшоу на мгновение задумался.

— Знаешь, это, вероятно, такое же хорошее объяснение, как и то, к которому пришел я.

Затем в паб вошла Хелен, и они перенесли свои напитки за столик у окна и сели.

— Ты в порядке? — спросил Том.

— Нет, — достаточно спокойно ответила она.

Он понял, что это глупый вопрос. Как он думал, она будет себя чувствовать, когда ее редактора убили?

— Я пошла увидеться с его бедной женой...

Она не закончила предложение.

— Похороны в понедельник.

— Я там буду, — сказал ей Том, и она с благодарностью пожала ему плечо.

— Твоя газета организовала для тебя что-нибудь? — спросил Брэдшоу, и, когда она не поняла, что он имел в виду, он пояснил: — Защиту. Грэхем был редактором, но ты написала те статьи.

— А, — произнесла она. — Ну, они попросили меня не приходить какое-то время, так что полагаю это не снятие с должности, в некотором смысле садовый отпуск.

— Это все, что они сделали? — спросил Том.

— Я думаю, они все там в шоке, — объяснила Хелен. — Они никогда не сталкивались с подобной ситуацией. Полагаю, они думают, что я несу за это ответственность.

Том разозлился.

— Это нелепо.

— Нет, это правда. Я несу ответственность. Как ты и сказал, Йен, я написала те статьи.

— Я не имел в виду...

Она подняла руку.

— Знаю, что не имел. Я просто говорю, что, если бы я не написала те статьи, Грэхем был бы все еще жив, и мне придется с этим жить.

— Вот опять, — произнес Том, — виним всех, но не тех, кто реально совершил убийство.

— Все в порядке, — сказала она. — В любом случае, я не уверена, что хочу туда возвращаться.

Она невесело улыбнулась.

— Я надеюсь, что у вас двоих есть новости получше.

— Не совсем. Я сегодня снова видел Ричарда Белла, — сказал им Том.

— Как он? — спросила она.

— Не очень. Он даже говорит о том, что не хочет выходить на свободу.

— Что? — Хелен была в шоке. — Но он этого не делал, и все это знают. Энни призналась!

— Говорит, что ему, так или иначе, все равно. Он все еще винит себя за смерть Энни и Ребекки, и считает, что заслуживает все, что с ним происходит. Он думает, что, в любом

случае, пройдут месяцы, прежде чем его заявку на апелляцию рассмотрят, возможно, годы, и он в основном цеплялся за свою невиновность, потому что не хотел, чтобы его маленькие девочки верили в то, что он убийца. Теперь он думает, что может быть, так было бы лучше, чем знать, что убийца их мать, так что он попал в новую дилемму. Его юристы не помогают.

— Я думал, что они из кожи вон вылезут, чтобы его выпустили.

— Они думают, что могут встретиться с заявлением, что Энни была в состоянии депрессии и суицидальных мыслей, так что, может быть, она захотела взять вину на себя, чтобы мужчину, которого она любила, выпустили из тюрьмы. Вот почему она позволила записать свое признание.

— Но это смехотворно.

— Хелен, я взял ее на блеф. Она подумала, что есть свидетель, но его не было, по крайней мере, надежного. Она подумала, что полиция придет ее арестовать, но они не пришли. Мы могли бы добиться с ней прогресса, если бы Йен отвел ее на допрос, но она убила себя.

— Разве это не доказательство виноватой совести?

— Это лишь показывает, что она была не в себе, что не помогает делу.

— Что насчет парковочного штрафа?

— Он припарковал там машину и поехал на ней, чтобы встретиться со своей любовницей, а затем убил ее. Она тихо заплатила штраф, чтобы скрыть доказательство его вины.

— Но это безумие!

— Это то, что любой, достойный своей профессии адвокат, скажет судье, — сказал Том. — Ричард Белл не спешит. Нет никакой реальной причины возобновлять дело.

Бармен позвал Йена Брэдшоу к телефону, к которому он пошел, бормоча про себя, что был достаточно глуп, чтобы сказать людям, что собирается в паб, имея в виду старшего инспектора Кейна.

— Ричард Белл столкнулся с довольно тяжелым выбором. Таким, которому я не позавидую, — сказал Том. — Продолжать отрицать вину, и мотай двадцатичетырехлетний срок, к этому времени его дети вырастут и забудут его, рискнуть всем, подав новую апелляцию или признать, что он совершил это, даже хоть мы все знаем, что он этого не делал, и надеяться выйти через шесть или семь лет. Тогда опять же у него не будет работы и дома, и нет никакой гарантии, что ему позволят увидеть своих детей.

— Кто за ними присматривает?

— Отец Энни, который, вероятно, очень желает увидеть, как его зять страдает, так как он, вероятно, винит Ричарда в смерти своей дочери. Ты и правда думаешь, что он позволит мужику увидеться со своими внучками?

— Но у него есть права, как их отца.

— Подозреваю, что эти права подпорчены тем фактом, что он осужденный убийца. Определенно, их можно оспорить, сказав, что его детям небезопасно рядом с ним находиться.

— Он это знает?

— Мы говорили об этом, да, но я не думаю, что у него остались силы бороться.

— Но он невиновен, — запротестовала она.

— Я так и сказал.

— А что сказал он?

— Мы все в чем-либо виноваты.

Брэдшоу вновь присоединился к ним, его лицо было побелевшим.

— Ты в порядке? — спросила Хелен.

— Не совсем. Мне только что сообщили кое-какие новости, вам они не понравятся.

Том не помнил, когда получал хорошие новости.

— Продолжай.

— Дело в советнике Джарвисе, — сказал Брэдшоу. — Я не смогу этого смягчить, так что скажу, как есть, — он задержал дыхание. — Он мертв.

— Мертв? — спросила Хелен. — Как?

— Найден повешенным в своей камере.

— Он совершил самоубийство? — спросила она детектива.

— Сомневаюсь в этом, — ответил Брэдшоу.

— Это был не суицид, — отрезал Том. — Он был убит, чтобы его заткнуть, как и твой редактор.

— Его нашли охранники, — сказал Брэдшоу, — с простынями, завязанными в узлы вокруг его шеи, а другой конец был привязан к металлической перекладине у окна.

— Кто-нибудь верит, что это был суицид? — спросила Хелен.

— Многие хотят в это верить, — признался детектив. — Это было бы намного удобнее.

— Так кто это сделал? — спросила Хелен. — Маккри?

— У кого еще были там связи? — спросил Том. — И что теперь будет с твоим делом против Джимми Маккри?

— От него остались одни клочья, — признался Брэдшоу. — Единственное доказательство, которое у нас есть, связывающее Джимми Маккри напрямую с убийством Дианы Тернер — Фрэнк Джарвис, который больше не может давать показания. Адвокаты Маккри уже подали прошение о его освобождении из заключения. Они все время говорят, что заявления Джарвиса были смехотворной попыткой избежать полной ответственности за убийство его дочери и, что их клиент ничего не знает о другой девушке. Королевская Уголовная Прокуратура не сможет его сейчас прижать.

— Так он выйдет сухим из воды? — спросила Хелен.

— Не совсем, — сказал Брэдшоу. — Мы собрали на Джимми довольно большое досье за все эти годы, а его недавний арест по подозрению в убийстве предоставил нам новые ордера на обыск его дома и ряд других, связанных с ним мест.

— Что вы нашли? — спросила она.

— Там достаточно, чтобы выдвинуть обвинения в отмывании денег и нелегальном владении огнестрельным оружием, как минимум, плюс уклонение от уплаты налогов и хранение небольшого количества наркотиков класса «А», но недостаточно, чтобы обвинить его в продаже. Он, вероятно, отсидит несколько лет, если признает вину.

— Он сделает это с улыбкой на лице, теперь, когда только что избежал пожизненного, — прокомментировал Том.

— Но это будет его первым признанием в криминале. Это будет стоить его новому охранному бизнесу кучи денег. Алан Кэмфилд уже отвернулся от него и вышел из тендера по Риверсайду, чтобы они могли начать все с начала без него. Джо Линч тоже уязвим. Ему придется уйти в отставку с поста главы совета, потому что все в открытую говорят о том, насколько он коррумпирован. Все еще далеко от завершения. Каждый офицер полиции на северо-востоке согласен, что Джимми Маккри теперь на первом месте в нашем приоритете,

и однажды он проколется. Мы будем ждать этого момента.

— А пока ему сходит с рук убийство, — произнесла Хелен.

— Поверь мне, меня это так же бесит, как и тебя, Хелен, но мы ничего не можем с этим сделать.

— Есть кое-что, что я могу сделать, — сказал Том им обоим. — Я собираюсь об этом написать. Я собираюсь рассказать об этом всем так, что никто, черт возьми, не сможет это проигнорировать. Я расскажу историю мужчины, который гниет в тюрьме, даже хоть это его жена убила его любовницу. Я собираюсь рассказать миру о политике, который бросил свой пост, чтобы охотиться на молодых девушек, в которую никто не верил. Я напишу об его убитой дочери, как его вынудили окончить его политическую карьеру и, кто выиграл от этого, затем я скажу, как, черт возьми, это было удобно для всех, когда его нашли мертвым в камере.

— Тебе все равно, кого ты расстроишь? — спросил Брэдшоу, но сейчас улыбался.

— У меня все еще есть контакты, которые любят такие истории. Будут главные заголовки на первых полосах некоторых очень крупных газет, и некоторым людям это не понравится, — согласился Том, — но к тому времени, как я закончу, будут дюжины других репортеров, задающих очень неловкие вопросы Алану Кэмфилду, Джо Линчу и Джимми Маккри.

Когда Том закончил, Брэдшоу внимательно на него посмотрел.

— Мне нравится, как это звучит.

— Сила прессы, — сказал Том, — и, нет, я не ожидаю, что изменю мир, даже не его маленький кусочек, но это начало.

— Я бы хотела помочь тебе, — сказала ему Хелен, — но мне может понадобится сменить адрес, — и она передала ему записку, которая была приколоты к ее двери.

Он прочитал ее, а затем отдал Брэдшоу.

— Ты уверена в этом? — спросил Том. — Они уже нацелились на тебя.

— Так я могу дать им отпор. Ты все еще ищешь жильца?

— Больше нет. Комната твоя.

— Так напечатай и будь проклят? — спросила его Хелен.

— Напечатай и будь проклят, — выразительно произнес он, и Хелен засмеялась. Она знала, что в этот раз, они оба имели это в виду.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net